

СЕРГЕЙ АРНО

Espresso Entertainment

ОТЕЦ
МОНСТРОВ

По ночам, когда почтенные жители Амстердама спят, а по улицам шатаются лишь подвыпившие повесы, женщины легкого поведения да разбойный люд, работал судебный медик Фредерик Рюйш... Он изобрёл уникальный способ бальзамирования трупов. Считалось, что эту тайну Рюйш унес в могилу, но оказывается жива она и по сей день. Не удивляйтесь, если, после посещения музея восковых фигур, с вами начнут происходить кошмарные и невероятные вещи.

Два внецикловых романа:

Сергей Арно. Отец монстров (роман)

Сергей Арно. Роман о любви (роман)

Сергей Арно

Отец монстров. Роман о любви

Глава 1

СТРАШНЫЙ ДОМ

*Последние слова:
— Только один человек меня понял...
Да и тот меня понял превратно.*

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Амстердам, год 1680

Интерес публики к анатомии в конце XVII века в Европе был огромен. Обыватели платили немалые деньги за посещение анатомического театра, где на их глазах вскрывали трупы людей, демонстрируя внутренние органы, опухоли, доставая из печени или желчного пузыря камни, показывая мозг умершего... Дамы... да и не только дамы, но и кавалеры, а также и суровые знатные отцы семейств, случалось, падали в обморок на таких сеансах. Но любопытство за счет этого подогревалось еще сильнее. Народ просто валом валил на вскрытия и в кабинеты редкостей, в которых выставлялись внутренние органы в спирту, забальзамированные части человеческого тела, скелеты казненных... При всех крупных дворах Европы существовали придворные анатомы, производившие публичные вскрытия трупов. И нужда ощущалась уже не в анатомах, а в трупах. Мода есть мода.

Профессия хирурга сделалась одной из самых почетных и уважаемых в столице Голландии Амстердаме. Ведущие анатомы Иоанн Сваммердам, Ван-Горн, Антон Левенгук ну и, конечно, Фредерик Рюйш приглашались во многие знатные дома города. Они были буквально нарасхват, отказываться было нельзя, каждый стремился пожать им руку. Но главным затворником среди анатомов считался судебный врач, без которого не проходило ни одной казни, Фредерик Рюйш. Ему одному среди своих коллег удалось приблизиться к великой Тайне вечности бытия... Тайне, которую разгадает только он и которую много лет спустя унесет с собой в могилу.

По ночам, когда почтенные жители Амстердама спят, а по улицам шатаются лишь подвыпившие повесы, женщины легкого поведения да разбойный люд, возле дома врача, судебного медика Фредерика Рюйша останавливалась карета. Ее ждали. Тотчас появлялся слуга с факелом, двое других, лиц которых было не разглядеть в темноте, стараясь не шуметь, вытаскивали из кареты двухметровый сверток и бережно заносили в дом.

По лестнице сверток спускали в подвал. Впереди с канделябром в руке, освещая дорогу, вышагивал главный слуга. Звали его Гуго. Он был хотя и невысок ростом, но широкоплеч и обладал огромной физической силой — иногда в подвыпившей компании он, бывало, ради шутки сгибал подкову или разрывал колоду карт. Вся прислуга в доме боялась его гнева, в особенности его тяжелых кулаков. Служил он у Рюйша уже восемь лет, и хозяин доверял ему многие тайны.

— Осторожнее! — сказал Гуго через плечо, увидев, как один из слуг остутился и чуть

не выронил сверток. — Хозяин голову оторвет.

— Что-то слишком уж тяжел, — проговорил шедший последним слуга. — Толстяк, наверное. Зачем ему их столько, ведь на прошлой неделе троих привезли?..

Этот слуга недавно поступил на службу к Рюйшу и не знал царивших здесь законов. Тот, кто задавал лишние вопросы, долго не задерживался.

— Хозяину самому решать, — грубо бросил через плечо Гуго, — а ты помалкивай, если тумачков отведашь не хочешь.

Гуго толкнул массивную дверь и вошел, вслед за ним внесли сверток. В призрачном мерцании свечей слугам представилась необычная картина: кругом — на полках, на больших столах, которых в комнате было четыре, — лежали человеческие останки. На одном из них, раскинув руки, устремив в потолок острый, необычайно длинный нос и подбородок, возлежал труп обнаженного мужчины. В этом не было бы ничего столь уж странного, если бы не оголенные ребра грудной клетки, торчавшие в разные стороны и напоминавшие скелет рыбы; внутри же клетки, по-видимому, ничего уже не было — свободолюбивые органы были вырваны из нее и покоились в сосудах со спиртовым раствором. На других столах, прикрытые тканями, лежали, должно быть, такие же горемыки. На полках располагались сосуды, в которых покоились как внешние, так и внутренние части детских, женских и мужских тел. Некоторые части имели вид бесхозный и как попало валялись в разных местах, представляя для человека непривычного картину ужасную.

Но на слуг, доставивших мертвое тело, этот кажущийся беспорядок не произвел никакого впечатления. Они бережно, как какую-то драгоценность, водрузили сверток на незанятую часть стола и освободили от материи. Это оказалась еще молодая женщина в грубой одежде смертницы. Голова ее была повернута набок, шею обвивал кусок веревки.

Ее казнили за детоубийство три дня назад, и по закону тело ее должно было провести на виселице еще один день, но у судебного медика были особые права. Вернее, возможность обойти законы, заплатив кому надо. Бывало, в праздничные дни, когда казненных было особенно много, в подвале у Рюйша скапливался излишек покойников, так что не продохнуть, и он перепродавал тела другим анатомам, всегда оставаясь в выгоде.

— Все, пошли, — приказал Гуго.

Он обвел внимательным взглядом помещение. В пляшущих языках пламени хранящиеся здесь необычные предметы отбрасывали причудливые тени и словно бы двигались, оживали... Оживали заспиртованные руки и ноги, глядящие сквозь стекло хрустальные глаза заспиртованных детских головок, как живые, отражали огонь свечей — все двигалось и шевелилось. Но не эти наблюдения привыкшего к мастерской хозяина Гуго заставили его более пристально осмотреться кругом. Он заметил, что небольшое, выходящее во двор оконце под потолком слегка приотворено, и оттуда свисает кусок веревки.

Принесшие труп слуги уже подходили к двери. Гуго в последний раз окинул взглядом мастерскую и пошел вслед за слугами.

Минут через десять после того, как слуги, оставив на столе тело детоубийцы, вышли из мастерской, Гуго в полной темноте, на ощупь, медленно и бесшумно спускался обратно в мастерскую. Предпоследняя ступень лестницы скрипела, и Гуго перешагнул ее. Дверь он предусмотрительно оставил чуть приоткрытой и сейчас, в темноте, подкравшись к ней, стал смотреть в щель.

В мастерской было двое мужчин. У одного в руке горела свеча. Они склонились над

столом, на котором лежало тело принесенной женщины.

— Эльса убила тфоих тетей, — проговорил один из них с сильным немецким акцентом, нещадно коверкая слова. — Форофка, фидишь клеймо... ей бы дафно следофало палтаться на виселица. А приятно фсеж-таки встретить снакомого, даже ф этом чертофом томе.

— Она была ничего, — сказал второй мужчина с хриплым простуженным голосом. Он говорил с натугой, будто горло ему уже стягивала веревка. — Как бы нам с тобой не направиться за ней следом...

— Ладно, Якоб, дафай искать, са чем пришли. Но это не сдесь наверно, сдесь одна дрянь, — проговорил человек с акцентом. — Грэм скасал бумаги. А сдесь трупы. Фон там я тферь фител, может быть, там этот железный ящик. — Он махнул рукой. — Пошли смотреть.

— Пошли, только дай я сначала свою свечу зажгу, — с напряжением связок прошептал Якоб и протянул свечу.

Внимательно вслушиваясь в каждое слово пришельцев, Гуго отметил для себя имя Грэма — одного из старых и злейших врагов хозяина. Когда-то Грэм был учеником Рюйша, потом их отношения сильно охладели, Грэм стал писать на своего бывшего учителя доносы, при каждом удобном случае издеваясь над его слабыми теоретическими познаниями в медицине.

Стараясь не шуметь, Гуго приоткрыл дверь и бесшумно проскользнул в мастерскую; опустившись на четвереньки, он потихоньку стал продвигаться к мужчинам по каменному полу.

— Не хотел я, Ханс, с тобой идти, и три гульдена, которые пообещал Грэм, мне поперек глотки встанут. Это же жилище самого сатаны. Чувствую я, будем мы болтаться с тобой на виселице.

— Не дрэйфь. Один шорт болтаться. Ранше, позже, какая расница, — подбодрил его Ханс, считая, что этим поднимет настроение своему товарищу. Свеча его разгорелась, и он двинулся к двери в углу мастерской. — Если найдем нужный шелезный ящик с нушными бумагами, нас Грэм озолотит. Ты тумаешь, три паршивых гульдена ему обойдется эта работка?! Я-то фидел, как фешали тех, которые салесай ф этот том... — Шедший впереди Ханс вдруг остановился, прислушался. — Тихо!

Гуго тоже остановился и, приникнув к полу, замер.

— Будто шуршание, — прошептал Ханс.

Он поднял над головой свечу, освещая помещение.

Гуго прижался к каменному полу и, затаив дыхание, слушал. Он готов был в любой момент броситься на незваных пришельцев. Но он знал, что вступать в драку в заставленном сосудами с препаратами помещении опасно. Едва ли удастся сохранить все в целости.

А если хоть один препарат погибнет, хозяин будет очень недоволен, и тогда придется попрощаться с должностью главного слуги. Хозяин такого не прощал. Был у Гуго другой план — получше.

— Крыса, наверное, — натужно прохрипел Якоб, но в голосе его не было уверенности, в нем слышался страх. — Давай скорее искать этот ящик...

Ханс повернулся, сделал несколько шагов к двери, что-то вдруг загремело и со звоном упало на пол.

— Швахн зибарн!! — сквозь зубы выругался Ханс по-немецки. — Проклятый том!

Гуго, соблюдая предосторожность, пополз следом за ними. Несмотря на то что он хорошо ориентировался в помещении, бесшумно ползти в темноте не удавалось, так что он

из предосторожности делал частые остановки. Гуго заполз под большой деревянный стол, уставленный препаратами, потом тихонько обогнул угол тумбочки и остановился: здесь нужно было подождать.

— Замок, — прохрипел Якоб, и в темноте что-то звякнуло. Кованую дверь открыть было непросто. — Сейчас отмычки достану.

— Хороший немецкий замок, самый крепкий замок, — похвалил немец.

— Сейчас мы этот немецкий замок скovyрнем... — бурчал негромко Якоб, позвякивая связкой отмычек.

Для него, старого вора, открывшего не один десяток замков, этот тоже не был помехой. Хоть немецкий, хоть голландский...

Гуго двинулся дальше. Он полз медленно, напряженно прислушиваясь. Парик все время сползал на глаза, и его приходилось поправлять, под колени лезли полы сюртука. Он обогнул полутораметровый сосуд с заспиртованным семилетним ребенком, неудачным — как считал хозяин — экспериментом, который все собирался выбросить, да руки не доходили. Прополз мимо черной бочки с раствором для препаратов и остановился. Теперь нужно было ждать. От злоумышленников его отделяла лишь большая тумба красного дерева, на которой лежали отрезанные члены и стояли сосуды с органами. Еще некоторое время Якоб и Ханс, тихонько поругиваясь каждый на своем языке и переговариваясь, возились с замком. Он и вправду оказался «хороший немецкий замок», так что у Гуго заболели колени от долгого стояния на одном месте.

— Наконец-то, — проговорил Якоб.

Что-то звякнуло, с лязгом отодвинули засов, заскрипели дверные петли... Гуго тихонько приподнялся с колен и выглянул из-за тумбы.

— Вон этот шкаф железный, — сказал Якоб, входя в комнату первым.

Вслед за ним, прикрывая ладонью пламя свечи, озираясь, вошел и Ханс.

«А вот теперь пора!» — подумал Гуго, выходя из-за тумбы. Он подкрался к двери и заглянул в щель. Помещение было просторным, на полу лежали несколько тел, уже готовых к препарированию в анатомическом театре, возле большого железного шкафа, высоко подняв над головой свечи, стояли Ханс и Якоб.

Гуго не стал отрывать их от размышлений — он с грохотом захлопнул взвизгнувшую петлями дверь и задвинул засов.

— Ко мне! — гаркнул он вдруг во весь голос.

Почти тотчас дверь распахнулась, и в помещение мастерской вбежали трое слуг с зажженными канделябрами. И несмотря на лежащую кругом мрачную человеческую атрибутику, везде стало вдруг светло и радостно.

— Вы двое — встаньте у двери, — приказал Гуго подошедшим к нему слугам.

В дверь раздалась мощные удары, Якоб с Хансом старались выбить дверь изнутри. Но это было бесполезно: Гуго сам следил за установкой этой двери. Он был самозабвенно предан хозяину, и эта дверь в холодную, где обычно держали лишних покойников, выглядела как хранилище главного секрета, за которым, собственно, и велась охота.

Дверь эта и шкаф, с хранящимися в нем самыми главными документами и дневниками хозяина, были не чем иным, как обманкой. Все в доме, кроме Гуго, ну и, конечно, самого хозяина, были уверены, что самое ценное в доме хранится именно за этой дверью. Потому все воры, пробиравшиеся в дом Фредерика Рюйша, искали именно эту дверь и шкаф, который стоял за этой дверью... и находили. Обманка эта была изобретением Гуго, чем он

очень гордился. Нередко завистливые анатомы нанимали воров, чтобы выкрасть секреты, которыми обладал его хозяин. От этого было все равно не избавиться.

Взяв у одного из слуг канделябр, Гуго направился в опочивальню хозяина с докладом.

Якоб и Ханс сидели на каменном полу холодной комнаты, привалившись спинами к стене, в ожидании решения своей участи, перед ними на полу горели две свечи. Рядом лежало тело мертвого человека, его голые грязные ноги с длинными ногтями торчали из-под накрывавшей его рогожи. В комнате не было окон и дверей, кроме одной, окованной железом — открыть ее было невозможно, и они понимали, что обречены.

— Я фсял тебя, чтобы ты мог саработать, — негромко сказал Ханс, глядя на огонек свечи. — Я не тумал, что все так...

— Теперь нас повесят, — тоже негромко и спокойно проговорил Якоб. — Моя жена с детьми останется одна.

— Я фсял тебя, чтобы ты мог саработать...

Они снова молча уставились каждый на свою свечу. Было тихо. Сюда не достигало ни единого звука, казалось, и там; за железной дверью, тоже никого нет, но они знали, что пройдет совсем немного времени и за ними придут...

— Я тумал открыть в Гамбурге пифную. В Гамбурге любят пифо...

Но договорить он не сумел: с лязгом отодвинулся засов, дверь, взвизгнув, отворилась, и в помещение вбежали пятеро слуг — один с канделябром, четверо других заставили Ханса и Якоба подняться и крепко схватили за руки. Следом за ними в помещение с достоинством вошел высокий мужчина лет пятидесяти, одетый в дорогой камзол, в напыленном парике; у него были орлиный нос, плотно сжатые тонкие губы и властный взгляд. Его сопровождал Гуго.

Он подошел к Якобу и несколько секунд грозно на него смотрел. Якобу стало вдруг невыносимо жутко под этим направленным на него взглядом, он побледнел и мелко затрясся всем телом, из глаз вдруг сами собой потекли слезы. Он не видел в этих надменных серо-голубых глазах прощения, он видел в них свой приговор.

Рюйш вдруг протянул к Якобу руку и потрогал его предплечье, потом повернул его голову, заглянув в ухо, оттянул нижнее веко и внимательно посмотрел на глазное яблоко. Якоб в страхе попытался вырваться, но слуги держали его крепко.

— Агордидут витарус, — негромко на латыни проговорил Рюйш, ни к кому не обращаясь, для себя.

Он сквозь одежду ощупал также ляжку Якоба. Зачем этот человек ощупывает его, Якобу было понятно и без объяснений — он видел в мастерской расчлененные тела. Это значило, что и его ждет та же участь, что скоро его члены и органы будут разложены на столах, помещены в банки, засушены и замаринованы, и никакой черт уже не соберет из них прежнего Якоба. Пот и слезы текли у него по лицу. Он хотел сказать, чтобы его не убивали, что у него дома Эльза и пятеро голодных ребятишек, что на прошлой неделе умер младшенький Робин, что он хотел только заработать три гульдена и никакие секреты мира ему не нужны, только бы уйти отсюда... Что будет делать Эльза, если он не вернется?.. Что будут есть его дети?.. Особенно младшенький Робин, ведь он такой слабый... Да нет!.. Он же умер. В голове Якоба мешались живые и мертвые. Он вспомнил свою мать, которая умерла много лет назад, друга, повешенного за то, что он украл на рынке гуся... Он вспоминал мертвых, вспоминал живых и плакал.

— Пердантус венерус... — между тем бубнил Рюйш, продолжая внимательный осмотр. — Пусть откроет рот, — повернувшись к Гуго, который стоял ближе всех, сказал Рюйш.

— Открой рот, — сказал Гуго Якобу. Но тот продолжал пучить глаза, мысли его были в другом месте — с женой Эльзой, с оставшимися в живых и умершими... — Открой рот! — гаркнул Гуго и ткнул Якоба в живот.

Якоб будто очнулся от толчка и широко, отчаянно широко разинул рот, как будто это могло спасти или хотя бы продлить его жизнь.

— О-а! Сик транзит глория мунди... — заглянув в раскрытый рот, проговорил Рюйш и перешел к Хансу.

Здесь он был более внимателен и продолжал осмотр в два раза дольше. Сначала он оттянул нижнее веко Ханса, чуткими пальцами потрогал его горло, ощупал грудную клетку, заглянул в ухо. Бурча про себя таинственные латинские выражения, внимательно осмотрел его ноги и зубы, сквозь одежду ощупал живот... В это время Ханс смотрел на Рюйша с нескрываемой ненавистью, в глазах его не было ни страха, ни печали — одна только ненависть, но увлеченный Рюйш не замечал этого. Его надменное лицо было напряженным, но в движениях чувствовалось удовлетворение: казалось, он обнаружил нечто для себя особенное. Рюйш, расстегнув камзол и рубашку Ханса, постучал подушечками пальцев по груди.

— Ардоптецус мутанус, — проговорил он и довольно хмыкнул.

— Ты дьяфол... — сквозь зубы проговорил Ханс, глядя в упор на Рюйша. — Дьяфол!

Рюйш вздрогнул, поднял глаза и посмотрел на него осознанно, как на живого, интерес в глазах потух, осталось одно лишь надменное презрение.

— Вызови стражу, — вполоборота бросил он стоявшему чуть позади Гуго. — Пусть отведут их в тюрьму.

— Слушаюсь.

Фредерик Рюйш повернулся и вышел вон. Движения его были стремительны, он шел к своей цели. Он всегда шел к своей цели и всегда знал, что будет богат и известен. Никогда он не сворачивал со своего пути и не сомневался. Никогда.

Глава 2

СМЕРТЬ ПОПСЕ

Последние слова:

— Вы меня не увидите в живых при восходе солнца.

Мишель Нострадамус

Я вошел в квартиру, закрыл дверь на все замки, опустил предохранители. Теперь, чтобы сломать мою дверь, придется повозиться. Не зажигая свет, подошел к окну. Если за мной кто-нибудь и следил, то уж точно под окном не маячил — стоял в парадной или под домом, чтобы я его не видел. Да-а! Паскудная ситуация... Черт!!

Я же не осмотрел квартиру, поразительная беспечность! А вдруг здесь, во тьме... От волнения перехватило дыхание. Ожидая увидеть все что угодно, я бросился к выключателю. Под потолком ослепительно вспыхнула люстра. От сердца отлегло: кроме меня, в комнате никого не было. Я обошел квартиру, потом пошел в кухню, заварил кофе. Сегодня, после перенесенного стресса, когда меня чуть не сбил черный автомобиль, работать не хотелось. Да и, честно говоря, работа над последним романом продвигалась вяло. Моя жена Нина, она же по совместительству Муза и домохозяйка, уехала на месяц в Феодосию, оставив меня писать роман. Может быть, бытовая неустроенность — гора посуды в раковине, отсутствие горячей пищи — или мой сорокапятiletний возраст давали себя знать... В последнее время я слишком многое пытаюсь свалить на кризисный возраст, на самом-то деле все обстоит не совсем так. Роман требует чистой головы и, уж во всяком случае, душевного равновесия, а когда тебе ежедневно угрожают по телефону, а потом еще покушаются на твою бесценную жизнь, и реализм вмещивается в литературу... какой уж тут роман! Жена уехала, оставив меня одного, для того, чтобы я писал роман. Ну я ведь стараюсь!

Я выпил крепкого кофе и немного успокоился — кофе на меня действует как валерьянка. Если разволновался, например, перед сном выпиваю кофе и сплю без сновидений. Тем более что последние дни без кофе снятся только ужасы: то редактор говорит, что гонораров нет и не будет, то жена почему-то с кошкой вернулась, хотя и знает, что у меня на кошек аллергия — все эти ужасы, возможно, связаны со звонками по телефону. Уже неделю кто-то звонит мне и грустным монотонным голосом говорит гадости. Поначалу я воспринял это как идиотскую шутку, потом настроение стало портиться. А сегодня, когда я подходил к своему дому, какая-то черная иномарка выскочила из-за угла, и мне пришлось применить всю свою ловкость, чтобы она меня не сшибла. В юности я занимался рукопашным боем и еще кое на что и сейчас способен. Хотя, когда выпил двойную порцию кофе и успокоился, мне стало казаться, что выскочивший из-за угла автомобиль никак не связан с телефонными звонками, что это случайность. Мало ли в жизни совпадений.

Уже неделю с того момента, как начались эти проклятые звонки по телефону, я старался понять, чьи интересы я затронул. Я живу спокойной размеренной жизнью, не занимаюсь политическими разоблачениями, не пишу о террористах. Все мои романы так или иначе касаются Петербурга, в котором я живу всю жизнь. Большинство из них построены на легендах и малоизученных исторических фактах о Петербурге и его истории. Например, я раскопал в архивах, что под городом жил древний народ — белоглазая чужь.

История эта в свое время получила довольно широкую известность и отражена в моем романе «Живодерня».

Задолго до строительства Петербурга на невских берегах жил древний и загадочный народ — чудь. Жили они в землянках и, когда началось строительство Петербурга, не захотели уходить с насиженных мест и только все глубже в землю зарывались. Тогда Петр, обладавший крутым нравом, повелел поверх землянок город строить. Тогда чудь подрубила сваи, на которых держалась землянки. Так гласит легенда. Думали, что все они погибли под гнетом города, но оказалось, что остатки этого народа все-таки продолжают жить под Петербургом — роют подземные ходы и приносят человеческие жертвы богу Атхилопу. Петр вел беспощадную борьбу с этим народом. Изредка только после наводнений всплывали их черные от подземной жизни тела.

Еще я разыскал в исторических архивах неоспоримые доказательства того, что в Неве еще задолго до Петра водились крупные хвостатые существа, по виду напоминающие русалок, а в Кунсткамере даже находилось чучело такого существа, но оно пропало во время блокады Ленинграда. Я писал и о прочих известных и малоизвестных исторических фактах и легендах. Едва ли кого-нибудь могли до такой степени вывести из терпения мои изыскания, что он решил меня убить. А в последнее время я вообще писал роман о голландском враче Фредерике Рюйше. Роман шел туго: не то что не хватало материала, его как раз было в избытке, но сама фигура великого анатома рассыпалась на молекулы ДНК, и их было не собрать в один образ. Да и странное состояние внутренней опустошенности... Пожалуй, такое со мной случалось впервые, обычно опустошенность возникала, когда роман уже бывает написан, а здесь наоборот. Как будто организм ждал чего-то, что должно вот-вот случиться. Плохого, хорошего? Кто знает!

Я откинулся в кресле, включил телевизор и прощелкал пультом все тридцать программ. Интересы ничто не вызвало. Все-таки напрасно я сегодня запаниковал; скорее всего, с телефонными звонками сегодняшнее происшествие никак не связано. Случайность, пьяный идиот за рулем. Ведь никто никогда не огражден от случайностей; в сущности, все в жизни случайности... Одни случайности... Кофе начинал действовать. Я выключил телевизор, вытянул ноги, положив их на пуфик, и, закрыв глаза, откинул голову назад...

Меня пробудил телефонный звонок. Я встал — остатки сна мгновенно слетели, — бросил взгляд на часы — двенадцать часов. Он всегда звонил в это время, чтобы испортить мне сон, сволочь! Я подошел к телефону, приготовившись к очередной порции оскорблений.

Человек на другом конце провода всегда методично перечислял ругательства, должно быть, переписанные им из словаря синонимов. Всего в списке содержалось двадцать девять наименований, которыми снабжал меня звонивший, я как-то нарочно пересчитал. Причем среди них не было ни одного нецензурного. В контакт он не вступал и на мои словесные выпады никак не реагировал. Как я понял, самым главным для него было, чтобы его выслушали. Если его прерывали до того, как он закончит, он перезванивал снова и снова начинал чтение списка сначала. Поначалу это было странно: «тупица, болван, дуболом, балбес, кретин, негодяй, подонок, дуралей...». Потом мне сделалось смешно, но однажды пришел страх. Что за странный человек читает мне в ухо ругательства, которых я не заслуживаю (ну если и заслуживаю, то уж во всяком случае не все), и не боится, ничего не боится... Я звонил в милицию, номер телефона-автомата засекали... Ну и все! Больше не было предпринято никаких действий. Угроз в мой адрес не произносилось, как мне сказали в милиции, — «одни безобидные оскорбления». Это для них безобидные, а для меня, может

быть, и обидные. Даже мой знакомый начальник отделения милиции Николай Николаевич сказал, чтобы я на это дело плюнул и что здесь скорее вопрос психиатрический. Может быть, он, конечно, и психиатрический, но мне от этого не легче.

Я подошел к телефону и, дожидаясь пятого звонка, снял трубку.

— Ну, — как бы лениво сказал я: мол, мне до фени, что ты там говорить собираешься, — давай.

При первых же оскорблениях я собирался положить трубку на стеклянную поверхность журнального стола — я так делал всегда, как только он начинал зачитывать свой текст.

— Дядя Сережа, это вы? — Я не сразу сообразил, кто говорит. — Я вас не разбудила?

Это была Марина, соседка с верхнего этажа.

— Правильно, что разбудила, а то паршивый сон снился, — сказал я, подавляя зевок.

— Можно я к вам зайду?

— Когда? — не понял я. — Уже двенадцать ночи.

— Да я знаю, но мне очень нужно.

— Что-нибудь случилось, Марина?

— Случилось, — проговорила она шепотом.

Я понял, что она прикрывает рукой трубку.

— Ну тогда, конечно, заходи.

Спросонья я не сразу понял, что голос у Марины встревоженный. Они с матерью жили через два этажа надо мной. Мать Марины — Татьяна Владимировна — работала судьей в прокуратуре и несколько раз приводила меня на закрытые судебные заседания, когда я собирал материал для новой книги. Марине было восемнадцать лет. Закончив школу, она так и не поступила в вуз и годик решила передохнуть. Отдых затянулся еще на год. Мать всячески старалась устроить ее в высшее учебное заведение, но все оказалось бесполезным — любовь Марины к свободе было не преодолеть.

Я открыл на звонок.

— Ну заходи, неформалка. Что случилось?

На девушке был брючный костюм с невероятно клешеными брюками, башмаки на высоченной «платформе». На плече рюкзак весь в наклейках и нашлепках с надписями, одна из них мне особенно нравилась — «Смерть попсе!» — и череп, пробитый здоровенным железным гвоздем. Фиолетовые с оранжевыми вкраплениями волосы были растрепаны, или такая прическа. В ушах поблескивали сережки по три в каждом ухе, хорошо еще в носу не было... Черт поймет это новое поколение! Несмотря на всю эту мишуру, я сразу заметил, что она встревожена и бледна.

— Маму похитили, — сказала Марина, шепотом кладя рюкзак на стул в прихожей.

— Что значит «похитили»? — тоже почему-то перейдя на шепот, спросил я.

Меня вдруг бросило в жар. «Началось», — почему-то пронеслось в голове, хотя что «началось», ответить я бы не смог. Но я будто бы ждал этого... Давно ждал. Уже много лет. Столько, сколько пишу свои романы, в которых с героями происходит черт знает что! Ждал подсознательно и боялся тоже подсознательно.

— Проходи, — проговорил я, проглатывая сухой ком.

Мы прошли в гостиную, Марина уселась за стол, я сел напротив. Некоторое время она молчала, глядя куда-то в сторону. Я тоже молчал, давая девушке время собраться с мыслями.

— У вас курить можно? — спросила она, доставая пачку сигарет.

Я встал, достал из горки хрустальную пепельницу и молча поставил перед ней. Курить у

меня, конечно, было нельзя. Сам я бросил лет пятнадцать назад, но я понимал, что сейчас в этой мелочи ей нельзя отказывать.

— Ты успокойся, — проговорил я почему-то взволнованно, — а потом рассказывай.

Меня очень обеспокоило ее сообщение. Пожалуй, я волновался сейчас больше ее.

— Да я спокойна уже, — проговорила Марина, выпуская струйку дыма.

— Так кто маму похитил? — спросил я, внимательно глядя на девушку. Что-то меня настораживало в ее виде, манере поведения... но я не понимал что.

— Черт их знает! Два дядьки каких-то — один лысый, на Шнура похож, второй кучерявый...

— На какого шнура?

— Вы чего, дядя Сережа, Шнура не знаете? — Она сморщила презрительную мину. — Певец клевый... Уж я никак не думала, что вы, писатель, и Шнура не знаете. — Она брезгливо сложила губки, и мне стало вдруг стыдно, что я не знаю какого-то Шнура.

— Да подожди ты про Шнура. — Я придвинулся ближе к столу. — Ты давай все по порядку рассказывай. Какие дядьки, откуда взялись.

— Да я сама не знаю, что за дядьки. В последнее время мама стала нервная какая-то — орет все время. На работе у нее неприятности были, что ли. Она, наверное, догадывалась, что они за ней придут, потому что вчера мне говорит: «Ты, Марина, если что, залезай в тайник и тихо сиди, что бы ни случилось. А потом, когда все утихнет, беги к дяде Сереже с восьмого этажа, он знает, что делать...»

— Я знаю, что делать?! — изумился я. — Откуда?!

— Ну мама так сказала, — пожалала плечами девушка. — Я-то при чем.

Она стряхивала пепел в пепельницу, но попадала в нее нечасто, пепел падал на стеклянную поверхность стола. Но это вопреки всему меня не раздражало.

— Но почему ко мне?! — Я недоуменно пожал плечами. — В милицию нужно было звонить.

— Да я звонила, — грустно сказала девушка. — Они уже приезжали — все осмотрели, записали и уехали. Вот я к вам, как мама велела, и пришла. Она сказала, что вы знаете, что дальше делать.

— Да не знаю я ничего. — Это начинало меня раздражать: мало у меня своих заморочек — мне вон роман писать нужно, договор с издателем уже заключен...

Я встал от волнения, но тут же сел. Марина посмотрела на меня внимательно и затушила сигарету в пепельнице.

— Тогда, может, она вам передать не успела, — пожалала плечами девушка. — Странно, конечно.

— Чего передать?! Ты расскажи подробно, как все произошло.

— Ну вот я и говорю. Мама велела мне спрятаться в тайник, как все начнется...

— «Все» — это что? — перебил я.

— Да я и сама еще не знала. Но тайника этого я жуть как боюсь. Он у нас за ковром, небольшая такая комнатка. Его если не знаешь, не найдешь. Но я маме-то, конечно, пообещала, что спрячусь в нем, а сама думаю: нет уж, фиг!.. У нас там барабашка живет. Он там храпит и постукивает.

— Какой барабашка?

— Ну вы чего, дядя Сережа, и барабашку не знаете?! — Девушка изумленно вскинула брови. — Ничего себе писатель!

— Ты давай эрудицией не блистай — то Шнур, понимаешь ли, то барабашка...

— Ну это же домовый обыкновенный. Он у нас уже лет десять живет. Все тырит из комнаты, а потом мы вещи свои в этом тайнике находим, а он...

— Да понял я, понял, — нетерпеливо перебил я. — Давай про барабашку и инопланетян в другой раз поговорим. Ты мне суть излагай.

Говорить с девушкой было сложно — она меня нервировала. Нервировало в ней все: и этот вид, и манера держаться, и цвет волос... Ну, словом, нервировала!

— Я же сначала, как вы просили. Так вот сегодня в девять где-то вечера звонок в дверь. Мама в глазок посмотрела, ко мне бросается, хватает в охапку и в тайник запикивает. Я даже опомниться не успела. Тихо, говорит, сиди, иначе убьют, а за меня не беспокойся, иди потом к дяде Сереже с восьмого этажа. Ну я как дура сижу в этой каморке папы Карло, от ужаса чуть не поседела. — Девушка отодвинула от себя пепельницу. — В комнатушке этой есть щелка, и если вбок смотреть, то видно, что в левой части комнаты происходит.

Входят два дядьки — один лысый, на Шнура похожий. Он и говорит: «Где документы?» Мама как-то так сразу испугалась, побледнела. «У меня, — говорит, — их нет». Тогда другой говорит: «Ну чего с ней разговаривать, отведем к нам в офис, там она быстро заговорит». Они взяли маму под руки и вывели из квартиры.

— И мама не сопротивлялась?

— Нет, абсолютно спокойненько пошла.

— А ты, значит, так и сидела в этой потайной комнате?

— А чего мне было делать! Я там от ужаса пошевелиться боялась. И вообще я больше барабашку боялась, чем этих мужиков, — повела плечами девушка. — Как они ушли, я в милицию позвонила, а потом к вам вот спустилась, как мама велела.

Пока Марина рассказывала, я вспоминал мою последнюю встречу с ее матерью, случившуюся три дня назад на лестничной площадке. Тогда Татьяна Владимировна, женщина лет пятидесяти пяти, выглядела действительно растерянной. Она сказала, что у нее имеются сведения, которые меня как литератора могут заинтересовать. Обещала зайти, но, как видно, не успела.

— А что сказали милиционеры?

— Чего они могут сказать? Сказали, что будут искать.

— Слушай, Марина. Я, конечно, понимаю, что тебе мамины дела до фени, — начал я. — Но, может быть, она говорила что-нибудь тебе о них в последнее время?

— Меня и милиционер спрашивал то же. Да нет, ничего не говорила.

Все произошедшее было довольно странно. Скорее всего, похищение Татьяны Владимировны связано с ее служебной деятельностью. В то же время было совершенно очевидно, что Марине возвращаться домой и ночевать одной нельзя. Она видела этого Шнура и теперь становилась опасной свидетельницей. Неясно, какая роль в этом спектакле была отведена мне. Может быть, Татьяна Владимировна, хватаясь за любую соломинку, назвала первого попавшегося, кто пришел в голову. Во всяком случае, я человек более или менее благонадежный, и ехать далеко не нужно — на лифте две остановки... И все же что-то настораживало меня в рассказе девушки...

— Ну и что мы будем делать? — спросил я, не ожидая ответа от Марины, скорее самого себя.

Марина пожала плечами.

— Я выкурю еще сигаретку, дядя Сережа?

— Кури.

Я посмотрел на девушку внимательнее. Личико у нее могло быть симпатичное, если бы не портил его весь этот выпендрей: эти торчащие перьями разноцветные, как у попугая, волосы, немыслимые с блестками тени над глазами, лак на ногтях... Ну что это за лак?! Марина была среднего роста и сложена пропорционально. Если бы не болезненное желание выделиться из общества и наплевать на него своим видом. Вот я какая! Смерть поспе! А я из своего ретро выглядываю с некоторым ужасом... я ведь даже Шнура не знаю.

Не-ет! Мы такими все-таки не были!!

Марина курила молча, иногда поглядывая на меня. Я тоже молчал.

— Ну, значит, так, — когда она потушила сигарету в пепельнице, начал я. — Дома тебе появляться нельзя, это ясно, ты теперь свидетельница...

— Свидетельница Иеговы?

— Ты, наверное, не совсем понимаешь всю серьезность, — проговорил я, сверля Марину строгим взглядом. Мне было даже приятно, что я, такой серьезный человек, поучаю эту молоденькую неразумную девушку. — Тебе как свидетельнице запросто твой любимый Шнур может отрезать голову и отправить вместе с ней к Иегове.

— А где я жить буду? — спросила Марина с каким-то вызовом, как мне показалось.

— Ну поживешь пока у меня, у меня две комнаты. Я в кабинете спать буду, а ты здесь ляжешь. Тем более ты здесь накурила — тебе и дышать. Завтра утром будем думать, что делать дальше. Тебя такой вариант устраивает?

— Устраивает. А у вас жена когда приедет?

— Только через неделю, к сожалению, — сказал я.

— Значит, целую неделю вы совершенно свободны. А вы не боитесь с женщиной в одной квартире? — Она как-то ехидно посмотрела мне в глаза.

— Что?! Я тебе дам с женщиной!

Мне и в голову не приходило, что неформалка Марина может считать себя женщиной... Странно, а почему не приходило? Наверное, есть молодые люди с серьгами в носу, кислотники со спущенными для понта штанами, как сейчас модно, в бесовских татуировках, которые видят в ней женщину.

— Иди мойся, я постелю тебе на диване, а сам еще немного поработаю, мне роман нужно через три месяца сдавать, а у меня конь не валялся... Да не расстраивайся. — Я обнял Марину за плечи. — Найдем мы завтра твою маму. Я в милицию позвоню — у меня начальник отделения знакомый.

Глава 3

В МОРГЕ ВСЕХ БРЕЮТ

Последние слова:

— Зажгите свет, я не хочу возвращаться домой в темноте.

О. Генри

Человек висел, широко расставив руки в стороны, как будто нарочно желая объять весь необъятный простор за окном. Голова его была чуть наклонена в сторону, и со спины казалось, что он просто так, временно, повисел на тоненькую веревочку к потолочному крюку, чтобы быть немного повыше и получше разглядеть изумительный открывающийся за окном вид.

А как увидел, так и развел руками от удивления.

Вид за окном и вправду был изумителен. Отсюда с горы хорошо просматривался весь поселок и все море до горизонта. Иногда оно сливалось с небом, иногда отделялось четкой полосой и было то голубым, то серым, а то лазурным, как сейчас. Ночью поселок загорался десятками огней, а небо — миллионами звезд, деревья и кусты выглядели загадочно, и каменистая дорожка вдоль дома словно бы светила изнутри. В такие минуты пред этим бесконечным небом с миллиардами звезд, пред этим вечным раскинувшимся под ногами морем вся человеческая жизнь и судьба, о которой замкнувшийся сам в себе каждый человек думает как о чем-то большом и значительном, вдруг становилась ничтожной песчинкой в необъятной пустыне вечности, бесчисленности и бесконечности... Но особенно красивым вид становился, когда из-за горизонта всходило солнце. Огромный красный шар поднимался из-за моря медленно, в такие минуты природа словно застывала, ожидая нового дня, воздух становился прозрачным и не хотелось говорить — хотелось слушать и смотреть... Сейчас был день, и солнце стояло высоко.

Нет! Прекрасный все-таки был вид!

Висящий человек чуть качнулся и медленно стал поворачиваться на тоненькой веревочке — это потянуло из окна сквозняком. Лежавший на столе белый лист бумаги, на котором было что-то написано, вдруг под воздействием сквозняка вспорхнул, словно ожив, и, перевернувшись в воздухе, лег вниз текстом под ноги повешенного так, что увидеть написанное на нем стало невозможно. Полежав некоторое время, бумажка вздрогнула и, прошелестев по полу, у самой двери перевернулась, и стало можно прочесть то, что на ней было написано.

Но читать оказалось некому.

Ночь надвинулась как-то особенно стремительно, мелкий морозящий дождь усилился, грозя перерасти в ливень. Двое молодых людей с рюкзаками и девушка, закутанная в одеяло так, что трудно было разглядеть ее внешность, на разъезжающих в мокрой грязи ногах, медленно спускались с горы. Они только что вышли из леса, покрывавшего самую вершину горы, надеясь найти где-нибудь поблизости убежище. Далеко внизу, у моря, виднелись огоньки поселка, но до него было слишком далеко. Тропинка размокла, на ногах путников выросли огромные блины грязи. Каждый шаг давался с трудом, тем более сегодня они

прошли уже километров десять, и все по горам. Напрасно они все ж таки не послушались старушки, у которой ночевали сегодняшней ночью, и не остались у нее хотя бы еще на ночь.

Путешествуя по горам Крыма, молодые люди заблудились; кроме того, у девушки поднялась температура, и она еле переставляла ноги. Тропа свернула в темную аллею между деревьями, здесь совсем стало ничего не видно. Батарейки в фонаре сели еще прошлой ночью, и сейчас приходилось двигаться наудачу. Но удача, как видно, от них отвернулась.

— Вот проклятие! — воскликнул шедший впереди Антон. — В колючки влез.

— Антоша, я больше не могу, — слабо проговорила девушка, и по голосу стало понятно, что силы ее на пределе.

— Давайте передохнем, — донесся из темноты голос Антона.

Кругом была темнота. И хотя внизу виднелся поселок, но впотьмах, не зная дороги, добраться до него было немыслимо. Дождь веселее забарабанил по листьям.

— И костер не разведешь, — сказал Антон, оглядывая тьму вокруг себя. — Положение безнадежно.

Сзади раздался хруст ветвей.

— Ребята, здесь забор, похоже, — донесся из темноты голос Максима. — Точно, забор!

— Ну и что, — пессимистически проговорила Даша и закашлялась.

— Значит, тут дом за забором, просто его во тьме не видно, — пояснил Антон.

Сзади послышалось шуршание веток.

— Давай калитку искать, — проговорил Максим откуда-то со стороны.

— Сейчас попробую фонарь оживить, — сказал Антон, сбрасывая со спины рюкзак. —

Иначе ничего не найдем.

На ощупь достав из рюкзака фонарь, он вынул из него батарейки, постучал их друг о друга и снова вставил на место. Фонарь загорелся, хотя и тускло. Он вырвал из тьмы бледное лицо девушки с мокрыми слипшимися на лбу волосами.

— Да, выглядишь ты не очень, безнадежно выглядишь, — пошутил Антон.

— Дурак, — проговорила Даша и откинула со лба мокрые волосы.

Антон поцеловал ее в губы.

— Потерпи, девочка, сейчас что-нибудь найдем.

— Ну где ты там, я дыру в заборе нащупал! — донесся из темноты голос Максима.

— Сейчас иду! — ответил Антон и, освещая себе дорогу слабым лучом света, двинулся на голос.

— Эй, ребята! — слабо позвала во тьму Даша. — Вы за мной-то вернуться не забудьте.

Продираясь сквозь колючий кустарник, Антон с Максимом наконец выбрались на полянку. К счастью, стемнело еще не полностью, так что они смогли разглядеть большой дом. На чердаке у него была выбита рама, и, судя по всему, в нем давно никто не жил. Таких заброшенных разграбленных домов стоит во множестве в горах Крыма.

— Ну вот и дошли, — сказал Антон. — Тут хоть сможем от дождя укрыться.

— Крыша вроде цела, — проговорил Максим как-то не очень уверенно. — Ну раз идти больше некуда, пойду вход искать, а ты за Дашей сходи, а то она там от страха умрет.

Когда Антон с Дашей подошли к дому, Максим уже нашел входную дверь и безуспешно пытался ее открыть.

— Я пойду поищу что-нибудь, — шепотом сказал Антон из темноты.

Конечно, если бы их за вскрытием дома застали местные жители, ребятам бы не поздоровилось, но другого выхода у них не было.

Максим на ощупь рылся в рюкзаке. Топор они потеряли, остался только нож с костяной ручкой. Он сунул лезвие в щель между дверями.

— На замок не закрыто, — удивленно сказал он стоявшей тут же Даше.

— А почему тогда не открывается? — спросила Даша слабым голосом, крепче кутаясь в одеяло.

Совсем близко раздалась шага, хрустнула ветка. Максим насторожился.

— Ребята, я лопату нашел, — раздался совсем рядом шепот Антона. — Может, его подденем.

— Погоди, дверь-то изнутри вроде закрыта... — проговорил Максим в некотором недоумении. — Ну точно, изнутри.

— Да не может быть, — тревожно зашептал Антон. — В доме ведь нет никого.

— А кто его знает, может есть.

Что-то звякнуло.

— Ага! Открыл! — шепотом воскликнул Максим.

Дверь заскрипела. Антон поднялся на крыльцо с фонарем, но тот почти не давал света, тогда он достал из кармана спички, они тоже подходили к концу — нужно было экономить. Друзья вошли в дом, Антон зажег спичку и осветил убогую обстановку жилища. Комната, в которой они оказались, выглядела нежилой. Дверь в другую комнату была приотворена, в углу диван, шкаф, печь из красного кирпича; шпукатурка с потолка местами обвалилась и белыми кляксами лежала на полу. Спичка потухла.

— Даша, заходи, — позвал Антон в темноту. — Тут печка. Сейчас растопим, согреешься.

Но печь долго не удавалось разжечь. Дрова, которые удалось найти на улице, отсырели, а в доме оказалось лишь два сухих толстых полена. Такие не сразу разгорятся...

Пока ребята пытались разжечь печь, Даша сидела на диване с поджатыми ногами, скукожившись. Она уже тысячу раз пожалела, что поехала в этот чертов поход. Ведь предлагали ей родители в дом отдыха с Антоном, но им захотелось романтики, видите ли. Все равно здесь они не одни, а постоянно с Максимом — другом Антона, который и уговорил их идти в поход. Даша побаивалась и не любила его. Еще бы не побаиваться, когда о нем такое говорили!..

Даша с Антоном учились в институте на одном факультете и поженились в прошлом году. Свадебного путешествия у них не получилось, и этим летом, когда Максим предложил поехать в поход, они согласились — в двадцать лет не думаешь о тяготах походной жизни, лишь бы вместе... пока они не настали. А уж там поздненько метаться. Вот потащило!

— Дело безнадежное, — сказал Антон из темноты, истратив еще одну спичку. — Без бумаги не загорится.

— Слушайте, у меня же книжка с собой! Может, ее, — вспомнила Даша. — Мелихан. Жаль, конечно, смешная книжка.

— Плевать, что смешная, лишь бы горела хорошо. В огонь ее! — скомандовал безжалостный Максим.

Максим на ощупь нашел книгу, вырвал из нее несколько страниц и, скомкав, положил в печь. Огонь разгорелся, и через некоторое время в комнате стало теплее. Диван придвинули к печи и сидели молча, глядя в огонь.

Сейчас при слабом, поступающем из печи огне можно было разглядеть молодых людей. Оба они были высокого роста, худощавы. Антон имел тонкий нос с горбинкой, плотно

сжатые губы и большие карие глаза. Максим был чуть ниже его, сильно сутулился, его круглое лицо обрамляла жиденькая черная бородка. Когда ему советовали ее сбрить, он говорил, что в этой бороде его индивидуальность. Между молодыми людьми, забравшись на диван с ногами, сидела Даша — жена Антона. На нее накинута еще одно одеяло, и из этого куля выглядывало очаровательное личико с рыжими волосами и пикантной родинкой над верхней губой.

Некоторое время сидели молча.

— Вообще-то про меня зря говорят, что я бабушку убил, — вдруг ни с того ни с сего в задумчивости проговорил Максим, как бы про себя, ни к кому не обращаясь.

Даша вздрогнула и, повернувшись к нему, непроизвольно отпрянула. Антон бросил на него мимолетный взгляд — он уже привык к внезапным выходкам своего друга.

— Тебя же никто об этом не спрашивал, — сказал он спокойно, сунув в огонь веточку и следя за тем, как загораются и потрескивают на ней сухие листья. — Ну что ты все к этой теме возвращаешься?

— Не знаю. — Максим обхватил голову руками. — Мне кажется, все только об этом и думают. И потом, мне кажется, — не меняя позу, Максим вдруг перешел на шепот, — мне кажется, что я скоро встречусь со своей бабушкой. — Он убрал руки от головы и внимательно, через Дашу, посмотрел на друга. — Вот только бы меня в морге не побрили. Они, я слышал, всех бреют, им пофиг — носил человек бороду всю жизнь или нет. Они любого — хрясь-хрясь, и готово — и все одинаковенькие в гробиках лежат в белых тапочках, без усов и бород... Одинаковые, как пионеры. А как мне доказать, что я бабушку не убивал?

На Антона вдруг непонятно откуда накатила волна страха. Он даже первую секунду не знал, что ответить другу. Даша, окаменев, смотрела на огонь.

— Да, конечно, не убивал. — Антон через Дашу протянул руку и похлопал друга по коленке. — Тем более, это так давно было.

— Давно, — задумчиво повторил Максим и глубоко вздохнул. — Но я с ней скоро встречусь... может быть, совсем скоро, — снова повторил он замогильным голосом. — Меня обычно предчувствия не обманывают...

— Ты бы сходил дров еще поискал, — сказал Антон. — А то скоро погаснет и все — кердык.

— Да, пойду, — будто эхом отозвался Максим и вышел, прикрыв за собой дверь.

— Дорогой, я боюсь, — тихо проговорила Даша, глядя на дверь, за которой исчез Максим. — Это у него часто случается? А он вообще не опасен?.. А может, он нас с тобой как бабушку...

— Я же тебе рассказывал. — Антон подсел поближе к Даше и, обняв ее за плечи, зашептал прямо в ухо: — Он в детстве на лестнице толкнул свою бабушку, за то что она не дала ему конфету. А она старенькая, ножульки слабые — не удержалась и хлопилась головой о ступеньки, и вниз поскакала, и пока все не пересчитала, не успокоилась. Зато комнатка после бабушки освободилась, из нее детскую сделали. А сестра Максима старшая всю жизнь его долбает: «Ты бабушку убил! Ты бабушку убил!» Хотя она все драгоценности бабушкины унаследовала и довольна, а из вредности гадости брату говорит. Хотя теперь бабушке было бы лет сто, а она все брата достает. Стерва.

— Да, сволочь! — согласилась Даша. — Я тоже от старшей сестры натерпелась, будь здоров. Слушай, а что в той комнате, во второй? Мы же туда не заходили еще.

— Там Максим шарил, когда дрова искал.

— Как-то мне не по себе, — проговорила Даша, крепче прижимаясь к мужу.

— У Максима это скоро пройдет, ты его зря боишься. Хотя он в первый раз говорит о том, что скоро увидит свою бабушку... Вообще-то, интуиция у него хорошо развита.

— Да я не из-за него, — тихо проговорила Даша, снова покосившись на приоткрытую дверь в другую комнату.

— Чего-то ты дрожишь, — сильнее прижимая девушку к себе, проговорил Антон. — Ладно, пойду посмотрю, может, там дрова найдутся.

Огонь догорал. Два толстых сухих полена прогорели довольно быстро. Антон поднял с полу веточку и, сунув ее в печь, дождался, когда она загорится, затем медленно, чтобы не сбить пламя, пошел к двери.

— Я тоже хочу посмотреть.

Даша поднялась с дивана, сунула ноги в кроссовки и, кутаясь в одеяло, пошла вслед за мужем.

Антон распахнул дверь и, прикрывая ладонью огонек, стал всматриваться.

— Ну что, что там, Антоша? — Из-за его спины выглядывала Даша.

В танцующих огоньках пламени он увидел просторную комнату и высоко под потолком человеческий силуэт... Антон отступил от неожиданности, толкнув стоявшую за ним Дашу. Огонь погас.

— Что ты как слон! — воскликнула девушка. — На ногу мне наступил.

— Пошли отсюда, — прошептал Антон, захлопнув дверь, и, обняв девушку, увлек к дивану.

— Да что случилось-то?..

— Фигня какая-то почудилась.

Дверь на улицу распахнулась, Антон вздрогнул и, сощурившись, взгляделся в вошедшего человека.

— Ребята, я еще дров нашел. Там в сарае, оказывается, их завались! — радостно сообщил Максим, внося охапку дров.

Он деловито свалил дрова рядом с печкой, сунул несколько поленьев в топку и сел на диван, протягивая мокрые руки к огню.

— Слушай, Максим, по-моему, дело безнадежное. Ты в той комнате был?

— Ну был. А чего? — Он обернулся на стоявших возле дивана Антона и Дашу. — Только там же не видно ни фиги.

— Пойдем посмотрим, — предложил Антон. — А ты посиди здесь. — Он бережно подвел Дашу к дивану.

— А что там, Антоша? Я тоже хочу, — хнычущим голосом проговорила Даша.

— Нет, — категорично сказал Антон. — Ты нас подождешь.

Антон сунул в печь ветку, подождал, когда она загорится.

— Возьми спички, — сказал он Максиму, вынимая горящую ветку из печи.

Даша, не послушавшись мужа, встала и тихонечко двинулась за ними. Антон распахнул дверь и вошел.

— Елки-палки... — проговорил Максим, глядя на повешенного. — А я его не заметил... понизу шарил. Ничего себе!

Антон медленно подошел и осветил повешенного. Он висел спиной к двери. Впотьмах Антон наступил на лежавший на полу ботинок и чуть не упал, наскочив лицом на ногу покойника. Потрясенный труп закачался и стал поворачиваться в их сторону.

— Боты откинул, — тихо проговорил Максим.

Жуткий животный визг вдруг разорвал тишину. Это кричала Даша. Огонь погас, и друзья, развернувшись, толкая, натываясь друг на друга, бросились из комнаты.

Антон выскочил последним. Он закрыл дверь и, чтобы она не открылась, навалился на нее плечом, как будто покойник собирался бежать вдогонку за ними.

— Это же повешенный... был... там... Труп, — проговорила Даша, задыхаясь от волнения. Она стояла у входной двери.

— Да нет. Ты что, какой повешенный? — вымученно улыбнулся Антон, подходя и обнимая девушку. — Откуда здесь повешенный? Да ты сама подумай.

— Не надо врать! — воскликнула девушка. — Нет, все! Я здесь больше не останусь. — Она вырвалась из объятий мужа и направилась к своему рюкзаку. — Ни минуты не останусь.

Девушка схватила рюкзак и выскочила из дома. Антон хотел идти за ней, но Максим остановил его, взяв под локоть.

— Подожди. Далеко она не пойдет, сейчас вернется. А мы с тобой давай сходим посмотрим, кто он такой. А то одному жутковато.

Они сунули в печку несколько веток. Входная дверь приоткрылась, и в комнату заглянула Даша.

— Антоша, мне тут жутко одной, — проговорила она жалобно.

— Дашуля, иди сюда скорее, тут хоть тепло, а ты простуженная, — позвал Антон.

Даша вошла и, косясь на дверь, за которой был повешенный, села на диван.

— Ты здесь побудь, а мы пойдем посмотрим, кто он такой, — сказал Антон.

На этот раз Даша не стала противоречить. Взяв горящие ветки, друзья пошли в комнату.

Покойник так и не успокоился — он медленно и чинно качался, чуть поворачиваясь то туда, то сюда.

— Мать честная! — тихо, но с выражением проговорил Максим. — Что же это у него, а?

Антон, задрав голову, молча смотрел на повешенного.

— Не знаю, — проговорил Антон, внимательно вглядываясь в его лицо.

Голова у повешенного была склонена набок, но лицо в полумраке казалось каким-то особенным: один глаз был ниже другого, рот перекосило набок, словно лицо его сползло с одной стороны черепа и казалось уродливым до невозможности. Но сейчас было не понять — до смерти он уже был таким деформированным либо это смерть внесла свои коррективы. Огонь потух, и друзья поспешно вышли из комнаты. Не очень-то хотелось находиться в темноте с повешенным, да еще с таким уродом.

— Дело безнадежно, уже не откачать, — сказал Антон, когда они, прикрыв дверь, уселись на диван.

— Видно, недавно повесился, — сказал Максим.

— Почему повесился, может быть, его... — Даша со зверской гримасой махнула рукой по горлу. — Повесили.

Похоже, ей это начинало нравиться.

— Может, и повесили, — негромко сказал Антон. — А почему недавно?

— Не пахнет, — пояснил Максим. — У меня друг Серега в морге работает, он мне много чего о покойниках порассказывал.

— Я об этом как-то не подумал, — сказал Антон, подбрасывая еще полешко в печь. — Действительно, не пахнет совсем. Какие будут предложения? Снимать-то будем?

— Да вы что, обалдели! — воскликнула Даша. — Какое снимать?! Вы его еще сюда притащите и искусственное дыхание рот в рот сделайте.

— Правильно Даша говорит, — поддержал девушку Максим. — Сейчас снимем и попробуем оживить... Я читал, что покойника даже через несколько дней оживить можно, только он потом становится зомби. — Он внимательно посмотрел на девушку и рассмеялся. Даша обиженно покрутила пальцем у виска. — Снимать его сейчас, конечно, смысла нет, — продолжал он уже серьезно. — Давайте спать ложиться, а утром посмотрим. Если его там нет, значит, он нам привиделся.

— Ты чего, обалдел?! — снова заволновалась Даша. — Я что, с повешенным в одном доме спать буду?!

— Да он в своих апартаментах, а мы здесь ляжем. Придется втроем на диване спать. — Максим пошерудил веточкой в печи.

— Правильно, нужно спать ложиться, а утром посмотрим, что он за гусь.

— Вы что думаете, я засну? — Даша поежилась. — Вы думаете, я спать спокойненько буду, пока он там висит? — Она повернула голову в сторону двери в другую комнату. — Да вы бы хоть дверь закрыли!

— Ну слушай, на тебя прямо не угодишь — то снимайте, то не снимайте, — обиделся Максим. — А дверь кривая, она не закрывается.

Антон встал, подошел к двери, потянул ручку на себя, но дверь, скрипнув, отворилась снова. Он стал разыскивать щелку, на которую можно зафиксировать дверь, потом все вместе искали, на что закрыть уличную дверь... Утомонились и улеглись только в три часа ночи. Под крышей с повешенным было намного лучше, чем вовсе без крыши.

Даша легла в серединку между молодыми людьми.

— Ребята, а вы не знаете про души повешенных?

— Я знаю, что если через покойника кошка перепрыгнула, значит, он в вурдалака превратится и будет приходить из могилы и у всех кровь сосать, — сказал Максим. — Серега, который в морге криминальном работает, — ну это там, где люди, которые не своей смертью умерли, содержатся, — много таких баек знает.

— Это с которым ты в одном доме жил? — поинтересовался Антон.

— Да, в одном доме, мы с детства дружим. Так вот он говорит, что из морга у них трупы крадут.

— Зачем? — еле слышно спросила Даша.

— А черт его знает, — тихо проговорил Максим. — Он говорит, что не только в их морг, но и в другие морги ходят покупатели. Правда, недорого покойников берут.

— С кавказским акцентом? На шаверму, что ли? — предположил Антон, зная, что Даша любит шаверму. — Или с американским акцентом — в Макдональдс.

— Дурак ты, Антоша! — сказала Даша и толкнула его локтем в бок. Антон притворно застонал.

— Покупатели в морг часто приходят. Только Сергей говорит, что это не покупатели никакие.

— А кто? — встряла Даша, приподняв голову.

— Агенты, потому что разные все время. Они даже дерутся из-за этих покойников. А потом, видно, сдают их куда-то.

— В приемный пункт покойников. Куда же еще? — сказал Антон.

Некоторое время лежали молча. Каждый представлял по-своему этот приемный пункт.

— А я слышал, — таинственным шепотом, еще больше напрягая обстановку, начал Антон, — что висельнику нужно в гроб положить веревку, на которой он повесился, и мыло, чтобы он за ней не возвращался после смерти. А то придет: «Отдай мою веревку!!»

— А мыло-то зачем? — давясь от смеха, спросил Максим. — Мыться, что ли? Или веревку стирать?

Все расхохотались, должно быть, представив моющего в гробу повешенного. Потом хихикали и пугали друг друга еще, но страшно уже никому не было.

Антон разбудил Максим. Сквозь маленькое оконце рядом с печкой поступал свет — значит, было уже утро.

— Проснись, — легонько тряс его за плечо Максим. — Слышь, Антон.

Антон открыл глаза и не сразу вспомнил, где находится. Рядом на диване спала Даша. Максим стоял с вытаращенными глазами, прикладывая палец к губам.

— Только тихо, — шептал он на ухо. — Не шуми.

— Что случилось? — Антон, вспомнив вчерашнего покойника, тут же сел на диване.

— Кто-то ходит вокруг дома, — проговорил Максим одними губами. — Я его видел, он в окно заглядывал.

— Положение безнадежно, — заключил Антон, тихонько вставая с дивана и надевая кроссовки. — Теперь подумают, что мы его... — Он кивнул в сторону другой комнаты. — Положение безнадежно...

— А вдруг это убийца, — еле слышно проговорил Максим.

Глава 4

ФРЕДЕРИК РЮЙШ

Последние слова:

— Да не покинет меня Бог никогда!

Блез Паскаль

Детство, отрочество, юность

Фредерик Рюйш родился в 1638 году в Гааге. С детства его тянуло к естественным наукам, и он с душевным трепетом и восторгом отрывал ножки мухам, вскрывал им животики маленьким ножичком, препарировал кузнечиков и ящериц, в более осознанном возрасте подобравшись к мышам и кошкам. Фредерик был любознательным и развитым мальчиком с хорошей памятью. Нередко отец наказывал его за излишнее усердие и интерес к внутреннему, но не к внешнему. Отец не мог уразуметь, что может привлекать Фредерика в Божией епархии — во внутреннем мире живых существ. И как вообще можно разобраться в этих переплетениях кишок и органов мертвой крысы, где сам черт ногу сломит. И казалось ему, что перепутано все это нарочно и бессмысленно, так чтобы заморочить честных людей. Но маленький Фредерик с интересом копался в этом добре, выискивая закономерности и соответствия, не оставляя своих занятий порой до позднего вечера. Кроме этого страстного увлечения, в праздничные дни Фредерик, как, впрочем, и многие мальчишки счастливого и беззаботного возраста, любил бегать смотреть на казни. Он приходил всегда заранее и, подобравшись поближе к эшафоту, с интересом наблюдал за приготовлениями и в особенности за самой казнью. Но делал это не как все мальчишки, с замиранием сердца, а с каким-то особенным затаенным вожделением и научным любопытством. Впитывая в себя каждую кажущуюся незначительной мелочь. Как ломается шейный позвонок под тяжестью повешенного, как конвульсивно вздрагивает и извивается его тело... и если тяжести тела осужденного недостаточно, палач обхватывает ноги преступника и виснет на нем, удвоив вес и сокращая страдания несчастного. И почему после этой нехитрой операции человек умирает почти мгновенно. Особенно же привлекали любознательного Фредерика казни через усекновение головы. Гильотин в то время еще не было. Предложенную парижским врачом-гуманистом Жозефом Гильотеном машину для безболезненного обезглавливания введут в эксплуатацию только в 1792 году. А до тех пор головы в Голландии рубили мечом. Фредерик тянулся к плахе, изо всех сил высматривая подробности отсечения головы, чтобы дома, уединившись, обдумать это действие, в деталях воспроизводя его в памяти.

Видя такой интерес сына к естественным наукам, отец решает отдать его в ученики аптекаря. Здесь, среди склянок со снадобьями, среди дурманящих запахов лекарственных трав, среди разноцветных целебных порошков, Фредерик обрел наконец счастье. Целыми днями перетирая в ступке целебные корневища и пахучие травы, диковинные цветы и лапки насекомых, он учится готовить лекарства от кровотечений и мужского бессилия, от радикулита и мигрени... Обучается готовить яды, которые могут убить человека мгновенно или, затаившись в организме, исподволь точить его, разрушая и еще при жизни превращая в

разлагающееся тело. Там, среди склянок, он прикоснулся к тайне бытия. И эта тайна очаровала его.

Его острый ум и хорошая память, точность движений и прежде всего особое чутье, которое необходимо аптекарю, служили ему хорошую службу. При помощи отца у Фредерика появляется своя аптека, к нему идут за лекарствами, ему верят. Но молодому амбициозному Рюйшу уже недостаточно работы аптекаря — его влечет анатомия человеческого тела. Он поступает в знаменитый Лейденский университет, где прилежно изучает медицину.

Голландская анатомическая школа того времени приобрела в Европе огромную популярность, чему способствовало первое применение здесь микроскопа. Хотя изобретателем микроскопа и считался итальянец Мальниги, но широко применяться он начал именно здесь, в Голландии. Лейденский университет, куда поступил Фредерик, славился одним из лучших в Европе анатомических театров. В кабинетах театра хранилось удивительное собрание редкостей. Главное место в нем занимали экспозиции скелетов. Скелет осла, верхом на котором восседал скелет женщины, убившей своего ребенка. В бешеную скачку смерти на скелете быка отправился скелет мужчины, казненного за воровство домашнего скота. Тут же стоял обезглавленный скелет убийцы со своим собственным черепом в костлявых руках. В углу красовалась виселица с висящим на ней скелетом юного вора. Их были десятки, сотни — и все они были выстроены композиционно, создавая жутковатые картины смерти. Здесь же хранились заспиртованные препараты кистей рук, ног, забальзамированные головы, изготовленные знаменитым доктором Бильсом.

В семнадцатом-восемнадцатом веках анатомические театры и кабинеты украшали скелеты преступников верхом на скелетах лошадей, ослов, свиней... Это было нашествие скелетов на Европу, они мчались галопом в кровавый век девятнадцатый.

Рюйша, как и его современников, впечатляли эти собрания и, можно сказать, там, в Лейденском университете, определилось направление всей его жизни, которому он отдаст свои силы, которое сделает его великим и богатым, принесет ему всемирную славу, многочисленных и влиятельных врагов, а также сделает его глубоко несчастным и одиноким человеком. И в конце жизни, не зная, кому передать открытую им великую Тайну, понимая, что не может взять ее с собой в могилу и не может никому оставить, он будет умирать в муках, как умирают все, кто уносит с собой в могилу Тайну, которая была открыта только ему.

Глубину теоретических познаний Рюйша известные анатомы того времени ставили под сомнение, но в практической медицине он превзошел многих. Поэтому после окончания университета в 1665 году подающего большие надежды анатома Фредерика Рюйша приглашают в столицу, в Амстердамскую хирургическую школу в качестве демонстратора анатомии.

Здесь, в столице, перед двадцатисемилетним амбициозным молодым человеком открываются большие возможности. Он производит перед публикой анатомические вскрытия, приобретает широкую врачебную практику. И вновь ему несказанно везет, как везло всю жизнь. Как раз в это время освобождается место судебного медика, и Фредерик Рюйш благодаря связям, деньгам и в особенности одной любовной истории с дочерью городского палача получает это место. Должность судебного медика практически не приносила дохода, но она дает несказанно большее. У Фредерика Рюйша появился доступ к

телам казненных и их жертвам. Он присутствовал на казнях преступников, констатировал их смерть, а затем ночью тело казненного отвозили к нему в мастерскую, где он производил свои опыты.

В те времена считалось, что казненные преступники не имеют права на христианское погребение, и анатомы со всего Амстердама, радостно потирая ручки, растаскивали покойников по своим кабинетам. В этом была и назидательная сторона — каждый преступник знал, что после казни тело его будут препарировать при большом скоплении народа, после чего части его с вывороченными внутренними органами выставят на всеобщее обозрение или, выварив в большом чане, смастерят скелет и усадят верхом на свинью в назидание другим преступникам на веки вечные. И этот посмертный позор должен был уберечь многих от совершения преступления... но не уберегал.

Не столько сами вскрытия увлекали Фредерика — он нарезался покойников еще в университете — сколько работа над изготовлением демонстрационных препаратов и изобретением снадобья, которое могло бы сохранять плоть от разложения, чтобы препараты могли долго храниться, радуя глаз. Этому он посвящал все свое свободное от врачебной практики время. Фредерик целыми днями пропадал в мастерской, пытаясь разгадать секрет брэнности плоти, проводя множество экспериментов, препарируя сотни трупов казненных и жертв преступлений. Рюйш вставал в четыре часа утра и, засучив рукава, трудился над трупами, чтобы продлить их жизнь. Вернее, дать вторую жизнь уже в виде препаратов в своем музее. Покойники даже снились ему по ночам. Он экспериментировал.

Многие анатомы Европы изобретали способы консервации человеческого тела и изготовления музейных препаратов. Свои открытия они держали в строжайшей тайне, ведь это было и средство обогащения. Забальзамированных покойников и их части выставляли напоказ за деньги, а также их охотно приобретали любители редкостей. В то время это был хороший бизнес, и как всякий прибыльный бизнес он подразумевал большую конкуренцию. Нередко анатомы нанимали воров, для того чтобы они выкрали секрет у более удачливого коллеги, подожгли его дом или уничтожили препараты. Казненные, мертвые дети, уроды стоили хороших денег. Те анатомы, кто не сумел, как Фредерик Рюйш, пристроиться к эшафоту, вынуждены были платить немалые деньги могильщикам, которые ночью тайно выкапывали тела недавно погребенных и везли их к анатомам. Власти преследовали похитителей мертвецов. Их казнили как воров, и их тела в свою очередь поступали на этот анатомический конвейер... но процесс было уже не остановить. Публика как с ума посходила — она жаждала острых ощущений, и она их получала.

Глава 5

ПОЛОЖЕНИЕ БЕЗНАДЕЖНО

Последние слова:

— *Академик Павлов занят. Он умирает.*

Иван Павлов

Я проснулся от запаха кофе. Первая мысль, пришедшая мне в голову: кто может готовить в моей квартире кофе? Неужели жена вернулась? Припомнился вчерашний вечер. Над романом я просидел до пяти утра и неудивительно, что проснулся только в двенадцать. Захотелось кофе и почему-то яичницу. И тут, как по-щучьему велению, дверь открылась, и в комнату вошла Марина. На ней был голубой шелковый халатик, в руках она держала поднос, на котором стояла чашечка кофе и тарелка с яичницей.

— Я приготовила вам завтрак, — сказала она, ставя поднос мне на одеяло.

— Спасибо, конечно, за заботу. Но лучше бы мне помыться сначала.

Я смотрел на нее спросонья другими глазами, утренними, не так, как вчера. Да и не было сегодня на ее лице идиотского вечернего макияжа, и вымытые причесанные волосы выглядели совсем не так тошнотворно. А она вроде ничего.

— Знаешь что, Мариночка, ты давай отнеси это в кухню. — Я поднял поднос и протянул ей. — Спасибо тебе за воплощение американской мечты, но я сейчас помоюсь и приду. Договорились?

— Как скажете, дядя Сережа.

Она покорно взяла поднос и вынесла из комнаты, я проводил ее взглядом... Тьфу ты черт! Уже три недели как уехала жена, неудивительно, что на молодежь заглядываешься. Я резво вскочил с постели, надел халат и пошел умываться.

— ...Сейчас я позвоню начальнику нашего отделения милиции, — сидя за завтраком, говорил я. — Он мой старый знакомый — и выясню, как идет расследование похищения и что нам с тобой делать.

— Я думаю, не нужно звонить в милицию, — задумчиво проговорила Марина, помешивая ложкой в чашечке с кофе. — У них наверняка еще никаких сведений нет. Вы же знаете, как работает наша милиция.

А завтра видно будет.

— Нет, Марина, сидеть сложа руки нельзя: неизвестно, какие подонки выкрали твою мать.

— Дядя Сережа, а о чем ваша новая книга?

— Моя книга... Она о великом голландском анатоме Фредерике Рюйше — кстати, он открыл лимфатическую систему. Но особую известность ему принесли опыты с бальзамированием...

— Как интересно! — подперев подбородок кулачком, Марина с восторгом уставилась мне в глаза. — А расскажите, что там будет.

Я посмотрел в ее голубые как небо глаза и словно протрезвел. Я вдруг понял, что Марина нарочно выводит меня на рассказ о моей новой книге. Ведь любого писателя стоит

только слегка подтолкнуть к теме, на которую он пишет, и его уже не остановить. У нее явно было что-то на уме. Что-то она скрывала.

— Я, кажется, слышала о Фредерике Рюйше, но вот где — не помню. Может, в школе проходили...

— Знаешь что, Марина, ты помой посуду, а я пока в милицию позвоню, — сказал я, поднимаясь из-за стола.

Я вышел в прихожую, взял трубку и пошел к себе в кабинет. Включив ее, обнаружил, что трубка не работает. Я вернулся к базе, подергал, потряс ее — телефон безмолвствовал.

— Марина, ты сегодня никому не звонила? — спросил я, входя в кухню с трубкой в руке.

— Нет, а что, телефон не работает?

— Почему-то молчит, — ответил я, глядя на то, как девушка моет посуду.

— Бывает. Может быть, отключили, у нас часто отключают.

— Может быть, — сказал я, выходя из кухни.

В прихожей я достал из внутреннего кармана куртки сотовый телефон, на ходу набирая номер отделения милиции, прошел в свой кабинет и закрыл за собой дверь.

— Здравия желаю, Николай Николаевич, — поздоровался я, услышав на другом конце провода знакомый голос. — Как жена, дети?.. Ну чудно, чудно. Да нет, пока ничего не выходило, сейчас новый роман пишу. Слушай, я ведь звоню по поводу похищения моей соседки из сто восьмой квартиры. Тут у меня ее дочка волнуется. Что-нибудь новенькое появилось?.. Как какого похищения? Тебе что, не доложили? Вчера дочка ее милицию вызывала, из вашего отделения приезжали, допросили ее... Как ничего не слышал?!.. Тут, может, недоразумение. Ладно, извини за беспокойство. Наверное, это я что-то напутал... Да нет-нет, все нормально. Не нужно никакой машины. Ну давай, обнимаю, дорогой. Созвонимся. Привет семье!

Я отключил телефон и минуту смотрел на него.

— Вот, значит, как! Старших обманывать нехорошо...

Я решительно рванул дверь. За дверью стояла Марина и молча смотрела на меня своими невинными голубыми глазами с удивительно четко очерченными зрачками.

— Ну и как это понимать? — спросил, я злобно улыбнувшись.

— Что, дядя Сережа?

— Ты вызывала вчера милицию? — Я с ходу взял сердитый тон.

— Да, вызывала.

— А чем ты тогда объяснишь, что они ничего про этот вызов не слышали?

Девушка пожала плечами.

— Ты знаешь, у меня такое чувство складывается, что ты меня дурачишь. Тебе так не кажется?

— Нет, я не дурачу. — На глаза ее навернулись слезы. — Не дурачу...

— Ладно-ладно, я ничего не скажу про это твоей маме, но давай переодевайся и иди домой.

— Я не пойду домой, — твердо сказала девушка, упрямо глядя мне в глаза.

— Ты что, с мамой поругалась? — догадался я. — Ну хочешь, вместе пойдем?..

— Вы ошибаетесь, дядя Сережа, — проговорила она, делая ко мне шаг и оказавшись почти вплотную, так что я почувствовал запах ее волос... Она, подняв голову, не мигая смотрела мне в глаза... Какие красивые у нее были глаза... Марина совсем не походила на

свою полную, с грубыми чертами лица мать. Она мне даже нравилась сейчас в этом упрямом волнении.

— Хорошо, пусть я делаю ошибку, но я должен отвести тебя домой. Я поговорю с твоей мамой, она тебя ругать не будет. Иди собирай вещи, живо!

Я решительно закрыл перед ней дверь кабинета и стал переодеваться. Я был раздражен. С какой стати эта девица взялась меня обманывать?! Мне как будто делать больше нечего, как возиться с ней. Она, видите ли, с матерью поссорилась, а я как дурак вынужден выслушивать ее сказки о похищениях. Сразу сказала бы, что идти некуда. Теперь перед Николаем Николаевичем как-то нужно будет оправдываться. Эх, неудобно!! Да и глупо как-то!.. Господи!!

Да она же у меня ночевала, подумают неизвестно что... Что я молодежь растлеваю... Неудачная ситуация складывается.

Я застегнул рубашку и остановился.

А что же я матери ее скажу? Скажу, что ее выкрали карбонарии в масках... Мне, значит, сорок пять — ей восемнадцать... Если подумать хорошенько, да если мои книжки полистать, уж чего там только не найдешь. Ведь со мной теща две недели не разговаривала, прочитав «Квадрат для покойников», одно название романа «Живодерня» чего стоит, а «День всех влюбленных» так и вовсе о каннибализме. Да если с пристрастием почитать мои книжки, то сложится впечатление, что для меня растлить малолетку — обычное дело. До соседей дойдет... До жены — не дай бог!! А до нее точно дойдет, уж ей соседи наверняка донесут... Ух, елки! От таких перспектив голова шла кругом.

Я надел пиджак. Может, галстук надеть? Как будто я в нем и спал всю ночь... Неубедительно. Но галстук все-таки надел. Чего же я, дурак, вчера ее не догадался домой отвести? И ничего бы этого не было, не было бы позора...

А мать ведь у нее судьей работает. Я рассмеялся негромко, но вслух. Как любит говорить один из героев моего романа, «положение безнадежное». Это значит не только надеяться не на что, но и стоит успокоиться — твоя судьба в руках Всевышнего. Он все решает, а тебе и делать ничего не надо. Я застегнул пиджак на все пуговицы. Ну ничего, зато со мной правда. Хотя правда и справедливость торжествуют только в кино и в романах. Ну и пусть! Положение безнадежно!

Я распахнул дверь. Марина так и стояла на прежнем месте в коридорчике. Мне почему-то стало ее жаль.

— Ну что, девочка? — Я обнял ее за плечи, она прильнула ко мне своим тельцем. — Ты хоть понимаешь, в какое меня положение поставила?

Она молча закивала раскрашенной разноцветной головкой мне в плечо. Что-то вдруг нежное к этой девушке поднялось внутри меня.

— Так. — Я резко отстранил ее, может быть, слишком резко. — Давай переодевайся, я тебя жду.

Она повернулась и медленно пошла в комнату...

Я отвернулся, нарочно не стал смотреть ей вслед... На уходящую фигуру.

Марина вышла через пять минут в брючном костюмчике, в башмаках на платформе невероятной, со своим рюкзачком «Смерть попсе!»

— Ты не волнуйся. Мама тебе ничего не сделает, — сказал я, и голос мой слегка дрогнул. «А мне?»

Мы вышли на лестницу, я стал закрывать ключом замок, как вдруг дверь соседней

квартиры открылась, и на лестницу, мерзко гавкнув, выскочил бультерьер соседки Клары Ивановны. За ним показалась и его хозяйка.

— Здравствуйте, Сергей Игоревич, — сказала она, окинув меня взглядом. — А ты, Мариночка, чего не здороваешься?

— Я вас в упор не вижу, — схамила Марина.

Я про себя одобрительно хмыкнул — я бы тоже с удовольствием так сказал.

— Фу! Невоспитанность сплошная.

Хозяйка гнусного барбоса по-собачьи фыркнула и, влекомая животным, поспешила вниз. Ну теперь-то уж вся лестница будет знать о том, что у меня ночевала... о ужас!.. заходила, ко мне заходила Марина.

Мы стали подниматься по лестнице.

— Слушай, это ты мне испортила телефон? — спросил я, слегка повернув голову.

— Да, — виновато опустив голову, ответила Марина.

— Это чтобы я в милицию не звонил?

— Да. Они бы все равно ничего не сделали.

— А что я теперь делать буду без телефона, ты не подумала?

— Там проводочек отсоединен, я приду сделаю, — сказала она, поравнявшись со мной и заглядывая мне в глаза.

— Нет уж! Теперь я сам. Ты с мамой разбирайся.

Мы остановились у ее двери. Марина полезла в рюкзачок за ключами. Я надавил кнопку звонка.

— Смотри-ка, дверь приоткрыта, — сказал я, заметив щель.

Я толкнул дверь и, отстранив девушку, вошел в квартиру. Квартира носила следы невероятного бардака. Вещи из всех шкафов были вывалены на пол, ящики выдвинуты, подняты ковры... Чем-то напоминая египетскую пирамиду, на полу возвышалась груда книг из шкафа. Привычный глаз тут же вырвал из навала знакомую обложку своей книги. Зрелище разгрома впечатляло и подавляло. Я стоял посреди этого обыска, изумленно озираясь по сторонам, рядом со мной стояла Марина. Чрезмерное обилие форм обычно действует на меня угнетающе, я впадаю в гипнотическое состояние растерянности, начинает кружиться голова. Мы стояли так, озираясь, посреди развала несколько минут.

— Дядя Сережа, — негромко проговорила Марина, беря меня за руку. — Кто же этот бардак убирать будет?

Я пожал плечами. Слова девушки вырвали меня из оцепенения.

— Здесь ничего трогать не будем, пойдем сейчас ко мне, — сказал я, решительно поворачиваясь, и, держа девушку за руку, вышел из квартиры.

Мы сидели в гостиной за большим столом со стеклянной столешницей, молча. Марина курила, стряхивая пепел мимо пепельницы, я смотрел в сторону. То, что произошло, окончательно выбило меня из равновесия. Значит, девушка говорила правду, а я подумал черт-те что... Нужно срочно что-нибудь предпринять.

— Почему ты сказала, что вызывала милицию? — спросил я.

— Вы, дядя Сережа, не обижайтесь, но мама велела, чтобы я никому не говорила, кроме вас. Ну а раз вы не знали ни о чем, я и растерялась.

— Теперь хоть понятно, как нужно действовать.

— Как? — Девушка затушила сигарету и закурила новую.

Я поднялся, взял с базы телефонную трубку.

— Очень просто. — Я протянул ей трубку. — Ты исправляешь телефон, потом я звоню Николаю Николаевичу, они присылают опергруппу, осматривают квартиру, снимают отпечатки и начинают искать твою маму. Понятно?

— Понятно. — Девушка улыбнулась как-то натужно. — Но по-моему, не стоит вмешивать сюда милицию, сами разберемся.

— Какой «сами»?! — воскликнул я рассерженно. — Терпеть не могу запаха хабариков. — Я встал, взял пепельницу и отнес в туалет вытряхнуть в унитаз. — Ты хоть понимаешь, что это дело профессионалов? — вернувшись, сказал я. — Что мы с тобой сделаем?! Это в американских фильмах Шварценеггер всех побеждает. Где мы твою маму искать будем? Да и Шварценеггера где возьмем? И не забывай — ты свидетельница. Может быть, тебе придется в милиции пока пожить... или где они там свидетелей прячут.

— В пятизвездочном отеле они свидетелей прячут... Ну может быть, я у вас останусь, как мама сказала.

— Послушай, Мариночка. — Я сел напротив и насколько возможно приблизился через стол к девушке. — У меня тебе находиться опасно, они, возможно, будут тебя искать. И вообще, с каких это пор ты маму слушаться стала?

— Ну кто догадается меня у вас искать? Будут по родственникам, по друзьям разыскивать.

Пожалуй, в ее словах был резон. Что могут ей предложить в милиции? Отдельную камеру. А так она недалеко от своей квартиры, да и мать знает, как с ней связаться в случае чего. Не зря же она велела ей ко мне идти.

— Ну ладно, оставайся у меня, а там посмотрим.

Марина улыбнулась, но тут же подавила свою улыбку, хотя по глазам было видно, что она очень довольна.

— А чего ты так радуешься? — спросил я, глядя на ее довольную физиономию. — Милицию все равно подключать нужно. Тут профессионалы должны работать.

Я оставил Марину дома, а сам отправился в милицию к Николаю Николаевичу. Друзьями мы не были, скорее старыми знакомыми — наши жены дружили со школы.

Выходя из дома, я оглядывался и испытывал сильное подозрение к каждому встречному прохожему и, пока дошел до отделения, изрядно утомился.

Мы проговорили с Николаем Николаевичем около часа. Он обещал делом этим заняться прямо сейчас. Выслал опергруппу на место преступления и одобрил мое предложение, чтобы девушка пожила пока у меня, но сказал, что с ней обязательно нужно будет побеседовать и составить фотороботы похитителей, посоветовав быть поосторожнее.

Марину пришлось уговаривать отправиться в отделение милиции для составления фоторобота, и только к вечеру она согласилась. Я проводил ее, прождав около двух часов. Когда мы вернулись домой, я сел в кабинете за компьютер — нужно было продолжать роман.

Марина между тем отправилась в кухню готовить ужин.

Через час она постучалась ко мне в кабинет.

— Дядя Сережа, вас можно отвлечь?.. Ужин готов.

Как-то мило прозвучало это «можно вас отвлечь». Давно никто не говорил со мной так мило, с тех пор как уехала жена... Да, пожалуй, и она не говорила.

Я вышел в комнату и остановился на пороге. Из музыкального центра доносилась органная музыка, мои любимые токкаты Баха. Стол был сервирован, посередине стояла откуда-то взявшаяся бутылка вина, горели свечи... Прямо романтический ужин.

В загадочном мерцании свечей Марина выглядела пугающе очаровательно: хотя на ней и был атласный голубой халат, но в полумраке он выглядел вечерним платьем. Волосы она убрала назад, открыв лицо, и это лицо поразило и смутило меня.

— А что это за праздник сегодня? — прокашлявшись от некоторой неловкости, проговорил я, озирая обстановку.

— Просто захотелось поужинать с удовольствием, — сказала Марина. — А вам, дядя Сережа, не нравится?

— Да нет, отчего же. Очень мило, я тут отвык от сервиса, одичал немного, — проговорил я, садясь за стол. — А вино откуда? — Я взял бутылку в руки. — Ладно, я понимаю, что ты взяла первую попавшуюся кассету и поставила в музыкальный центр, — говорил я, открывая штопором бутылку вина, — но откуда ты могла узнать, что я люблю хванчкару, можно сказать, с детства, да и вообще... Откуда взяла эту бутылку?

— Можно я не буду отвечать на эти вопросы? У меня тоже есть маленькие тайны.

Марина закурила сигарету и выпустила тоненькую струйку дыма. Она курила, элегантно держа сигарету между указательным и средним пальцами. Как все-таки красиво, когда курит женщина. Зря моя жена курить бросила. Сколько, оказывается, достоинства и, пожалуй, даже элегантности было в этой девушке. Как я не замечал этого раньше? Я налил в бокалы вино.

— Давай выпьем за то, чтобы твоя мама поскорее нашлась и чтобы ей не сделали ничего плохого, — поднял я бокал.

— Найдется, — уверенно сказала Марина, глядя на меня голубыми глазами.

Мы выпили. Оказалось, что готовила Марина вкусно, во всяком случае из того, что разыскала у меня в холодильнике.

В другой раз я, конечно, отпустил бы какую-нибудь неуместную шутку по поводу того, что не рановато ли ей пить вино в мужском обществе и разрешает ли ей пить вино мама? Или еще что-нибудь в этом роде. Но сейчас, глядя через стол на Марину, не хотелось говорить ерунды, хотелось говорить глупости. Что-то поднималось внутри мальчишеское, неумное, давно и накрепко забытое. Хотелось шалить, бузить, не только говорить, но и делать глупости... Вино, что ли, так действовало?!.. Но я удерживался, изо всех сил удерживался. Я человек все-таки разумный и должен держать... себя в руках. В глазах девушки я видел веселые огоньки... Черт, почему мы не в одном возрасте? Хотя мне сейчас казалось, что в одном. То ли она опустилась до моего возраста, то ли я опустился до ее. Но мне же не пятьдесят, я как раз на рубеже между сорока и пятьюдесятью. Как писал Виктор Гюго, «сорок — старость молодости, а пятьдесят — молодость старости». Марина смеялась и, сев за фортепиано, спела несколько песенок и даже мой любимый романс...

— ...Не уходи, побудь со мною, я так давно тебя люблю, я поцелуями покрою уста и очи, и чело.... — Голос у нее был слабеньким, но приятным.

С ней было легко и весело. Я, увлекшись, даже позабыл и о похищенной Татьяне Владимировне, и о своем романе...

— А расскажите о своем новом романе, дядя Сережа, — напомнила Марина, подсаживаясь ко мне поближе.

Лицо ее раскраснелось от выпитого, глаза сияли, она была чертовски привлекательна.

Сейчас это произнесенное ею «дядя» кольнуло меня. Да что со мной?.. Неужели она мне нравится?.. Да нет — чушь. Я, наконец-то, женат.

Я совсем не люблю рассказывать о незаконченных вещах: в этом есть некий мистический смысл. Но сейчас было наоборот. Я с каким-то вожделенным восторгом пустился рассказывать о своем новом романе, как будто бросился в омут. Эх, пропади все пропадом! Марина слушала, не перебивая, с восторгом глядя мне в глаза, и курила одну сигарету за другой.

— ...Вот такой был великий анатом Фредерик Рюйш. Ну или приблизительно такой, — закончил я рассказ о своей новой книге, которую еще не написал. Но в рассказе этом удивительным образом сформировалось дальнейшее действие и повороты романа, появились новые краски и оригинальные ходы. Марина будила во мне что-то особенное, возбуждала фантазию, заставляя голову работать более активно.

— Интересно, — сказала Марина, глядя на меня восхищенными глазенками. — А я где-то читала, что если прийти ночью на кладбище и на могилу какого-нибудь писателя положить его книгу с ручкой, то утром можно забрать уже с автографом.

— Это верные сведения, — подтвердил я. — Но если говорить о кладбищах, то там лучше всего собирать грибы — они там самые вкусные. Подберезовики и опята, говорят, на «Литераторских мостках» лучше всего растут, а если за белыми, то это лучше на Богословское кладбище — там с белыми и подосиновиками хорошо.

— А как рассказывал мой знакомый, у папуасов Новой Гвинеи существует обычай...

Ее прервал телефонный звонок. Я поднял трубку.

— Идиот, кретин, подонок, раздолбай...

Я прикрыл трубку ладонью — человеку нужно было дать выговориться.

— Все, праздник окончен, — сказал я вполголоса. — Как раз полночь. Начинаются писательские будни.

Марина вопросительно посмотрела на трубку в моей руке.

— Это мой поклонник, — пояснил я, не выпуская трубку из рук. — Он мне всегда в полночь звонит, напоминает, что пора работать идти.

— Дядя Сережа. — Девушка как-то виновато смотрела на меня и вдруг повела плечами, будто поевшись. И так это вышло у нее очаровательно, что мне захотелось обнять ее, прижать к себе. — А отчего вы с первой женой развелись?

— Станный вопрос. Развелся и развелся.

— Ну а все-таки, — не отставала девушка.

— А все-таки? Ну, наверное, пожалуй... Из-за слов.

— Она сказала вам обидные слова?

— Нет, не обидные, просто другие слова... — Девушка смотрела на меня недоуменно. — Ну это было давно...

Я даже уже не помню, из-за каких именно слов... Хотя из-за «чушни»... Точно, вспомнил — из-за «чушни».

— Вам не понравилось это слово? — изумилась девушка.

— Не в этом дело. Попробую объяснить. — Я положил трубку на стол. — Сначала она начала задерживаться на работе. Ну это обычное дело, всякое случается. Поверь моему опыту, если женщина захочет обмануть мужчину, она сделает это без особенного труда, у женщины для этого существует множество способов. Ты еще молодая, но ты тоже постигнешь эти ухищрения. — Марина как-то двусмысленно пожалала плечами. — Я, конечно,

ни о чем не догадывался до того момента, пока в ее лексиконе не стали появляться новые слова. И тут я понял — у нее кто-то появился. Видишь ли, Мариночка, все люди живут в закрытом мире. Только кажется, что мир вокруг них велик, радио: телевидение, газеты, анекдоты... Вся эта информация проходит сквозь человека, он не запоминает ее — пропускает мимо ушей. Но слова — это тонкая материя. Каждый человек в обиходе употребляет ограниченное количество слов.

— И даже вы? — вскинула брови девушка.

— И даже я. У каждого человека есть ряд любимых слов, которые он употребляет чаще других, и это индивидуальность человеческой речи. Со временем их запас меняется, но новые слова приходят от людей, как правило, с которыми у тебя установилась духовная или физическая близость, или от людей, которые восхищают тебя, в которых ты влюблен... Понимаешь? — Марина молча кивнула, не отрывая от меня глаз. — Ну вот, у моей жены и появилась эта «чушня».

Я поднес трубку к уху и, услышав короткие гудки, отключил ее.

— Так, может быть, у нее на работе появился новый сотрудник?

— Нет, сотрудника не появилось, — сказал я. — Мне были известны все. У нее появился мужчина и его новые слова.

— Неужели из-за одного слова... расторгаются браки?

— Ну почему из-за одного. Их было несколько, но я их уже не помню. Это ведь было так давно. Интересно, я ведь не задумывался об этом никогда, а вот теперь когда ты спросила, сразу и понял.

— А сейчас вы счастливы в браке?

— Да, вполне.

— А вот Вудхауз сказал, что брак не продлевает жизнь любви, а только ее мумифицирует.

— Пелем Вудхауз — хороший писатель, но Свифт мне нравится больше, а он написал, что если на свете так мало счастливых браков, то только потому, что девушки уделяют больше внимания плетению капканов, чем строительству клеток. Понятно? — Я тронул указательным пальцем кончик ее носа. — А вообще истину в высказываниях великих людей найти невозможно — об одном и том же они могут говорить прямо противоположные вещи, они только соревнуются в остроумии.

— А в последних словах тоже остроумничают?

— Последних? Ты имеешь в виду, последних в жизни?

— Ну да.

— Ну здесь, я думаю, более серьезно относятся, хотя как можно серьезно относиться к тому, к чему не имеешь уже отношения. В предсмертном состоянии человек еще не имеет отношения к смерти, но уже не имеет и отношения к жизни. А почему тебя это интересует?

— Никому не скажете? — Марина придвинулась ко мне ближе, и глаза ее сделались загадочными и восторженными. — Я этого никому не говорю, это моя тайна. Только вам скажу.

— Век воли не видать, — заверил я ее.

Марину, как видно, удовлетворила моя клятва. Она бросилась к своему рюкзачку «Смерть поспе!» и достала из него толстую старую тетрадь, сильно потертую и помятую — засаленные уголки ее загибались. Марина положила перед собой тетрадь и, приблизив ко мне лицо, проговорила:

— Я собираю последние слова. — Она сделала паузу, давая мне время для осознания, а потом продолжала: — Вот в этой тетрадке собрано около тысячи последних слов умирающих. Этим занимался еще мой дед. Он прочитал у Льва Толстого, что «слова умирающего особенно значительны», и поставил эпиграфом к этой тетради. Когда-нибудь я соберу книгу и издам ее под названием «Последние слова». Представляете, как здорово!

— Да, интересная идея, — похвалил я. — А где ты их берешь?

— Ну, из книг разных. Но здесь не только последние слова великих, но и самых обычных людей. Они ведь тоже умирают.

— То, что умирают, я знаю. Ну и что говорят?

— Разное, по совести говоря умного мало. — Марина раскрыла тетрадь и стала ее перелистывать, вглядываясь в корявые письма. — Ну это не очень... Ну вот, например, Бетховен, сказал: «Я снова буду слышать на небе», а последними словами американского актера Бинга Кросби были: «Это была отличная партия в гольф, ребята»... Почему в гольф, черт его знает. А вот кстати, Людовик IV сказал, умирая: «Почему вы плачете? Неужели вы думали, что я буду жить вечно?» Красиво, правда?

— Да, ничего, — сказал я, с интересом заглядывая в тетрадь. — А что еще?

— Но это последние слова великих людей, а здесь есть и простых. Вот, например, что мой дедушка записал за умирающим дядей Остапом: «Смотри, чтобы соседка Зинка табуретку вернула... сволочь такая».

Мы посмеялись.

— А вообще великих изречений мало. Сам мой дед, который эту тетрадь писал, умирая, сказал... — Марина торопливо пролистнула несколько страниц, найдя нужную страницу: — «Ох, ядрена вошь, тяжело! Ни хрена на ум не идет». Вы знаете, я даже хочу эти последние слова деда, начавшего собирать последние слова, сделать эпиграфом к книге. Как вы думаете?

— Я думаю, очень хороший эпиграф будет, прикольный.

— Значительных последних слов совсем мало, в основном бытовуха. Кстати, сам Лев Толстой, видно, тоже, как и мой дед, хотел изречь что-то великое, но у него получилось: «Истина... Я люблю много... как они...»

— И все? — спросил я.

— И все.

— Видно, он афоризм приготовил, но забыл. Слушай, Марина, это вообще замечательная у тебя тетрадь. А что если я у тебя попрошу ее на один вечер, для того чтобы выбрать эпиграфы для своего романа.

Марина смотрела мне в глаза, не моргая.

— Я никому бы не дала ее, кроме вас, но с одним условием.

Марина смотрела мне прямо в глаза.

— Проси все, что хочешь, — улыбнулся я.

— Я должна записать ваши последние слова.

— Вот это просьба! — воскликнул я, внутренне содрогаясь. — Но я согласен, должен же кто-нибудь их записать.

Она протянула мне тетрадь, я заглянул в нее и отложил на край стола.

— Но и вы мне тогда тоже скажите правду, дядя Сережа. — Голос ее сделался серьезным, и брови сдвинулись. Мне захотелось поцеловать ее в пухлые губки. — Ведь они, великие люди, знали то, чего не знают другие... Я пыталась найти это в их последних

словах. Я думала всегда, что уж в конце-то жизни они скажут это. Ну я имею в виду Тайну. Ведь они владели Тайной. Самой главной Тайной...

— Я не понимаю, о какой тайне ты говоришь. — Хмель хотя уже и выветрился, но я находился в возбужденном и каком-то восторженном состоянии. Возможно, это было от близости этой девушки или ее тетради.

— Ну я не знаю, как объяснить. Но вот те катаклизмы, которые происходят в мире. Ведь вы знаете. Вы писатель, автор многих книг, вы занимаете значительный пост в Союзе писателей — вы наверняка знаете больше, чем я и все другие, вы ведь что-то не договариваете. Есть же этот главный вопрос.

— Теперь я понял, что ты имеешь в виду, — улыбнулся я. — Хотя я и писатель, хоть и председатель, будь я даже депутатом или губернатором, все равно я читаю те же газеты, что и другие люди, по телевизору смотрю те же дебилские программы. Когда я работал в Смольном в пресс-службе губернатора, к нам часто приходили журналисты за информацией о работе администрации. И когда мы им рассказывали официальную информацию, они так хитренько улыбались и говорили: «Ну ты-то наверняка больше знаешь, просто говорить не хочешь». А мы ведь действительно все рассказывали — ничего не скрывали.

Марина смотрела на меня молча, не мигая.

— Я думаю, вы знаете Тайну. Просто говорить не хотите. Или я не знаю, как задать вопрос.

— Нет, Мариночка, я не знаю ни главного вопроса, ни тем более ответа на главный вопрос. На него знает ответ только Господь. — Я поднялся. — Ну а теперь я пойду, пора за работу. Спасибо за тетрадь.

Я направился к двери кабинета.

— Вы знаете, дядя Сережа... — Я, обернувшись, остановился. — Мне было очень хорошо с вами.

И снова душный приступ нежности подкатил к грудной клетке, кровь ударила в лицо, замерло дыхание.

— Мне тоже, — еле слышно проговорил я и с бьющимся сердцем пошел в кабинет.

Я еще долго не приступал к работе, сидя на диване и глядя в пространство. Что со мной?! Господи! Что за приступы? Может, давление подскочило?! Или опять магнитная буря... Главный вопрос. Ответ на этот главный вопрос! Знаю ли я его?! В голове все пугалось. Какая женщина!.. Я тер ладонью лоб, щупал себе пульс. Прибор для измерения давления находился в комнате Марины, но я не хотел туда идти. Вернее, хотел, но не за прибором... Нет, надо провериться, срочно нужно к врачу — работаю по ночам. Может, холестерин в крови поднялся?! Что за главный вопрос?! Нет, скорее всего, давление, ведь кровь в голову ударила и пульс участился... Хватит кондрашка. Знаю ли я ответ на главный вопрос, иду ли к нему? Или давно бросил? В моем возрасте очень даже возможен инсульт. Нужно таблетки какие-нибудь принимать... Но ведь ей восемнадцать...

А мне сорок пять!! Нет, завтра же к врачу, самое главное застать болезнь вовремя, иначе потом долго придется лечиться.

Глава 6

ЛЕГЕНДА О ГОРОДЕ УРОДОВ

Последние слова:

— *Я отправляюсь на поиски великого Может Быть.*

Франсуа Рабле

Антон с Максимом осторожно с двух сторон выглядывали в окно. На улице уже было светло, солнечные блики сквозь листву падали на заросшую травой полянку перед домом. Во сне застонала и перевернулась Даша. Друзья посмотрели в ее сторону.

— Ну где мужик-то? — шепотом спросил Антон.

— Не знаю, — тоже шепотом ответил Максим, пожимая плечами. — Может, ушел.

Антон на цыпочках подкрался к входной двери, приложил к ней ухо. Дверь вчера вечером они закрыли, вставив полено в ручку и укрепив его за косяк. Запор был крепкий. Послушав минуту, Антон негромко сказал:

— Может, дверь откроем? Посмотрим, кто там ходит.

— А что этот? — Максим кивнул в сторону двери, за которой был повешенный.

— Да и фиг с ним. Мы-то при чем?

Антон махнул рукой, снова приложил ухо к двери, и тут в дверь раздался мощный удар. Антон отскочил в сторону, испуганно глядя на нее, вслед раздался еще один удар. Кто-то снаружи изо всех сил барабанил в дверь.

Даша села на диване и со страхом и недоумением, открыв рот, смотрела на Антона с Максимом.

— Открывай!!! — раздался с улицы грубый мужской бас. — Дверь сломаю. Всех замочу!

— Чего будем делать? — спросил Максим растерянно.

Антон поднял с пола полено.

— Дверь крепкая, решетки на окнах крепкие, — неуверенно проговорил он.

— Смотри! — воскликнул Антон, указывая рукой на окно.

В окно заглядывала косматая физиономия мужика. Волосы и борода его были растрепаны, он выпученными глазами смотрел в окно, поворачивая голову то так, то этак, но, похоже, ничего не видел. Затем раздался грохот. Должно быть, он не удержался на небольшой приступочке, и голова исчезла.

— Кто это? Антоша, я боюсь... — плачущим голосом проговорила с дивана Даша, окончательно проснувшись.

Антон с Максимом подкрались к окну. Они увидели, как через лужайку, не оглядываясь, удаляется широкоплечий низкорослый мужичок в рабочей спецовке, в правой руке у него был топор.

— Ни хрена себе!.. — прошептал Антон. — Положение, похоже, безнадежно. Давайте-ка собираться и уматывать подобру-поздорову.

Друзья бросились лихорадочно собирать разбросанные по комнате вещи. Даша тоже стала им помогать.

— Вы хоть объясните, что случилось, — попросила она, старательно, как попало запихивая одеяло в рюкзак.

— Некогда, потом все расскажем, — проговорил Антон, озираясь по сторонам — не забыли ли чего. — Уходить нужно.

— А что с этим делать будем? — Даша мотнула головой в сторону другой комнаты. — Который повесился.

— С собой возьмем, — сказал Антон.

— Да, расчленим только и по рюкзакам распихаем, — уточнил Максим.

Дашу ответ удовлетворил.

— Прикольно будет домой руку висельника привезти, — улыбнулась она.

Они упаковали и завязали рюкзаки.

— Выгляни, не видно этого придурка, — попросил Антон.

— Да нет, вроде чисто, — поглядев в окно, сказал Максим.

На всякий случай взяв в руки по полену, они открыли дверь, и Антон выглянул наружу.

— Пошли быстро, пока нет никого, — скомандовал он.

Они распахнули дверь и поспешно вышли из дома. Но успели сделать только несколько шагов, как шедший впереди Антон вдруг остановился настолько резко, что на него наскочил Максим. Навстречу им из-за разросшегося куста сирени вышел мужчина, но это был не тот, который стучался в дом. Этот мужчина был лет сорока, высокого роста, в футболке и джинсах, на его крупном носу как-то неуместно примостились очки в металлической оправе.

— Вы ночевали в этом доме? — спросил он, поблескивая стеклами.

— Да-а... — проговорил Антон, несколько растерявшись от его внезапного появления.

— Ночевали, — встряла в разговор Даша. — А что, нельзя? Нам хозяин разрешил, может быть...

За ночь она отдохнула и набралась своего обычного нахальства, но здесь поняла, что вроде палку перегнула. Сейчас пойдет спрашивать хозяина — разрешал он или нет, а хозяин... «Ничего Петров не отвечал, только тихо ботами качал», — припомнился Даше садистский стишок про электрика Петрова, который надел на шею провод, и ей стало смешно.

— Вообще-то я хозяин. А Виктор где?

Молодые люди сразу поняли, о ком идет речь. Значит, вот как зовут повешенного, но, не ожидая такого вопроса, и отвечать на него не знали как.

— Да там... — Антон мотнул головой в сторону дома.

Мужчина прошел мимо расступившихся молодых людей в дом. Тут, конечно, нужно было драпалить что есть мочи, но это они потом подумали, а сейчас буквально окаменели, увидев, что прямо на них через полянку идет лохматый низкорослый мужик с топором и как будто даже ускоряет шаг, и заносит топор...

— О господи!.. — вырвалось у Даши. — Он же нас всех порубит!

В дверь выглянул мужчина в очках.

— Заходите, заходите скорее!.. — позвал он встревоженным голосом.

Первой бросилась в дом Даша, а за ней и все остальные. Впустив их, мужчина захлопнул дверь и закрыл на полено. И сделал это вовремя, потому что как только он закрыл дверь, в нее раздались кулачные удары.

— Открывай!! — прокричал мужик. — Хуже будет!

Удары смолкли, но потом обрушились на дверь с новой силой. Мужик за дверью побушевал еще несколько минут, после чего все стихло.

— Ушел, — прислушиваясь, сказал мужчина. — Это Прокофий. Он уже два года по горам ходит. Как убежал из психбольницы, так топор где-то нашел и ходит.

— Как это ходит? — Даша посмотрела на мужчину. — А милиция?

— Какая милиция, их машина и на гору не въедет. А Виктор, стало быть, повесился? — совершенно спокойно сказал хозяин дома, как будто речь шла о каком-то заурядном, давно ожидаемом событии.

Молодые люди молча смотрели на мужчину, не зная, как реагировать.

— Он еще две недели назад собирался, — сказал он как ни в чем не бывало.

— Мы вообще-то вчера... заблудились... В темноте случайно в ваш дом попали... — почему-то начал объяснять Антон. — Видим, положение безнадежное...

— А тут Виктор висит, — закончил за него мужчина.

— Да, висит, — сказал Максим, все это время молчавший. — А мы думаем, не ночевать же на улице...

— Правильно, чего он, закусает, что ли, — закончил юмористически мужчина и улыбнулся. — Меня зовут Анатолий Михайлович.

Молодые люди тоже представились.

— А вы откуда?

— Из Петербурга, — сказала Даша. — Студенты.

— Понятно. Снять его сможете?

Антон с Максимом переглянулись.

— Ну что, сможете? Мне одному неудобно.

— Поможем? — спросил Антон у своего товарища.

— Ну давайте, — пожал плечами Максим.

Они поставили рюкзаки и вслед за Анатолием Михайловичем вошли в комнату. Отсюда, с горы, сквозь зарешеченное окно открывался изумительный вид на море. Сейчас в ярком дневном освещении повесившийся выглядел не так пугающе. На нем были надеты мятый костюм, рубашка с галстуком и дырявые носки. Рядом валялся стул, с которого он и сделал последний прыжок в своей жизни. Прямо под трупом лежали стоптанные ботинки, не удержавшиеся на мертвом.

— Ишь, принарядился, — сказал Анатолий Михайлович. — Думает, его уродство костюмом скроется.

Друзья обошли его кругом и заглянули в лицо.

— Ух ты-ы!.. — прошептал Антон в изумлении.

Его товарищ даже не нашел, что сказать. Он, задрав голову, с открытым ртом смотрел в его застывшее бледное лицо.

Перед ними висел вопиюще уродливый человек. Оказывается, ночью в слабом свете лучины уродство висельника им не примерещилось. Лицо его, действительно, с правой части как бы сползло вместе с ухом и обвисло на шею большим морщинистым оковалком. От этого перекосило нос и рот, а глаз оказался на щеке. Но и это было не все — на руках его было по два, зато больших, напоминавших клешни, пальца.

— А вы что, Виктора не видели? — заметив их удивление, спросил Анатолий Михайлович. — Он человек уникальной, редкой внешности.

— Да мы не приглядывались, — сказал Максим.

— Это безнадежно... — в задумчивости проговорил Антон. — А мне его лицо чем-то нравится.

— Ну принимайте тогда.

Анатолий Михайлович поднял стул и, взобравшись на него, перерезал веревку. Тело несчастного Виктора повалилось на молодых людей. Оно оказалось на удивление весомым, основная его тяжесть пришлась на Максима — Антон, не имея сил удерживать, выпустил его. Максим заохал и, не желая бросать урода, повалился под его весом на пол и забарахтался, спихивая с себя труп. Стоявшая в дверях Даша не смогла удержаться от смеха. Антон помог другу подняться. Максим был бледен, руки дрожали.

— Думал, умру, — сказал он, отдуваясь. — Как каменный.

Труп Виктора перевернули вверх лицом и еще раз полюбовались его внешностью. Даша подошла поближе и, прячась за спину Антона, выглядывала у него из-за плеча. Потом увидела какой-то листок бумаги, подняла его.

— Это он с детства такой? — спросил Максим.

— С самого рождения. Наследственное заболевание какое-нибудь, — ответил Анатолий Михайлович, с сожалением склоняясь и закрывая у трупа сначала один глаз, а потом уже второй, потому что из-за разницы положений одновременно закрыть их было невозможно. — Уродство по наследству передается, и удивительно, что потомки уродов никогда не теряют своих качеств. Если даже дети у монстра рождаются с виду нормальными, у них все равно что-то не то — то ли в душе, то ли в сознании. Это называется «синдром монстра». Он сюда прибрел полгода назад. Я ему раз в неделю из города еду приносил.

— Так это не родственник ваш? — спросил Антон почему-то с облегчением.

— Нет, он случайно ко мне в дом постучался — его же с таким лицом никуда не пускали. Я психиатр — я понимал, что человек на грани, но ничего не мог поделать.

— Это же предсмертная записка, — сказала Даша, показывая бумажку с крупными каракулями.

Анатолий Михайлович взял у нее записку и пробежал глазами.

— Да, ее Виктор написал. Вот он пишет: «Я не могу больше искать этот город. Я устал. Его нет на карте, может быть, его нет и на планете, может быть, это выдумка — мечта таких, как я. Должна же быть и у нас какая-нибудь мечта».

Он опустил записку и посмотрел на лежащего человека.

— Виктор разуверился в мечте, — сказал психиатр грустно. — А если человек разуверился в своей мечте, на этой земле его уже ничто не остановит. Когда у человека уходит мечта, уходит и жизнь, или он превращается в зомби. Таких зомби миллионы на нашей земле. Виктор бежал из больницы, три года скитался по горам в поисках своей мечты, жил в хлеву, а однажды набрел на мой дом и остался пожить.

— А что у него была за мечта? — с интересом глядя на лежащего человека, поинтересовалась Даша. — Неужели у такого может быть мечта?

Психиатр смотрел на нее с сожалением.

— У всякого может быть мечта. У Виктора мечтой был город уродов.

— Что за город такой? — поинтересовалась девушка.

— Вы никогда не слышали о городе уродов? — спросил Анатолий Михайлович. Он снял очки и, достав из кармана платок, протер стекла. — Я расскажу о нем, только пойдете в другую комнату, пусть Виктор здесь полежит спокойно. Он искал этот город три года. — И, поглядев на труп, психиатр сказал: — А может быть, он его уже и нашел.

— О городе монстров говорят уже триста лет, — начал Анатолий Михайлович, когда молодые люди устроились на диване, сам он уселся верхом на стул, положив на спинку руки. — Как известно, во все века люди с уродливой внешностью служили на забаву окружающим, тем, у кого внешность была заурядная, обычная была внешность. Считалось высшим удовольствием издеваться над несчастными. Как мы знаем из истории, почти во всех странах мира уродливых новорожденных детей уничтожали. В древней Спарте их сбрасывали со скалы, в России, считая порождением дьявола, топили в проруби. При королевских дворах было модно держать уродов для забавы. Они выступали в цирках, их возили в клетках, показывая на потеху публике. Были уроды и выведенные искусственно: в Древнем Китае ребенка сажали в замысловатой формы сосуд, и он жил в этом сосуде. Тело его росло и заполняло пустые пространства. Когда человек вырастал, сосуд разбивали, и на свет появлялся человек, в точности копирующий форму сосуда.

Или взять средневековых компрачиков, воровавших детей и уродовавших их для продажи в балаганы и богатые дома. В фашистской Германии людей с физическими отклонениями уничтожали или оскотачивали, чтобы они не могли иметь потомства. Уроды страдали во все века, оттого что отличались от других, нигде не находя себе спокойного места. Да что говорить, это были самые гонимые и самые бесправные существа в мире. Они были разобщены и разбросаны по свету, возможно, поэтому родилась эта легенда о прекрасном городе уродов — городе, где их ждут, где им всегда рады. Говорят, что в городе этом им дается полная свобода, и они не нуждаются ни в жилье, ни в деньгах. В легенде говорится, что этот город удивительной красоты, с величественными дворцами и широкими каналами, с дивной красоты памятниками и парками, город, который строили лучшие архитекторы мира, в котором работали лучшие художники, который создан специально для счастливой беззаботной жизни монстров. Создан он для людей обиженных и отвергнутых, имеющих неизлечимые физические недостатки, и только они счастливы в этом городе. Только здесь они могут чувствовать себя полноценными. Город монстров. Город — мечта уродов всего мира. Мечту эту они несли всю жизнь, передавая ее из уст в уста в паноптикумах, на площадях, в цирках, демонстрирующих уродов, в больницах для инвалидов...

История о прекрасном городе уродов насчитывает триста лет и за это время обросла небывалыми подробностями, переводилась на многие языки мира, пересказывалась в разных импровизациях, пока не превратилась в прекрасную сказку, которую знает теперь каждый не такой как все — каждый урод и умственно отсталый. Три века мечта о прекрасном городе будоражила души, вселяя в сердца монстров надежду на исцеление. Три века люди с физическими недостатками мечтали поселиться в нем, чтобы никогда больше не чувствовать своей ущербности, ведь живя в одном городе, они уже не были бы отверженными, уже никто не назвал бы их уродами. Они были бы как все. А кто вообще сказал, что то, как выглядят большинство людей, есть правильный вид человека? Может быть, это и есть брак, который возмнил себя правильным. Но в городе уродов все будет не так, там все будут знать, что они нормальные, их не будет ничто удивлять, ведь у каждого своя индивидуальность.

— А где этот город? — ни с того ни с сего спросила Даша.

— Вот на этот вопрос не ответит не то что нормальный, даже ни один монстр. Они просто уверены, что он есть. Представьте, молодые люди, что за три века существования легенды она обросла множеством подробностей. Я рассказал ее только в общем. Мои пациенты могут рассказывать об этом городе часами. Теперь не представляется возможным

отыскать первоначальный ее вариант, и даже трудно определить, в какой стране она родилась. Она может быть где угодно: в Прибалтике, в Европе, у вас в России...

Анатолий Михайлович пообещал сам похоронить Виктора и объяснил молодым людям, как спуститься с горы в поселок. В поселке нужно было сесть в автобус и доехать до железнодорожной станции.

— Будьте осторожны, здесь где-то по горам Прокофий блуждает, — сказал на прощание психиатр. — Если его встретите, не обижайте. Он безобидный, а топором только пугает. А вы делайте вид, что боитесь, иначе он огорчится.

Пока молодые люди спускались в поселок, они видели то там, то здесь блуждающего по горам Прокофия. Он шел быстро, не оглядываясь. Куда несли его безумные мысли? Почему он стучался в дома, пугая людей? На этот вопрос мог ответить только он сам, но у него спрашивать не стали.

Глава 7

БУЛЬОН ИЗ МЫСЛЕЙ

*Последние слова, перед тем как его застрелили:
— Феликс, Феликс, все скажу царице...*

Григорий Распутин

Я проснулся в пять утра в отвратительном настроении. Тут же, пока настроение совсем не испортилось, не открывая глаз, мысленно взял в одну руку небольшой осиновый колышек, в другую — молоток и, приставив острие кола себе к груди, несколько раз изо всех сил шарахнул молотком. Кол пробил сердце, стало немного полегче, после чего я снова уснул, но через полчаса вновь проснулся и ворочался, жмуря глаза, надеясь, что сон все-таки вернется. Если учитывать, что лег я в три часа, то выспался слишком быстро. Когда сон не идет, в голову лезут всякие несуразные мысли и роятся, и роятся... Хотя гонишь их, а они возвращаются снова.

Этой ночью мне в голову лезла Марина. Лез самый главный вопрос. Что за вопрос? И какой ответ должен я знать? Но мне казалось, что ответ мне известен... Да и что нужно от меня этой девчонке? Или это мне от нее что-то нужно? Мысли приобретали неоспоримую отчетливость и в то же время путались и переплетались; кажется, я сделал в полусне несколько открытий и уже был уверен, что знаю эту великую Тайну.

Чем больше я размышлял над этим, тем все больше уверялся в том, что все не так просто, что мать ее пропала запрограммировано, и я попал в этот водоворот тоже как жертва... Черт-те что бродит в голове в бессонную и душную летнюю ночь.

Я проснулся от телефонного звонка: звонил Николай Николаевич.

— Я бы хотел с тобой увидеться, — сказал он, по-военному сразу переходя к делу.

— Есть что-нибудь новое о Татьяне Владимировне? — спросил я, еще не придя в себя.

— Давай увидимся и поговорим. Я буду ждать в четырнадцать часов.

Я бросил взгляд на будильник.

— А в пятнадцать устроит?

— Договорились...

— Да, а Марину — дочку ее — прихватить?

— Не нужно.

Я выключил трубку.

— Не нужно, так не нужно...

Я чувствовал себя бодрым и отчего-то счастливым. Меня будоражило странное чувство беспечности, которого я очень давно уже не испытывал. Да и роман, кажется, двигался неплохо. Как только эта девушка появилась у меня в квартире, роман пошел на удивление хорошо.

— Как удалось поработать ночью? — спросила Марина, когда я вошел в кухню. Она, забравшись с ногами на кухонный диванчик, читала книгу, пила чай и курила.

— Да ничего, изрядно навалял. Лег поздно, — сказал я довольным голосом, взяв из вазочки печенье и отправляя его в рот.

— Я так и поняла.

Марина поднялась и включила плиту, чтобы приготовить завтрак.

— Звонил Николай Николаевич, просил зайти. Может быть, что-нибудь о твоей матери новенькое появилось.

— Может быть, — пожала плечами девушка.

Казалось, что Марина как-то не очень переживает по поводу ее исчезновения. Я бы места себе не находил, а она спокойна — «может быть», «возможно»...

— Мне всегда было интересно, как писатель сочиняет свои романы? — когда мы сели завтракать, спросила Марина.

— Мне тоже всегда это было интересно, — ответил я, разбив яйцо и положив в него кусочек масла.

— А вот вы как пишете, дядя Сережа?

— Ума не приложу, — ответил я серьезно, но девушке этого показалось недостаточно.

— Ну все-таки, как мысль приходит? Как вы такое выдумываете, откуда фантазия...

— Перефразируя Сальвадора Дали, можно сказать, что романы писать либо очень легко, либо невозможно. А фантазия ниоткуда. Я и сам не знаю откуда. Иногда мысль какая-то придет странная и интересная на первый взгляд. Ходишь с ней, живешь, она у тебя в голове крутится, цепляясь за другие идеи и мысли, как-то они там в голове переплетаются в сложные перепутаницы. И ты живешь, занимаешься какими-то совсем другими делами, а мозг работает как бы отдельно от тебя, и страшно только расплескать этот пока слабенький бульончик из мыслей, и нужно пену всю снять вовремя лишнюю, следить, чтобы не перекипел, чтобы на медленном огоньке томился под крышечкой... иначе студня не будет. А уж потом лаврушечку, перчик, сольцу и мяско дымящееся из кастрюли достаешь шумовкой, и бульончик золотистый с него стекает, охлаждаешь мяско, режешь мелко так — и по тарелочкам... Морковочки!.. морковочки обязательно, чтобы красиво... Да-а, студень я люблю!.. — Я отложил пустую скорлупку от яйца. — О чем мы говорили-то только что?.. Что-то я отвлекся.

— Я сегодня вам студень сварю, хотите?

— Студня я хочу всегда, — сказал я и поднялся из-за стола.

— А чай? — Марина поспешно встала и направилась к плите.

— Нет, я уже не успеваю — мне к Николаю Николаевичу пора, — сказал я. — Вернусь, выпьем.

Я шел по улице, светило солнце. Я думал о ожидающей меня дома Марине, и мне было хорошо от этого. Черт знает, почему хорошо! Мне казалось, что в моей жизни появился человек, который, несмотря на юный возраст, понимает меня, которого понимаю я... А я ее понимаю?.. Но сейчас, глядя на солнышко, на молодые листики на кустах и деревьях, мне хотелось верить, что понимаю.

Николай Николаевич, сидя в кресле у журнального столика, пил кофе в компании с мужчиной в штатском костюме. Увидев меня, Николай Николаевич поднялся навстречу.

— Проходи, Сергей Игоревич, жду тебя. — Я вошел в кабинет. — Вот мой старый знакомый, писатель, — представил Николай Николаевич меня мужчине, который, поднявшись из-за стола, протянул мне руку.

Хотя и был он в штатском костюме, но по манере, по лицу... или еще по чему-то

необъяснимому было понятно, что он тоже работает в органах.

— Алексей Петрович, — представился он.

И имя у него было ментовское. Внимательные жесткие глаза смотрели, казалось, в самую мою суть, высвечивая все мои тайные желания и пороки... наверное, и Марину высвечивая... Жуть! Меня передернуло, и я отвел глаза.

— Алексей Петрович, кстати, занимается поисками исчезнувших людей и заинтересовался твоим случаем. У него частное агентство.

— Да, действительно, — подтвердил Алексей Петрович. — Вам, как писателю, будет интересно узнать, что в городе исчезли несколько чинов из ведомства, в котором работает Татьяна Владимировна. Вот на всякий случай моя визитка. — Он положил на стол передо мной визитку и улыбнулся. Один зуб у него был золотой. Он поднялся и протянул руку. — А дочь Татьяны Владимировны, значит, у вас живет?

— У меня пока.

— А откуда ты знаешь про дочь-то?! — удивился Николай Николаевич, вскинув брови. — Я ведь тебе об этом не говорил.

— Мы тоже работаем, — блеснул он золотым зубом в сторону Николая Николаевича. — Ну если вам что-нибудь будет известно... — повернул он свой зуб ко мне.

— Так, может быть, я Николаю Николаевичу лучше сообщать буду, да он и ближе, — сказал я, взяв визитку со стола и пряча ее в карман. Не нравился мне этот тип. Очень не нравился.

— Можете, конечно, Николаю Николаевичу... Впрочем, как желаете.

Он пожал руку Николаю Николаевичу и вышел из кабинета.

— Да-а... скользкий тип, — глядя на дверь, за которой он скрылся, проговорил Николай Николаевич. — Я ему не доверяю. Раньше работал в органах, да что-то у него случилось там, разное говорят. Вот он и ушел в частное охранно-розыскное агентство.

— Да уж, приятного в этом типе мало, — согласился я. — Такие типы либо прямо в преступники идут, либо в охранные организации.

— Это часто одно и то же, — сказал Николай Николаевич. — Да ты наливай кофе себе — у меня секретарши нет. Или, может, чего покрепче? Я этому не предлагал. — Он кивнул на дверь.

— Я, Николай Николаевич, к вам по моему... в смысле, ну, по этому делу...

Я почему-то смутился, налил себе кофе. Николай Николаевич внимательно посмотрел на меня и развернул конфету.

— Дело здесь не очень понятное... Я уж этому не стал говорить. — Он вновь кивнул на дверь. — Мы в квартире все осмотрели — никаких следов.

— Что же тут непонятного? — удивился я, допив кофе и ставя чашку на столик.

— А то непонятно... — Николай Николаевич покрутил перед глазами шоколадной конфетой, рассмотрел ее, но есть не стал, а положил рядом с чашечкой на блюде. — Не похоже это на обыск. Непрофессионально.

— Ну как это не похоже, я же сам бардак видел, — возразил я.

— Бардак есть, а обыска нет, — сказал он, улыбнувшись.

Я вопросительно смотрел на него, вскинув брови. Николай Николаевич залпом выпил кофе, поставил чашечку на место, так и не притронувшись к конфете.

— Слушай, а как у тебя отношения с Мариной?

Мне стало сразу как-то неудобно.

— Какие отношения, что вы имеете в виду?! — спросил я, но слишком уж поспешно, слишком взволнованно, слишком нервно... Вот черт!

— Да ничего не имею, — спокойно сказал подполковник. — Ей сколько лет-то?

Ну вот, начинается. Сейчас спросит, сколько мне!

— Лет восемнадцать-девятнадцать, — сказал я, беря конфету и разворачивая ее, хотя кофе в чашке уже не осталось.

— Тогда понятно, — вздохнул Николай Николаевич.

Я хотел спросить, что понятно, но удержался. Положение было хуже некуда.

Он поднялся, подошел к своему рабочему столу, достал из ящика два листка бумаги, протянул мне и молча уселся на прежнее место. На листах были фотороботы мужчин.

— А этот мне знаком, — сказал я, помахивая листком в воздухе. — Да и этого, похоже, где-то видел...

Николай Николаевич молча глядел на меня то ли с иронией, то ли с издевкой, я не понимал. Но какого фига он так смотрит?!

— Ну точно. У этого кучерявого лицо знакомое, — повторил я в задумчивости. — На Валерия Леонтьева похож... Ну точно, на Валерия Леонтьева.

— Это он и есть, — со своего места подтвердил мою догадку Николай Николаевич.

— Да и у второго лицо знакомое, — сказал я глядя на другой фоторобот.

— А это Шнур, — сказал все такой же бесстрастный Николай Николаевич.

— Какой шнур?.. Ах да, Шнур!

Я положил Шнура с Леонтьевым на столик.

— И что же это может значить? Певцы теперь людей похищают, мало зарабатывают...

— Не думаю, — лениво сказал он.

— Что же тогда? Не томи, Николай Николаевич. Как это поможет в поисках Марининой матери?

— А никак. Ее искать и не нужно. — Николай Николаевич закинул ногу на ногу.

— В каком смысле? — продолжал не понимать я.

— А в таком, Сергей Игоревич, что Маринину маму никто не выкрадывал. Мы звонили на ее работу, там нам сообщили, что Татьяна Владимировна в данный момент находится в отпуске в городе Коктебель. В санаторий мы звонить не стали: по-моему, и так все понятно.

— Так что же это значит?

— А ты не догадываешься?

— Нет.

— Это значит, что нас, а точнее говоря, тебя, кто-то хочет ввести в заблуждение. Теперь понятно?

— Ну я уже догадался кто, — проговорил я. — Но какой смысл?

— Я ведь и спросил, сколько ей лет. Они в таком возрасте влюбчивые. — Он внимательно смотрел мне в глаза.

— Да ты что?! — воскликнул я возмущенно. — Ты знаешь, сколько мне лет?!

Я торопливо шел по улице в сторону дома. От состояния беспросветного счастья, с которым я направлялся в отделение, не осталось и следа. Да как посмела эта девчонка так нагло меня обманывать! Я ведь не мальчик уже! И какой ей во мне интерес разыгрывать спектакль с исчезновением матери, обыском... И всей этой фигней!

Я открыл дверь и решительно, не раздеваясь, прошел в комнату. Но в комнате ее не

было. Я прошел в кухню. Пахло здесь восхитительно. Марина сидела на стуле, закинув ногу на ногу, и читала книгу. В своем атласном халатике она была такая очаровательная, такая домашняя, ручная и беззащитная, что хотелось обнять, приласкать ее... На плите в большой кастрюле что-то булькало и пахло. Пахло, как я догадался, будущим студнем. Я прокашлялся.

— Читаешь?! — грозно сказал я и отогнул край обложки. Это был мой роман «Живодерня».

— Я всю ночь вашу книгу читала. Удивительный роман. Дядя Сережа, почему вас так мало знают?

— Ну почему мало?.. Да, дорогая моя, — преодолевая накатившую вдруг гордость, начал я. — Теперь давай мне всю правду говори. — Злость моя куда-то улетучилась — ну как можно ругать такое очаровательное существо, которое читает и хвалит твою книгу, да еще в таком запахе!

— Я не понимаю вас, дядя Сережа. — Она широко раскрыла свои очаровательные сероголубые глаза. Вокруг зрачков я разглядел темный кантик, что придавало им еще большую выразительность.

Меня тянуло к этой девушке — к ее глазам, к ее рукам, к ее губам и ее телу... Как бы я с восторгом и вожделением целовал ее юные очаровательные руки, ее пухлые губы... Ужас! Ну почему мне так много лет?! Почему?! Почему она не родилась раньше... или я позже... Больше нельзя было медлить. Нужно было взять себя в руки и проявить решимость.

— Значит так, Марина, — начал я, строго глядя ей в глаза. Марина достала сигарету. — Давай говорить начистоту. Зачем ты придумала всю эту историю?

— Что вы имеете в виду, дядя Сережа? — спросила она, спокойно прикуривая. Ни один мускул на лице ее не дрогнул.

— Я имею в виду историю с похищением. — Она молчала. — Значит, не хочешь говорить честно, — выдержав некоторую паузу, продолжал я. — Тогда, может быть, тебе будет интересно, что мама твоя вовсе не похищена, а отдыхает преспокойненько сейчас в санатории в Крыму. — Девушка молча глядела на меня и курила. — Ну что ты молчишь?!

— Она не поехала в санаторий. Она нарочно всем так сказала, но не поехала. — Марина стряхнула пепел в пепельницу, но опять не попала.

— Тебе не очень-то удастся врать. Неужели ты думаешь, что милиция не смогла бы отличить обыск от простого бардака? Это меня удалось провести, а они специалисты. Да и фотороботы твои похожи, сама знаешь, на кого. Так что вся твоя теория рушится. Только объясни, зачем ты все это придумала?

— Я не придумывала. Так все и было. — Девушка смотрела на меня широко открытыми глазами. — Не выгоняйте меня, дядя Сережа... — со слезами в голосе вдруг попросила она.

— Я тебя не выгоняю, — как можно спокойнее проговорил я, хотя сердце у меня сжалось. — Но ты должна идти домой... порядок наводить, — почему-то добавил я. — А то мама из Коктебеля вернется, а дома...

— Не выгоняйте меня, дядя Сережа. — Глаза девушки наполнились слезами.

— Я тебя не выгоняю, — давя поднимающуюся изнутри нежность, твердо сказал я. — Но тебе нужно идти домой, здесь тебе нельзя оставаться.

Больше она ничего не говорила, а только смотрела мне в глаза долгим пронизывающим взглядом. По щекам ее текли слезы. Как я хотел вместо этих слов встать, обнять ее, прижать к себе...

— Все решено, — вместо этого сказал я. — Собирайся.

Марина стояла на пороге со своим рюкзачком на плече и смотрела на меня грустными глазами.

— Зря вы мне не верите, дядя Сережа, — сказала она и вышла из квартиры.

— Маме привет, — бросил я ей вслед и закрыл дверь.

На душе было как-то паршиво и сумрачно, словно я совершил какой-то гадкий поступок и его будет уже не исправить никогда. Я направился в кабинет... хотя какая сейчас работа! Явно роман не пойдет. Для работы нужно уравновешенное состояние, а не такое, как у меня.

Я включил компьютер, и тут в дверь раздался звонок. Улыбнувшись, я пошел открывать — мне было приятно, что она вернулась. Я даже не сомневался, что Марина нашла повод вернуться. Как я не мог найти причину, чтобы ее оставить. Молодец! Придумала все ж таки...

Но в глазок на лестнице я увидел мужчину с удивительно знакомым лицом.

— Кто там? — соблюдая осторожность, спросил я.

— Сантехник. У вас там трубу прорвало, соседей залили.

— Какую трубу? — Я оглянулся на дверь ванны.

— Ну посмотрим сейчас, какую.

Сердце беспокойно сжалось. Я вновь оглянулся в сторону ванны и открыл дверь.

Сантехников оказалось двое. Они вошли в прихожую и закрыли за собой дверь.

— Где она? — спросил первый сантехник.

Не очень-то они походили на сантехников.

— Ну пойдёмте посмотрим. Вы же сами говорите, что труба течет.

— Ты ему дай в лоб, чтобы он понимать начал, — сказал второй мужик, еще меньше первого похожий на сантехника.

У него была пышная копна волос и татарский разрез глаз, он был похож... Я наконец пришел в себя и отступил в глубь прихожей.

— Где Марина? — спросил Шнур.

— Да чего ты с ним разговариваешь?! — возмутился Леонтьев. — Дай ему.

Он сделал ко мне шаг, выходя из-за спины Шнура. «Смерть попсе!» — подумал я и нанес короткий удар ногой с поворотом корпуса в солнечное сплетение. Удар достиг цели, и Леонтьев, согнувшись, отлетел к двери. Места оказалось маловато, поэтому он получил скорее мощный толчок, нежели полноценный удар. Почти одновременно кулаком правой руки я нанес удар Шнуру в подбородок...

...Эх, если бы мой удар достиг цели... Эх, если б достиг!.. Шнур получил бы нокаут или уж во всяком случае мне удалось бы выбить его из равновесия, а уж там я бы его добил... Но Шнур оказался профессионалом. Он легко ушел от удара, поднырнул под мою руку и сделал короткий крюк в челюсть...

Глава 8

БАБУШКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Последние слова:

— У меня ужасно болит голова.

Франклин Рузвельт

Когда друзья вернулись из похода по крымским горам, Даша заболела воспалением легких. Антон бегал за лекарством, готовил обеды и занимался хозяйством. Они жили временно в квартире Дашиных родителей, пока те отдыхали на даче, а это еще два месяца до сентября. Несколько раз звонил Максим, напрашивался в гости, но Даша никого не хотела видеть. Она сильно кашляла, и одно время даже встал вопрос о госпитализации, но Даша отказалась.

Как-то вечером в дверь раздались звонки — один длинный и два коротких — Антон пошел открывать. На лестничной площадке стоял Максим в летней клетчатой куртке и джинсах, его волосы, всегда гладко зачесанные назад, сейчас лежали как попало, он был бледен и, когда Антон открыл, без приглашения прошел в квартиру.

— Что-нибудь случилось? — спросил Антон, закрывая дверь.

Максим остановился в прихожей и молча напряженно смотрел на Антона.

— Ты почему в халате? — вдруг спросил он.

— Не понял. Ты чего, поддатый?

— А, извини, — сказал Максим, словно очнувшись, потер ладонью жиденькую черную бородку и почему-то спросил: — Ты один?

— Да с какой стати? Ты чего, забыл, что я женат? Ну уж проходи, если притащился без звонка.

Они прошли в кухню. Антон вышел предупредить Дашу, которой врач прописал постельный режим, о приходе товарища, потом вернулся в кухню. Максим сидел на табуретке у кухонного стола и глядел в пол.

— Чай будешь? — спросил Антон, садясь напротив.

Максим помотал головой.

— Ну что у тебя случилось?

Антон дружески положил ему на плечо руку.

— Я видел бабушку, — вдруг тихим замогильным голосом проговорил Максим, не отрывая взгляда от пола.

— Что?.. — Антон закашлялся. — Слушай, выброси ты это из головы. — Он не знал, как нужно разговаривать с людьми, одержимыми навязчивой идеей. Но раз врачи сказали, что в этом ничего особенного нет, значит, пройдет, наверное...

— Это совсем не то. — Максим потер влажный от пота лоб. — Это уже не угрызения совести. Я видел ее, понимаешь...

Голос его был совершенно спокоен.

— Ну хорошо. Видел, наверное, бабулю, на нее похожую. Так же бывает — похожих людей полно. Я вот один раз с Дашей встречался у метро, так представь...

— Нет, — помотал головой Максим. — Я отличил бы ее от любой другой...

— Слушай! — наконец придумал Антон. — Ты знаешь, сколько лет было бы сейчас твоей бабушке? Ты ее когда, лет пятнадцать назад убил?.. Она бы умерла уже или изменилась до неузнаваемости.

Антон осекся, поняв, что в запальчивости сказал что-то не то.

— Слушай, Антон, давай завтра со мной сходим, я один боюсь, — проговорил трагическим тоном Максим.

— Да нет проблем!

Антон обрадовался, что завтра на месте с легкостью сможет доказать другу, что это не его бабушка, путем сопоставлений возраста, фактов, да просто подойти к ней и спросить: «Вы Мария Ивановна, убитая своим горячо любимым внуком пятнадцать лет назад?» Вот он и убедится.

— Да легко! Пойдем завтра и все выясним. Куда идти-то?

— Здесь недалеко, — сказал Максим.

Он поднялся, а Антон почему-то вдруг испугался за него. Мало ли что он надумает сделать с собой в таком состоянии, когда ему покойники мерещатся.

— Только ты обязательно завтра приходи. Договорились?

— Да договорились, договорились. Ты не думай — я не того. — Максим покрутил у виска пальцем. — Просто это действительно моя бабушка.

— Знаешь, Максим, ты давай сегодня спать ложись, а завтра приходи. Посмотрим, твоя — не твоя.

Больше ничего не сказав, Максим ушел.

Антон направился в комнату, где, лежа в халате поверх одеяла, смотрела телевизор Даша.

— А что Максим уже ушел?

— Ушел. — Антон сел у нее в ногах. — Ты знаешь, он приходил, чтобы сообщить, что видел свою убитую бабушку.

— Ни фиги себе, крэйзи! — не отрывая взгляда от экрана, перещелкивая пультом с программы на программу, поставила диагноз Даша. — И чего теперь, в дурик его сдавать?

— Он просил меня завтра с ним сходить бабушку проведать. И теперь я не знаю, как себя вести. Если у него действительно вальты пошли, тогда сложно будет его переубедить, что это не она.

— На кладбище, что ли?

— Черт, я чего-то не сообразил спросить куда. Где-то недалеко... Хотя здесь вроде кладбищ поблизости нет.

Даша бросила пульт на одеяло.

— Ты сходи, конечно, с ним завтра, Антоша. Как эксперт по мертвым старухам. Чья бабушка посмотри, но осиновый кол все равно не забудь взять.

Они дружно расхохотались и потом весь вечер до сна говорили о вампирах и покойниках.

Максим зашел за Антоном в двенадцать часов дня.

— Проходи, чаю попьем, — сказал Антон. Он только встал и был еще заспанный, в махровом полосатом халате.

— Нужно идти, — с каким-то сожалением вздохнул молодой человек. — Там уже открыли.

— Ты не передумал? — сквозь зевоту спросил Антон.

— Слушай, как я могу передумать, ведь там моя бабушка! — повысив голос, с раздражением проговорил Максим. — Не хочешь идти, так и скажи.

— Да ты меня неправильно понял, — попробовал оправдаться Антон. Надежда на то, что друг его за ночь пришел в себя, рухнула.

Друзья вышли на улицу. Солнце слепило, отражаясь от мокрого асфальта — должно быть, ночью прошел дождь.

— Ну, куда? — спросил Антон как можно более безразлично.

— Покажу.

Они прошли по Большой Конюшенной, свернули в проходные дворы Капеллы.

— ...А покойники, однако, пропадают. — Из двери антикварной лавки, выходящей в подворотню, выскочил маленький пузатый человек, и его слова эхом разнеслись под аркой. Он обернулся и, заложив руки за спину, крикнул в открытую дверь: — Да, пропадают! А куда пропадают, никто не знает.

За ним из двери вышел высокий и сутулый, как крючок, тип в круглых очечках.

— Чушь все это! Кому твои покойники нужны?

— А вот, однако ж, пропадают, а чушь или не чушь — покойникам дела нет никакого.

Они пошли рядом, образуя комическую парочку. Максим оглянулся им вслед, но ничего не сказал.

Проходными дворами Капеллы друзья вышли к Дворцовой площади, потом по каналу Грибоедова свернули налево, прошли два дома. Максим толкнул массивную дверь, и они вошли. На большой чугунной вывеске было что-то написано, но Антон не успел прочитать.

Они оказались в большом прохладном холле.

«Выставка восковых фигур» — висела табличка возле двери. Под табличкой сидел скучающий милиционер в форме.

Максим купил в деревянной будке билеты. Заходя за ним в дверь, Антон заметил в руке блюстителя порядка пистолет, он насторожился и даже чуть приотстал от своего товарища.

— Ух ты! — вырвалось у него удивленное восклицание.

Милиционер был ненастоящий, поддельный, но удивительно на настоящего похожий, если бы, конечно, не пистолет в руке.

Они очутились в большой комнате, буквально напичканной восковыми людьми. Они лежали, стояли и сидели, изображая разные сценки из жизни разных времен и разных народов. Антон остановился у одной семейки, изображавшей быт семнадцатого века, и стал разглядывать их. Все фигуры были сделаны преискусно.

— Прикольно, — шептал Антон.

— Пойдем, нам дальше, — сказал Максим, беря друга под локоть и увлекая в другой зал.

Кое-где между копиями людей сидели старушки-служительницы — они выглядели, наверное, даже менее живыми, чем охраняемые ими копии, но зато они могли шевелиться и говорить.

Антон вспомнил, зачем привел его сюда друг, и стал более собранным. «Нужно будет сюда Дашу притащить, когда она поправится. Прикольные такие фигуры, хоть посмотреть можно будет спокойно».

Они прошли уже шесть залов, набитых фигурами. Кого здесь только не было! Богато одетые фрейлины, рыцари в доспехах, фашисты в форме вермахта... Был зал казней, где восковые палачи вешали, отрубали головы, казнили на электрическом стуле и четвертовали

восковых преступников. Был тут и зал с восковыми уродами: сросшимися сиамскими близнецами, трехногими людьми, великанами и уродливыми карликами...

Они переходили из зала в зал. Антон нарочно замедлял шаг, чтоб хотя бы мельком взглянуть на удивительные восковые изваяния.

Наконец Максим остановился возле одной из групп. Внимание Антона тут же привлек повешенный за шею человек. Он напомнил Антону их путешествие по горам, дом психиатра, повесившегося Виктора. Воспоминания ярко всплыли в памяти.

— Ты не туда смотришь, — вырвал его Максим из воспоминаний. — Вот моя бабушка, — проговорил он это вполголоса, как будто боялся ее разбудить, указывая пальцем на старушку, скромно примостившуюся на стульчике рядом с повешенным. И уже совсем шепотом: — Которую я убил.

Она очень напоминала смотрительницу музея — Артем даже сначала принял ее за смотрительницу, но она не шевелилась. Лицо старушки было добрым с легкой лукавинкой, на голове был платок, из-под которого выбивались седые легкие волосы, в руках она держала вязальные спицы с недовязанным детским шерстяным носком. В общем, старушка — божий обдуванчик.

Убивать, конечно, такую жалко.

— Ну и что? Подумаешь, похожа! — пожал плечами Антон и снова посмотрел на повешенного — он больше привлекал его внимание, чем какая-то похожая старуха.

Максим толкнул друга локтем и взглядом указал на бронзовую табличку возле стула старушки.

«Мария Николаевна, случайно убита своим любимым внуком».

Что-то напряглось внутри у Антона, ему сделалось вдруг нехорошо. Он посмотрел на друга, продолжавшего молча на него глядеть, потом снова прочитал надпись на табличке, поднял глаза на старушку, снова посмотрел на Максима.

— Совпадение, — сказал он, беря себя в руки. — Всякое бывает... Совпадение.

Максим достал из нагрудного кармана клетчатой куртки пачку фотографий.

— Смотри... Смотри... Видишь! Вот здесь на даче, видишь... И вот здесь, а вот это — маленький.

Он перебирал перед лицом ошалевшего Антона фотографии, и Антон все больше убеждался, что перед ним, с благородным старушечьим занятием в руках, действительно сидит бабушка Максима. Ну или очень на нее похожая женщина. В то, что это может быть совпадение, он уже не верил, слишком мала была вероятность.

— Ты понял! Это она! — одной рукой тряся друга за лацкан куртки, возбужденно говорил Максим. Он покраснелся от волнения. — Или вот, смотри, доказательства! Вот же, вот, если тебя фотографии не устраивают. Родимое пятно. — Он указал пальцем на щеку старушки, на которой Антон действительно увидел родимое пятно. — А это! Видишь палец указательный кривой. — Он показал на ее руку. — Это у нее с детства всегда такой палец был.

В это время за разгулявшимися молодыми людьми наблюдала женщина. Она хоть и сидела без движения, зато моргала глазами. Она работала с фигурами уже давно и научилась у них сидеть без движения долго.

— Молодые люди, вы ведете себя неприлично! — крикнула она со своего места и снова замерла.

Друзья насторожились, оглянулись. В этом царстве застывших фигур они и забыли, что

могут быть и еще живые люди, кроме них.

Максим, так и не выпустив лацкан куртки своего друга, в другой руке сжимая фотографии, смотрел в ту сторону, откуда донеслось замечание. Антон смотрел туда же, но движения нигде не происходило. Они переводили глаза с одной фигуры на другую, но все они были недвижимы. Им стало жутковато.

Но тут одна женская фигура на стуле зашевелилась.

— Я вам говорю, молодые люди! Идите на улицу ругаться.

Наконец они поняли, что это не галлюцинация. Максим отпустил лацкан друга.

— Ладно, уходим, — сказал он смотрительнице.

Друзья вышли из музея. Солнце скрылось, небо затянули тучи.

— Дождь, наверное, будет, — сказал Антон.

Максим промолчал. Они неторопливо шли вдоль Мойки.

— Теперь ты поверил? — спросил Максим, когда они свернули в проходные дворы Капеллы.

— Ну так и здорово же, что с твоей бабушки восковую фигуру сделали. Ты гордиться должен. Я бы как гордился, если бы из моих родственников восковых фигур понаделали!.. — Он продолжал говорить, преследуя цель подбодрить друга, но сам как-то не верил в свои слова: он говорил, а чувство было такое, как будто врал — и не хотел бы врать, а врал.

Максим слушал... или не слушал. Просто шел молча.

— Знаешь, Антон, — сказал он наконец, перебив словесный поток своего товарища. — Это ведь не восковая фигура. Это моя бабушка. Это настоящая моя бабушка...

— Ну ты чего-то того. — Антон вытаращил на него глаза. — Ну уж до такого доходить нельзя. Да и невозможно такое. — Но что-то в глубине души говорило Антону, что он, может быть, прав... Черт знает почему, но прав. Хотя это и против всякого здравого смысла. Хотя, если по большому счету, то не похожи они были на восковые фигуры, совсем не похожи.

Максим вдруг остановился в подворотне и взял друга за рукав.

— Слушай, Антон, а давай проверим, восковая она или нет.

— Это как ты себе представляешь?

— У бабули на темени должна быть пробоина. Ну когда она падала, она башкой ударилась. Вот здесь. — Он постучал пальцем себе по темени. — У нее там глубокая рана была, я помню.

— Слушай, ну как ты можешь помнить, ведь ты маленький был, — улыбнулся Антон.

— Нет, я все помню, каждую деталь... Так вот. Давай ты посмотришь, есть у нее на голове рана или нет. Если нет, значит, она не настоящая...

— Ну да ты что! Кто мне позволит старушку раздевать? Да если рана и была, так она зарости за столько лет могла.

Они двинулись дальше.

— Зря стебаешься, это намного серьезнее, чем ты думаешь. Я бы и сам, конечно, посмотрел... Но боюсь, а вдруг и вправду она.

— Слушай, ну фигня какая-то. Я, конечно, могу незаметненько платок ей с головы стянуть, но это же бред!

— Да не совсем. Я ведь прощупывал ее, там тело человеческое, мягкое, не так, как у фигур восковых. Понимаешь?!

— Ну хорошо. — Они вышли на Большую Конюшенную, снова выглянуло солнышко. —

Если тебя это успокоит, давай через несколько дней, когда Дашу выпишут, мы с ней вместе посмотрим. Договорились?

— Нет, не договорились.. — Максим остановился и повернулся к Антону. — А давай сейчас вернемся и проверим. Ну ты же понимаешь, ждать, когда Даша поправится! И зачем вообще ее в это дело впутывать?

— Да, дело безнадежное... А ты считаешь, что можно так запросто снять с восковой фигуры платок, что ни-кто не заметит?

— Антон, ты пойми — это ерунда. Нам за это ничего не будет! Я отвлекаю эту бабуся-смотрительницу, а ты в это время платок чуть с головы отодвигаешь и смотришь — есть рана или нет.

— Ну слушай, ты действительно думаешь, что это труп твоей бабушки сидит там среди восковых фигур? Да ты мумий в Эрмитаже не видел? Ты видел, какие они сморщенные и сухие? Да за пятнадцать лет бабушка твоя знаешь во что бы превратилась?! А тут она как огурчик.

Максим положил ему руку на плечо.

— Ты что, Антон, боишься?

— Да при чем здесь «боишься»?! Бессмысленно все это! Понимаешь ты?! Это же обычные восковые фигуры, просто сделаны очень хорошо. Что ты как маленький?! — Антон начинал сердиться.

— Слушай, ты сам-то веришь в то, что говоришь? — спокойно заговорил Максим. — Ты видел когда-нибудь восковые фигуры? Они ведь не такие. Да и там все знаменитости всякие, Ленины-Сталины, а обычных людей зачем делать? Да и восковые фигуры сразу узнаешь, а здесь как настоящие люди. Ну согласишься!

— Может быть, здесь мастера такие... — с сомнением проговорил Антон. — Ты же не думаешь, что это все трупы?!

— Я не знаю, — Максим пожал плечами. — Нужно проверить. Что нам за это сделают? Мы ведь даже портить ничего не будем. Ну подумаешь — в милицию заберут. Ты чего, в милиции никогда не был?.. Давай попробуем проверить мои предположения... Ты вообще мне друг?..

— Ну ладно, черт с тобой, — вдруг разозлившись, решительно проговорил Антон, поворачивая обратно.

Через десять минут, обсудив по пути все детали, друзья входили в двери музея восковых фигур. Неторопливо они прошли до нужного зала. Старушка-смотрительница дремала, прикрыв выцветшие очи, но как только посетители переступили порог ее владений, открыла глаза и сделала бодрый и строгий вид. Медленно подбираясь к бабушке Максима, друзья останавливались возле каждого экспоната. «А ведь действительно не похожи они на восковых, — думал Антон, они ведь все как живые, восковых сразу видно... Может, прав Максим... Да нет, чушь! Чушь собачья! Не может этого быть!!» Все внутри его восставало против этого. Что же, все комнаты набиты покойниками, разодетыми поживому, с живыми — радостными и грустными — лицами, изображающими жизнь живых. Дразнящими живых. Вот, мол, вы живете, а мы изображаем вашу жизнь. Кошмар!.. Нет, чушь! Но внутри все сжималось от ужаса. А вдруг не чушь?!

Антон остановился возле бабушки Максима. Как живая! — цвет кожи, волосы, руки... Антон слегка отпрянул. А ведь недовязанный носок в ее руках стал как будто длиннее... «Ну вот, еще сделать ничего не успел, а уже глюки начинаются», — подумал Антон. Максим в

другом конце зала тем временем подбирался к служительнице музея.

— Скажите, пожалуйста, — обратился он к женщине, закрывая от нее Антона. — А Распутин у вас в музее есть?

— Распутина нет, — ответила женщина, скучающе глядя куда-то в сторону.

— Жалко. А Ленин есть?

— Ленин Владимир Ильич? — оживилась женщина. — Вождь мирового пролетариата?

Антон, увидев, что можно действовать, оглянувшись, аккуратно приблизился к экспонату бабушки.

— Да, он самый, — подтвердил Максим, поняв, что наступил на большую мозоль смотрительницы, чем доставил ей большое удовольствие. — Вождь пролетариата.

— Нет, к сожалению, тоже нет... Но есть один экспонат, на него похожий. Он вот в том зале.

Служительница вдруг вскочила, и Антон, уже протянувший к бабушке руку, боковым зрением уловив движение, отскочил.

— А вы меня не проводите?

— Да нет, у меня экспонаты. — Она села на прежнее место. — Вообще приятно, что такие молодые люди интересуются нашим вождем.

Антон, заметив, что снова выпал из зрения служительницы, потянулся к бабушке, не без неприязни дотронулся до ее головы... и отдернул руку. Она была как настоящая, голова настоящего человека. Ему сделалось отвратительно, но, превозмогая подступивший к горлу ком, он одной рукой взял за ее шею, другой стал стягивать платок. Он хотел стащить его не до конца, только чуть отогнуть, а потом надвинуть на место, но у него не получалось, как будто платок был приклеен к голове. Дрожали руки, дыхание участилось, он все время оглядывался в сторону служительницы.

— Вот собака, — шептал он, про себя уже ненавидя эту восковую старуху, не желавшую ему помочь.

— ...Я вообще Ленина обожаю, но о нем в институте нам почему-то ничего не говорят...

Слышались обрывки разговора. Антону наконец удалось приспустить платок на голове восковой старушки. Он приподнялся на цыпочки, наклонился над ней и заглянул на ее темя...

— Елки!! — прошептал он в изумлении. — Ни фиги себе!!

На голове старушки он увидел кое-как зашитую толстыми черными нитками кожу. Видно было, что зашивали рану не для красоты, а так, для порядка: под нитки попали ее седые волосы. Антон зачем-то потрогал зашитое место пальцем, и ему стало совсем нехорошо.

— Всем оставаться на местах!! — вдруг заорал кто-то мужским страшным голосом. — Не двигаться!!! Всем оставаться на местах!!

Последние слова:

— Бог меня простит, это его ремесло.

Генрих Гейне

Великое открытие Рюйша и создание музея

В своей амстердамской мастерской Фредерик Рюйш большую часть времени посвящал изготовлению и консервации демонстрационных препаратов как частей человеческого тела, так и целых трупов. Благо в казенных не было недостатка. Особо искусен Рюйш был в инъекции кровеносных сосудов. Он вводил в кровеносные сосуды специальный красящий раствор, показывая богатство и разнообразие сосудистой сети в разных человеческих органах. Это были маленькие произведения искусства в стеклянных сосудах, вызывавшие удивление и восторг у современников, навевая поэтические образы. Крупнейшему представителю теоретической медицины Бургаву пришло в голову такое вдохновенное описание: «В печени они (кровеносные сосуды) похожи на небольшие висячие гнезда, в семенниках они намотаны подобно клубку ниток, в почках они согнуты углами и дугами, в кишках они ветвятся подобно ветвям дерева, в радужной оболочке они извиваются подобно змее».

Инъекция сосудов получила название «рюйшевского искусства», и ее изобретатель приобрел уважение не только публики, но и коллег. О Рюйше стали говорить, восхищаясь его мастерством... Но главное открытие его жизни, открытие, которое принесет ему всемирную славу, было еще впереди.

Всю жизнь Фредерик Рюйш искал разгадку секрета сохранения нетленными человеческого тела и его частей. С раннего утра до поздней ночи он экспериментировал с мертвыми, ища разгадку этой тайны. Некоторые анатомы достигли в этом неплохих результатов. Но Фредерик Рюйш хотел большего, его не удовлетворяло бальзамирование на непродолжительное время. Покойники и части их тел, которые выставляли другие анатомы, жили недолго и выглядели неплохо только первый месяц, после чего лица и конечности трупа теряли естественный цвет, кожа морщилась, они темнели и в конце концов приходили в негодность. Рюйш же искал секрет, который продлил бы жизнь трупа — сделал бы его вечным. Фактически он искал эликсир бессмертия смерти.

Запершись в своей мастерской, он работал со скипидаром, серой и винным спиртом, который готовил из хлебных злаков, сахара и рисовой водки. Ища возможность продления жизни покойников, он наполнял их кровеносные сосуды воском и ртутью, вдыхая ее смертоносные испарения. Часто ему становилось дурно, кружилась голова... но Рюйш упрямо двигался к своей цели. Для бальзамирования он использовал также эфирные масла, свинец и смолы, экспериментируя со зловонными, уже разлагающимися покойниками. Фредерик Рюйш искал разгадку секрета. В поисках ему помогали знания, которые он

приобрел, работая в юности аптекарем: он знал много снадобий, замедляющих процесс разложения плоти у живого, но не у мертвого...

И однажды вечность открыла ему свою Тайну. Фредерик Рюйш изобрел способ, при котором забальзамированные им тела детей и взрослых выглядели как живые.

Первые покойники, которых Рюйш выставил на демонстрацию в своем кабинете, вызвали изумление публики и недоверие коллег.

В обширном своем доме на втором этаже Рюйш имел пять комнат, которые называл «кабинетом». Два дня в неделю этот своеобразный музей был открыт для посетителей. Здесь Рюйш выставлял смастеренные им препараты, вытащенные из человеческих тел, в заспиртованном и в сухом виде. Публика шла посмотреть на это с удовольствием. Но когда Рюйш выставил покойников, забальзамированных по новому рецепту, весь Амстердам выстроился в очередь возле его дома, так что пришлось повышать плату за вход. Рассматривая лежавших в колыбели мертвых младенцев и выставленных напоказ взрослых, посетители изумлялись естественности их лиц, некоторые даже трогали их руками, чтобы убедиться, что это не живой ребенок... Но нет, живых экспонатов в кабинете Фредерика Рюйша не было. Эффект этот удавался за счет того, что анатом умел сохранить естественный цвет и фактуру кожи со всеми индивидуальными особенностями: родимыми пятнами, сыпью, шрамами и царапинами, сеточками кровеносных сосудов... Так что те, кто знал этих людей живыми, нередко, случалось, от произведенного эффекта падали в обморок.

Вот что позже писал современник Рюйша, посетивший его кабинет: «Видел пятьдесят телец младенческих в спиртах от многих лет нетленных. Видел мужское и женское четырех лет возраста нетленны и кровь знать, глаза целы и телеса мягки, а лежат без спиртов...»

Коллеги-анатомы с сомнением и усмешками глядели на препараты Рюйша, они-то знали, что пройдет месяц и кожа на них сморщится, появятся дыры, и препарат уже ни на что будет не годен, кроме как выбросить его вон. Но проходили месяцы, годы, но лица, туловища, ноги прошедших через руки Фредерика Рюйша сохраняли свой цвет и фактуру... Как ни удивительно, но по прошествии времени они даже становились еще более похожи на живых, как будто вот сейчас поднимутся и скажут что-нибудь. Анатомы не находили этому объяснения. О Фредерике Рюйше поползли зловещие слухи, что он продал душу за этот секрет. Хотя дом его добропорядочные жители Амстердама давно уже обходили стороной, особенно когда на город опускались сумерки и к воротам подъезжали кареты с телами казненных, приходили женщины, неся мертвых младенцев... Но тех, кто обходил дом с наступлением сумерек, днем тянуло туда посмотреть на новые диковинные экспонаты, которые выставит доктор Рюйш.

В своей уникальной коллекции Рюйш оставлял только самые интересные экспонаты — остальные же продавал, так что в Амстердаме стало модным, на удивление гостям, выставлять у себя в доме забальзамированные тела мертвых детей и взрослых, неожиданно производя на гостей приятное впечатление. Полюбоваться на диковинные экспонаты приезжали и из других стран и городов: из Лондона, Гамбурга, Парижа — считалось великой удачей купить хоть один экспонат Рюйша.

Из забальзамированных мертвецов Рюйш составлял композиции — мертвый ребенок, играющий на скрипке, с веночком на голове; отделенные ручки и ножки покрывались кружевными манжетками; в детскую ладошку он вкладывал внутренние органы, например сердце или печень. Человеческие эмбрионы в подобных композициях украшались сухими цветочками, крошечными свечками, бисерными браслетиками, колье и поясками. Одним из

особенных украшений коллекции по праву считались заспиртованные детские головки со вскрытой черепной коробкой, но румяные и с виду вполне довольные. Эффект этот в немалой степени достигался за счет умного вида хрустальных глазок, вставленных в детские головки вместо настоящих.

Вот как описывались современниками некоторые замечательные композиции Фредерика Рюйша.

«Человеческий плод, примерно семи недель, который схвачен маленькой восточной змеей, трехмесячный плод мужского пола в пасти ядовитейшего животного, называемого жителями восточной Индии чекко, лежащий в гробнице труп человеческого плода шести месяцев, украшенный венком из цветов и естественных плодов и букетов, запах которого он как бы вдыхает».

Из черепа человеческого плода, сидящего в гроте, с любопытством выглядывает скелет мышцы. Или еще композиция: два скелетика братьев-близнецов семимесячных плодов сидят в душераздирающе трогательных позах у гроба третьего братишки, при этом «один подносит к лицу внутренности живота, как бы вытирая слезы, другой несет в правой руке кусок кишки, а в левой артериальную ветку, вынутую из селезенки».

Как видим из описания, композиции были сооружены с некоторой долей черного юмора. Почти все свои художественные работы Фредерик Рюйш (наверное, для хохмы) снабжал печальными поэтическими надписями на латинском языке о быстротечности времени и о бренности всего земного, пронизанными страданием и пессимизмом, типа «Сик транзит gloria мунди» («Так проходит земная слава») и разными другими. Случалось, посетители — если не обладали чувством черного юмора, — видя мертвое тельце ребенка, проливали слезинку от грусти и неизбежности кончины. Особенно сложны и фантастичны были композиции из детских скелетиков и сухих органов, которые обычно монтировались на небольшом поддоне. На нем укреплялись и склеивались особым клеем внутренние органы человека: печень, сердце, вынутые из почек и печени камни, а на них в различных позах укреплялись детские скелетики, изображавшие скорбь, восхищение, восторг. Эти изумительные композиции Рюйш называл «анатомо-поэтические». Они и вправду сделаны были с большим вкусом и усердием: скелетики плакали, читали стихи, играли на крохотных музыкальных инструментах — словом, вели вполне обычную свою жизнь. Эти поэтические композиции вызывали восторг у творческих личностей, посещавших музей Рюйша, и хотя литература того периода приходила в упадок, начиная служить политическим целям, но такому поэту как Лодевик Мейер коллекция Рюйша навевала не один художественный образ. Да самого великого Иоганна Себастьяна Баха, в своем путешествии по Европе посетившего дом Рюйша, поразила и восхитила эта коллекция. Долго с интересом рассматривал коллекцию знатный вельможа из Англии — он тоже оставил запись в книге почетных гостей. Через тридцать лет на надгробье этого величайшего человеконенавистника напишут: «Жестокое негодование не может больше терзать его сердце». Это был Джонатан Свифт.

Одному Фредерику Рюйшу — хоть расшибись — было бы не сделать такого количества тонких и изящных экспонатов. Во всех делах ему помогали его детишки Рахиль и Генрих. Рахили тогда исполнилось уже девять лет, ее брату одиннадцать. Они были просто незаменимы, в особенности при составлении композиций из детских скелетиков. Только чувствительные детские пальчики могли составить крохотный экспонат, прикрепить малепусенькую берцовую косточку к тазобедренной, составить косточки позвоночника, и если что-нибудь вдруг сломается в непрочном препарате, аккуратненько починить. Дети

были руками и глазами Фредерика Рюйша, а он был головой. Кроме того, маленькая Рахиль с детства имела умелые ручки, художественный вкус и часто самостоятельно составляла композиции. Отец не протестовал и не опасался, что дети что-нибудь испортят. Он, как мудрый педагог, давал им возможность развивать свои творческие способности. У него появилась даже идея открыть кружок, чтобы соседские детишки могли под его присмотром заниматься творчеством — благо материала для этого было достаточно. Если, конечно, требовалось перепилить кость — это Фредерик делал самостоятельно. Но вот аккуратненько задрапировать место перепила тканью в манжетке, — это уже Рахиль или Генрих. Трогательные надписи для препаратов Рюйш заказывал у малоимущих поэтов и писателей, платя им за надпись три гульдена.

Но все же самым захватывающим и самым интересным для Фредерика Рюйша, чему он посвятил весь остаток своей жизни, было собирание монстров.

Последние слова:

— Я отправляюсь в свое последнее путешествие. Я совершаю огромный прыжок в темноту.

Томас Гоббс, английский философ

Я очнулся на полу. Надо мной нависал Леонтьев.

— Ну что, очнулся? С мастером спорта решил подраться, козел! — Я попытался встать, он слегка пнул меня ногой в живот. — Ну что, придурок, где Марину спрятал?

Я, покачиваясь, поднялся на ноги, голова болела. Сколько я пролежал в нокауте, рефери не отсчитывал: может, десять секунд, может — десять минут. В прихожую из комнаты вышел Шнур.

— Нет ее, — доложил он Леонтьеву, потом посмотрел на меня и деловито спросил: — Где Марина?

— Откуда я знаю, — ответил я. Драться уже не хотелось, шумело в голове, в теле появилась слабость, я еле стоял на ногах.

— Ну что, берем? — спросил Леонтьев. — Притащим к нам, пару пальцевотрежем — он быстро заговорит. Одно яйцо отрежем... А ты чего испугался, люди, бывает, и с одним живут.

— Чего вы от меня хотите? — спросил я, глядя на Шнура. Я понимал, что, как ни хорохорится Леонтьев, главный здесь не он.

— Мы хотим знать, куда от тебя отправилась Марина. — сказал Шнур, глядя на меня спокойными глазами. — Ты понял меня или дать тебе?

— Что тут непонятного? — ответил я еле слышно, сквозь головокружение понимая, что мы разыгрываем сейчас с ним какую-то сценку из какой-то другой жизни.

Я начал постепенно приходить в себя после удара и искал глазами что-нибудь потяжелее, чтобы срубить Шнура. Ну а уж с Леонтьевым я как-нибудь справлюсь...

— Ну! — Шнур несильно толкнул меня в живот кулаком. — Где Марина?

— Я уже говорил, что не знаю. Она ушла утром, куда не сказала. А вы, наверное, не знаете, что вас милиция уже разыскивает. Так что лучше вам выпустить Татьяну Владимировну.

— Милиция! — В глазах Леонтьева вспыхнуло недоумение. — Какая милиция? Ты же говорил... — Он повернулся к Шнуру. — Ты же говорил...

Значит, они боятся милиции.

— Да, в милиции уже заявление... — попытался продолжить я, но задохнулся воздухом, выпучил глаза и, схватившись за живот, согнулся в три погибели.

Хотя и не сильный, но точный удар в солнечное сплетение прервал мою зажигательную речь.

— Знаешь, что мы сейчас сделаем? — Надо мной согнулся Шнур и зашептал прямо в ухо: — Мы сейчас отвезем тебя к нам в офис, и ты будешь медленно мучительно умирать. Мы будем сверлить тебе зубы, жечь тело хабариками, мы будем бить тебя электрическим

током и кулаками, потом мы кастрируем тебя — тебе уже это не нужно... выколем глаза,отрежем уши, а потом такого чудика выкинем в канал Грибоедова. И смерть будет для тебя великим удовольствием, какого ты не испытывал никогда.

Я слышал его словно бы сквозь муть, как будто из репродуктора бубнил какой-то актер, которого можно слушать, но не воспринимать. Я не верил, не хотел верить, что говорят это мне лично и что все это может случиться со мной... И совсем скоро случится.

— Я не знаю, где девушка, — упрямо проговорил я, выпрямляясь. Глаза между тем искали какую-нибудь удобную тяжесть, чтобы дать Шнуру по башке. Смерть поспе! Но тело после побоев было еще слабым.

— Ну значит так, кент, — вступил в разговор Леонтьев. — Мы либо возьмем тебя пытать и убивать, либо ты нам сейчас же говоришь, где эта мерзкая девчонка. Ты понял! — истерично взвизгнул Леонтьев.

— Я понял, — нахально глядя ему в глаза, ответил я. — Но почему я должен знать, где моя соседка?

— А вот я тебе, сволочь, сейчас напомним!

Шнур хотел залепить мне затрещину, но тут мелодией из фильма «Бригада» зазвонил сотовый телефон. Шнур достал трубку из кармана.

— Слушаю. Ну да, конечно... Ну дали немного... да, слушаюсь! Понял, понял, понял...

Он отключил телефон и положил обратно в карман.

— А действительно, почему он должен знать, где его соседка? Где жена — должен знать, а соседка — не обязательно, — сказал Шнур вдруг переменившимся доброжелательным тоном и даже улыбнулся и похлопал меня по плечу.

— Почему должен знать? — проговорил Леонтьев ехидным голосом, глядя на Шнура. — Непонятно.

— Не знаю, — пожал тот плечами. — Может быть, и действительно зря человека мучаем.

— А если б знал, наверное, сказал бы сразу... — глумливо, как мне показалось, поддержал его Леонтьев, пожимая плечами.

— Так, значит, все-таки не знаешь? — ласково спросил Шнур, вплотную приближаясь ко мне.

Я помотал головой и подумал: «Сейчас будут бить».

— Ай-ай-ай, запачкался. — Ласковый Шнур отряхнул у меня с плеча пыль.

Я напрягся, ожидая удара. Вот сейчас, шепча ласковые слова, двинет в челюсть или в солнечное сплетение. Леонтьев тоже подошел, отряхнул мне другое плечо, не для чистоты — для подхалимажа и издевательства.

Шнур открыл дверь, и они вышли на лестницу. «Значит, в офис повезут, — пронеслось в голове, — будут мучить по полной программе». Но нет, как будто они и не собирались брать меня с собой. Я не понимал, что происходит. Только что душегубы пугали меня зверскими пытками, а сейчас так преспокойненько уходят.

Уже на лестнице, прежде чем закрыть за собой дверь, Шнур повернулся ко мне с улыбкой.

— Вы уж извините, если что не так. Мы же вас даже и не били, так слегка...

Дверь закрылась. Я стоял несколько минут перед закрытой дверью в полной растерянности. Что делать, куда бежать! Что значил этот странный приход, так угрожающе начавшийся и закончившийся так благополучно, если, конечно, не считать разбитой губы.

Проклятие! Они ведь, наверное, пошли к Марине.

Я же ее домой послал. Дурак!.. Она одна сейчас в квартире, и им ничего не стоит...

Я бросился в комнату к книжному шкафу и, торопливо сталкивая с книжной полки книги, полез в дальний его угол. На пол полетели Достоевский, Булгаков, Каралис и Мелихан. Я вытащил оттуда старинную металлическую коробку и открыл ее. В коробке лежал газовый пистолет. Конечно, я понимал, что газовый пистолет — это не всерьез. Но во всяком случае им можно было защитить себя... Ну и главное, конечно, Марину — именно ей грозила сейчас опасность.

Я проверил магазин, сунул пистолет за пояс, надел пиджак. Ну держись, попка! Бросился к телефону, чтобы предупредить Марину, но понял, что поздно. Подошел к входной двери, приложив к ней ухо, для начала послушал лестничную тишину, потом тихонько открыл замок и, бесшумно ступая, через ступеньку бросился вверх по лестнице.

«Телефонный звонок, — размышлял я, поднимаясь по лестнице. — Они ушли, потому что кто-то позвонил. Возможно, им передали, что Марина находится в квартире, чтобы они немедленно шли туда, а меня оставили в покое... Возможно, и так. Иначе навряд ли они оставили бы меня без пытки. Как я мог усомниться в правдивости Марины? Вот дурак! С какой стати ей было выдумывать, что мать украли! Может быть, они имитировали обыск в ее квартире, чтобы сбить милицию с толку». Все вставало на свои места.

Я подошел к Марининой двери, приложил к ней ухо. В квартире тихо, оттуда не доносится ни звука. Может быть, никого нет. Может быть, Марина все-таки не послушалась меня и не вернулась домой — она девушка смышленная. Я позвонил, подождав минуту, позвонил снова, потом еще раз. За дверью никакого движения. Внизу хлопнула дверь, я бросился к пролету, кто-то вошел в лифт, я подождал, пока лифт остановился на втором этаже. Потом вновь подошел к двери, послушал. Тишина. Я взялся за ручку и надавил на нее, замок щелкнул, дверь, легко скрипнув, отворилась.

Оглянувшись, я вынул из-за пояса пистолет и крадучись вошел в квартиру.

В прихожей горел свет. Из ящичков все было выброшено на пол, через открытую в комнату дверь виднелась пирамида книг. Значит, бардак так никто и не прибрал. Переступая через разбросанные вещи, пробрался в комнату. Я старался делать это бесшумно. Бесшумно, конечно, не удавалось: скрип половиц выдавал мое присутствие. Только сейчас, стоя посреди комнаты с пистолетом, я вдруг подумал, что нужно было хотя бы позвонить Николаю Николаевичу, чтобы в случае чего он знал, где меня искать с проломленной головой... Я перешел в другую комнату, потом в кухню. Бардак везде был невероятным. Но ничто не выдавало присутствия живых людей. Ну что же, значит, и мне здесь нечего делать. Я вышел в прихожую, открыл дверь... И тут вспомнил, что Марина говорила о потайной комнате, в которой пряталась, когда Леонтьев со Шнуром пришли за ее матерью. Что-то я этой комнатки не заметил. Я вернулся в квартиру и стал обследовать стены. Отогнув край большого ковра на оклеенной обоями стене, поначалу я ничего не заметил, но, приглядевшись, увидел тонкую щель. Тайник был замаскирован искусно, и неудивительно, что при обыске его не обнаружили.

Я поднял ковер выше, нашел небольшой крючочек, толкнул дверцу; она с трудом приоткрылась, изнутри что-то мешало. В тайнике было темно и душно. Я толкал дверцу с азартом и интересом, заглядывая внутрь помещения. О пистолете в своей руке я забыл и только вглядывался в душный мрак комнатки. Достаточно открыв дверь, я боком протиснулся в помещение...

Здесь было темно, хоть глаз выколи. И тут же я пожалел о том, что проник сюда. В полной темноте тесного помещения меня охватила вдруг неосознанная, непонятно откуда взявшаяся паника. Мне вдруг стало нестерпимо страшно. Пистолет в руке не придавал уверенности, скорее наоборот, здесь было нечто другое, чему нет объяснения, от чего нет защиты, против чего бессильно оружие. Меня бросило в пот. Я чувствовал, что там, в беспросветной темноте дальнего угла, прячется что-то, быть может, жуткое и последнее в моей жизни. И в то же время я не мог выйти без того, чтобы не увидеть это. Я зашарил по стене рукой в поисках выключателя.

— Господи, да где же он! — Я подключил к поиску вторую руку с пистолетом. — Да где же он!!

И вдруг за моей спиной в беспросветной жуткой темноте что-то зашевелилось. Я окоченел от ужаса. Я не знал, что бывает так страшно, так невыносимо страшно. Что-то хлопнуло, чихнуло и коснулось моего плеча. Я вздрогнул и чуть не закричал от испуга, совершенно будучи неспособным к сопротивлению, настолько парализовал меня страх. Стук сердца сливался в непрерывный гул.

— Это вы, дядя Сережа? — вдруг раздался шепот Марины. — Я здесь сойду с ума от ужаса.

— Господи! Это ты? — Я обернулся, широко открытыми глазами вглядываясь во мрак. — Выходи, ну где ты там?

Маринины руки вдруг обвили в темноте мою шею, она прижалась ко мне всем телом.

— Как я ждала вас, — зашептала она с придыханием. — Я ждала вас так долго... Где вы были все это время... Мне кажется, я ждала вас всю жизнь.

Я обнимал ее в темноте, чувствовал запах ее волос, ощущал сквозь одежду податливость ее тела, слышал ее страстный шепот. И мне было хорошо... Мне было так хорошо, как не было хорошо никогда в жизни. И как не будет никогда... Вот сейчас, казалось, можно и умереть, вот сейчас нужно умереть...

Я тоже шептал что-то страстное, шептал слова, которых не знал раньше, которых не говорил никогда и никому и о существовании которых не подозревал. Это словно были слова с другим смыслом, другого языка и другого назначения. Возможно, это были обычные банальные слова любви, которые шепчут друг другу все влюбленные, слова затертые и блеклые, но в эту минуту приобретающие иной смысл, иное значение, иное звучание — усиленные в своей обыденности и просто-те тысячекратно, идущие напрямую из души и попадающие в душу. Это общение двух душ, и умственный отбор слов не имеет значения, не важно, что говорится в такую минуту. Все, что ни говорится на языке счастья, — правильно.

Сколько мы стояли так, обнявшись в темной комнате-тайнике, не знаю. Время перестало существовать. Время перестало существовать... Не было ни прошлого, ни будущего, было только сейчас...

Но что-то вдруг лопнуло, я вздрогнул, прислушался. В комнате кто-то ходил. Сколько ходил, не знаю. Но Марина смолкла и тоже насторожилась. Осторожные шаги за тонким ковром, поскрипывание половиц. Вот что-то загремело. Раздались негромкие чертыхания, после чего все стихло. Должно быть, человек остановился... А нет, вот опять заскрипели половицы — двинулся дальше.

Мы стояли с Мариной, не разжимая объятий, но между нами уже втиснулась тревога. Кто мог ходить по квартире? Возможно, это ищут Марину. Нет! Теперь я не отдам эту девушку не только Леонтьеву и Шнуру — пусть хоть вся полица Москвы придет и попробует

отнять ее у меня! Я чувствовал сейчас в себе огромную силу. В моих объятиях было самое дорогое, самое очаровательное, самое лучшее на земле существо. И я не отдам ее никому. Никому!

За ковром кто-то закашлялся. Я медленно разжал объятия, но девушка не хотела отпускать меня, как в последний раз прижимаясь ко мне еще сильнее. И я снова прижал ее к себе. Еще несколько минут из комнаты слышались шаги, после чего все стихло.

— Ушел, кажется, — наклонившись к ее ушку, проговорил я одними губами.

Она прижалась ко мне еще крепче.

— Нужно пойти посмотреть, — сказал я.

Она промолчала.

— Я пойду посмотрю.

Марина закивала головой мне в плечо и ослабила объятия, но не отпускала. И я понимал ее, вот мы стоим сейчас, обнявшись с ней, и страшно разрушить это единение тел и душ. Страшно, что такое уже не повторится, не повторится никогда. Мне тоже было страшно, но здравый ум уже проснулся во мне. Я, как можно нежнее, стараясь причинить девушке как можно меньше душевных страданий, насильно разжал ее объятия и медленно повернулся в сторону комнаты. Только сейчас я заметил, что рука продолжает сжимать рукоятку пистолета. Это придало смелости.

Я осторожно выглянул в щель между дверями и, слегка отогнув угол ковра дулом газового пистолета, выглянул в комнату. В комнате никого не было. В прихожей в некоторой задумчивости стоял высокий незнакомый мне молодой человек с ярко-рыжими волосами. Постояв так с минуту, он повернулся и вышел на лестницу. Хлопнула входная дверь, и стало тихо. Выждав еще минуту, я осторожно выбрался из комнаты-тайника. Держа пистолет наготове, обошел всю квартиру, но никого не обнаружил, закрыл замок на входной двери, после чего вернулся в комнату.

Марина сидела на стуле посреди невероятного бардака и грустно смотрела в пол. Она была бледна и, кажется, понимала то же, что понимал сейчас и я.

— Ушел, — сказал я.

Марина подняла голову и посмотрела на меня непонимающе.

— Ну я говорю, парень какой-то... Ушел. Постоял в прихожей... На грабителя не похож, ничего не унес...

Я бы заметил...

Я продолжал говорить, сам не зная зачем, заполняя пустоту времени, пространства, пустоту души... Не знаю зачем.

— Что теперь делать будем? — прервала меня Марина.

Я растерялся от ее прямого вопроса, и мне стало неловко.

— Ну сейчас ко мне пойдем, чаю попьем.

Я улыбнулся натужно. Но не это она хотела знать. Не это! А то, что было там, в темной комнате, и что осталось теперь в темноте души. Что теперь делать? Теперь! Потому что теперь мы не такие, как были, мы уже другие и никогда не станем прежними. И возможно, того, что было там, в темноте, уже не повторится никогда. Такое случается редко, раз в жизни... и то не у всех. Хотел бы я сам знать ответ на этот вопрос. Но нет у меня его. Нет!

— Слушай, пойдем ко мне, — сказал я серьезно, без идиотских улыбочек. — Ну а там видно будет.

Она поняла сразу. Она понимала все сразу и так, как я. Марина встала и, не глядя на

меня, словно ей тоже, как и мне, было и стыдно и восхитительно одновременно, пошла в прихожую.

Мы пили чай у меня в кухне. И я тужился изо всех сил быть веселым, рассказывал, как ко мне вломились два попсаря, как я с ними подрался, но не в свою пользу, а только схлопотал по челюсти. Марина делала вид, что ей смешно и страшно за меня, пила чай и много курила. И я делал вид, что мне интересно рассказывать... Но оба мы думали о другом. Оба мы думали о той темной комнатухе, где совсем недавно были счастливы.

— А я после того, как от вас ушла, — после того как мне рассказывать уже было нечего, начала свой рассказ Марина, выпив две чашки чая и выкурив не знаю сколько сигарет, — поднялась к себе в комнату и спряталась в тайник. Дверь я нарочно закрывать не стала, думаю, может вы передумаете. А там у нас барабашка живет, ну я вам рассказывала. Это дух ребенка. — Глаза ее загорелись — эта тема, видно, тоже ее беспокоила.

— А ты откуда знаешь, что дух ребенка?

— Вы... — Она осеклась, не договорив. — Вы меня только за сумасшедшую не считайте.

И я понял, она не хотела обращаться ко мне, как прежде, называть меня дядей. Да и я не хотел, чтобы она так меня называла.

— Ну что ты? Как я могу тебя сумасшедшей считать? Ты же не ковыряешь вилкой в носу, не выливаешь чай мне за шиворот и ведешь себя вполне адекватно.

— Ну ладно, скажу тогда. Он приходил ко мне во сне.

— Как это?

— Несколько раз приходил ко мне во сне и рассказывал о себе... Вы не думайте, он и к маме тоже приходил, только она не верит. Хотя, вот вы писатель, подумайте, как один и тот же сон может сниться двум людям.

— Да никак не может. Вот у Кастанеды есть система управления сновидениями. Ты об этом слышала?

— Да читала я это. Но здесь другое совсем.

И рассказала Марина о том, что в комнате-тайнике у них живет дух умершего уродливого мальчика. Умер он, когда ему было около семи лет, и с тех пор дух его обитает в разных домах Петербурга. Рассказал он также, что таких духов в Петербурге очень много, что чуть ли не в каждой квартире старого города проживают такие духи. Большинство из них уроды. Почему Марина решила, что большинство проживающих в Петербурге духов уроды, я не понял.

— Так вот, — продолжала Марина. — Я стала изучать этот вопрос о домовых и всяких там барабашках, читать литературу по демонологии и узнала, что есть много версий, откуда берутся домовые. Одна из них, что домовые — это духи некрещеных детей. А уродов на Руси считали за создания нечистого и в деревнях иногда даже убивали. Поэтому множество их душ живут среди нас в другом измерении, и мы не знаем об их существовании, а они смотрят на нас оттуда и радуются за нас или, наоборот, негодуют...

— Интересно, раньше ведь домовые считались оберегателями дома. Их даже переносили в новый дом в сапоге, — проявил я эрудицию.

— Да, в сапоге или в глиняном горшке. А домового ведь даже можно вывести. Если у вас дома, например, домового нет, можете вывести себе его сами. Это очень просто. У куриц иногда появляются такие маленькие яички, совсем крохотные...

— Перепелиные называются.

— Да нет, — улыбнулась Марина. — В народе такое яичко называется «серсок». Так вот этот серсок вы помещаете себе под мышку и носите десять дней.

— Здорово! А спать как же?!

— Спите тоже с ним, вынимать категорически воспрещается. И вот через десять дней из него вылупляется чертик-домовой, во всем вам послушный.

— Ну что же, на досуге займусь выведением.

Марина вдруг замолчала и погрустнела. Кажется, ей стало неинтересно об этом говорить. Поднявшись, она подошла к окну и стала смотреть на улицу. Я тоже молчал. Я не хотел вспоминать то, что произошло у нас в жилище уродливого барабашки, но это воспоминание без моего желания само вставало передо мной. Теперь я знал, что это будет приходить само, когда не зовешь, вдруг всплывать в памяти души, в памяти тела, в памяти запахов и ощущений, вливаться вместе с ароматом ее волос... И мое тело вспоминало и тянулось к этой стоящей у окна девушке, и я непроизвольно подавался вперед...

— Вот черт! — Марина вдруг бросилась в сторону от окна.

— Что случилось? — спросил я, поднимаясь из-за стола.

— Да нет, так, ничего. Знакомый парень просто. Только бы не заметил.

— Знакомый парень?..

Мне вдруг кровь ударила в лицо, стало не по себе. «Знакомый парень...» Ведь я совсем не думал о том, что у Марины могла быть своя жизнь, что у нее мог иметься «знакомый парень», были какие-то привязанности, постоянный молодой человек или даже несколько. Чувство ревности, непреодолимое, темное и тягучее зашевелилось у меня внутри. Как известно, мужчины ревнуют к тем, кто был у женщины до него, а женщины — к тем, кто у мужчины будет после... Ну или что-то в этом роде. Но я вдруг разозлился, очень разозлился! Значит, у нее до меня была какая-то жизнь...

— Друг твой, что ли? — ехидно спросил я.

Хотя какое право я имею на эту девушку? Но когда говорит ревность, здравый смысл умолкает и пугливо прячется в темных углах.

— Да так, приятель старый.

Марина не замечала изменившегося моего тона и не придавала значения моим расспросам, а зря. Я заводился все сильнее, хотя виду старался не подавать, но в душе у меня все бурлило.

— И давно вы с ним дружите?

— Да нет, год всего — на дискотеке познакомились. Он в Гидромете учится.

— Понятно, — сказал я, все больше возбуждаясь. — Ну а у вас... — Я хотел задать самый глупый вопрос из всех, которые мог задать в эту минуту, но, к счастью, не успел.

В дверь раздался звонок.

— Не открывайте! — воскликнула Марина, бросаясь ко мне. — Прошу вас, не открывайте!..

Лицо у нее было испуганным, и, конечно, видя девушку в таком смятении, в другой раз я ни в коем случае не открыл бы дверь, но не сейчас. Внутри у меня поднялась неосознанная злоба.

— Ну отчего же не открывать, — спокойно, с ехидством сказал я. — Давай посмотрим на твоего кавалера.

Почему это дикое чувство собственности проснулось во мне? Ревность и здравый

смысл не уживаются в одном человеке.

— Ну отчего же не открыть... — зло повторил я и направился в прихожую.

Звонки в дверь не смолкали. Марина осталась в комнате; должно быть, она не понимала перемены в моем отношении или истолковывала его как-то иначе.

Я подошел к двери и посмотрел в глазок. На лестнице стоял рыжий молодой человек, которого я совсем недавно видел в квартире у Марины. Я протянул руку к замку, но что-то вдруг остановило меня. «А стоит ли лезть в чужую жизнь? — пронеслось вдруг в голове. — Рушить то, что уже создано, если знаешь, что сам не сможешь создать ничего нового». Но это было лишь мгновение.

Я открыл замок. Молодой человек смотрел на меня, наклонив чуть набок голову. Хотя шевелюра у него была рыжей, на лице не было следов обычных в таком случае веснушек, кожа у него была белой, белыми были и ресницы, и брови.

— Вам кого, молодой человек? — спросил я, сурово на него глядя.

— Мне Марина нужна, она у вас скрывается?

— А кто вы такой? И по какому праву... — Начал я с возмущением, но молодой человек бесцеремонно прервал меня. Ну никакого воспитания!

— Послушайте, мне нужна Марина. — Он через меня постарался заглянуть ко мне в квартиру. — Я видел ее в вашем окне. Она мне очень нужна. И если вы не пропустите, я войду сам, — пригрозил рыжий, нахально глядя мне в глаза.

— Ну рискни. — Я ухмыльнулся — с этим-то пацаном я как-нибудь слажу.

— Чего тебе нужно? — раздался за моей спиной голос Марины.

— Я хочу с тобой поговорить, — через мою голову сказал молодой человек.

— Нам не о чем говорить, — грубо отрезала Марина, остановившись рядом со мной. — Мы с тобой уже все обсудили.

— Так это он и есть? — Молодой человек окинул меня презрительным взглядом и скривился в пренебрежительной усмешке. — Пи-са-тель!

— Не твое дело! — грубо сказала Марина.

— А вас что, на молодую потянуло?.. Старушки надоели или для вдохновения... — ехидно сказал он мне и перевел глаза на Марину. — Он ведь бросит тебя. Ты ему не нужна. Он ведь писатель, таким верить нельзя!..

Я впервые оказался в такой ситуации и не знал, как реагировать на его слова — закрыть перед ним дверь, дать в нос... или еще что-нибудь.

— Все, ты надоел! — воскликнула Марина и ринулась закрывать дверь, но молодой человек поставил ногу, и ей это не удалось.

— А я тебя люблю, понимаешь! Что тебе с этим стариком, у него, небось, простатит-радикулит... А ты, значит, уже в халатике — после душа, значит!!

— Дурак!! — закричала Марина и изо всех сил шарахнула дверью ему по ноге, но он и тогда ее не убрал.

— Так, молодой человек, — вмешался я в их сцену. Радикулит, еще куда ни шло, у меня случается, но простатит — это уже оскорбление. — Проваливайте-ка отсюда, пока я милицию не вызвал!

Я сделал решительный шаг к двери, взяв под руку Марину, отстранил ее, потом, деловито взявшись за ручку двери, другой рукой оттолкнул молодого человека на лестницу. Он не сопротивлялся.

— Он же бросит тебя!! — кричал он в это время. — Он же писатель! Нужен тебе

женатый мужик!!

Стараясь пропускать грубости мимо ушей, я потянул на себя дверь.

— Здравствуйте, Сергей Игоревич, — из-за плеча рыжего парня выглядывала соседка Клара Ивановна. Рядом с ее ногой, глядя такими же глупыми глазенками, как у хозяйки, выглядывал вернувшийся с вечерней прогулки свиномордый бультерьер. — Ой, и Мариночка здесь, — заглянула она в квартиру. — Здравствуй, деточка.

— Да он бросит тебя! — продолжал между тем кипятиться молодой человек, не обращая внимания на соседку.

Я захлопнул дверь. Как вы меня все достали! И мимо стоявшей так же Марины прошел в кухню. Я молча налил себе чаю и уселся за стол. Немного погодя вошла Марина и, остановившись в дверях, молча стала смотреть на меня. Я делал вид, что не замечаю ее: я размеренно пил чай, механически делая глоток за глотком, хотя и пить не хотел — просто от злости.

— Я ему говорила, что вас люблю, — вдруг негромко проговорила Марина.

Я вздрогнул и посмотрел на нее. Она стояла, привалившись плечом к дверному косяку, наклонив головку чуть набок, в своем коротеньком голубом халатике — нижние полы его чуть разошлись открывая дивное белое, как мрамор, бедро. Она глядела на меня прямо, не мигая. Что выражал ее взгляд, я не знал. Но меня бросило в жар, сердце заколотилось. Я готов был броситься к ней, обнять, целовать, целовать ее лицо, глаза, губы... А там будь что будет! Пропадай все на свете! Ведь я тоже тебя люблю!! Как не любил никого на свете! Как уже и не буду любить. Никогда...

Зазвонил телефон; не отрывая от девушки глаз, я взял со стола трубку и поднес к уху. Закашлялся...

— Да... Хорошо, что ты позвонила... — Звонила жена из Феодосии. — А что? Да нет, ничего с голосом, простыл немного. Тебе-то как отдыхается? Как погода? Я?! Конечно один, вот сижу... Роман?! С кем роман?... Ах роман... Идет потихоньку... Ну конечно, скучаю. Звони почаще... Погода и у нас ничего. И я тебя целую.

Я отключил трубку. Посидел минуту, глядя на нее, потом поднял глаза на Марину, которая не переменила позы, но что-то неуловимое изменилось в ее лице.

— Ладно, пойду поработаю, — сказал я спокойным безразличным голосом, вставая.

Марина молчала.

Но наверное прошло, еще полчаса, прежде чем я смог приступить к работе, а эти полчаса я сидел, тупо глядя в компьютер — ни о чем не думая и ни о чем не мечтая.

Последние слова:

— *А! Это ты, Петр; здравствуй!*

Александр Суворов

— Всем оставаться на местах!! — вдруг заорал кто-то мужским страшным голосом. — Не двигаться!!! Всем оставаться на местах!!

Этот грубый окрик буквально парализовал Антона. Он так и замер, одной рукой обнимая старуху за шею, уткнув палец другой руки ей в темя. Дыхание перехватило; не отпуская старуху, он медленно повернул голову и вытаращенными глазами посмотрел в сторону двери.

Через зал прямо на него шли двое мужчин. Они были одеты одинаково: на них были черные длинные плащи, шляпы и темные очки — от солнца отличались они только ростом. Высокий держал в руке пистолет. У Антона подкосились ноги, но он устоял, опершись на недвижимую старушку. Должно быть, от внезапного испуга или перенесенного стресса время для Антона потекло как-то по-иному. Ему казалось, что люди в черном идут как в замедленной съемке, и он успел разглядеть их в мельчайших подробностях. Он видел, как также замедленно с криком к ним бросается Максим, один из мужчин походя, не останавливаясь, наносит ему короткий профессиональный удар в челюсть, у Максима развеваются волосы в сторону удара, и он медленно опускается на пол. А двое в черном продолжают свой путь. Вот еще шаг и еще... Сейчас они подойдут к нему и выстрелят в живот или ударят рукояткой пистолета в висок...

Но мужчины прошли мимо Антона... А еще через мгновение время потекло в своем обычном лихорадочном темпе. Он отпустил голову старушки и оглянулся. Мужчины пытались вытащить из петли повешенного юношу, но им это не удавалось. Один из них, бывший повыше ростом, все время подпрыгивал, стараясь в прыжке перерезать веревку... но удавленник только раскачивался из стороны в сторону, как оживший, так что его было не удержать. Антон, стоя в сторонке, недоуменно смотрел на манипуляции пришельцев.

— Давай я подсажу, что ли, — предложил товарищ пониже. У него явно было что-то с дикцией, он жевал и не договаривал слова. Он схватил длинного сзади за туловище и приподнял над полом. Но и тогда перерезать веревку не удалось.

— Скорее давайте... — сдавленно говорил маленький, раскрасневшись от тяжести. — Быс-тре-е! Ведь поймают, поймают нас... Будем тут стоять.

Наконец малыш выронил длинного, должно быть, окончательно выбившись из сил. От тяжести шляпа съехала у него набок, очки сползли, открывая один глаз.

— Стул найди, идиот! — грубо сказал высокий и пихнул своего уставшего товарища в бок.

— Стул?! — Тот стал искать глазами стул. В помещении в темных очках ему было видно неотчетливо, он даже приспустил их и поверх очков осмотрел обстановку. Увидев сидящую на стуле бабушку Максима, рядом с которой стоял Антон, изумленно наблюдавший за происходящим, невысокий человек подошел к старушке.

— Посиди-ка ты пока без стула.

Под мышки поднял тело старушки с защитой головой и пересадил на пол. Стул он забрал и поставил под ноги высокому.

— Только прошу, скорее, ведь нас заловят...

Поднявшись на стул, высокий без труда перерезал веревку, тело с шумом обрушилось на пол. Один из них, Антон не разглядел кто именно, схватил висельника на руки, и они выбежали из помещения.

Несмотря на всю суету, на операцию по похищению тела они затратили не более трех минут. Антон проводил их изумленными глазами и только после этого посмотрел в сторону Максима. Очнувшийся Максим неуверенно поднимался на ноги. Смотрительница, так и не сообразившая что-либо предпринять, сидела на своем обычном месте без движения, как будто сама превратилась в фигуру, и только тогда, когда похитители висельника покинули помещение, встрепенулась и ожила.

Антон бросился к своему другу.

— Ты как?

— Да ничего... — проговорил он, но как-то неуверенно. — Я ведь думал, они за тобой... Голова вот только... Посмотри-ка, что у меня на темечке.

Он наклонил голову. Антон машинально посмотрел ему на темя, там была кровоточащая ссадина. Антон отпрянул, и ему сделалось нехорошо.

— Ерунда, — проговорил он еле слышно.

— Во беспредел! — наконец вымолвила смотрительница, выйдя из оцепенения и поднимаясь со стула. — Ну отморозки!! Это же надо, лучший наш экспонат висельника стибрили... Ну прикиньте, пацаны! — Она подошла к друзьям. — Он же как живой был... Ну беспредел!!

Она куда-то устремилась, торопливо ступая мягкими войлочными тапками. Тут же вместо нее на шум сошлись смотрительницы, такие же немощные женщины из других залов, и закачали головами, прижимая ладонь к щеке, заохали...

— Слушай, сматываться пора, а то заберут как свидетелей... — проговорил Антон — он хоть и получил стресс, но не получил в челюсть, поэтому соображал получше своего друга.

Они поспешили к выходу. Навстречу им шли люди, на ходу обсуждая случившееся:

— Опять украли фигуру, ну что же это такое!

— Да когда же это кончится? Чуть не каждую неделю крадут...

Все встречающиеся по пути друзьям смотрительницы были женщинами возраста преклонного и вида самого немощного, как будто их суда специально таких беззащитных отбирали. Им попался только один мужчина, да и тот, несмотря на высокий рост, грузный настолько, что еле передвигал бочоночного вида ноги, хотя по виду спешил.

Друзья выскочили на улицу и направились прочь от этого места. Они спешили, изредка оглядываясь, но все же не обратили внимания на неприметного человека в бейсболке, джинсах и футболке, обтягивавшей его мускулистое тело бывшего спортсмена. И только когда друзья свернули во дворы Капеллы, то почувствовали себя в относительной безопасности.

— Пойдем в «Луну» кофе выпьем, — предложил Антон усталым голосом.

Максим кивнул. Не разговаривая, они вышли на Большую Конюшенную и спустились в подвальчик кафе. Взяв по чашечке кофе и пирожному, уселись за свободный столик. В этот дневной час народу здесь было немного. Вслед за ними вошел человек в бейсболке, оглядев

посетителей, взял себе бутылку пива и уселся за соседний столик.

— Как голова? — спросил Антон, делая глоток кофе.

— Терпимо. — Он оцупал ушибленное при падении темечко. — Слушай, а что это было, как ты думаешь?

Антон пожал плечами, они снова помолчали.

— Я уже думал, конец, — проговорил Максим, съев пирожное. Головная боль у него прошла, во рту только было сухо. — Когда они к тебе бросились... Ну и так сказать... — Видно было, что Максима мучает один главный вопрос, но он боится задать его. — Слушай, ну а вообще... — И вдруг, взяв себя в руки, как в пропасть бросился, такое отчаяние было в его глазах. — Что ты видел у моей бабушки?

Антон вздрогнул. События по похищению висельника полностью вытеснили главное, зачем они приходили туда, и теперь, лишь вспомнил эту зашитую голову, сделалось ему не по себе, потому что это и было главным.

— Голова у нее зашита, — проговорил он спокойно. — Но, может быть...

— Я так и знал, — негромко выговорил Максим, погладил ладонью свою бородку и залпом допил кофе вместе с осадком. — Я так и знал, что это моя бабушка.

Он поднялся и, подойдя к стойке, купил еще две чашечки кофе. Ему нужно было пройтись, чтобы взять себя в руки.

— Я хочу тебе кое-что рассказать, — сказал Максим, размешивая ложкой сахар. — Мой приятель Сергей работает в морге. Это не простой морг — туда свозят всех умерших не своей смертью...

— Ну ты вроде что-то такое говорил, — припомнил Антон.

— Да, возможно. Так вот. Сергей говорит, что бывают случаи, когда покойников выкрадывают. Кто выкрадывает и с какой целью, он не знает. Причем крадут покойников каких-то определенных, а не всех подряд. Никогда не берут покойников нашумевших. Ну в смысле тех, о которых в средствах массовой информации шум поднимают, таких никогда не берут. Милиция, конечно, пыталась найти похитителей, но такого случая, чтобы нашли, не было. Они как сквозь землю проваливаются. Так вот я и думаю, что воруют они покойников для того, чтобы вот таких из них делать. Я думаю, и мою бабушку украли.

— Подожди, а могила-то у твоей бабушки есть?

— Могила есть, но не будем же ее раскапывать, чтобы убедиться... Да мы, собственно, и убедились уже.

— Ну и что ты собираешься делать? — Антон, не притронувшись к кофе, отодвинул чашку на край.

— А что делать? Не знаю, что делать.

— Может, в милицию? Можно ведь и эксгумацию сделать.

— А что я там скажу? Что нашел бабушку свою, мною же и убитую? Теперь собираюсь могилу ее раскапывать? Да они засмеют меня всем отделением.

— Это правда, засмеют. Ну тут вообще сразу-то и не придумаешь. Давай решим, что делать. А мне сейчас домой уже нужно, — взглянув на часы, сказал Антон, — а то у меня Дашка одна.

Они поднялись и вышли из кафе. Чуть погода мужчина в бейсболке, оставив недопитую бутылку, вышел вслед за молодыми людьми.

Глава 12

РЮЙШ И ЕГО ДЕТИ

Последние слова:

— Живопись еще нужно изобрести.

Пабло Пикассо

Амстердам, год 1689

Когда стражники увели Ханса и Якоба, Фредерик Рюйш спустился в мастерскую. Несколько дней назад он поставил на вымачивание два препарата, и сегодня уже можно было вводить красящий раствор в кровеносные сосуды.

Эти два вора, посланные его злейшим врагом Грэмом, уже давно пытавшимся заполучить секрет бальзамирования трупов, почему-то сегодня особенно взволновали Рюйша. Раньше он не очень задумывался о том, что секрет его могут украсть, и тогда все богатство, которое в последние годы текло к нему в дом, потечет в дом этого проклятого Грэма, пользующегося любыми самыми подлыми способами, чтобы добиться того же, чего добился Рюйш — победы над тлением. Его препараты могли храниться хоть тысячу лет, в то время как препараты Грэма — всего месяц. Рюйш знал, что многие ненавидят его за это открытие... Да что там многие, все! Все анатомы Амстердама ненавидели его. Это Билс и Бидлоо, это и десятки других анатомов, он знал их поименно и мог составить из их имен длинный список. Но и это были не все — многих своих недоброжелателей и завистников он не знал. Они-то и представляли особую опасность. Сегодня, когда он осматривал двух забравшихся к нему воров, Рюйш вдруг понял всю ненадежность своего положения. Все, над чем он работал многие годы, могло оказаться вдруг под ударом. Да, сейчас он уважаемый всеми анатом, несмотря на то что многие говорят о его недостаточных теоретических познаниях... Но что будет, когда кто-нибудь откроет или украдет его тайну? То, чем он обладает сейчас один, будут знать многие, и он окажется только лишь в их числе. Кроме всего, пожар, случившийся два дня назад в соседнем доме, у купца Питера Лангендайка, слизнул все его состояние. Кроме того, в пожаре погибли дочь купца и двое слуг, а сам Лангендайк успел выскочить на улицу в ночной рубашке и чепце. Страшно становилось Рюйшу, когда он думал о такой кончине его коллекции, которую он составлял годы. Но и одна мысль о продаже коллекции была чудовищна. Нет! Никогда он не расстанется со своей коллекцией. Когда ему становилось особенно тревожно и грустно, он поднимался на второй этаж и блуждал по комнатам, в которых располагалась коллекция, среди мертвых... нет, среди живых. Они были живыми для своего создателя. Ведь именно он, Фредерик Рюйш бросив вызов тлению, дал этим существам новую жизнь. Вот новорожденные или еще не родившиеся детишки в трогательных позах, они не видели этого мира, они были слишком малы... Но зато мир увидит их, и все это благодаря ему, Фредерику Рюйшу.

Но в последнее время Рюйш чувствовал, что над ним сгущаются тучи, но откуда ожидать опасности, он еще не понимал. С юности подозрительный, теперь он не доверял никому.

Спустившись в мастерскую, он снял кафтан, бросил на стул и, засучив рукава шелковой белоснежной рубашки, принялся за дело. Он достал из сосуда легкое казенного неделю назад пирата и стал разминать его в руках для того, чтобы оно стало мягче и податливее.

Несмотря на то что в мастерской всегда было холодно, а Рюйш страдал застарелым ревматизмом, он приучил себя не бояться холода и всегда работал в одной рубашке. Камин здесь затапливали редко, чтобы чрезмерным теплом не испортило препараты. Тепло им вредило, недостаточно продубленные члены и тела покойников начинали разлагаться и смердеть, так что приходилось для приятности вспрыскивать их пахучими маслами.

В углу, там где была железная дверь, что-то зашуршало; не выпуская из рук легкого, Рюйш топнул в пол каблуком.

— Проклятые крысы! — негромко проговорил он, как бы в ответ на его слова в углу снова зашуршало. Он снова затопал в каменный пол — шуршание смолкло.

Крысы наносили большой урон хозяйству Рюйша. Они были первыми врагами, более даже могущественными, чем завистливые анатомы. С этими умными и хитрыми тварями было невозможно справляться, они портили препараты, прогрызая в них дыры, отъедая носы, растаскивая и разбрасывая по всей мастерской органы и фрагменты человеческих тел, приготовленные для работы. Это были черные домашние крысы, правда, в последнее время среди них стали появляться крысы серые, чуть не в два раза крупнее черных и действовавшие слаженно и стаями. Рюйш наблюдал за своими врагами, изучая их повадки. Серые крысы были умнее и уничтожали черных. Часто по ночам, когда Рюйш засиживался в мастерской, он слышал их предсмертный писк. Что-то происходило в подвалах, в канализациях, на городских помойках... Похоже, в крысином царстве менялась власть.

В девять часов обычно приходили дети Рахиль и Генрих, и отец давал им несложные задания. Их тоненькие пальчики делали такое, что было не под силу даже ему. Ангельского вида белокурые Рахиль и Генрих имели явно выраженные художественные наклонности. Рахиль, несмотря на свой юный возраст, превосходно рисовала. Генрих тоже хорошо рисовал, но ему не хватало усидчивости, за что часто доставалось от отца. Они с малых лет приучались к искусству составления препаратов.

Дети, конечно, помогали отцу, но рук все равно не хватало, и Рюйш иногда задумывался взять на работу человек двадцать-тридцать, чтобы открыть обширное и постоянное производство наподобие фабрики, чтобы завалить страну покойниками, тем более что от покупателей не было отбоя. За заспиртованных и забальзамированных покойников давали большие деньги. Мода есть мода. Но недоверие и подозрительность, которые с годами стали развиваться в нем с большей силой, не позволяли Рюйшу сделать этого. Чужие люди могли бы нарушить замкнутый семейный бизнес. Единственной, кого из семьи он не допускал к покойникам, была его жена Грита. С детства не привыкшая ничего делать руками, она бы все сломала и разбила в мастерской. Довольно с нее было того, что Рюйш получил за нее хорошее приданое и смог купить этот большой дом, в котором нашлось место и для мастерской, и для музея. Он тратил на покойников деньги, покупая снадобья и мази для занятий своими опытами. Прошло немало времени, пока покойники сами стали приносить деньги. Кроме того, Грита родила двух очаровательных белокурых детишек. Что же с нее требовать еще?

Дети привносили в работу Рюйша радостный сумбур. Они хватались сразу за все, им все было интересно — жизнь представлялась им чем-то радостным, несущим только удовольствия... удовольствия несла не только жизнь, но и смерть, с которой они встречались

каждый день и к которой привыкли. Мастерская тут же наполнилась детским смехом и гомоном.

— Знали бы вы, дети мои, какой замечательный экземпляр я передал сегодня стражникам, — говорил Рюйш, выкладывая легкое в сосуд.

— А как его зовут? — спросила Рахиль, держа в руках веточку сердечных сосудов, не зная, куда бы ее пристроить в своей поэтической композиции из трех детских скелетиков.

— Его зовут Ханс, — сказал Рюйш, заливая препарат спиртовым раствором и помешивая стеклянной ложечкой.

Рюйш помнил все имена своих препаратов; если имени у него не было ввиду малого возраста или труп был неопознанным, Рюйш выдумывал имя сам или спрашивал у детей, предлагавших особенно подходящие имена.

— У нас был уже один Ханс, — сказал Генрих. У него никак не получалась горка из сухих органов, поэтому он был сердит.

— Это другой Ханс, — сказал отец. — Он немец.

— А когда его повесят? — спросила девочка, отложив веточку в сторону и помогая брату сложить его горку, и Рюйш вновь подметил ловкость, точность ее движений и главное — художественный вкус.

— Ну, я думаю, что скоро.

— А что мы из него сделаем? — не отставала любознательная девочка.

— Я еще не решил, но по-моему, у него в почках камни; думаю, они пригодятся для ваших музыкально-поэтических композиций.

В час дня, после обеда Фредерик Рюйш отправлялся в кабинет, где составлял каталоги своей коллекции. В каталоги входили детальные описания препаратов с указанием их общего вида, положения в банке или на подставке... От подробного его описания не ускользал и цвет кожи препарата, и эмоциональное описание с непременно грустной к нему надписью. Рюйш старательно перерисовывал препарат в свой каталог. В некоторых случаях он высказывал на его страницах свои научные и даже философские воззрения. Некоторые из каталогов Фредерик Рюйш посвящал высокопоставленным лицам или учреждениям. Кроме того, он вел большую переписку с другими анатомами и даже со студентами, поясняя им свои научные взгляды.

Два раза в неделю, когда открывался для публики дом Рюйша, работы уже не было. Приходилось встречать именитых гостей. Нарядно одетые Рахиль и Генрих улыбками встречали посетителей. Как очаровательно и непосредственно они держались, как нравились гостям их ангельские личики, их улыбчивость и доброжелательность... В эти минуты Рюйш особенно гордился своими детьми.

— Вот лучшие мои творения, — любил говорить он, преодолевая свою врожденную надменность.

Зато когда приходили его коллеги-анатомы, Рюйш делался важным и высокомерным, посматривая на коллег свысока. А они в свою очередь вглядывались через лорнетки в детали его препаратов, надеясь заметить хоть мельчайшие следы порчи и, если таковые находились, подзывали друг друга и любовались ими с ехидными улыбочками, колкими замечаниями, обидными шутками. В такие минуты хозяин был готов убить их всех или уж во всяком случае велеть слугам вытолкать их вон. Он сдерживался, на людях нельзя было показать свою слабость.

Но самым главным в работе, его тайной страстью было бальзамирование и заспиртовывание уродов. Всю жизнь Рюйш создавал уникальную коллекцию монстров. Его возбуждало, приводило в состояние восторга, когда в руки ему попадало уродливое тело монстра. За каждого мертвого монстра Рюйш платил огромные по тем временам деньги — десять гульденов. По всей стране разъезжали нанятые Рюйшем люди, выведывая, не родила ли какая девка из прислуги уродливого младенца. Но молва о том, что на уродах можно заработать, шла впереди скупщиков, и им пытались продать не только качественный, но и негодный товар.

В то время буржуазная Европа стремилась к обогащению любыми доступными методами. В моду входило богатство и преклонение перед ним, поэтому уродский бизнес процветал. За годы собирания монстров Рюйш организовал разветвленную сеть купцов, специализирующихся на уродах, работавших с повивальными бабками не только в Голландии, но и в других странах Европы. Трупы уродцев привозили из Парижа и Гамбурга, из Лейдена и Лондона. Это был неплохой бизнес, жаль только уродов рождалось не так много, как бы хотелось.

Рюйшу привозили разных дивных созданий: с двумя головами, сросшихся сиамских близнецов, с руками вместо ног, с двумя лицами спереди и сзади... Формы были разнообразны, фантазия природы, казалось, не имела границ, и каждый раз, взяв в руки очередного уродца, Рюйш вздрагивал от восторга, глаза его загорались, и он поскорее нес маленькое тельце к себе в мастерскую. Случалось, привозили тела и взрослых монстров. Какой смертью они умирали, Рюйша не интересовало, ведь он собирал лучшую коллекцию в мире. С пристальной тщательностью и любовью он описывал препараты в своих каталогах. Монстров Рюйш бальзамировал самостоятельно, не подпуская к ним даже детей. Разнообразные уродства, которые встречались, поражали Рюйша — попадались среди них трехногие, трехголовые и семирукие... Рюйш пытался разобраться и понять, в чем секрет ошибки природы. Он искал код, по которому можно угадать, отчего у здоровых родителей вдруг рождается монстр и что нужно сделать, чтобы формы их стали разнообразнее... Художественные фантазии Рюйша шли дальше того, что он видел. Ему хотелось, чтобы уроды рождались более интересные и разносторонние. Он мечтал, чтобы они рождались для него по его желанию, и искал этот секрет в их внутренностях и во внутренностях здоровых, рождавших монстров людей. Что нужно подрезать или проколоть, чтобы родился ребенок, непохожий на всех? Но ответа он не находил. Это была еще одна тайна, разгадать которую стремился Рюйш. И когда он разгадает ее — он знал это точно — тогда на свете не будет человека могущественнее его, человека, который будет знать, как создавать монстров. Как давать им вечную жизнь, Фредерик Рюйш уже знал.

Через неделю состоялась казнь Якоба — вора, пытавшегося выкрасть Тайну Рюйша. Его повесили на базарной площади при скоплении трех десятков зевак да десятка мальчишек — самых благодарных зрителей всякого публичного действия. К казням привыкли, и они не вызывали большого ажиотажа. Рюйш зафиксировал смерть и велел слугам ночью привезти труп казненного к нему в дом.

Как выяснилось, немцу Хансу удалось бежать из-под стражи, и сейчас его ловили по всему городу.

Якоб был уже третьим экспонатом музея, пытавшимся выкрасть секрет. Рюйш уже знал, какую позу придаст его забальзамированному телу. Через месяц тело Якоба было выставлено

при входе в одну из комнат на втором этаже. Якоб сидел на стуле, привалившись плечом к стене, в полосатом каторжном наряде, и мечтательно глядел вдаль. «Якоб — вор, он украл для себя вечную молодость».

Пройдет много лет, Рюйш будет уже старым, но полным сил, известным на весь мир анатомом, а Якоб все так же будет сидеть при входе в одну из комнат с мечтательным взглядом и румяными щеками, как будто вот только со свежего воздуха присел отдохнуть. И как много лет назад, так и сейчас посетители будут вздрагивать от живого взгляда его серых глаз. Однажды один из посетителей музея, по виду иностранец, остановится возле этого препарата и долго с сожалением будет смотреть на него.

— Бедный Якоб, — негромко проговорит иностранец с сильным немецким акцентом. — Я фсял тебя, чтобы ты мог саработать... Я не тумал, что так...

В этом пузатом преклонных лет немецком бюргере трудно было бы узнать вора и пройдоху Ханса. Бежав в Гамбург и скопив немного денег, он открыл пивную. Дела его шли неплохо, вот только сильно мучили камни в почках.

Пройдет еще много лет, и Ханс, уже будучи глубоким стариком, вновь появится в этом доме. Случится это в 1731 году уже после смерти Фредерика Рюйша, когда остатки его коллекции пойдут с молотка. Ханс выкупит своего друга из этого страшного дома, в котором его тело вынуждено было томиться сорок шесть лет, и увезет к себе в Германию. И Якоб еще многие годы будет все такой же молодой и румяный сидеть в пивной Ханса, привлекая толпы посетителей.

Глава 13

БЕЗВЫХОДНЫЙ МОРГ

*Последние слова:
— Помогите!*

Джеймс Кук

— Слушай, Максим чего-то трубку не берет, — сказал Антон, слушая десятый гудок в телефонной трубке, положил ее на рычаг и повернулся к Даше, лежавшей на диване в розовом халате.

— Гуляет где-нибудь, — сказала она, переключая пультом программу — это было ее любимым занятием: лежа на диване, переключать программы. — Может, у него девчонка завелась. Хотя после того, что вам пришлось пережить, задумаешься.

— Но я уже несколько дней звоню. — Антон сел на диван в ногах у девушки, он выглядел расстроенным. — И мобильник у него отключен. Может быть, с ним что-нибудь случилось?

— Может и случилось, — беспрестанно глядя в телевизор и не переставая нажимать кнопки, согласилась девушка. — А ты, Антон, не заметил, слежки за вами не было?

— Слежки? — Антон повернулся к жене, пожал плечами. — Да нет, вряд ли. А может быть... — Он в задумчивости потрогал подбородок, вспоминая. — Мы внимания на это не обратили. Фиг его знает, кто там за тобой идет... А хотя... Ну был вроде какой-то хмырь в бейсболке. Он за нами в кафе увязался, а потом вроде за Максимом... Точно!! Такой здоровяк лет тридцати, амбал, качок. Я еще подумал, что у него клево спинные мышцы выписываются.

— Ну вот, этот клевый качок вас и пас, — сказала девушка, ни на минуту не отрываясь от экрана телевизора. — Может, он уже Максима твоего и закопал.

— Ты, Дашуля, права, пожалуй.

Антон встал и, подойдя к девушке, поцеловал ее в темя... И тут же, увидев это белое пятнышко, отпрянул... В памяти всплыло такое же, только зашитое нитками темечко другой женщины.

— Ну не загораживай, телевизор мешаешь смотреть, — нарочито капризно проговорила девушка. — Лучше бы съездил к нему... Но, Антоша, прошу тебя, будь осторожен. Трубу не забудь взять. Я тебя люблю.

— Я тебя тоже, — сказал Антон и пошел переодеваться.

Для начала Антон решил зайти к Максиму домой, хотя и понимал, что это бессмысленно. У Антона было паршивое предчувствие. Последний раз они разговаривали пять дней назад, Максим сам позвонил и сказал, что теперь у него имеются серьезные подозрения, но в чем или на кого, обещал рассказать при встрече. Но встречи не состоялось, с тех пор телефон его замолчал.

Максим жил на Московском проспекте в сталинском доме на четвертом этаже с соседкой Леной, которая в квартире появлялась редко, проживая то у одного, то у другого кавалера. Когда Антон уже подходил к дому Максима, из дверей промтоварного магазина,

расположенного в его доме, вдруг вышли двое.

— Я же говорил, что покойники пропадают, — громко говорил маленький пузатый мужчина с круглой лысой головой, задрав голову вверх на своего рослого товарища, шедшего рядом с тяжелой кожаной сумкой в руке. — Я же говорил, а ты не верил! — Карапет бросал злобные взгляды вверх, где было лицо его спутника.

— Значит, их и не было, — блеснул стеклами очков рослый. — Не было, значит.

— Ах ты дурак! Ну дурак! — расходился карапет. — Да как же не было?! Да были!..

Они прошли мимо, и Антон не расслышал окончания разговора.

«Опять про покойников... Все про них только и говорят. Где-то я их видел», — пронеслось в голове молодого человека. Сейчас он был подозрителен и приглядывался к каждому прохожему. Уж чего он только не передумал за эти дни. Вот что это была настоящая бабушка Максима, он уже не сомневался, если кому-нибудь не пришло в голову их разыгрывать. Но какой в этом смысл? Может быть, и был какой-то тайный смысл, который следовало еще разгадать... Но нужно ли это делать — и вообще соваться в это дело — Антон не знал. Вот и Максим куда-то пропал...

Он подошел к двери парадной и только протянул к ней руку, как она сама вдруг отворилась, и из нее вышла Лена — соседка Максима.

— Ой, Лена, здравствуйте, — обрадовался Антон. — Вы не знаете, Максим дома? А то я чего-то ему звоню, никто трубку не берет.

Лена, лет тридцати, с вызывающим макияжем женщина, внешне привлекательная, но измученная мужским полом до вида некоторой обтасканности и измызганности, но все равно с куражом и надеждой во взоре, правда, черт знает на что надеждой. Обычно всегда такая наглая и развязная, она на сей раз как-то скукожилась, увидев друга своего соседа, глаза забегали по проспекту...

— Да я его, честно говоря, Антоша, не видела. Я ведь сегодня на часик забежала... — неуверенно начала она. — А вот!.. часики надела... — Она повертела рукой в часиках. — Я ведь здесь, Антоша, не живу.

— Так нет его дома? — чувствовал, что врет Лена, что-то не договаривает.

— Нет, я не видела... — Она посмотрела на часы. — О-о! Я тут с тобой разговорилась меня же человек ждет. Пока.

Сделав пальчиками, Лена повернулась и зашагала в сторону метро.

«Врет», — подумал Антон и вошел в парадную. Он поднялся на лифте до четвертого этажа. На звонки никто не открыл. Он по мобильнику набрал телефон квартиры — послушал сквозь дверь звонки — убедился, что трубка Максима отключена.

«Что-то все-таки случилось». Поняв, что здесь больше нечего ждать, он в задумчивости направился к лифту, и тут зазвонил мобильник у него в руке. Антон вздрогнул от неожиданности.

— Слушаю тебя, Дашуня, — ласковым голосом проговорил он.

— Слушай, Антоша, — встревоженно заговорила девушка. — Только что звонил Максим.

— И что сказал? — насторожился Антон.

— Да ничего вразумительного. Только успел сказать, что он находится. И все.

— Я не понимаю. Где находится?

— Да не знаю я. Я же тебе говорю, он звонит и говорит: «Это Максим, я нахожусь...» — И все, больше ничего не сказал. Гудки короткие. Такое чувство, что кто-то там трубку у него

выключил.

— Ну понятно, — спокойно проговорил Антон. — Значит, жив пока. Ты смотри дверь никому не открывай.

— Антоша, будь там осторожнее, ладно?

— Буду.

Он нажал отбой. Лифт вдруг поехал вниз, остановился на первом этаже. В него, судя по звуку, вошли двое. Лифт двинулся вверх. Антон постоял несколько секунд в раздумье, потом бесшумно бросился вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, промчался пятый этаж, добежал до чердачной двери — на ней был замок. Антон прижался к ней спиной и стал ждать. Он слышал, как лифт остановился на четвертом этаже, дверь открылась, из него вышли двое мужчин. Позвонили в квартиру, затем что-то звякнуло, скрипнуло, раздался радостный женский возглас, дверь хлопнула, и установилась тишина. Антон постоял еще минуту, потом тихонько спустился и вызвал лифт. Тревога не оставила его. Но молодому человеку всегда кажется, что у него еще есть запас — как в компьютерной игрушке — еще десять жизней.

Антон вышел из парадной и, поминутно оглядываясь, направился к метро. И хотя Антон пока еще не воспринимал все происходившее всерьез, но было ему не по себе.

Сначала он решил поехать домой, но потом вдруг вспомнил о друге Максима, работавшем в городском морге. Ведь это он, Сергей, говорил Максиму о пропадающих покойниках. Да собственно, идти больше было не к кому. Адреса родственников — сестры и матери Максима — он не знал, правда, знал, где бабушка с зашитой головой, но она вряд ли смогла бы ему чем-нибудь помочь.

Антон только приблизительно представлял, где находится морг, в котором работал Сергей, да и самого-то Сергея видел всего один раз.

Он вышел из метро на Московском вокзале, пройдя по Староневскому, свернул направо и на полчаса, обалдевая от жары, заплутал в малознакомых улочках, пока наконец какой-то добрый прохожий мужчина предсмертного вида не сказал:

— Морг? Ну уж морга тебе не миновать, если даже захочешь, потому что он перед тобой. Но учти — оттуда не выходят. Один мой знакомый как-то забрел туда — два дня выйти не мог.

— Оттуда выносят, — продолжил его мысль Антон.

Но прохожий никак не отреагировал на шутку, а пошел своей дорогой.

Это действительно был морг с гранитной табличкой возле двери. Удивительно, как Антон не заметил ее раньше — он ведь проходил здесь раза три.

В морге стояла приятная прохлада, после жаркой улицы здесь был рай. Антон неторопливо прошествовал между гробами с покойниками, возле которых кучковались скорбные опечаленные родственники, и с некоторым любопытством проник в дверь, на которой было написано «Посторонним вход категорически воспрещен». Оказался он в подсобных и складских помещениях. Здесь было не так опрятно и нарядно. Большие комнаты с бетонными стенами, с пустыми проемами дверей, с длинными коридорами... Живых людей нигде не было видно. Антон переходил из одной залы в другую, кое-где попадались пустые гробы и мертвецы на каталках. Но Антон не вглядывался в них, не фиксировал внимания — не очень-то покойники поднимали ему настроение. Зазвонил мобильник.

— Ты где? — спросила Даша.

— В морге, — ответил Антон, озираясь.

— Что? Уже? — изумилась девушка.

— Да нет, я тут Сергея ищу.

— Ой, клево! Там, наверное, интересно ужасно... Ты мне что-нибудь оттуда принесешь в подарок? — спросила девушка.

И тут в проеме двери Антон увидел человека в белом халате. Человек прошел мимо, не обратив на него никакого внимания.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Простите, можно вас! — не отрывая трубки от уха, окликнул его Антон, сделал несколько торопливых шагов и вышел в другой коридор, но человека в халате здесь уже не было.

— Антоша, Антоша, ты меня слышишь?! — звала в трубке Даша.

— Да слышу, слышу, — проговорил Антон, пытаясь понять, куда исчез человек. — Слушай, Дашуля, я сейчас не могу говорить: я тут занят...

— Где ты все-таки, Антоша? — не отставала девушка. — Ты мне правду скажи.

— Да в морге, в морге я! — почти прокричал Антон. — Ну, милая, ты пойми... — Он остановился возле каталки, на которой, сложив руки, лежала верхняя часть тела ветхой старушки, нижняя покоилась почему-то на другой каталке. Увлеченный разговором, Антон не обратил на нее внимания. Наконец Даша согласилась побыть пока дома одна. Антон отключил телефон, сунул его в карман и только после этого посмотрел на старушку.

— Ни фига себе, чем это ее? — прошептал он, с исследовательским интересом разглядывая старушку, потом посмотрел на другую ее часть и пошел дальше искать Сергея. Он спустился по какой-то бетонной лесенке, оказавшись в типовом помещении. И тут, заглянув в очередной проем, он снова увидел проходящего мимо человека в халате.

— Извините! — закричал он и выскочил в другой зал с тремя дверными проемами — в какой именно ускользнул служитель морга, он мог только догадываться.

Это был не просто морг, это был целый город, пока пустой, с малым числом обитателей, но строился он, видимо, на случай большой эпидемии чумы или еще какой смертельной и заразной болезни. Здесь можно было даже заблудиться... Антон и заблудился. Еще несколько раз он видел человека в белом халате, один раз даже протянул руку, чтобы ухватить его за халат, но не сумел. Тут уже не встречалось ни гробов, ни каталок с покойниками — одни только большие комнаты с бетонными стенами и дверными проемами без дверей. Под потолком тускло мерцали лампочки на проводах. Было холодно и страшно.

«Господи! Куда это меня занесло?! — носилось в голове молодого человека. — Куда?!»

Вновь докторский халат мелькнул в дверном проеме. Антон с отчаянным криком бросился за ним, выбежал в другое типовое помещение, потом промчался в другое... и в следующее...

— У-у-у! — Он завыл и медленно опустился по бетонной стене на корточки. — Что за проклятое место! — проговорил он, озираясь. — Что же это за морг такой гадский?!

Чтобы успокоиться, он достал мобильный телефон, включил какую-то примитивную игрушку, пару минут поиграл. Это привело Антона в относительное спокойствие. Поднявшись, он побрел искать выход. Ему уже не нужен был Сергей, черт с ним, лишь бы выбраться из этого проклятого морга. На память пришли слова предсмертного старичка, указавшего ему дверь морга: «Учти, оттуда не выходят!» Стало совсем скверно, хотя

казалось, что хуже уже некуда. Он еще несколько раз видел обладателя белого халата, бросался за ним, но не догонял.

Вдруг Антон услышал странный звук: скрежет железа о железо, как будто кто-то что-то пилил.

«Странно, что можно пилить в морге?» — подумал Антон, но как-то безразлично подумал. Он двинулся на звук. Пройдя несколько залов, он повернул за угол бетонной стены и вышел напрямиком на двух мужчин, которые отпиливали кусок от трубы. В одном месте труба уже была перепилена, и из нее хлестала вода.

— Здравствуйте, — сказал Антон, направляясь к мужчинам. Вид у них был довольно замызганный и мятый. — Скажите, как выйти из этого чертова морга?

Мужчины, не разгибаясь, настороженно смотрели на него.

— Как войти, так и выйти, — наконец сказал один в синей, порванной на плече нейлоновой куртке.

— А выход где? Я чего-то заплутал.

— Слушай, кент! Тебе чего надо?! — вдруг возмутился второй с ножовкой в руке. — Не видишь, люди работают?! Сейчас мочканет, будет тебе морг. Держи трубу, Ефим! — Это уже относилось к товарищу.

— Слушай, может, у него мобильник с собой есть? — предположил Ефим.

Мужик с ножовкой задумался.

«Надо мотать отсюда», — подумал Антон.

— Все, спасибо. Не нужно выхода, — проговорил он торопливо и повернулся уходить.

— Э! Не, ты погоди! — повысил голос Ефим. — Есть у тебя мобильник?! — Антон ускорил шаги. — Ну-ка, стой! Мобильник есть?! — Антон побежал.

Он слышал за спиной тяжелые шаги погони и мчался что есть мочи. Нет уж, фиг он отдаст свой мобильник. Хрен догонишь! Он мчался через одинаковые пустые бетонные залы, путая следы, пока не выбился из сил.

Он остановился, прислушался. Позади ничего не было слышно. Пот струился по вискам. Антон привалился спиной к стене. Он готов был заплакать от одиночества, от тоски и жалости к самому себе. Такого у него не было с детства.

— Убежал! — вернувшись к своему товарищу, сообщил Ефим, с сожалением глядя на бьющую из трубы струю воды.

— Теперь, пока идем в контору, чтобы воду перекрыли, весь подвал затопит, — сказал второй сантехник. — А так бы позвонили, они бы и перекрыли.

— Не дал позвонить, жмот.

Антон тем временем стоял возле стены одного из залов бесконечного морга и горевал о своей судьбе.

«Как же я влип! Куда теперь деваться?!» — думал он, глядя в пространство, ему хотелось домой к ласковой жене. Жизнь казалась ему закончившейся. Закончившейся в этом ужасном морге. Вдруг он услышал веселый посвист. Эхо не имело здесь определенных законов и летело куда хотело, поэтому, откуда оно доносится, было совершенно непонятно. Но свист явно приближался. В этих трелях Антон узнал какую-то популярную мелодию из попсы, вот только не мог вспомнить ее названия.

«Значит, за мной идут, — подумал Антон худшее. — Ну и черт с ними, пусть грабят, убивают — я с этого места никуда не двинусь».

А свист все приближался и наконец оказался совсем близко. В комнату, где стоял

Антон, вошел мужчина с фонарем на кепке и мотком проволоки на плече, на лице у него были большие усы, концы которых были закручены вверх, придавая ему сходство с героем Гражданской войны Чапаевым. Одет он был в рабочую, но щеголеватую одежду. Все так же посвистывая, он посмотрел на висящую лампочку и тут, повернувшись, увидел прижавшегося к стене Антона.

— Кайфуешь?! Слышь, паря, ты водопроводчиков не видел? Где-то здесь работать должны, меня прислали им электричество проводить.

Антон молчал.

— Слышь! Паря, ты чего, спишь, что ли, или того...

Электрик подошел ближе.

— Я спрашиваю, сантехников не видел, наркуша?

— Нет, — сказал Антон упавшим голосом. — Может быть, скажете, как отсюда выйти можно? Заблудился.

Антон почему-то сразу начал доверять электрику, несмотря на такое место, где никому доверять нельзя.

— Так ты заблудился? А я думал, наркуша, тут они гнездятся, — отчего-то обрадовался электрик, глядя на Антона из-под развесистых бровей. — Как соберутся, колес нажмутся или нашмыгаются и бродят здесь по убежищу, глюки ловят. Один раз чуть этого врача в халате не словили. Их тут менты не трогают. Иногда, правда, мрут. Сик транзит gloria мунди. Но ведь ничто не вечно под...

Электрик не закончил фразу: какое-то шуршание за спиной привлекло его внимание. В один из дверных проемов вошли двое мужчин, они с трудом несли что-то, завернутое в ткань. Увидев электрика с Антоном, они сначала испугались и сердито исподлобья посмотрели на них, но потом, разглядев принадлежность одного к электрическому сословию, прошли мимо, не без труда неся свою ношу. Все это было почти бесшумно. Антон проводил их глазами.

— Снова покойника потащили, — сказал электрик, глядя в ту сторону, куда ушли незнакомцы. — Они их всегда этим путем утаскивают. Хомо хомени лупус эст, — снова добавил он что-то на языке Антону, непонятном.

Антон уже ничему не удивлялся, он был физически и психологически измучен до крайней степени.

— Скажите, как из этого морга проклятого выбраться? Я тут уже три часа блуждаю, — взмолился Антон.

— О! Да ты, парень, совсем уходился. Так тебе что, в морг нужно-то?

— Да в морг... В смысле из морга выйти.

— Морг, он не здесь. Ты от морга немного отклонился. А это бомбоубежище. А морг, он во-она где! — Электрик махнул куда-то рукой.

— Как мне попасть-то туда?

— Ну пойдём! — сказал электрик, поправляя не плече лассо из проволоки. — Ноблес облич, — добавил он. — Мне один фиг сантехников не найти. Сколько просим начальство купить нам по телефону сотовому, так нет, скоты, жмотничают.

Антон был рад, что в этом мертвом пространстве удалось найти хоть одного нормального человека, который взялся вывести его из этого кошмарного места.

Они переходили из зала в залу. Какими чувствами пользовался электрик в выборе пути по однообразию залов бомбоубежища, Антон представить себе не мог, да тут, пожалуй, и

ученые не разобрались бы, потому что запомнить все эти повороты в однообразных бетонных коробках было невысказано.

— Морг с бомбоубежищем этим одной только лесенкой соединяется. Как говорится, сэ нон э вэро, э бэн тровато. Поэтому народ часто блуждает. А тебя далеко занесло.

— Я уже тут три часа. Думал, конец мне придет. Двое каких-то телефон отнять хотели.

— А, это бывает. Хомо хомиени лупус эст.

— А что это вы говорите? Это на иврите?

— Да где же ты среди нашего брата-электрика знатоков иврита встретишь? Это у меня травма. Шарахнуло меня как-то током, я и заговорил на другом языке.

А что за язык, черт его поймет. Носцэ тэ ипсум, как говорится.

— А почему тогда вы говорите «как говорится».

— Что же, я по-твоему, должен говорить, если не знаю, что это такое, — рассердился электрик. — Само высказывает, может, это брань нецензурная. Ходил к врачу. Врач молодой, институт недавно закончил за деньги. Ну он меня осмотрел визуально, говорит: «С организмом все нормально, руки-ноги на месте, а чего там в голове, черт его знает». А язык этот, который высказывает, говорит, на латынь похож. Ну я, говорит, не знаю, я на лекции не ходил — за деньги институт заканчивал. А латынь, я слышал, мертвый язык. Значит, я носитель мертвого языка. Может, я его один только на планете и знаю. Меня как шарахнуло электричеством, я пролежал полдня как мертвый, а потом очнулся и заговорил. Причем сделать с собой ничего не могу. Само собой говорится. Это приблизительно как у наших мужиков мат сам собой высказывает. Сэ нон э вэро, э бэн тровато... О! Видишь, опять! Мат ведь тоже язык неведомый.

— Я слышал, монголо-татарский.

Антон как-то успокоился в обществе электрика, говорившего на неизвестном языке. Они шли не быстро, но и не медленно — средне шли, идти все равно оказалось неблизко. Во Антона занесло!

— Да фиг там, татарский! Есть предположение, что мат — это язык заклинаний и молитв, пришедший к нам из древности. Удивительно то, что человек после сильного инсульта забывает все на свете: он забывает, как его зовут, какой год, забывает всех близких и названия всех предметов, а помнит только мат. Все врачи удивляются. Значит, мат располагается в каких-то особых частях нашего мозга, может быть, в подсознании, и когда человек все забывает, сознание его очищается и он начинает ругаться матом. Сэ нон э вэро, э бэн тровато, — вставил он непонятную свою прибаутку. — И удивительно, что такое случается и в других странах. Иностранец, который совсем не знает русского языка и никогда не слышал русского мата, перенес инсульт, вдруг тоже начинает ругаться матом. А иностранные врачи удивляются, на каком это человек языке заговорил... А вот, собственно, и пришли. Пэр аспэра ад астра.

Антон привык и уже не обращал внимания на непонятные слова, высказывающиеся из электрика. Они поднялись по небольшой лестнице. Возможно, Антон и спускался по ней, но почему-то не запомнил.

Они оказались в коридоре с каталками и гробами по стеночке.

— Пойдешь вон туда, — махнул рукой электрик. — Там у них начальство сидит, они тебя выведут. Бывай, студент, а я двинусь сантехников искать.

Электрик пожал Антону руку и, поправив на плече моток провода, посвистывая, пошел обратно.

— Господи, неужели выбрался!

Антон с блаженной улыбкой просто парил между каталками с покойниками, казавшимися ему родными. Да он от счастья готов был всех их расцеловать!

Он дошел до конца коридора. Навстречу ему попался человек в белом халате с папироской в углу рта. Он обеими руками толкал перед собой каталку, на которой под простыней кто-то лежал без движения. Из-под простыни вылезали подошвы замшевых ботинок сорок пятого размера, к подошве левого ботинка пристал раздавленный таракан.

— Извините, вы не знаете, где Сергея найти? — спросил Антон.

— Сергея? — Он перекинул бычок в другой угол рта, взял с тела какую-то бумагу и пробежал глазами. — А вот он. — Он кивнул на лежащее на каталке тело. — Сергей Фетищев.

— Мне не труп... — начал объяснять Антон.

— А, не труп. Серегу, что ли?.. Тогда прямо по коридору, дверь направо, он там сейчас груши околачивает.

Антон поблагодарил и пошел куда послали. Дверь была приоткрыта, из-за нее слышался мужской голос:

— В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...

Антон послушал, потом постучал.

— Ну кто там прется? Какая собака?! — раздался грозный голос из-за двери.

Антон вошел. За столом в белом халате сидел молодой человек с кудрявыми белокурыми волосами, с чуть курносим носом, с изумительно мраморным цветом лица. Он выглядел как ангелочек.

— Ты кто? — не очень-то любезно спросил он, обернувшись к вошедшему.

— Я Антон, друг Максима, мы встречались как-то.

— А, помню, — мрачно сказал молодой человек, поднимаясь из-за стола. Роста он оказался высокого, с Антона. — Ну и чего ты, Антон, хочешь? На экскурсию пришел, в прозекторскую тебя сводить?

— Да нет, я по другому поводу. Максим пропал.

Я думал, ты, может, знаешь, где он.

— Нет, ничего не знаю, — внимательно глядя на Антона, сказал молодой человек, и щеки его заалели. — Мы давно не виделись.

— Тут один случай произошел... — не зная с чего начать, заговорил Антон, чувствуя недоброжелательность хозяина. — Он говорил, что у вас в морге покойники пропадают... Так тут мы нашли, куда...

Ангельское лицо Сергея вдруг исказило страдание, он сморщился, будто у него заболел зуб.

— Что за чушь свинячья?! Это он нафантазировал, придурок. Где тут они пропадают? Да у нас все как в банке — сколько покойников получили, столько сдали. Да знаешь ли ты, что наш морг — лучший в городе, что мы во всех соревнованиях...

— Да я не хотел сказать ничего плохого, просто... — собирался оправдаться Антон, но ангелоподобный Сергей не дал ему это сделать.

— Я не позволю порочить честь нашего краснознаменного, лауреата всех премий, героя всех соревнований... Наш великий и могучий!.. — Ему не хватало воздуха для выражения всех эмоций. Он решительно наступал, тесня Антона к двери. — Ничем не сокрушимый...

Самый любимый...

Антон пятился, со страхом глядя на разбушевавшегося Сергея. В углу комнаты, где на диване лежала груда какого-то тряпья, раздалось хрипение, и мужской голос вдруг сказал:

— Хватит базарить! Серега, ты читать-то будешь?!

Я же так не засну в тишине.

Груда тряпья вдруг зашевелилась, и из нее высунулась растрепанная небритая физиономия.

— Серега, ты читать будешь?!

— Да буду, — бросил через плечо Сергей. — Сейчас человека вытурю. — И совсем тихо, приблизив лицо к лицу Антона, зашептал трагическим голосом: — Иди домой и не лезь в это дело. Не будь дураком. Максиму уже не поможешь. Тебе же хуже будет...

Он выпихнул Антона за дверь и закрыл ее. Антон в непонятном смятении стоял возле двери.

— В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой... — доносилось из-за двери.

Антон постоял, послушал, потом пошел по коридору в обратный путь. Тот же самый мужик с папирской вез в обратную сторону пустую каталку — он-то и указал Антону выход на воздух.

Глава 14

ПЕРЕЛОМ

Последние слова:

— Теперь не время наживать себе новых врагов.

Вольтер

Амстердам, год 1698

Проходили годы. Слава Фредерика Рюйша росла, его мастерством бальзамировщика приезжали полюбоваться из многих стран. В последней из комнат с выставленными препаратами находилась большая книга в кожаном переплете с золотым тиснением. В этой книге оставляли свои восторженные благодарственные записи многие именитые люди, посетившие его музей. Здесь расписывались знатные вельможи и ученые, музыканты и поэты. Но и в свои шестьдесят лет Фредерик Рюйш был полон сил. Каждый день без выходных, в четыре часа утра он спускался к себе в мастерскую. Теперь ему помогал только Генрих, унаследовавший мастерство и тайну отца.

Дочь, Рахиль Рюйш, стала известной художницей, ученицей самого ван Эльста. Работа в мастерской отца не прошла для нее даром — именно здесь, складывая горки из внутренних органов, склеивая детские скелетики, украшая отрезанные детские головки и детские ручки манжетками и рюшечками, она отточила вкус и развила свой художественный талант. Рюйш гордился своей дочерью, хотя ему и было по-отцовски грустно, что она бросила семейный бизнес. Теперь они работали с сыном. Рюйш все так же был равнодушен к монстрам. Его все так же ненавидели коллеги, видевшие, что препараты, которые создает Рюйш, действительно не портятся, а со временем становятся еще лучше, еще красивее, и казалось даже, что придет время, когда они оживут... Впрочем, так думали только малоразвитые посетители музея. Но даже профессиональных врачей охватывало чувство священного восторга, когда они видели мумии, не изменившиеся за несколько десятков лет.

Но в этом 1698 году, когда в Амстердам прибыло Великое посольство из России, жизнь Фредерика Рюйша резко переменилась.

В Амстердам из России прибыло Великое посольство. Говорили, что инкогнито приехал и сам русский царь.

Вот что писал в своем дневнике голландец Яков Номен: «...Царю не более недели удалось прожить инкогнито: некоторые, бывшие в Московии, узнали его лицо. Молва об этом скоро распространилась по всему нашему отечеству. На амстердамской бирже люди ставили большие деньги и бились об заклад — действительно ли это великий царь или только один из его посланцев...»

Это действительно был русский царь Петр I. Петру было тогда двадцать шесть лет. Жизнь казалась ему невероятной и интересной. Вырвавшись из патриархальной лапотной России с ее древними устоями, отсутствием цивилизации, он жадно впитывал в себя все знания. «Что это такое?» — по каждому поводу спрашивал Петр. «Я хочу это видеть». И

рассматривал, пока не докапывался до истины.

В Европе Петра удивляло все. «... И о том дивимся, что на таких холмах в Москве у вас такая грязь... А мы здесь и ниже воды живем — однако сухо...» — писал в письме Петр.

По приказу Петра Василий Волков вел дневниковые записи.

«В Амстердаме видел младенца женска пола, полутора года, мохната всего сплошь и толста гораздо, лицо поперек полторы четверти, — привезена была на ярмарку. Видел тут же слона, который играл минуветы, трубил по-турецки, стрелял из мушкета и делал симпатию с собакою, которая с ним пребывает, — зело дивно преудивительно...»

Видел голову сделанную деревянную человеческую, — говорит! Заводят, как часы, а что будешь говорить, то и она голова говорит. Видел две лошади деревянные на колесе, — садятся на них и скоро ездят куда угодно по улицам... Видел стекло, через которое можно растопить серебро и свинец, им же жгли дерево под водой, воды было пальца на четыре, — вода закипела и дерево сожгли.

Видел у доктора анатомию: вся внутренность разнята разно, — сердце человеческое, легкое, почки, и как в почках родится камень. Жила, на которой легкое живет, подобно как тряпица старая. Жилы, которые в мозгу живут, — как нитки... Зело предивно...»

Не зная сна и усталости, царь Петр ходил со свитой по Амстердаму. Вот что писал в дневнике о посещении Фредерика Рюйша Яков Номен: «...Особенно понравилось ему в анатомическом кабинете профессора Рюйша, — он так восхитился отлично приготовленным трупом ребенка, который улыбался, как живой, что поцеловал его. Когда Рюйш снял простыню с разнятого для анатомии другого трупа, — царь заметил отвращение на лицах своих русских спутников и, гневно закричав на них, приказал им зубами брать и разрывать мускулы трупа...»

Посещение Фредерика Рюйша царем Петром I произвело на анатома сильное впечатление. Было в молодом Петре что-то дикое, необузданное, животное... Но в то же время изумляла тяга его к углубленному познанию всего, что было ему интересно. Он останавливался у каждого препарата и спрашивал: «Что это такое?»

Но односложный ответ его не устраивал, он хотел проникнуть в суть предмета, задавая точные и коварные вопросы сопровождавшему его Рюйшу. И Рюйш со свойственной ему прямоотой отвечал на них, а если не желал отвечать, то несмотря на то что перед ним государь, говорил, что сие является тайной, которую он открывать не будет. Петр бросал на него пронзительные взгляды, так что Рюйш содрогался внутренне. Перед ним был человек, который не боится ничего, и ничто не может его остановить.

Еще больше подтвердились его наблюдения, когда подданные Петра по его приказу стали зубами рвать мясо и артерии мертвеца. Рюйш, не зная языка, поначалу изумился, не понимая причины столь странному поведению гостей. Но потом переводчик объяснил ему, что Петру показалось, что подданные его с неприязнью смотрят на препарированный труп, а сие трупоядство только профилактика для их же пользы. Труп был испорчен, но Рюйш не стал возмущаться по этому поводу и требовать материальной компенсации. Чего доброго, Петр тут же ударом огромного своего кулака уложил бы кого-нибудь из своих подданных, оставив его вместо покусанного трупа. Насколько за столь короткий промежуток времени узнал его Рюйш, Петр был на это способен.

Когда гости ушли, Фредерик Рюйш долго не находил себе места. Он вдруг ясно осознал, что встреча эта не была случайной, что она непременно будет иметь продолжение, что с этого момента жизнь его переменится... Вот только в какую сторону — Рюйш еще не

догадывался.

Глава 15

ИСТИНА НОЧИ

Последние слова:

— *Наконец-то я услышу настоящую музыку.*

Иоганн Себастьян Бах

Я поставил точку и, потягиваясь, поднялся из-за компьютера. Было два часа ночи. Я не чувствовал усталости, скорее — опустошенность. Прилег на диван, вытянув ноги, и долго смотрел в потолок. В голове крутились разные мысли: Марина, Фредерик Рюйш, Антон (Дашей, жена, отдыхающая в Феодосии. Все они, казалось, живут в моей голове и уживаются же как-то. А я сам как уживаюсь с ними со всеми? Я снова вспомнил о Тайне, о которой спрашивала меня Марина. Странно, но когда-то в юности я как раз и стремился к познанию этой самой Тайны, которой обладают сильные мира сего. К познанию... Я еще полчаса лежал и думал об этом главном, к чему стремился всю жизнь, но со временем позабыл свою цель.

— Господи, как хочется курить, — вдруг сказал я почему-то вслух.

Эта мысль даже не успела прийти мне в голову, а я ее уже высказал. Неудивительно — ночь, а ночью все выглядит иначе — во много раз острее, и мысли ночами приходят в голову странные. Может, Марина оставила сигареты в кухне?

Я поднялся с дивана и, стараясь не шуметь, направился в кухню. Уже почти двадцать лет как я бросил курить, и не тянуло, и не думал об этом, а вот сегодня что-то случилось.

В кухне было темно, я зажег свет. Пачка «Мальборо» лежала на столе. Я вскипятил себе чаю, сел за стол и, предвкушая блаженство, закурил свою первую за двадцать лет сигарету. Ну и гадость! Курил я не взятяжку, но и так было противно. Дверь вдруг открылась, и в кухню вошла Марина.

— А вы курите? — увидев меня с сигаретой, удивилась она.

— Балуюсь, решил вспомнить молодость... И вот сижу и думаю, неужели она вся была такая на вкус, как эта сигарета.

— А я ваши книжки читаю, интересно, — сказала она, садясь напротив.

— Ты знаешь, я думал над твоим вопросом по поводу того, что есть на свете самый главный вопрос, на который знают ответ люди, поднявшиеся до определенных вершин. Он действительно существует. Просто я забыл о нем, а ты мне напомнила. В молодости я хотел стать писателем, чтобы прийти к нему, чтобы встать над всем. И вот когда ты задала мне его, я вдруг понял, что это то, к чему я стремился всю жизнь, но о чем забыл. Человек всю жизнь поднимается по своей лестнице, но у каждого есть свой предел. Я посещал литературное объединение с молодыми людьми, на первый взгляд значительно одареннее меня. Их хвалили, ставили в пример. Но сейчас, оглядываясь назад, я вижу этих теперь уже немолодых людей, которые так и остались в литературе на уровне отличников литературного объединения. Хотя некоторые и продолжают писать, но они не смогли подняться. Или другие, которые писали много, легко, первыми выпустили по книжке, вступили в Союз писателей... и все. Больше одной-двух книг они не написали. Рост их прекратился. Они так и умрут на этом уровне: у них нет перспектив. Но есть другие, — их не

так много, — которые движутся вперед, выпускают книгу за книгой, получают литературные премии, их ценят коллеги... Когда остановится их рост, никто не знает. С другой стороны, все это движение может ничем не закончиться, но у них есть перспектива и есть шанс.

— Вы себя имеете в виду? — спросила девушка.

— Да, наверное, и себя тоже. — Я улыбнулся. — Так вот, чем выше человек поднимается по этой своей лестнице, тем ближе он подступает к великой Тайне. Чем значительнее становится он как писатель, известнее, популярнее, тем ближе он подходит к ней. — Я чувствовал, что меня понесло, но уже не мог остановиться. — Ты понимаешь?

— Нет, но продолжайте.

Марина подперла кулачком подбородок и слушала, не отводя от меня своих очаровательных серо-голубых глаз... Но сейчас я не замечал их красоты. Я был в возбуждении, и сам не очень-то понимал, что говорю: открываю великую Тайну или несую банальную белиберду.

— Причем не имеет значения, по какому пути человек поднимается вверх: как бизнесмен — богатея, как чиновник — поднимаясь по ступеням власти, или как писатель... Каждый из них постепенно подбирается к этой Тайне со своей стороны, но каждый знает только свою ее часть. Понимаешь? Свою! Ближе всех к Тайне — элита страны, элита мира. Это они вершат судьбы человечества. И там нет случайных людей: все они обладают выдающимися способностями, и каждый обладает своей крупницей Тайны, а вместе они и есть то, о чем ты спрашивала.

— И вы тоже имеете эту крупницу?

— Я тоже имею эту крупницу. Но она не имеет определенности, как не существует и самого конкретного вопроса. Хотя он есть, но облечь его в слова нельзя, как и ответить на него одной фразой. Представь, что за Тайна, на которую можно ответить одной фразой. Такими тайнами полны пивные и желтая пресса. Ответ есть, но идти к нему нужно через всю жизнь. И ты придешь к нему, если тебе это дано.

Марина продолжала смотреть на меня восторженными глазами. Я не знал, поняла ли она то, что я пытался ей разъяснить... да и не ей я пытался это разъяснить, а самому себе. За спиной была уже большая часть жизни, но впереди не маячило никакого ориентира, кроме банальной материальной выгоды. Не для того я положил свою жизнь на алтарь литературы. Если бы я хотел жить ради денег, я бы нашел другие пути, чтобы жить хорошо. Нет, я шел за Тайной. Я хотел стать писателем, чтобы быть выше всех — нет! не затем, чтобы подняться над другими, а только потому, что Тайна наверху. Но со временем ориентир сменился.

Быт одержал победу. И я стал работать, чтобы жить: получал заработную плату, тратил ее на свои нужды, снова работал, снова тратил — жил для того, чтобы жить. И тут вдруг Марина задает мне этот простой вопрос... да даже и не задает, а напоминает, что он есть, что есть то главное, ради чего и нужно жить. А ради чего живу я?!

Ночь. Ночью все выглядит иначе. Человеческие проблемы приобретают совсем иной ракурс, совсем иное значение. И то, что днем не находит решения, ночью решается непринужденно, с легкостью или упирается в жесткий барьер и видится нерешаемым. Утро вечера мудренее. В ночи нет мудрости, зато в ней есть Истина.

«Боже мой! Какую чушь я нес полчаса назад, — думал я, лежа на диване в кабинете и глядя в потолок. — Глупую, никчемную и банальную чушь. Чего это меня понесло? Белиберда какая-то! А ведь девушка слушала».

Последние слова:

— *Жизнь кончена. Тяжело дышать, давит.*

Александр Пушкин

Амстердам, годы 1698–1717

Живя в Амстердаме, российский царь еще не один раз навещал в гости к Фредерику Рюйшу и подолгу разглядывал приготовленные им препараты. Особенно же Петру нравилась коллекция монстров. Он задерживался возле них дольше, чем у других препаратов, и с восхищением и удивлением разглядывая их, восклицал радостно что-то на своем языке. Рюйш видел в нем человека столь же одержимого человеческими уродствами, как и он сам. За многие годы наблюдений Рюйш замечал, что некоторые люди с ужасом смотрят на человеческие уродства и скорее спешат отвести глаза или уйти от них к другим препаратам. Но встречаются такие личности, которые с восторгом и интересом рассматривают их, и чем изощреннее уродство, чем искаженнее привычная человеческая внешность, тем они внимательнее. Таких за уши было не оттянуть от этих банок. По всему видно было, что к таким относился и царь Петр.

Приходы российского царя вызывали бурный интерес к его персоне и делали коллекции Рюйша хорошую рекламу. Теперь даже те жители Амстердама, которые никогда не бывали в его кабинете и даже клялись, что никогда не переступят порог его дома, становились в очередь, чтобы посмотреть его препараты. Особенно же много посетителей бывало в те дни, когда Рюйша посещал Петр — для многих российский царь был не меньшей диковинкой, чем коллекция хозяина дома.

В третье свое посещение Петр завел разговор о покупке коллекции. Расстаться с коллекцией было для Рюйша равносильно смерти. Ведь она несла не только деньги, но и славу: анатомы всей Европы восхищаются его работами, а какая слава, если она окажется в заснеженной России, среди людей с дикими нравами. Все равно что выбросить ее в помойку... Нет, никогда коллекция не уедет в Россию!

Рюйш с большой деликатностью, стараясь не обидеть русского царя, отказался от продажи. Но увидел в глазах Петра такую решимость и непреклонность, что вдруг заколебался. Разговор происходил в одной из комнат дома Рюйша в присутствии многих подданных Петра. Лицо Петра вдруг перекошил нервный тик, он сжал зубы и посмотрел на Рюйша таким взглядом, что внутри у того все сжалось от внезапно нахлынувшего ужаса. И он вдруг понял, что государь не привык, чтобы ему отказывали. В этом случае он брал силой то, что желал. Ему показалось, что Петр сейчас убьет его. Скорее всего, анатом был недалек от истины. Рюйш тут же попробовал исправить ситуацию.

— Возможно, я уступлю вам несколько своих препаратов, ваше величество, — сказал он, учтиво поклонившись. — А сегодня хочу пригласить вас на лекцию по анатомии.

Это предложение несколько смягчило отказ Рюйша, и царь согласился посетить лекцию

знаменитого анатома. Лекция привела Петра в восторг, и в дальнейшем все то время, сколько Петр оставался в Амстердаме, он посещал все лекции Рюйша и часто являлся к нему в кабинет полюбоваться на уродов.

Коллекция Рюйша перевернула что-то в душе и мировоззрении молодого Петра. Он начал задумываться о мире уродов, мечтать об их собрании в одном месте — на его родине, в России. Тогда-то у него и созрело решение во что бы то ни стало купить коллекцию анатома Рюйша.

Рюйш нередко приглашал Петра на анатомические вскрытия. В одном из госпиталей Амстердама в комнате, где Рюйш проводил вскрытия, имелась потайная дверь, через которую и проникал Петр — большой охотник до подобных зрелищ. О готовящемся мероприятии уведомлял царя специально приходивший от Рюйша человек, и Петр, бросив все прочие дела, спешил на вскрытие. Чтобы не портить отношения со всемогущим государем, Рюйш уступил ему несколько препаратов. Но мечтой Петра все ж таки осталась покупка коллекции монстров.

Вернувшись в Россию, Петр не забыл о коллекции и в 1701 году прислал Рюйшу несколько редких пресмыкающихся и насекомых. Рюйш в ответ дал ряд ценных советов, как лучше сохранять червяков, бабочек и прочую мелочь.

С этого момента жизнь Фредерика Рюйша сильно изменилась. Перемена эта касалась не внешней стороны. Он все так же каждое утро отправлялся в мастерскую, имел большую врачебную практику, читал лекции по анатомии, присутствовал на казнях преступников, отвечал на письма... Внешне, казалось бы, все оставалось, как прежде, но жизнь лишилась былого покоя и определенности. Как бы невзначай царь Петр все время давал о себе знать. Регулярно от него появлялись какие-то люди, вновь поднимали вопрос о продаже коллекции... и как будто за Рюйшем начали не то что следить, а приглядывать. Подозрительные личности шныряли возле дома, подкупали слуг, чтобы они доносили третьим лицам о его переговорах и частной жизни. Рюйш стал плохо спать, даже движения его во время изготовления препаратов стали не столь точны... Бывало, когда ночные страхи становились особенно нестерпимы, с канделябром в руке он поднимался на второй этаж и ходил там по залам среди склянок с заспиртованными монстрами, забальзамированными детьми и взрослыми. У каждого из них была своя судьба. Эту крошку со вторым лицом звали Матильдой — Рюйш всегда спрашивал имя младенца у того, кто приносил его, и если такового не было, давал имя сам... Он помнил всех их поименно и даже кого кто принес. Этого принес крестьянин, этого — трубочист. Никогда не спрашивал, откуда их принесли, — только имя. Иногда, блуждая по ночным залам своего музея, Рюйш вдруг особенно отчетливо начинал понимать, что коллекцию нельзя оставлять в Голландии. Уроды должны уехать в Россию.

Шли годы. Слава Рюйша росла, он был избран членом немецкой Академии, Лондонского научного Королевского общества и Парижской академии наук. Но с не меньшим рвением он читал лекции, писал труды по анатомии, занимался бальзамированием, спиртованием трупов и, конечно, собиранием монстров. И каждый раз, когда он вспоминал Петра, его перекошенное тиком лицо, ему становилось жутко. Но с годами образ этот выцвел и выветрился.

За годы городских слухов не стало меньше — наоборот, чем известнее становился Рюйш, тем больше слухов о нем появлялось. Говорили, например, что у забальзамированных препаратов продолжают расти ногти и волосы, что по понедельникам, когда кабинет

редкостей для посетителей закрыт, экспонаты посещает цирюльник, и словно бы у этого цирюльника — как клялись очевидцы — рога и хвост. Говорили, что он забальзамировал собственного сына, умершего от горячки, но не выставляет его в общие залы, а держит в шкафу и любуется только оставшись в одиночестве; что забальзамированных детишек и взрослых Раюш выпускает побегать только ночью, когда никто не видит. Некоторые клялись, что видели препараты Рюйша расхаживающими по базарной площади не только ночью, но даже днем. Что тут было правдой, что выдумкой — неизвестно. Сам Рюйш не обращал на эти слухи внимания.

Но когда в Амстердаме объявился доктор Арескин из России и явился к Рюйшу с предложением продать коллекцию уродов, он снова затосковал. Анатом понимал, что придет время, и он все равно будет вынужден продать коллекцию Петру... Почему именно российскому монарху? Он, пожалуй, не смог бы ответить. И дело было даже не в деньгах, дело было в том неотвратимом взгляде Петра, который Рюйш помнил долгих двадцать лет... И вновь Арескину было отказано, но не так прост был доктор Арескин, недаром именно ему Петр поручил вести переговоры о покупке коллекции — он был хитер, как лис. Теперь Рюйш уже точно знал, чей человек все время торчит возле его дома, кто подкупает слуг, чтобы они доносили о его переговорах, кто не дает ему ступить шагу без надзора.

Опасения, что коллекцию кто-то может перекупить, были не беспочвенны. Рюйш нередко получал предложения от частных лиц и от различных европейских дворов о продаже коллекции частями или целиком. Оттого и надзор за ним был установлен — чтобы вовремя расстроить любую сделку. А если и не удастся расстроить, то решить вопрос любым, каким угодно, способом. В этом российский государь развязывал Арескину руки.

Последние слова:

— Я умираю, как и жил, — не по средствам.

Оскар Уайльд

Антон переменялся, он стал более подозрительным и задумчивым. Со момента посещения морга прошло три дня. Максим так и не объявлялся.

— Антоша, ты совсем разлюбил меня, — жаловалась Даша, лежа на диване в коротком своем халатике, оголявшем пухлые, все еще загорелые ножки. — Ты уже три дня такой, как вернулся из морга. Ты, что ли, мысленно еще там?

— Да нет, — отвечал Антон, сидя на диване рядом с девушкой и глядя ее ножку. — Я пытаюсь понять...

— Ты все равно ни до чего не додумаешься...

Девушку прервал телефонный звонок.

— Ну наконец-то, — раздался в трубке мужской голос. — Еле нашел твой телефон. Через ваш институт. Нужно встретиться, есть о чем поговорить.

— Кто это? — спросил Антон не узнавая.

Даша прислушивалась к разговору.

— Кто-кто, Сергей — друг Максима. Я тогда в морге с тобой поговорить не смог, начальник рядом дрых. Встретиться нужно.

— Где? — спросил Антон.

— Где-где — в морге. Вечерочком. Все разойдутся, я один буду... Я да покойники. Посидим, выпьем, поговорим в покойной обстановке.

— В морг, к тебе?

Чего-то не хотелось Антону снова попадать в это гиблое место. Даша, поняв, о чем идет разговор, вдруг замахала руками, ударяя себя в грудь ладонью.

— Меня, меня... — шептала она. — Только с женой, скажи... — Глазки ее загорелись, она отчаянно жестикулировала руками.

— Ладно, — согласился Антон, зная, что от Даши не отвяжешься и если уж она чего-нибудь захочет — дело труба. — Слушай, а с женой можно?

Даша замерла, приоткрыв ротик.

— Да хоть с тещей. А покойников жена твоя не боится? А-то начнет орать...

Даша отчаянно замотала головой.

— Нет, говорит, что не боится. Ну договорились.

Антон положил трубку.

— Слушай, Сергей зачем-то попросил водки взять, — сказал он.

— Покойников отмывать от грязи будем, — радостно выскочив и бросившись к шкафу, пошутила Даша. — Ну Антоша, ты что, не понял?! Знакомство отмечать!

В последнее время у Антона действительно стало что-то не так с чувством юмора.

Антон с Дашей позвонили в дверь морга в восемь часов вечера. На улице было светло,

белые ночи еще не закончились, по мостовым взад-вперед слонялись гуляющие. Дверь открылась, и в щель высунулась ангельская голова Сергея.

— Водку принесли? — спросил он, распахивая дверь.

— Принесли, — сказал Антон.

— А пиво?

— Нет, ты не говорил пиво братъ. Это моя жена Даша, — представил Антон.

— Ладно, у меня брага для запивки есть, пошли.

Вслед за Сергеем они прошли через слабо освещенные дежурным светом помещения с гробами. Даше эта необычная обстановка, похоже, нравилась, она даже повизгивала от удовольствия и поминутно хватала Антона за руку.

— Ой, гроб! Ой, покойник!..

А Антону эти покойники еще в первый раз поперек глотки встали. Они вошли в комнату вслед за Сергеем.

— Ну располагайтесь, братцы. Я сейчас стаканы принесу.

И ушел куда-то.

— Слушай, клево здесь! — Глаза Даши горели восторгом. — Гробы, покойники — романтично. Правда?

— Да не очень-то, — признался Антон, от нечего делать разглядывая комнату.

Комната была совершенно обычной, жилой. Стоял диван, напротив кресло с засаленной обивкой, за шкафом — кровать, обеденный стол со стопкой немытых тарелок. Словом, холостяцкое жильё. Вернулся Сергей со стаканами. Налили, выпили за знакомство. Сергей пил залпом. Было видно, что пить водку — дело для него привычное, но ввиду молодости следов на его внешность напитков пока не наложил. Антон с Дашей наоборот — только чуть-чуть пригубляли для компании.

— Слушай, Сергей, я ведь главное пришел с тобой обсудить, — начал Антон.

— Да знаю я, что ты хотел обсуждать. — Сергей зажевал выпитое свежим огурцом. — У нас всякая собака знает, что жмурики пропадают, а может, кто из персонала ими и приторговывает... Да наверняка директор, пройдоха, налево не один десяток спустил... Ему дай свободу, он грузовиками мертвяков продавать будет. Но сейчас все это втихаря. А ты пришел тогда, разорался. Директора разбудил... Короче, Максима найти будет трудно, если он вообще жив еще.

— Сергунечка, а можно будет по моргу погулять... Ну посмотреть там всякое? — спросила Даша, уловив в его словах промежуток. До фени ей были эти дела с Максимом, думала только об удовольствиях.

— Устрою вам экскурсию, не беспокойся. Только выпьем хорошенько и пойдем на прогулку.

Даша даже подпрыгнула на диване от счастья. Сергей налил еще и выпил.

— Так вот, — продолжил он. — Для чего покойников крадут, даже наш директор не знает...

— А я знаю, — сказал Антон и рассказал, как они ходили на выставку восковых фигур, что видел на голове старухи и как два типа в черном украли висельника, после чего Максим и исчез. — Честно говоря, я думал, что ты знаешь, где он. Может быть, тебе известен хотя бы адрес его родственников.

— Его сестра мне звонила, они его тоже разыскивают, — сказал Сергей, покачив головой.

— Кстати, три дня назад он звонил... вернее, пытался позвонить, но, похоже, ему не дали.

— Да-а, ребята, вы зашли слишком далеко. — Сергей провел рукой по своей густой шевелюре. — Вообще-то у меня нет ни координат, ни выходов на содержателей музея восковых, — он усмехнулся, — фигур.

Я сам о нем впервые слышу, но у меня есть выход на их врагов. Как ты, Антон, рискнешь сунуться в это дело?.. Но учти, что там могут в два счета голову оторвать.

Сергей смотрел вопросительно.

— Давай телефон, я подумаю, — уклончиво ответил Антон.

— Держи номер. — Сергей протянул приготовленную заранее бумажку. — Но ссылаться на меня не нужно, я сам этот телефон случайно узнал. Так что попробуй аккуратненько разведать, кто они да что делают. Но по секрету скажу, что я слышал... Бред, конечно, полный! Но они, похоже, покойников оживляют. Так что делай выводы.

— А что, можно разве покойников оживлять? — спросила Даша, подозрительно глядя на Сергея.

— Только поцелуем симпатичной девушки. Пойдем на экскурсию — можешь попробовать парочку понравившихся оживить, — пошутил Сергей.

Снова выпили, Сергей включил музыку. Потанцевали.

— Ладно, пошли на экскурсию. Покажу вам, что у нас имеется. Все, что в печи — на стол мечи, как говорится.

Даша захлопала от радости в ладоши и запрыгала на диване. Антон отказался. Пока Сергей проводил экскурсию для Даши, Антон размышлял о том, как будет вытаскивать друга. То, что его держат с какой-то целью в заточении, сомнений у Антона не было, и очень даже не помешает знакомство с врагами этих людей.

Где-то через полчаса Сергей с Дашей вернулись. Даша выглядела ошарашенной, но довольной — щеки ее горели, блестели глаза.

— Это лучший вечер, Антоша, который ты мне устроил. — Она поцеловала Антона и уселась рядом с ним на диване.

Выпивали, танцевали. Сергей выставил еще бутылку водки и еще банку с брагой. Потом Сергей показывал фотографии, на которых он был заснят со знаменитостями, которых он либо держал на руках, либо совместно с другом — тоже служителем морга — поддерживал под мышки, водрузив руки знаменитости себе на плечи. С кем он только не фотографировался! Особенное впечатление от такой звездной компании получила Даша — от восторга она не знала, куда деться.

— Хорошие вы ребята! — сказал Сергей, выпив еще. — Вы знаете, ведь хорошие люди, живые, редко встречаются в природе. И я хочу сделать вам подарки. Тебе, Антоша, хочу подарить... — Он встал, прошел к окну, где в углу стоял письменный стол, и, выдвинув ящик, погромел там чем-то. — Во! — Он протянул Антону часы с браслетом.

— Ух ты, какие часы! — обрадовалась за мужа Даша.

— Спасибо, я как раз часы свои в походе посеял.

— Носи на здоровье. А тебе, Дашуня! — Сергей не совсем трезво подошел к платяному шкафу, открыл его и, сорвав с вешалки голубую джинсовую курточку, кинул ее Даше.

— Во! Держи, твой размер.

— Это мне?! О-у! Ес!

Даше вскочила, надела куртку на себя и прошлась, пританцовывая под музыку.

— Клево! Спасибо, Сергунька! — Она поцеловала его в щеку. — Я давно такую хотела.

Антону сделалось неприятно от этого проявления ласки к чужому мужчине. Сергей подошел к магнитофону и сделал музыку на полную, так что стены задрожали. Музон орал так громко, что весь морг ходил ходуном, и казалось, лежавшие недвижно покойники оставшимся количеством чувств улавливали эту музыку, и нельзя сказать, что она им нравилась.

Все вскочили и в войдя в раж бросились танцевать и танцевали до упаду.

— Слушай! А что это у тебя на спине?! — перекрикивая нестерпимо орущую музыку, спросил Антон, когда Даша в танце оказалась к нему спиной.

— Где?! Что там? Я не вижу! — не прерывая безумного танца, прокричала она.

— Как будто зашито что-то, — танцевал рядом с ней Антон.

— Это дырки от пуль!!! — перекрывая своим голосом музыку, проорал Сергей. — У нас тетка из ателье приходит, заштопывает так, что не заметишь!

— Дырки от пуль?! — воскликнула девушка.

— Да! От Калашникова!! — орал в ответ Сергей.

— Круто!!! — вдруг, перекрыв музыку в несколько раз, завопила диким голосом Даша, подняв вверх руки. — Ни у кого нет такой куртки!! А-а-а!!! — надрывалась она в ошеломляющем восторге.

— Ура-а-а-а!!! — заорали все вдруг хором, подняв руки и пустившись в дикий пляс. — Ура-а-а-а!!!

Они радовались приятным мелочам, как способны радоваться либо абсолютно пьяные, либо молодые, у которых все еще впереди.

С вечеринки из морга Даша с Антоном вернулись только в час ночи. Хотя идти было не так далеко, но решили взять такси. Всю дорогу в такси Даша напевала песенку, потом хвасталась водителю своей новой курткой, потом снова пела, потом хвасталась и пела...

Когда вернулись домой, Антон отправился в ванную, включил воду, взгляд его упал на торчащий из-под ванны предмет. Антон вздрогнул, попятился к двери. Из-под ванны торчала человеческая рука. То, что под ванну целому человеку было бы не уместиться, Антон понимал, хотя и был несколько пьян. Значит, это часть человека. Морговый кошмар продолжался.

Преодолевая отвращение, Антон потянул руку за палец... На ощупь она была твердой, из нее выпал какой-то листок. Антон вынул из-под ванны руку... она оказалась резиновая и пустая внутри, внешне удивительно копируя настоящую человеческую конечность. Антон вздохнул облегченно, от сердца отлегло.

— Твоя, что ли, шутка дурацкая? — спросил он, входя в комнату, где Даша, сидя на диване, смотрела телевизор, перещелкивая с программы на программу.

Антон бросил руку рядом с ней на диван.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула девушка. — Ты ее для меня, Антоша, в морге стащил? — Даша взяла ее. — А-а-а... — разочарованно протянула она. — Не настоящая...

Из ее слов Антон понял, что эта рука не ее рук дело. Значит, в то время когда они отсутствовали, кто-то залез к ним в квартиру и оставил этот подарок, Антон вернулся в ванную и тут заметил сложенный листок бумаги, который выпал из резиновой длани. Он развернул его и прочитал: «Оставь свою затею, сынок, иначе эта часть будет от человека... И человек этот — ты».

Последние слова:

— *Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте.*

Сократ

Утром я проснулся рано — в одиннадцать часов. Для меня это рано, потому что проспал всего три часа, а потом лежал в постели и мучился. Мучила совесть, мучила любовь, мучил сюжет романа, мучили две мухи, садившиеся на лицо, мучила духота... Мучило все, что могло мучить.

Надев халат, я вышел в кухню. Марина не спала. Удивительная девушка, как зомби — я вообще не видел, чтобы она когда-нибудь спала.

— Как хорошо, что вы проснулись. Вы по утрам студень едите?

— Я ем его всегда, — улыбнулся я, борясь с сильным желанием обнять и поцеловать девушку.

Зазвонил телефон. Я поднес трубку к уху.

— Позовите, пожалуйста, Марину, — попросил мужской голос.

Я насторожился.

— Какую Марину? Вы не туда попали.

— Я вчера заходил, дома ее нет; значит, она у вас. Не заставляйте меня говорить вам гадости.

— Что, это меня? — подошла Марина, встревоженно на меня глядя.

— Да, тебя. — Я протянул трубку.

— Ну чего ты звонишь! — злобно закричала она в трубку. — Я же тебе сказала — между нами все кончено. — Прижимая трубку к уху, она пошла в свою комнату и притворила дверь. — Да, люблю! — слышал я уже приглушенно. — Да, не хочу, никогда!..

Черт! Как было приятно слышать такие слова очаровательной девушки! Они сразу подняли мне настроение. Какое счастье, что кто-то на этом свете тебя любит по-настоящему, страстно... как, впрочем, и ты сам.

Марина вернулась расстроенной.

— Друг твой звонил?

— Да, — ответила она сердито. — Идиот!

— А как его, кстати, зовут? Ты нас не представила.

— Циркач.

— Понятно, Циркач так Циркач. Давай позавтракаем, потом я пойду к Николаю Николаевичу в милицию, расскажу, что вчера эти двое попсарей приходили.

— Может, не нужно в милицию, — проговорила Марина, раскладывая студень по тарелкам. — Опять путаница какая-нибудь начнется.

— Что значит «не нужно»?! — Я поднял брови. — Там неизвестно что с твоей матерью вытворяют, а ты говоришь «не нужно».

Марина поставила передо мной тарелку.

— Я не верю, что они помогут ее найти, да и вообще...

— Что «вообще»?

— Ну может, она действительно на юге отдыхает в санатории.

— Я не понимаю тебя, Марина. Поясни, пожалуйста.

— Да нет, я так... Вы на меня внимания не обращайтесь. Мне сейчас нужно будет уйти ненадолго, — сказала она, потупившись и глядя в тарелку.

— С Циркачом встречаться? — Голос мой прозвучал как-то глухо, и я, чтобы скрасить неловкость, закашлялся.

— Да, — сказала Марина, и ее голос тоже как-то дрогнул, или мне это только почудилось.

— Понятно.

Я молча ел студень, в первый раз в жизни без удовольствия, Марина тоже молчала.

— Вы не подумайте, — вдруг сказала она, подняв голову от тарелки и прямо глядя мне в глаза. — У меня с ним уже все кончено.

Как восхитительно прозвучали для меня эти слова! Я с трудом удержал улыбку.

— Возьми ключи, на стене возле зеркала висят... если вернешься раньше.

Николай Николаевич был в кабинете один.

— Ну рассказывай, — сказал он, как только я сел за стол.

Я рассказал, как приходили два головореза и набили мне лицо. Рассказал я и о телефонном звонке, после которого они тут же ушли, осыпая меня извинениями и воздушными поцелуями. Николай Николаевич, сидя за столом, слушал внимательно, иногда уточняя детали.

— Дело запутывается, — сказал он, когда я закончил. — Я был уверен, что все гораздо проще. Любовь молоденькой девчонки к известному писателю...

— Ну, известному — это уж слишком... — перебил я, но Николай Николаевич не услышал моих слов и продолжал:

— Ну знаешь там, шуры-муры, придумала историю с похищением, чтобы к нему переселиться, пока жена в отпуске, устроила бардак, ну и все такое прочее... Но откуда эти типы взялись? Мы их по картотеке пробьем, но у меня профессиональное чувство, что у нас на них ничего. Кроме того, мы выяснили, что Татьяна Владимировна в санаторий отправилась не по путевке, а дикарем. И где именно остановилась, выяснить пока не удалось. Но мы ведем работу в этом направлении: не потому, что бардак там в квартире навели, а потому, что этим исчезновением заинтересовался знаешь кто — Александр Сажин. Ну помнишь, я тебя знакомил, у меня в кабинете сидел Александр Петрович с золотым зубом. А он просто так интересоваться ничем бы не стал, а здесь вцепился, как бульдог — информацию ему подавай. Значит, знает что-то. Поэтому мы свои ресурсы подключили. Работаем, ищем. А твои вчерашние хулиганы только подтверждают то, что мы на правильном пути. Выяснили также, что у Татьяны Владимировны с работы исчезли важные документы. Там тоже свое расследование. Так что машина заработала, ну и все такое.

— А мне теперь что делать?

— За девушкой смотри... Хотя не нужна она никому, я думаю... — Он внимательно посмотрел на меня. — Кроме тебя, конечно.

Меня бросило в краску.

— Ну и духота, — сказал я, надув щеки. — Градусов, наверное, двадцать пять на улице.

Я неторопливо брел к дому. На улице жарко не было — часто набегавшие тучки скрывали солнце, кроме того, дул северный ветер. Я понимал, что положение, в котором оказались мы с Мариной, слишком неопределенное. Нужно было что-то решать. Нас тянуло друг к другу, но я был женат и вовсе не собирался обманывать свою жену, ведь мы были вместе уже двадцать пять лет. Но с другой стороны... С другой стороны, такого чувства, как к этой девушке, я не испытывал никогда раньше, и я понимал, что маленькое пространство отделяет меня от пропасти, и если я преодолею его, то уже ничто не остановит меня — не остановят ни здравый смысл, ни моральные, ни религиозные принципы.

— О! Какая приятная встреча. Здравствуйте, любезный Сергей Игоревич. Прогуливаетесь?

Передо мной собственной персоной, в костюме и галстуке, стоял Александр Петрович, о котором мы только что вспоминали дурным словом.

— А я тоже, знаете ли, прогуливаюсь. Приятная встреча. — Он улыбнулся, сверкнув золотым зубом.

Врал он. Все врал, хотя и был я в задумчивости, но все ж таки заметил, что вышел он из черной «Волги», стоявшей неподалеку.

— Я бы даже сказал «случайная встреча», — спровоцировал я, нарочно посмотрев на «Волгу».

— Совершенно верно, случайная, — проследив за моим взглядом, нарочито подтвердил он. — А вы, Сергей Игоревич, человек до крайности наблюдательный — для кого-то случайная, а для кого-то, пожалуй, и нет. Скрывать не стану, у меня имеется к вам несколько вопросов. А вы домой направляетесь?

— Домой.

— Ну позвольте тогда, я вас и препровожу.

Мы пошли рядом.

— Догадываюсь я, что это за вопросы. Должно быть, о Марине, — сказал я с некоторым раздражением.

— А вот и не угадали! — воскликнул радостно Александр Петрович. — О литературе — милейший Сергей Игоревич. О литературе, о чем еще могут говорить два случайно встретившихся интеллигентных человека!

— Если интеллигентных, тогда о женщинах и о выпивке. Или вы хотите, чтобы я вас домой пригласил?

— Нет. Ничуть не беспокойтесь, любезный. У меня ведь только несколько чисто профессиональных вопросов, а я предисловие разовью, бывает такое обширнейшее, что просто ужас. Ведь вы сейчас книгу о Фредерике Рюйше пишете?

— О! — Я даже поперхнулся воздухом. — Откуда же вы знаете, о чем я пишу?

— Из прессы, милейший Сергей Игоревич. Читал газету «Вечерний Петербург», где с вами большое интервью опубликовано, вы там и изволили раскрыться.

Его немилицейские словесные обороты меня раздражали. Тоже мне Порфирий Петрович хренов.

— Правда, говорил я такое. Не знал, что вы газеты читаете, думал — протоколы в основном.

— Это правда, но надеюсь, вы меня уязвить не желаете?

— Не желаю, — ответил я, хотя и желал уязвить, да посильнее. Не нравился мне этот

тип. Что у него на уме?

— И не только из газеты, но и в отделе антропологии Мария Николаевна — специалист по Рюйшу — о вас говорила, что вы тоже интересовались. Помните такую?

— Да, конечно, помню.

Я действительно часто навещал ее, когда собирал материал о Рюйше, да и в Библиотеке Академии наук целыми днями просиживал. Материала было до крайности мало, и его приходилось собирать по крупицам.

— Так вот. — Александр Петрович достал пачку сигарет и протянул мне для угощения, я поблагодарил, он вынул сигарету и прикурил. — Так вот, — затягиваясь дымом, продолжал он, — у меня и вопрос к вам как к специалисту по Фредерику Рюйшу.

— Тогда вам, Александр Петрович, не ко мне. Я ни в коем случае не специалист по Рюйшу, я, конечно, почитал кое-что, почитал... Но я никак не могу считаться специалистом, а вот Мария Николаевна — да, это мировая величина... Так что вам лучше к ней. Да и вообще, что вас может интересовать в этом анатоме, умершем в начале восемнадцатого века да еще и в Голландии?

— Да вот меня интересует один странный вопрос. Может быть, вы, любезнейший, поймете, почему я пришел к вам, а не к ученым-специалистам. Вопрос касается секрета мумифицирования людей, который изобрел этот ученый.

— Бальзамирования, — поправил я, хотя, по сути, разницы не было.

За разговором мы дошли уже до моего дома и остановились на углу возле детской площадки.

— Ну да, пусть бальзамирования. Так вот. Скажите мне, любезный Сергей Игоревич, а не мог ли этот секрет дойти до наших дней?

Я усмехнулся.

— Как раз об этом я сейчас и пишу. Об этом мечтают многие анатомы уже три века. Я думаю, что теоретически дойти мог. У Рюйша было двое детей. Сын умер еще до кончины самого Рюйша, а дочь Рахиль пережила отца на девятнадцать лет, но, судя по всему, секрета не раскрыла, а может быть, и не знала. А сам Рюйш был, по-моему, слишком жаден до денег, чтобы делать подарки человечеству.

— Значит, никак.

— Нет. Думаю, никак, — развел я руками. — Надеюсь, я вас не очень огорчил.

— Ну хорошо, — не отставал привязчивый Александр Петрович. — А другими путями какими-нибудь?

— Что значит «другими»?

— Ну если бы не он сказал, если бы украли?

— Кражи — это по вашей части... А впрочем, ведь ходили слухи о том, что Рюйш передал секрет Петру Первому. Конечно, это маловероятно — слишком жадным был старик. Но я пишу в своем романе о том, что секрет продал Петру слуга Рюйша. Потом Петр передал его врачу Блюментросту, тот после смерти Петра в свою очередь передал его хранителю Библиотеки Академии наук Шумахеру, и секрет этот уже после смерти самого Рюйша (должно быть, такая была у Петра договоренность при покупке) был опубликован в 1743 году доктором Ригером. Но секрет оказался, как говорится, туфтой. Это было не бальзамированием, а приготовлением спиртового раствора, который не был секретом и о котором знал всякий анатом.

— Удивительно, что этот секрет, который знали все, передавался несколько

десятилетий как великая тайна. — Александр Петрович пожал плечами. — Неувязка какая-то.

— Ну да, — согласился я. — Тут есть неувязка, но так считают ученые, изучающие жизнь Рюйша.

— Непонятно. Если все знали, что это спиртование, а не бальзамирование... непонятно.

— Здесь действительно много неясного, — согласился я.

— Самая большая ошибка людей в том, что они считают себя умнее других. Им кажется — ну я-то их всех обманул, у меня комар носа не подточит. Работа в милиции научила меня смотреть на вещи с другой стороны. Но ведь послушайте, Сергей Игоревич, ведь Петр что-то понимал в медицине. Ведь его надуть не просто было, да и опасно... Но если даже допустить, что Петра надули, то он все же передал секрет врачу — как там его фамилия — Блюментросту, и тот в свою очередь передал специалисту. А опубликовали, простите великодушно, туфту. Признавшись, можно сказать, принародно в своей некомпетентности.

— Если предположить, что вы правы, значит... Значит, этот секрет потерялся где-то по дороге.

— Совершенно справедливо, любезнейший Сергей Игоревич! — вдруг несказанно обрадовался Александр Петрович и даже любовно похлопал меня по груди. — Совершенно справедливо.

— И если рассуждать логически, — в задумчивости продолжал я, — это могло быть только последнее звено — либо Шумахер, либо Ригер: тот, кто опубликовал якобы переданный ему секрет бальзамирования, а на самом деле рецепт простого спиртового раствора. Вот.

— Совершенно справедливо. Bravo, Сергей Игоревич!

— Послушайте, вы что, это знали? — подозрительно глядя на Александра Петровича, спросил я. — Вы так говорите...

— Ничуть нет. Это вы знали, а я только ваше знание в правильное русло обратил. Но только почему вы предпоследнее звено изволили посчитать, не разумею.

— Последнее? Здесь могло быть так, что заветы Петра Великого передавались в обязательном порядке, и Ригер, опубликовавший их, не осмелился бы этого не сделать, даже если бы и понял, что это туфта. Там тоже свои законы, знаете ли, были.

— Вот это и интересно. Значит, здесь-то и могла произойти утечка информации, по простому говоря — кража. Очень вам благодарен. — Александр Петрович сверкнул золотым зубом. — Я так и думал, что ваш изощренный ум сможет выйти на путь правильный... Недаром вы фантастику пишете...

У него пискнул телефон, он достал его из внутреннего кармана пиджака, посмотрел на сообщение и тут же заторопился.

— Я не пишу фантастики, — сказал я сердито, но несколько запоздало.

— Да и не пишите. Имею счастье откланяться. — В последний раз сверкнув золотым зубом, он пожал мне руку, повернулся и зашагал в обратную сторону.

Я смотрел ему вслед с некоторым недоумением. Неужели он ждал меня возле милиции, чтобы вот так запросто раскрыть преступление восемнадцатого века? Да и вообще какое отношение он имеет к голландскому анатому? Одно дело, когда ты пишешь роман, где происходят невероятные события, и совсем другое, когда невероятные события происходят с тобой.

Проследив, как Александр Петрович сел в машину, я пошел домой.

Когда я входил в парадную, мне навстречу попались трое незнакомых мужчин; они повернули головы как-то так, что я не смог увидеть их лиц, хотя с некоторых пор стал внимательным к прохожим. Газовый пистолет находился у меня за поясом, и если бы я увидел своих обидчиков Шнура с Леонтьевым, мне бы потребовалось не более чем пара секунд, чтобы выхватить его и привести в действие.

Я открыл дверь и вошел в квартиру. Марина еще не пришла. Но я сразу понял, что в квартире кто-то побывал. Я иногда замечаю странные вещи, какие-то мелкие нюансы, а не вижу часто крупного под самым носом. Ящик тумбочки, когда я уходил, был приоткрыт, а теперь закрыт полностью. У этого ящика такое свойство: если, закрывая его, просто толкнешь, он останется чуть приоткрытым, а для того чтобы его задвинуть полностью, нужно на него надавить. Никто и никогда на него не надавливал до сегодняшнего дня, сдвинута обувь, потому что открывали нижнюю дверцу шкафчика, который тоже раз в год открывают. По всему видно, что торопились...

Я вынул из-за пояса пистолет и, держа его наготове, бесшумно проскользнул в комнату, заглянул под диван, за занавески, потом пошел в кабинет — там тоже никого не было. Из прихожей вдруг донесся шум.

Я бросился к стене и напрягся. Значит, я не ошибся. Бесшумно ступая, через коридорчик подошел к прихожей, там кто-то был. Сердце колотилось, я сжимал рукоятку пистолета вспотевшей рукой. Поглубже вздохнув, чтобы унять дрожь в теле, я, выставив вперед пистолет, выскочил в прихожую.

«Стоять!! На пол!! На пол быстро все!!! Стрелять буду!!! На пол!!!» — хотел заорать я что есть мочи... Но не заорал. Посреди прихожей, глядя на меня удивленно, стояла Марина.

— Вот это Рэмбо! А вам круто пистолет идет. Я в отпаде.

— Да, только похудеть нужно, — сказал я смущенно. — Тут кто-то приходил, похоже, когда нас не было, — смахивая со лба пот и пряча пистолет за пояс, сказал я, где-то даже сожалея, что это не злоумышленники, так мне понравилась роль крутого парня — не доиграл, наверное, в детстве. Я бы им показал кузькину мать!

— А вещи на месте? — спросила Марина, проходя в комнату.

Вещи оказались на месте, но в том, что в квартире в наше отсутствие кто-то побывал, сомнений у меня не возникало. Значит, что-то искали. А не связан ли с этим Александр Петрович? Эта мысль пришла мне в голову неожиданно. Не шел из головы наш странный разговор возле дома. Неужели он действительно интересуется Рюйшем? Но почему нужно устраивать у меня обыск? Вот черт! Я бросился в кабинет, включил компьютер. Роман был на месте. Потерять плоды такого большого труда... Каждый писатель понимает, что это была бы трагедия. Нужно будет сегодня же переписать его на пять дискет и попрятать их в разных местах квартиры.

Зачем они приходили?! Что искали?

Последние слова палачу перед тем, как его обезглавили:

— Шея у меня короткая, целясь хорошенько, чтобы не осрамиться.

Томас Мор

Амстердам, год 1717

Врач (архиятер) Арескин, присланный из Петербурга нарочно для покупки коллекции Фредерика Рюйша, а заодно для ведения переговоров с другими анатомами Амстердама о приобретении некоторых их препаратов, развил бурную деятельность. Петр строжайше повелел любыми путями не допустить продажу коллекции Рюйша в другое государство. Но в секретном распоряжении государя речь шла не только о покупке самой коллекции, но и о приобретении тайны бальзамирования, которой обладал Рюйш. Здесь Петр полностью развязывал Арескину руки и, всегда экономный, в этом велел не скупиться.

Арескин с пылом взялся за работу. Он нанял людей, которые следили за каждым шагом Рюйша и доносили ему о всех его передвижениях. Так ему стало известно о том, что Рюйш ведет тайные переговоры с римским императором Леопольдом о продаже тайны бальзамирования. Арескин тут же написал государю, на что получил повеление любыми средствами расстроить сделку. Арескин принялся за дело не жалея средств: он подкупал слуг, приобретал оружие, в грязных притонах встречался с головорезами, с коими имел долгие беседы. О чем, не знал никто.

Все было готово для решительных действий, но вопрос с покупкой секрета благополучно решился сам собой с кончиной императора Леопольда.

Основной деятельностью по приобретению секрета бальзамирования, на которую Арескин возлагал большие надежды, была работа со слугами. Часто слуги владеют всеми тайнами своих хозяев, включая сердечные... Но здесь было не так. Доверенное лицо Рюйша — главный слуга Гуго — был хитер и коварен. Как только Арескин налаживал связь с кем-нибудь из слуг Рюйша, Гуго тут же вычислял его, и слугу увольняли. Не нужно говорить, что уволенный ничего не знал о секрете бывшего хозяина. Арескин заметил странную закономерность — слуги в доме Рюйша чаще, чем в других домах Амстердама, умирали в связи с болезнью или от несчастного случая. А не избавлялся ли от них сам хозяин, человек крайне недоверчивый и подозрительный? Арескин, подгоняемый гневными посланиями из Петербурга, решился на отчаянный шаг. Он решил пойти напролом и попробовать вступить в контакт с самим Гуго. Это было небезопасно, ведь под удар ставилась сама возможность покупки коллекции. Если Рюйш узнает о том, что российский царь через посредника пытается добыть секрет разбойным путем, то сделка по покупке может не состояться, ведь Рюйш считал Петра своим учеником. И в случае неудачи голова самого Арескина точно слетит с плеч. Петр не прощал таких провалов. И все же Арескин решил рискнуть.

Через подставного человека он вышел на Гуго. Тот долго не артачился и подозрительно

легко вошел в контакт, изъявив желание увидаться с заказчиком. Эта встреча была самой главной. Арескин стоял перед дилеммой — идти самому или подослать постороннего человека, не называя страну, которая хочет получить секрет. Но в таком деле необходимо было рисковать, и доктор Арескин решил пойти на встречу сам. Договорились встретиться в корчме на въезде в город. Арескин уже за полчаса до условленного времени устроился в углу, откуда хорошо просматривалась вся корчма. Не снимая дорожного плаща и широкополой шляпы, почти полностью скрывавшей его лицо, он сидел над кружкой пива, в то же время внимательно следя за посетителями. Народу в этот час было мало. Скучающий хозяин, протирая полотенцем пивные кружки, поглядывал на Арескина исподлобья. Звеня шпорами, вошли двое офицеров в голубых мундирах артиллерийского полка и, взяв по кружке пива, уселись за стол.

Прошел час. Гуго опаздывал. А может быть, не опаздывал, может быть, он и не собирался приходить, и все предпринимаемые доктором действия по покупке секрета бессмысленны. Арескин отставил пустую кружку в сторону, поднялся, поправил шляпу — дверь вдруг распахнулась, и в залу вошел мужчина в запыленном дорожном плаще, черной шляпе, галуны его сапог были забрызганы грязью. Он обвел глазами присутствовавших в корчме и, увидев Арескина, подошел к нему.

— Господин Арескин? — учтиво поклонился он.

— Вы не ошиблись. — Арескин поклонился в ответ.

Он бросил внимательный взгляд в сторону громко разговаривавших офицеров.

— Вас ждут в карете. Позвольте, я вас провожу.

Они вышли из корчмы. Светило солнце. Арескин увидел стоявшую возле входа забрызганную грязью карету.

— Извольте сесть в карету, — сказал провожатый, открывая перед доктором дверцу.

В карете уже кто-то сидел. Он сидел в углу, закутавшись в плащ, и невозможно было разглядеть его лицо. Доктор сел напротив. Карета тронулась, незнакомец не проявлял никаких признаков жизни. Арескин тоже молчал. Было что-то жутковатое в этом скрытом плащом человеке. Они проехали, наверное, две версты. Арескин заметил, что дорога стала неровная, карету сильно трясло.

— Вы хотели купить тайну бальзамирования? — наконец проговорил закутанный в плащ человек глухим голосом.

— С кем я говорю? — спросил доктор Арескин. — Я не привык общаться с человеком, лица которого не вижу.

— Речь идет о тайной покупке, поэтому лицо мое вас не должно интересовать, ведь вам нужен рецепт бальзамирования, а я могу вам его продать.

— Откуда я могу знать, что вы продадите мне настоящий рецепт? — спросил недоверчивый Арескин, странный разговор настораживал.

— Вы обратились ко мне, а не я к вам. У меня будет одно условие.

— Какое же?

— Я продам тайну бальзамирования только вашему государю лично.

— Нет, об этом не может быть речи, — категорически проговорил Арескин. — Эти переговоры вы будете вести только со мной.

— Ну тогда наша сделка не состоится, — мгновение подумав, заявил человек. — Это обязательное условие.

— Но это невозможно.

— Иного пути приобрести секрет Рюйша у вас нет. Кроме того... — Он замялся. — Кроме того, найдется много желающих, которые будут более сговорчивы. Подумайте. Я буду ждать ответа.

Он отдернул занавеску, высунулся в окно и велел кучеру остановиться.

— Я вас больше не задерживаю, — сказал он Арескину, и тому ничего не оставалось, как выйти из кареты.

Доктор оказался возле той самой корчмы, от которой отъехал час назад.

Арескин был в недоумении. Он так и не узнал, с кем разговаривал в карете — был ли это главный слуга Гуго или подставное лицо... возможно, это мошенничество. Предложение незнакомца поставило Арескина в тупик. Даже мысль о том, чтобы сам российский царь вел переговоры со слугой о тайной продаже секрета бальзамирования, была сама по себе чудовищна. Нет, никогда царь государства российского не опустится до переговоров с ворами.

Но Арескин все ж таки рискнул написать по этому поводу письмо государю, пряча смысл за витиеватостью слога. Какова будет его реакция, доктор даже вообразить себе не мог. Он ждал худшего.

Вскоре пришел ответ, изумивший доктора: государь готов был встретиться с этим человеком в свой приезд в Голландию. Арескин сообщил о согласии Гуго.

Встреча их состоялась в 1717 году, в первый же день по приезде Петра в Амстердам. Она проходила в небольшой гостинице, куда Петр приехал инкогнито. Как оказался там Гуго, никто не знал. Главный слуга пробыл с государем около получаса, беседовали они наедине. Спустя полчаса Петр поспешно уехал. О чем говорили между собой российский царь Петр I с главным слугой Гуго и состоялась ли покупка тайны бальзамирования, никому доподлинно не известно. Но сам доктор Арескин, организовавший эту встречу, вскоре умер при довольно загадочных обстоятельствах.

Глава 20

ВСЕХ БРЕЮТ

Последние слова:

— *Спать, спать, спать...*

Мирабо

По телефону, который Антону передал ангелоподобный Сергей, он решился позвонить не сразу, а только через три дня. За эти три дня нового ничего не произошло, кроме того, что Антон вздрагивал теперь при каждом стуке на лестнице, визге тормозов на улице. Нервы у него совсем разгулялись, он ждал чего-то ужасного. Антон не знал, когда и как произойдет это ужасное, но знал, что произойдет несомненно.

Успокаивала только Даша. Она как всегда наплевательски относилась ко всему на свете и только все переключала телевизионные программы, переключала и переключала.

После долгих и мучительных сомнений однажды вечером Антон все-таки решился позвонить. К телефону долго никто не подходил. Антон даже подумал, что никого нет, и собирался повесить трубку, но на том конце провода что-то вдруг щелкнуло, и Антон услышал мужской голос.

— Я бы хотел поговорить с Владленом Ивановичем, — сказал Антон доброжелательно.

— А зачем? Чего от него надо? — Человек на том конце провода говорил неотчетливо, словно у него во рту была непережеванная пища.

— У меня есть сведения... Ну, о музее этом...

— Каком музее?

— Ну музей на Мойке, который, я слышал, вас тоже интересует.

— Нам нужно посоветоваться. У вас есть телефон, куда можно перезвонить?

Антон назвал номер и, повесив трубку, пошел в комнату.

— Слушай, Антоша, мы когда к Сереге в гости пойдем? Он обещал меня на вскрытие взять, — спросила Даша, не отрывая глаз от телеэкрана.

— Да подожди с развлечениями, нужно сначала Максима найти. Я так понимаю, кроме меня, его никто не ищет.

— Да на фиг он кому нужен, — переключая телевизионные каналы, проговорила Даша.

Зазвонил телефон. Антон снял трубку. Уже знакомый дефективный мужской голос назначил встречу в восемь часов вечера на Каменноостровском проспекте, возле мебельного магазина. Антон повесил трубку и задумался. Во что он впутался, он не представлял. Его же предупредили запиской, чтобы он не лез. Но, раз ввязавшись в дело, он не мог отступить. Тем более, что там с Максимом, от которого уже неделю ни слуху ни духу? Может быть, его там пытают.

Вечером, уже собравшись уходить, Антон зашел в комнату к жене.

— Ты знаешь, Даша, я договорился с людьми, телефон которых дал Сергей из морга, на всякий случай пусть номер телефона останется у тебя, но я думаю, дело безнадежно. Если я не вернусь и не позвоню до утра, сообщай в милицию. Понятно?

— Да нефиг делать, Антоша, — переключая программы, пообещала Даша.

Антон вышел на полчаса раньше, собираясь для начала перед закрытием зайти в музей

восковых фигур... вернее, музей покойников. Антон был уже уверен в том, что все эти якобы восковые фигуры на самом деле настоящие покойники, просто как-то по-особенному мумифицированные. Что-то тянуло его туда — что именно, сам он не смог бы объяснить.

Купив билет и пройдя мимо мумии милиционера с пистолетом, Антон вошел в первый зал. И снова его будто загипнотизировало изумительное столпотворение. Теперь и дураку стало бы понятно, что никакие это не восковые фигуры — ничего общего с теми дураками, которые выставлены в других музеях, не было. Эти выглядели как живые — не то что те восковые подделки — щеки детей и женщин румянились, мужчина в наряде немецкого пивовара с красным носом пьяницы словно подмигивал Антону, предлагая присоединиться к трапезе. Не столько интересовали Антона сценки из жизни разных народов, сколько живость лиц, и он не удивился бы, если б вдруг кто-нибудь, щелкнув пальцами, сказал «отомрите», и все эти люди, все, кто здесь есть, зашевелились, заморгали, загомонили, стали блуждать по залам... А потом тот же самый вдруг щелкнул бы пальцами и сказал «замрите», и все снова бы замерли там, где застала их команда, но проигравшие не становились вместо водящего, а оставались там навсегда, а среди них остался бы, замерев, и Антон... Жуть!

Он переходил из зала в зал, разглядывая очаровательные лица девушек, шаловливых детишек, сумрачных стариков. Ему очень хотелось потрогать их, чтобы вновь убедиться в том, в чем он был уверен... Господи, зачем он пришел сюда?! Что заставило его вновь пережить весь тот ужас, который он пережил, когда они вместе с Максимом приходили смотреть его бабушку. Он остановился возле молоденькой девушки, одетой в народный украинский костюм; казалось, он где-то уже видел ее... Как жаль, что она умерла так рано и вот теперь на радость публики красуется в этом странном, набитом покойниками музее. Где-то здесь, он помнил, рядом с повешенным сидела бабушка Максима, с которой все и началось. Она не ушла из жизни, как уходят все, в землю, оставаясь лишь в воспоминаниях близких. Нет, она вернулась, чтобы вновь обидеть внука; первый раз она обидела его, когда разрешила себя убить.

А вон под окошком и бабушка Максима, в длинном платье, с недовязанным носком маленького внука в руках, ее не пересадили, оставив на месте, к которому она уже привыкла. Антон подошел к ней. Платок, который, ощупывая рану, он стащил с ее головы, был вновь аккуратно подвязан. Антон непроизвольно отпрянул. Ему вдруг почудилось... нет, он был уверен в этом, что ногти на руках старушкиной мумии выросли.

Ни фига себе! Он беспомощно оглянулся по сторонам... И тут краем глаза, боковым зрением увидел знакомую клетчатую куртку. Он выглянул из-за чернобородого толстяка в кожаной жилетке с электрогитарой в руках... и так и замер с открытым от изумления ртом, не в силах пошевелиться.

В углу, привалившись плечом к стене, стоял Максим, его лучший друг Максим. Антон знал, что это он, хотя и не сразу узнал его. На нем были все та же клетчатая курточка и джинсы. Не сейчас, только потом Антон понял, почему не сразу узнал друга: у него не было бороды — его обычных жиденьких усиков и бороденки... Максим стоял без движения, глядя пустыми глазами в пространство, как и все эти люди... вернее, бывшие когда-то людьми, а теперь мумии...

Лютый ужас вдруг охватил Антона, вмиг он стал мокрым, пот тек по щекам, по спине... он, чуть наклонившись, из-за толстяка выглядывал на своего окоченелого друга и не мог ни приблизиться, ни отвести глаз, и виделось ему сквозь туман ужаса, что Максим будто бы

подмигивает ему и корчит рожи... Откуда-то, как по шучьему велению, возле него оказалась служительница с тазом.

— Плохо, плохо здесь бывает... Чего тут хорошего?! А ведь все ходят и ходят, все блюют и блюют... Чего ходить-то, раз блюют?!

Она толкнула его в бок, чем вывела из оцепенения, Антон наклонился над тазом, и его вытошнило.

— Да уж, натурализм, мать его ити! — причитала женщина. — А Ленина Владимира Ильича не завели. Столько всякого дерьма в залы натолкали, а главного Владимира нет...

Антона рвало мучительно, старуха поднесла к его носу ватку с нашатырем — продрало до мозга, стало лучше, сознание прояснилось. Больше не глядя в сторону мумии друга, Антон отпихнул служительницу и побежал... В ушах свистел ветер, он, гулко топая в пол каблуками, бежал по коридору мимо безмолвно стоящих людей, протягивающих к нему руки за помощью и состраданием — или просто безумный художник придал им такую позу.

Антон выскочил на воздух и, перебежав проезжую часть, наклонился над перилами — его снова вырвало прямо в Мойку. Он принялся дышать глубоко, отчаянно глубоко, понимая, что только таким образом сможет прийти в себя. Он дышал, пока не помутнело в глазах, потом неосознанно повернулся лицом в сторону музея, но, увидев его дверь, побежал прочь.

Он что есть мочи бежал вдоль канала и остановился только когда добежал до Большой Конюшенной; вытерев с лица пот и отдышавшись, Антон повернулся к Мойке и стал глядеть на воду.

«Побрили! Все-таки побрили, — пульсировала в голове единственная мысль. — Всех бреют, не сберег Максим индивидуальности, о которой говорил. И ведь всегда этого боялся. А вот фиг! Побрили все-таки, гады!»

Почему именно это тревожило Антона в ту минуту больше всего, он не смог бы ответить. Но весь гнев его распространялся сейчас на цирюльника, который обрил его друга, лишив индивидуальности. Что за странная мысль?

Антон простоял на набережной минут десять, потом направился в кафе «Луна», где они в последний раз виделись с Максимом.

Взяв себе стакан соку, он забился в угол, поставив стакан на краешек стойки. Он пугливо смотрел на отдыхающих, которые в этот час выходного дня были многочисленны. Все было в дыму, отовсюду слышался звон стаканов и нетрезвый гомон. Он смотрел на отдыхающих отвлеченно, как на неживых, и казалось ему, что вот сейчас придет тот же самый, щелкнет пальцами и скажет «замрите», и опять будет все как в сказке о спящей царевне.

Что теперь делать Антон, совершенно не представлял. Идти в милицию и рассказывать о том, что случилось — его примут за сумасшедшего и направят на принудительное лечение. Просить совета у Даши бессмысленно — она только и знает, что перещелкивать телевизионные программы. Родители в отъезде... Вот проклятие! Самое неудачное время...

«А может быть, за мной следят? — Антон оглянулся. — Как же я раньше не подумал об этом!». В голову стали приходить здравые мысли. «Господи! А вдруг меня так же, как Максима?» Его снова бросило в пот, сердце учащенно заколотилось. Что же делать?! Что же делать?! Антона охватила паника, он готов был закричать и броситься с кулаками на стоявшего рядом замызганного мужика с пивом.

«Нет, спокойно... Спокойно... — стал успокаивать себя Антон. Правую руку он держал в кармане куртки, где у него лежал складной нож: эта безделица все-таки придавала ему

некоторую уверенность. — Спокойно, нужно действовать обдуманно. Если меня захотят убить, то сделают это даже для меня незаметно, так что дергаться не стоит». Как ни странно, но эта мысль его успокоила — теперь можно было начинать мыслить логически. «Предположим, что люди, которые назначили ему сегодня встречу, враги этих убийц. Значит, он с ними заодно. Проще говоря, можно на них положиться, раз больше не на кого. С другой стороны, отправляться сейчас домой и жить дальше, как будто ничего не произошло, когда Максим там стоит в душном зале, — невысказано. Следовательно, нужно отправляться на встречу с этими людьми на Каменноостровский».

Эти размышления привели в порядок растрепавшиеся мысли Антона. Он допил одним большим глотком сок и, озираясь, двинулся к выходу. Теперь Антон понимал, что может надеяться только на себя.

На углу Каменноостровского, возле мебельного магазина, расположенного в желтом доме, Антон остановился. Он подбирался к условленному месту издали, где только мог переходя на бег, и теперь был уверен, что слежки за ним нет.

Антон встал, как ему и велели, с правой стороны от входа в магазин. Он внимательно вглядывался в прохожих, ожидая, что кто-нибудь подаст ему условный знак. Но прошло уже минут двадцать, а к нему никто не подходил. Рядом дворник в фартуке, рабочих рукавицах и с какой-то идиотской шляпой на голове, всем видом своим как будто из девятнадцатого века, мел асфальт.

Антон нервничал, он поминутно вглядывался на часы, озираясь по сторонам, а прохожие все шли и шли, и шли... А мужик в фартуке все мел и мел... И уже подступал со своей мохнатой метлой к самым ногам Антона. Антон сторонился, но вредный мужик снова подступал и мел, мел, нарочно стараясь задеть ботинки. Вот же вредный мужик!

Антон снова отступил, но проклятый метельщик не отставал.

— Тебе в эту парадную, — вдруг кивнул дворник и махнул метлой по асфальту, словно замечая Антона в парадную. — Квартира девять. — Судя по отвратительной дикции дворника, это и был тот самый мужик, с которым Антон говорил по телефону.

«Вот это конспирация», — подумал Антон и вошел в парадную.

Квартиру он разыскал на третьем этаже. «Обыкновенная дверь, даже не металлическая, такую каждый домошник легко вскроет», — почему-то подумал Антон, потом позвонил, но ему никто не открывал. Он позвонил снова — квартира оказалась настолько обширная, что звонка не было слышно. Антон позвонил еще и тут увидел небольшой листок, приклеенный под звонком. В полумраке парадной он вгляделся в надпись. Ну так и есть. «Звонок не работает».

Он постучал, сначала скромненько костяшками пальцев, потом посильнее. Дверь открылась, на пороге стоял высокий мужчина.

— Заходи, — сказал он глухим голосом.

Антон оказался в длинном, тускло освещенном коридоре. Пропустивший его человек закрыл дверь на два замка и на большой крюк.

— За мной иди, — приказал он.

Они шли по длинному и узкому коридору. С правой стороны располагались двери, с левой — глухая стена с растрескавшимися обоями белорусского производства. Антон шел за высоким сутулым человеком, с опаской озираясь.

Они вошли в большую замызганную кухню с двумя газовыми плитами, заставленную

коммунальными столами. В кухне было хотя и мрачно от потемневших от времени стен и потолка, но светло, и здесь Антон смог разглядеть высокого человека. У него было рябое, изъеденное оспой лицо и коротко остриженная голова с мысиком волос на лбу. Антон сразу узнал его. Это и был похититель висельника.

Мужчина отодвинул кухонный стол, за которым находилась грязная облупившаяся дверь, откинул длинный крючок, на который она была закрыта, и с силой дернул ее. Дверь с трудом подалась: видно, не открывали ее давно. За дверью было темно. Антон посмотрел на мужчину недоуменно. Тот, ни слова не говоря, кивнул ему, мол, проходи. Терять Антону было уже нечего, он прошел, сзади него захлопнулась дверь, раздался лязг накидываемого крюка.

Антон стоял на грязной черной лестнице, воняло кошками, помоями и бомжами.

— Ну и чего теперь?! — зло прошептал он, постоял недолго, потом стал спускаться вниз по ступенькам.

Антон вышел во двор и, сощурившись от дневного света, огляделся. В углу двора рос большой развесистый куст, под ним стояла скамейка, на которой сидели три старухи и молча смотрели в сторону Антона. Рядом с парадной, из которой он вышел, как бы от нечего делать прогуливался тот самый дворник, но без метлы, фартука и шляпы, а почему-то в кителе и фуражке летчика гражданского флота.

— Вон в ту парадную иди, — конспиративно сквозь зубы проговорил дефективный дворник в форме летчика.

Антон пересек детскую площадку и вошел в парадную, на которую ему указали. Здесь на первом этаже уже стоял рябой, который вел Антона через квартиру. На нем был длинный черный плащ, шляпа и черные очки — все это придавало ему смехотворный шпионский вид. Человек, ни слова не говоря, сунул в руку Антону свечу, зажег ее зажигалкой и, открыв перед ним дверь подвала, втолкнул в темноту. Сзади с лязгом закрылась дверь и на нее навесили замок.

Прикрывая свечу рукой, вглядываясь в темную влажную муть подвала, Антон шел по длинному лабиринту подвальных помещений с низкими потолками, заваленных ржавой арматурой, под ногами скрипел песок, где-то журчала вода, было душно и сыро. Тело Антона стало липким то ли от подвальной духоты, то ли от страха. Куда и зачем он шел, что ждет его за следующим поворотом, может быть, мужик с топором... Вспомнился мужик Прокофий, блуждающий с топором по горам Крыма, а за компанию на ум пришел и повесившийся урод Виктор... А потом покойников было уже не счесть — целый музей, и среди них главный экспонат — Максим. Значит, не поедем теперь в походы...

Антон остановился, прислушался. Ему почудилось, что кто-то зашебуршал за углом перегородки, задышал и смолк. Он остановился, достал из кармана нож, открыл его. Стало спокойнее. Делая осторожные шаги, заглянул за перегородку — там никого не было. Огонек свечи освещал потное, с вытаращенными глазами, бледное лицо молодого человека. Он напоминал какое-то безумное привидение, со свечой в руке бредущее по темным казематам, и если бы сейчас его встретил какой-нибудь случайный водопроводчик, его бы, наверное, хватил удар.

Антон поднимал свечу повыше, чтобы было видно, что впереди, но проклятый подвал не заканчивался. Вдруг внизу что-то зашуршало, прямо из-под ног с воем выпрыгнуло что-то черное и страшное... Антон отступил, свеча погасла... Он лихорадочно стал искать по карманам зажигалку, нашел, но зажигалка как назло не хотела загораться. Наконец ему

удалось зажечь свечу, и он осмотрел подвал. За то время, когда он зажигал свечу, здесь ничего не изменилось, хотя ему казалось, что прошла вечность.

— Вот черт, влип! Безнадежно тут все.

Антон не стал задерживаться и заторопился в поисках выхода. И скоро его обнаружил. Он поднялся по ступенькам и, раскрыв дверь, вышел в парадную, а потом во двор.

Господи! Как хорошо здесь было! Антон вдыхал свежий воздух полной грудью. В углу двора рос куст, под ним на скамеечке сидели три старухи. Антон оказался в том же дворе, только вышел из другой парадной.

— Эй! Эй, мужик!

Рабочий в желтой безрукавке, с каской на голове, наполовину торчавший из люка посреди двора, уже давно и безрезультатно пытался привлечь его внимание, размахивая руками. Но Антон в наслаждении жизнью не замечал его.

— Эй, мужик!

Антон подошел. Это был не рабочий, а тот самый длинный со следами оспы на лице, который загнал его в подвал.

— Я в люк не полезу, — твердо сказал Антон.

— Да не надо. Вон тебя зовут.

В дальнем углу возле парадной стоял невысокий человек: хотя он и переоделся в длинный шпионский плащ, очки и шляпу, Антон сразу узнал дворника. Дворник махал ему рукой.

— Идиотство какое-то, — бурчал Антон, направляясь к дворнику.

— Пошли, — сказал дворник.

По грязной пахучей лестнице, по которой Антон уже спускался, или по какой-то другой — после всех этих пертурбаций он уже плохо ориентировался в пространстве — они поднялись до третьего этажа и вошли в кухню. В ту самую кухню, откуда потом он попал во двор, а после в подвал... Черт знает что! Его привели назад.

Дворник задвинул стол на место.

— Конспирация необходима. Мы тебя проверяли, — сказал он и, подумав, добавил: — Хвоста нет.

Антон двинулся за провожатым в обратный путь по коридору, они остановились у второй по счету двери. Человек толкнул ее и вошел, вслед за ним вошел и Антон.

Они оказались в большой комнате метров тридцати. Половину одной из стен занимал стеллаж со множеством книг, большой обеденный стол возле окна с чем-то, накрытым простыней. Антон сразу догадался, что там лежит, а если бы и не догадался, то понял бы все равно по торчащей из-под простыни голой ступне сорок второго размера. На стене висел огромный портрет, на нем был изображен обнаженный мужчина в полный рост — вместо рук и ног у него было по два больших пальца, чем-то напоминающих клешни рака. В кресле в полосатом банном халате, как будто только что вышел из душа, а не бегал по двору, с дымящейся трубкой в руке сидел высокий рябой человек и с чувством превосходства смотрел на Антона.

— Вот, привел, — сказал маленький, по обыкновению пережевывая слова, и кивнул в сторону Антона. — Только опасаясь я чего-то.

— А чего опасаться... — проговорил длинный, пыхнув дымом.

Он поднялся из кресла, неторопливо положил трубку на стол и вдруг ловко, как ковбой, выхватил из кармана халата пистолет и направил его на Антона.

— Руки вверх!! — вдруг заорал он страшным голосом, совсем как тогда в музее. — Руки вверх! Не двигаться, пристрелю!!

Антон отпрянул, но сзади ему в спину уставилось дуло другого пистолета, который держал в руке маленький.

— Стой смирно, застрелим... — прошепелявил дефективный сквозь зубы.

Глава 21

ТАЙНЫ В МОГИЛЕ НЕ БЫЛО

*Последние слова перед тем, как его удавили:
— Что я сделал?*

Павел I

Амстердам, год 1717

На продажу коллекции Рюйш решился только в 1717 году, когда Петр I вновь приехал в Амстердам, через девятнадцать лет с начала первых переговоров с российским царем.

Петр был уже не тот юный любознательный и доверчивый юноша. Это был государь, полководец, царь могучего государства. Все переговоры и торг о продаже коллекции велись заранее с доктором Арескиным, и, когда Петр приехал в Амстердам, вопрос был уже решен. Рюйшу исполнилось к тому времени уже 79 лет, но он был еще полон сил и энергии. Поначалу речь шла только о продаже коллекции уродов. Но Рюйш соглашался продавать только всю коллекцию разом, и после долгих переговоров коллекция наконец была куплена за 30 000 гульденов, что по тому времени было громадной суммой, на которую можно было построить военный корабль с полным снаряжением.

Доктор Арескин настаивал на открытии Рюйшем сего секрета бальзамирования трупов. Но Рюйш запросил за свою тайну непомерно высокую цену, и секрет его не был приобретен.

Вот что писал сам Фредерик Рюйш по поводу продажи коллекции и тайны бальзамирования своему другу: «Что касается до цены, я весьма ошибся в положенной собранию моему сумме и даже неразумно поступил, потребовав только 30 000 гульденов. Если бы мне попросить сначала 60 000 гульденов (чем всяк ценит мое собрание), то по крайней мере дали бы мне 40 000. Но как уже дело исполнено, то, храня честность, от данного слова не отрекаюсь. Сверх сего господин Арескин требует, чтобы я открыл ему известную одному только мне тайну готовить и сохранять анатомические вещи и умощать мертвые тела. Ибо у кого я о сем ни спрашивал и сколько ни выведывал, никто подлинно того не понимает. Господин доктор Блументрос, прибывший недавно из Парижа и живший там у господина анатомика дю Верноа, говорит, что все сего славного мужа в оном деле знание маловажно для того, что все его препараты ненадежны. Я не стыжусь сказать: хотя бы кто вместо всего добра имел одно только мое о сем знание, тот бы, по моему мнению, был довольно богат и мог бы спокойно прожить свой век. Итак, ежели господин Арескин отменит одно сие требование, на все прочее я согласен. Я, невзирая на свою старость, научить одной сей тайне не менее чем за 50 000 гульденов соглашуся. Не думайте, чтобы я все сие нашел без дальних трудов. Я вставал каждое утро в 4 часа, издерживал на то все свои доходы и при всем том часто отчаивался об успехе, употребил на то не одну тысячу трупов, не только свежих, но и таких, которые уже на точение червям достались, а через то многим подвергал я себя опасным болезням. Пускай господин Арескин покупает у других все, что изволит; только он после крайне о сем раскаиваться станет, если в сохранении поступлено не по моему способу, на изыскание которого положил я почти всю свою жизнь,

не вкушая никаких веселостей сего света, да и теперь еще тружуся денно и ночью. Блаженной памяти римский император Леопольд за открытие тайны умащать мертвые тела предлагал мне 20 000 гульденов, и мы совсем было уже согласились, но договор наш кончиною его пресекся. Впрочем, я желаю его царскому величеству, паче нежели другому государю, владеть моим собранием потому, что между его величеством и мною издавна продолжается усердие; ибо, как я имел честь видеть его величество в доме моем, соизволил он подать мне руку и сказать „ты еще старый мой учитель“».

Ввиду загадочной и скоропостижной смерти доктора Арескина в Россию доставить коллекцию Рюйша, состоявшую более чем из двух тысяч экспонатов с подробными описаниями в десяти каталогах, было поручено архиятеру Блюментросту — в будущем первому президенту Российской академии наук. В этом же году она и была перевезена в Петербург.

После продажи своей коллекции, которую он собирал всю жизнь, семидесятидевятiletний Фредерик Рюйш затосковал. К тому времени сын Генрих уже умер, дочь Рахиль стала известной художницей, членом Академии в Гааге, и Рюйш чувствовал себя одиноким. Вся его жизнь, весь смысл уплыли на корабле в Россию. Он блуждал по опустевшим комнатам в унынии, оглядывая пустые полки. Нужны ли были ему теперь эти огромные деньги? Он не любил шумных балов, радостей и удовольствий, которые сулили деньги. Теперь он мог доживать остаток дней в роскоши... Но не это было ему нужно: он любил работу, он обожал коллекцию уродов, которую собирал всю жизнь. Это был финал и, как оказалось, крах всей жизни великого анатома Фредерика Рюйша. Дальше весь остаток дней его преследовали неудачи. Он вынужден был охранять самое дорогое, что у него осталось в этой жизни — свою тайну.

Взявшись за изготовление новой коллекции в 1724 году, Фредерик Рюйш издает новый одиннадцатый каталог и посвящает его Петру I в надежде, что российский монарх не покупится и купит новые экспонаты. Но Рюйша продолжают преследовать неудачи — в 1725 году умирает русский царь. Рюйш отчаянно хватается за то, что у него осталось, и на девяностом году своей жизни издает еще один, двенадцатый, каталог и посвящает его Парижской Академии. Но снова неудача — Парижская Академия отказывается покупать его новую коллекцию. Рюйш выходит из моды. Для него это тяжкий удар.

Бытовало мнение, что эту созданную на закате жизни коллекцию Рюйш продал польскому королю Станиславу, а тот подарил ее Виттенбергскому университету. Возникло предположение также, что коллекцию якобы купил польский король Август, который дал за нее 20 000 гульденов. Но это далеко от действительности. В коллекции, описанной в двух каталогах, было всего 59 препаратов, за которые не могла быть уплачена такая громадная сумма. Скорее всего, отчаявшись, сам Рюйш распускал слухи о своем головокружительном успехе, хотя всей Голландии было понятно, что популярность Фредерика Рюйша уже в прошлом.

На самом деле после смерти величайшего бальзамиривщика всех времен и народов остатки его препаратов были распроданы с аукциона и разошлись по частным коллекциям. Всю свою жизнь Фредерик Рюйш вынужден был охранять свой секрет, который, дожив до девяностотрехлетнего возраста, так никому и не передал.

В нем была его сила, его богатство, его слава.

Рюйша похоронили на городском кладбище с почестями, равными разве что отпрыску

королевских кровей. Но и на кладбище тело его не обрело покоя. Той же ночью трое неизвестных мужчин в черных плащах и шляпах выкопали тело Рюйша и учинили покойнику обыск. Опровергнув тем все будущие утверждения потомков, что Фредерик Рюйш унес тайну бальзамирования трупов с собой в могилу. В могиле тайны обнаружено не было.

Секрет, которым обладал Рюйш, искали многие. Каждый понимал, что владение им было равноценно владению философским камнем. Джузеппе Бальзамо, известный более как граф Калиостро, полжизни колесил по Европе в поисках секрета Фредерика Рюйша.

В мечтах своих он рисовал замок, полный удивительных существ, которые могли принести огромные деньги и прославить его, графа Калиостро... И однажды секрет этот был почти у него в руках... Но граф Калиостро был арестован и препровожден в заточение.

Дочь Рюйша Рахиль, единственная, кто мог владеть этим секретом, пережила отца на девятнадцать лет, но секрета не раскрыла. И хотя прошло уже почти три века, но никто из анатомов даже на сантиметр не приблизился к раскрытию этой великой тайны.

Все эти триста лет и до сих пор среди врачей-анатомов ходит легенда, что секрет этот, вопреки утверждению историков, дошел до наших дней. То здесь, то там вдруг появлялась мумия покойника, забальзамированного каким-то неизвестным науке способом. Но доподлинно об этом никто не знает.

Что касается анатомической коллекции Фредерика Рюйша, купленной Петром Первым, — так она погибла. Как писали анатом Кювье в книге «История естественных наук», а затем и знаменитый врач Гиртль в историческом очерке своего известного учебника анатомии, часть коллекции Рюйша погибла уже по время путешествия в Петербург, потому что матросы выпили спирт, в котором хранились препараты. Так, по их словам, погибла великая коллекция гениального отца монстров Фредерика Рюйша.

Последние слова:

— Надобно уж умирать, я уже готов и умру...

Николай Гоголь

— ...Бывает, иногда пишешь роман, где-нибудь на середине уже, и думаешь, лишь бы не умереть — дописать. Страх смерти приходит почти каждый раз, и всегда думаешь — это моя лучшая вещь, и никогда мне не написать лучше.

— Каждый раз так думаешь? — Марина смотрит мне в глаза и улыбается как-то застенчиво, я не видел, чтобы так улыбались. Удивительная улыбка. В ней все удивительно: и глаза, и руки... Все.

Мы сидели в кухне за накрытым столом, горели свечи, из музыкального центра доносилась музыка Баха.

Я налил еще по бокалу вина.

— Этот бокал я хочу выпить за тебя, чтобы ты нашла в жизни свое счастье.

— Тогда за вас, — сказала она и сделала глоток.

Я смотрел в ее глаза, и мне становилось понятно, как можно тонуть, растворяться в чужих глазах. Когда ты уже не принадлежишь себе, ты объединяешься с другим человеком и уже не знаешь, где ты на самом деле. Ты — это она, она — это ты. Вы едины. И мы долго и молча смотрели в глаза друг друга, и мы были одно.

Марина положила свою руку на мою, я накрыл ее своей рукой; и мы так и сидели, не имея сил, не желая разъединять их.

— Слушай, а давай честно скажем друг другу какие-нибудь свои дурные привычки, о которых никто не знает... — предложил я. — Какие-нибудь мысленные привычки.

— Давай... те. Только я сразу придумать не могу. Вот раньше у меня была дурная привычка моргать часто-часто. А потом я от нее отделалась — долго смотрела в одно место не моргая. А мысленные, мысленные... Я о вас думаю все время. Это считается? Я о вас с детства думаю, я еще маленькая бегала, все время ждала, когда вы во двор выйдете.

— Про меня не считается. Хотя, может быть, мысленные и не у всех есть.

— А у вас есть?

Я сжал ее руку.

— У меня есть... вернее, была — я от нее недавно избавился.

— А какая? — спросила она и ближе придвинула ко мне лицо.

— Ты никому не скажешь?

— Клянусь. — Марина сделала страшные глаза. — Чтоб мне сдохнуть.

— Вешался, — загробным голосом сказал я.

Марина даже рот открыла от удивления.

— Да, по любому поводу вешался. Машину нужно отремонтировать или пообещал написать статью и не написал, с женой поругался или там, например, нужно ехать куда-нибудь, а мне неохота; если с похмелья просыпаюсь, тут уж точно вешаюсь, опять же если погода плохая, а я зонтик потерял — по этому поводу тоже...

В общем, по каждому неприятному поводу.

— Почему?

— Привычка такая. Привычка — вторая натура. Мысленно, конечно, вешался. Это сначала так, в плане шутки, мысль такая приходила. Потом уже просто ощущал веревку на шее. Просыпаюсь с похмелья, и первая мысль о веревке. Вот такая привычка. Но я от нее избавился.

— А как избавились?

— Очень просто: если у меня вдруг ухудшилось настроение, я мысленно забивал себе в грудь осиновый кол. Это более трудоемко, но не менее эффективно.

Я брал в одну руку молоток, в другую — осиновый колышек и вбамбасывал себе в грудь, мысленно, конечно. Забивание кола не прижилось, а повешенье как-то само собой отмерло.

— Здорово, — восхитилась Марина. — Можно я запишу это в тетрадь последних слов?

— Запиши, конечно, но только при чем здесь последние слова?

— Еще не знаю, — пожала плечами Марина.

А мне хотелось говорить дальше. Я видел, что меня слушают, слушают и восхищаются.

— Потанцуем, — предложила Марина. — Я приглашаю.

Она поймала на музыкальном центре ретроволну, должно быть, для моего удовольствия, и мы танцевали сначала быстрые танцы, потом медленные, не разбирая уже, попса там или нет, наслаждаясь близостью друг друга, и я держал в объятиях это нежное очаровательное существо, гладил ее руку, а она смотрела на меня так, как не смотрел никто. Потом мы плясали ритуальные танцы дикого папуасского племени с визгом, хохотом, заклинаниями и проклятиями на языке папуасов Новой Гвинеи. Наверняка они устраивали подобные пляски, готовя плов из европейского миссионера... И я был весел и был молод, и все еще было впереди, и все еще только начиналось.

— Слушай, а больно уши прокалывать? — спросил я, когда мы, изможденные танцами и возбужденные близостью друг друга, усевшись за стол, выпили еще по бокалу вина. — Я ведь всегда хотел серьгу в ухо, уже лет пятнадцать, в правое или в левое... или в какое там?

— Вам — в левое, в правом ухе меньшинства носят.

— Ну тогда в левое.

— Сейчас посмотрим.

Марина сняла одну из своих серег и приложила мне к уху.

— А по-моему, так ничего, — наклонив голову, сказала она.

— Все, решено, прокалываю!..

Телефонный звонок прервал наше веселье. Я снял трубку.

— Дурак, идиот, придурок, балбес... — донесся из трубки голос моего старого знакомого недоброжелателя. Какая из моих книг доставила ему столько неудовольствия, что каждый вечер он не ленился спускаться в телефон-автомат на Каменноостровском и, тратя свои личные деньги, говорить мне гадости? Но это ничуть не испортило мне настроение. Ведь я был молод и счастлив. Давая человеку выговориться, я положил трубку на стол.

— Это опять он? — спросила Марина.

— Он, — сказал я, улыбнувшись.

— Он и вчера вечером звонил, когда вы работали.

Я вас не стала звать.

— Правильно, нового он ничего не скажет... А ты знаешь, такой оскорбитель даже необходим, чтобы человек не думал, что жизнь состоит только из вещей приятных. А я ведь

раньше тоже был неформалом, в молодости. Я был хиппи, длинноволосый, в джинсах Леви Страус, в джинсовой куртке, всем своим видом я бросал вызов этому сытому, довольному и лживому обществу. Тогда ношение джинсов было чем-то наподобие серьги в носу. По сути, общество и осталось таким лживым, только теперь с ним никто не борется, все принимают правила его игры. Ведь мы боролись не с социалистической системой, не за капиталистическую — мы боролись против всякой системы. Американские хиппи также боролись против своей системы. Направление хиппи было самым честным и самым духовным из всех направлений. Мы читали Ричарда Баха, Сэлинджера, Кобо Абэ, Джеймса Джойса и других писателей, тоже восстающих против порядка вещей. Со своим другом Оликом из Каунаса мы объехали автостопом всю Прибалтику, совершенно без денег. Мы ночевали у его знакомых в маленьких городках, на вокзалах, в каких-то молодежных общежитиях. Однажды ночь застала нас под Лиепае. В этом городе не было ни знакомых, ни вокзала, где можно было бы переночевать, поэтому мы устроились на полу развалившейся прикладбищенской часовенки. Дверей в ней не было, зато была большая куча соломы, на ней мы прекрасно проспали всю ночь.

Мы вышли с кладбища ранним утром, вставало солнце, пели птицы. Я помню, асфальт был влажный, и над ним поднималось легкое марево, воздух был прохладный, легкий и прозрачный. Мы шли некоторое время молча, любуясь восходящим солнцем, а потом Олик вдруг сказал: «Я никогда не оставлю эту жизнь». Мне казалось, что и я не оставлю никогда, что лучше этой жизни не может быть ничего. Мне представлялось, что свою жизнь я так и проживу, во всяком случае, честно. Что я не предаю своих идеалов. Это касается того, о чем ты спрашивала: знаю ли я эту Тайну и к ней ли я иду. Вот тогда я шел к ней. А потом цель забыл.

И если бы ты не спросила, и не вспомнил бы, может быть, никогда.

— Эх, как бы я хотела идти по этой дороге тогда вместе с вами... — сказала она мечтательно.

И я вдруг явственно представил нас троих: в джинсовых костюмах, с сумками через плечо, идущих по дороге в сторону восходящего солнца — и мы молоды, и все у нас впереди...

Я поднес забытую на столе трубку, послушал короткие гудки и отключил ее.

— Пора работать идти, — сказал я с грустью. Я давно приучил себя к обязательной ежевечерней работе, как бы мне ни было хорошо.

*Последние слова перед тем, как ему отсекли голову:
— Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил
перед тобою.*

Емельян Пугачев

Кто первым пустил слух о гибели коллекции Фредерика Рюйша, доподлинно неизвестно. Возможно, домыслы появились оттого, что с момента отплытия корабля с коллекцией от голландских берегов в научных источниках о ней почти не упоминалось вплоть до конца двадцатого века. В связи с чем ученые всего мира пришли к мнению, что она погибла если не по пути в Россию, то в самой России. Как писал все тот же авторитетный доктор Гиртль, что «один бывший профессор анатомии в России» рассказывал ему, что будто бы служители анатомических театров вообще выпили бы весь спирт из банок с препаратами, если бы не видели, что туда подсыпалась сулема.

Просвещенная Европа о дикой, слабо развитой России всегда была мнения не очень-то высокого; вероятно, и здесь сыграл роль стереотип.

Так или иначе, но доктор Блюментрост привез коллекцию в Петербург. До постройки специального здания коллекция помещалась в Летнем дворце, после ее перевезли в располагавшиеся у Смольного двора Кикины палаты, конфискованные у заговорщика Кикина, проходившего по делу царевича Алексея.

Однажды во время осмотра Васильевского острова царь Петр увидел две сосны. Ветвь одной из них так вросла в ствол другой, что определить, какой из сосен она принадлежит, было невозможно. «О! Дерево-монстр! Дерево-чудище!» — воскликнул Петр и приказал на этом месте строить Кунсткамеру.

Почти каждое утро Петр ехал в Кикины палаты осматривать коллекцию монстров. Всегда после этого у него делалось хорошее настроение. То, что вид уродов действовал на Петра благотворно, замечали все. Он любил подолгу оставаться там один. Однажды среди склянок с уродливыми телами монстров Петру Первому пришла в голову странная идея, которая изменила всю судьбу Петербурга, сделав его городом особенным, городом, которого нет на земле.

«А что если сделать Петербург городом монстров? Чтобы со всей России и из-за рубежа в Петербург съехались уроды с клешнями вместо ног и рук, огромные, как Буржуа, и маленькие, как обезьянки, карлики. И такие, и такие...» — Петр в одиночестве вышагивал по залам палат от одного урода к другому. — Это будет удивительнейший город земли! — И хохот громоподобный разносился по залам с уродами, и звонко стучали каблуки в мраморный пол. — «Это будет красивейший город в мире, а населять его дворы, плавать на лодках по каналам, в роскошных одеждах чинно бродить по улицам будут монстры... Их будет много, их будут тысячи! Да, Петербург сразу станет самым интересным, самым влекущим городом мира...» — вот что думал Петр, блуждая по залам Кикиных палат, и хохот громовой вновь раздавался в пустынных залах, и многократным эхом носился он под

сводами музея.

Вскоре была построена Кунсткамера, куда и были перевезены монстры Фредерика Рюйша. А для того чтобы жители к уродам привыкли, поскорее велел Петр выдавать всем, кто пришел в Кунсткамеру, рюмку водки. Тогда-то 13 февраля 1718 года Петр и издал свой знаменитый указ о собирании монстров по всей России, в указе было подробно прописано, как сохранять мертвых монстров. За мертвого уроды платили 3 золотых, за живого в три раза больше — 15 золотых.

И потянулись в столицу уроды со всего необъятного простора России. Разных форм и сословий... Не всегда это были уроды — просто некрасивая али плешивая, али рябая девка какая приедет и требует себе казенного содержания. Вот, дескать, я уродка, замуж никто не берет. О науке никто не помышлял, потому много люду обиженного да просто лицом некрасивого в столицу потянулось за благодеянием.

Поначалу настоящие-то монстры приехать не осмеливались, хотя указы царские по всей стране зачитывались, и Петр требовал прилежного их исполнения, но опасались они уродство свое в столицу везти да перед государем выставлять... А потом по весне вдруг как прорвало — повезли уродов в Петербург в спиртах и живых на телегах, на бричках и просто пешим ходом. Некоторые с непривычки, замотавшись в плащи, прятали свои достоинства, иные, наоборот, выставляли напоказ... Город наполнился монстрами. Кого здесь только не было! Это был настоящий праздник уродства.

«Ведомости» печатали, например, такие заметки: «Из Малой России гетман господин Скоропадский прислал сюда в спирте двух монстров, одного мужеска и женска полов, в одном составе сросшиеся, да теленка с двумя головами». В 1725 году из Ахтырок от князя М. Голицына «были присланы две заурядные собачки, которые, однако же, по росписи, родились от девки 60 лет». Везли не только человеческих монстров. Из Выборга прислали овцу с двумя языками и двумя глазами с каждой стороны, из Тобольска — барашков, одного с восемью ногами, другого с тремя глазами. Их были десятки и сотни.

Человеческих монстров размещали в Кунсткамере. Кто был способен физически, работали при музее, некоторых выставляли в качестве живых экспонатов. Поначалу петербуржцы опасались их, обходя здание Кунсткамеры стороной, но потом попривыкли. Возможно, значительную роль в этом сыграла бесплатная рюмка водки, которую наливали каждому посетителю, — а во хмелю русскому человеку и сам черт не брат.

Петр привез из-за границы Буржуа, великана гигантского роста — 2 метра 27 сантиметров. Петру нравилось, когда великан стоял на запятках его кареты. После смерти Буржуа его скелет, кожу и отдельные органы отдали в Кунсткамеру, где они хранятся и поныне.

Петр был добр со своими монстрами, любил угощать их сладостями, уроды отвечали ему преданностью. Были среди них и слабоумные существа, совсем неспособные на общение и чувства — от них, как правило, избавлялись родственники, передав на попечение казны, тем более что за своих уродов, являвшихся обузой в хозяйстве, можно было еще и денег получить. Слух о том, что на никчемных можно заработать, распространился по России быстрее указа царского.

А уродов все везли, и везли, и везли...

Так что в Кунсткамере места не оставалось. И встал вопрос о постройке для них специального дома. Петр хотел денег не пожалеть и выстроить им дворец, но денег в казне лишних не нашлось, да и места бы в одном дворце всем не хватило, поэтому живых уродов

стали расселять по городу в разные районы.

В Кунсткамере же остались Фома, Яков и Степан, работавшие тут же кочегарами, а когда приходили посетители, и представлявшиеся живыми экспонатами — им это даже нравилось. Особенно же работа экспонатом нравилось Фоме, карапету 126 сантиметров роста; на руках и на ногах у него было всего по два пальца, похожих на клешни рака.

Петербург расстраивался, приобретая свое величие, в него съезжались таланты и уроды со всего света, вкладывая в город какой-то свой, особенный дух, придавая великому городу своеобразие.

Оттого Герцен писал: «В судьбе Петербурга есть что-то трагическое, мрачное и величественное». Эта его мысль перекликается со строками Александра Блока: «Петербург — самый страшный, зовущий и молодящий кровь из европейских городов». Еще бы! Ведь Петру удалось вложить в него то, чего нет у других европейских городов — душу. Душу уродливую, душу иную.

Еще десять лет после смерти Петра работал его указ, и уроды исправно поступали в Санкт-Петербург.

При Екатерине приток уродов и их финансирование постепенно иссякли, и новых уже не поступало. Но основное было сделано — Петербург все уже получил.

Что же касается тайны бальзамирования, о которой велись переговоры у Петра Великого и главного слуги Рюйша Гуго, существует предположение, высказанное доктором Бакменстером, что Рюйш якобы открыл секрет Петру Первому, прося держать это в тайне. Но предположение это само по себе абсурдно, как мы видим из писем Рюйша, да и по самому складу его характера: он был не склонен к такого рода дорогим подаркам. Поэтому, скорее всего, Гуго все-таки продал Петру Первому секрет, который просил держать в строгой тайне вплоть до смерти его хозяина, что Петр и выполнил. Как известно, Петр перед кончиной сообщил переданный Гуго секрет своему архиятеру (главному врачу) Блюментросту, тот, в свою очередь — хранителю Библиотеки Академии наук и Кунсткамеры Иоганну Шумахеру. Шумахер передал его доктору Ригеру, который после смерти Рюйша в 1743 году опубликовал его в первом томе «*Introductio naturalium*». Ригер писал, что Рюйш для консервации разводил спирт на 1/3 водой и перегонял его с некоторым количеством перца. Известный доктор Бер отмечает, что способ консервации в разведенном спирте известен всякому анатому. Следовательно, секрет был открыт, да не тот, и, судя по всему, хитрый Гуго надул российского царя, продав ему известный всем способ консервации трупов, а не бальзамирования. Но к тому времени, когда мошенничество открылось, и Петр Великий, и Фредерик Рюйш, и сам Гуго давно были в могиле.

Сохранилось также письмо Арескина к неизвестному графу д'Озамбре, в котором он пишет: «Чтобы избавиться от докучливых просьб одного знатного господина, занимающегося натуральной историей, но совершенного невежды, сообщил ему... выдуманный рецепт жидкости, выдав ее за знаменитый состав Рюйша».

Так что много ходило всяких рецептов уникального состава. Но слухи о том, что рецепт бальзамирования все-таки не утерян, были устойчивы.

Глава 24

САСИПАТРОВЫ

Умер во сне:

.....

Чарльз Спенсер Чаплин

— Стой смирно, козел, застрелю, — прошепелявил снова дефективный.

Длинный в халате подошел и приставил пистолет ко лбу обливающегося холодным потом Антона.

— Ну что, думал, мы тебя не расколем, думал, мы двойного агента не распознаем? — шипел длинный, пристально глядя в глаза Антону.

— Я никакой не агент, — прошептал он. Никогда Антон не мог даже себе представить, что приставленное ко лбу холодное дуло пистолета может произвести на него такое сильное деморализующее впечатление.

Длинный убрал от его лба пистолет и, ощутив его карманы, достал складной нож.

— Больше оружия нет? — спросил он спокойным голосом.

Антон нашел в себе силы только помотать головой.

— Ладно тогда. — Длинный сунул пистолет в карман халата и вернулся в кресло.

Маленький тоже убрал пистолет.

— Ну садись, что ли, — предложил длинный, указывая на другое кресло.

Эти люди определенно желали довести Антона до инфаркта — как только они уже не издевались над ним сегодня! Но и это, возможно, было еще не все. Антон на ватных ногах подошел к креслу, сел.

— Значит так, давай рассказывай о том, что знаешь, — сказал маленький, сядя на диван, стоявший на довольно значительном расстоянии от кресел, на которых сидели длинный и Антон.

— Нет, ты, Кердык, опять вперед забегаешь. Пусть человек о себе сначала расскажет: кто он, как зовут, — перебил длинный. — Меня зовут Владлен Иванович, а это Кердык Иванович. Запомнил?

— Запомнил, — сказал Антон. — Короче, у меня друга в мумию превратили... — проигнорировав предложение рассказать о себе, сразу перешел он к делу.

И Антон рассказал хозяевам квартиры все по порядку, как Максим убил свою бабушку в детстве, как недавно увидел ее в музее восковых фигур, как Антон обнаружил на ее голове пробоину и как они ворвались в музей и украли висельника.

Длинный с маленьким слушали не перебивая, с большим интересом, и когда Антон рассказал, что сегодня увидел своего друга в музее в виде мумии, оба вдруг вскочили с мест и, заложив руки за спину, стали ходить мимо Антона взад-вперед по комнате. Что-то напомнило Антону это неутомимое, целеустремленное расхаживание, но он не мог вспомнить, что.

— Вот сволочь такой! — вдруг воскликнул Владлен Иванович. — Это он, значит, и за живых взялся!

Кердык Иванович ничего не говорил, а ходил молча. Успокоились они одновременно —

как по команде уселись на свои места и уставились на Антона. Он понял, что от него ждут продолжения.

— А собственно все, после этого я вам позвонил.

— Ну, значит, так, — заговорил Владлен Иванович. — Ты, значит, идеалист... или как?

— Да я не знаю, я студент, — признался Антон.

— Тогда ясно, — сказал со своего дивана Кердык Иванович.

— Значит, послушай меня внимательно, — начал Владлен Иванович, пристально глядя в глаза Антону; наверное, взгляд этот можно было назвать страшным, если бы за сегодняшний вечер Антон не перенес столько стрессов, что на все остальное ему было наплевать. Владлен Иванович раскурил трубку и, пустив громадное облако дыма; указал на портрет на стене, на котором был изображен урод с клешнями. — Это наш прапрапрадед Фома.

— Да! — с пафосом подтвердил с дивана Кердык Иванович.

— Он один из первых жителей Петербурга, от него и пошел наш многочисленный род Сасипатровых.

— Да! — подтвердил Кердык Иванович.

— Он знал самого Петра Первого, и Петр очень уважал его и считал одним из лучших своих подданных. Фома прожил длинную и интересную жизнь, у него было множество потомков. Говорили, что он знал самого Рюйша. Ты знаешь, кто это такой? — строго посмотрел на Антона Владлен Иванович.

— Нет.

— Это анатом, — встрял со своего места Кердык Иванович, он еще хотел что-то добавить, но Владлен Иванович на него строго посмотрел, и тот замолчал.

— Так вот, это великий голландский анатом. Он придумал уникальную систему консервации людей, до того совершенную, что спустя даже многие годы... и даже столетия их можно оживлять.

Антону сначала даже показалось, что он ослышался.

— Вы сказали — оживить? — переспросил он.

— Ну да! Да, оживить!

Владлен Иванович вдруг ни с того ни с сего пришел в крайне возбужденное состояние. Он вскочил и заговорил, размахивая перед Антоном руками.

— Представь! Мы берем труп... в смысле препарат, изготовленный по рецепту Рюйша, и оживляем его. Рюйш умел останавливать время в организме человека. — Он вдруг подошел и наклонился к Антону. — Ты хочешь сказать, что это трудно? — Хотя ничего такого Антон сказать не хотел, но почему-то кивнул. Владлен Иванович в возбуждении снова заходил по комнате. — Да, согласен, непросто!! Зато человек фактически обретает бессмертие! — Владлен Иванович распалялся все больше — видно было, что эта тема его очень тревожит. — Он проходит весь цикл от жизни до консервации, а от консервации до жизни. Понял?! Да такой человек сможет жить сто, а то и больше лет! Но мы обладаем только одной формулой, формулой оживления, и у нас нет формулы превращения в препарат, поэтому препараты мы вынуждены воровать. — Он остановился перед сидящим Антоном и помахал перед его носом трубкой. — Понимаешь?

— Нет, — признался Антон. — Вы что, имеете в виду, что вы эти мумии оживляете, что ли?

— Конечно! — подал со своего места голос Кердык Иванович.

— Конечно, оживляем, а чем же мы тут, по-твоему, занимаемся! — возмутился Владлен Иванович.

— Я вообще не очень в мистические оживления покойников верю... — с сомнением заговорил Антон. — Я слышал, что экстрасенсы покойников поднимают, что они у них чуть не пляшут...

— Ты дундук! — воскликнул вдруг Владлен Иванович и повернулся к своему брату, как бы ища подтверждения своим словам. — Он дундук!

Тот охотно закивал.

— Дундук!

— При чем здесь покойники?! Я говорю о препаратах. Ведь это не простые трупы паршивые, это трупы, в которых остановлено время. Ты хоть знаешь, что они могут вечно храниться?! Ну вот, ни фига ты не знаешь! Так вот, Фредерик Рюйш разработал уникальнейшую систему консервации покойников. Я тебе снова рассказываю, чтобы ты наконец додумался! Покойника можно оживить только после консервации его по системе Рюйша. Теперь понял?

— Я не знаю, что у него там за система, — отвечал Антон, — но я не слышал никогда, чтобы покойников оживляли.

— Нет, ну тебя трудно убедить! — наклонился к нему Владлен Иванович, яростно тараща глаза. — Я же тебе говорю, что никакие это не покойники, это препараты, в которых остановлено время. А мы это время запускаем снова. Это как будильник, у которого завод кончился. Мы заводим — он и пошел... И побежал, подпрыгивая!

— А в Максиме это время можно запустить? — спросил Антон, больше не стараясь вникнуть в объяснения. Он вспомнил своего друга, в котором ничего с виду не нарушено, кроме сбритой бороды, а он стоит окоченев... А может, и вправду, чем черт не шутит?

— Друга-то твоего? Да раз плюнуть!! — воскликнул Владлен Иванович.

— Да, плюнуть раз! — вторил с дивана его дефективный брат.

Антон сомневался... да нет, пожалуй, не верил, но надежда все-таки имелась; ненадежная, правда, какаято надежда. Как говорила его бабушка, пряча перегоревшую лампочку в сундук: «Что же, что волосок перегорел, — остальное-то цело». Вот и здесь цело остальное, а Максима-то уже нет... И все же надежду эти странные люди давали, надежду призрачную, но давали уверенно — уверенными голосами.

— Вот у меня книга. — Владлен Иванович бросился к стеллажу, выхватил из него какую-то старинную книгу с золотым тиснением и, листая ее, остановился перед Антоном. — Вот это книга знаменитого знатока естественных наук графа д'Озамбре. Как он о себе пишет, много лет изучал способ приготовления препаратов по рецепту доктора Рюйша, по этому поводу списывался даже с архиятером Арескиным — сподвижником Петра — и пришел к выводу, что препараты после Рюйша можно оживлять. — Владлен Иванович захлопнул книгу и уставился на Антона. — Вот так. В этой книге он приводит стройную систему оживления, разработанную им самим. А ты в Кунсткамере-то был?

— Ну был... давно, — сказал Антон.

— А коллекцию уродов видел? — спросил с дивана Кердык Иванович.

— Видел. Но при чем здесь уроды?

— Так вот, — продолжал Владлен Иванович, не обратив внимания на его вопрос. — Петр привез их две тысячи экземпляров. А сейчас их там сколько?! Штук сто. Где, ты думаешь, остальные?! Где? — Но потому как Антон не знал, что ответить, Владлен

Иванович продолжал: — Где им быть. Бегают где-то. Оживленные, значит! Понятно?!

Антон пожал плечами. Эти аргументы прозвучали не очень убедительно.

— Нас вообще три брата Сасипатровых, — сказал высокий, успокоившись. Он положил книгу графа на стол рядом с прикрытым скатертью телом и сел в кресло. — Сасипатров старший — это я. Сасипатров младший... — Маленький человек вскочил и молча поклонился. — И Сасипатров средний — сволочь! Он-то и есть самый гад из нас, от которого мы терпим невроты всю жизнь. Это он содержит этот музей препаратов на Мойке, это из-за него умерла наша матушка, и это из-за него весь наш род Сасипатровых терпит гонения. — Владлен Иванович смахнул слезинку.

— Про психушки, про психушки скажи, — сделав ладошку трубочкой, зашептал младший Сасипатров на всю комнату.

— Да, вот в психбольницы нас сдает регулярно, гад такой...

Он продолжал жаловаться на своего подлого брата, но Антон уже не слушал. Для него все вдруг встало на свои места. Ведь это сумасшедшие, обычные психи. Как он сразу-то не догадался?! А он сидит, слушает их бред... Вот влип!.. Вот влип! Как же теперь сматывать-то отсюда?! Может, рвануть сейчас в коридор; пока они очухаются, я уже на лестнице буду. Черт! У них же пистолеты, может быть, настоящие... Как меня угораздило!

— Так вот, — продолжал между тем Владлен Иванович. — У него, мерзавца, оказалась формула Рюйша, и теперь по этой формуле он мастерит мумии. Мы много раз делали у него обыск, но результатов никаких. Где он ее прячет, гад такой?! Поэтому нам приходится красть препараты у него из музея. Мы выкрадываем их и тащим сюда на Петроградскую, ну а здесь, в спокойной обстановке...

— Оживляем, — вставил дефективный Кердык Иванович.

— Оживляем, — подтвердил Владлен Иванович.

Кердык Иванович вдруг посмотрел на часы.

— О! Уже без пяти двенадцать.

Он поднялся на свои маленькие ножки и подошел к Антону.

— Слушай, у тебя жетон есть? А то жетонов не напасешься, — пожаловался он, пришепывая.

Антон покопался в кармане и протянул жетон.

— Пойду позвоню этому гаду, — сказал Сасипатров-младший и вышел из комнаты. Вдалеке глухо хлопнула дверь на лестницу.

— Кердык каждый вечер одному писателю-гаду звонит из автомата. Жетонов не хватает, считай, всю пенсию инвалидную на разговоры просаживает.

— И чего говорит писателю? — Не то чтобы Антону было интересно, а так, поддержать разговор; в то же время, поминутно поглядывая на лежавшее на столе тело под простыней, он лихорадочно обдумывал, какую придумать причину, чтобы убраться отсюда.

— Оскорбляет, — пожал плечами Владлен Иванович. — Кердык спит плохо, если не позвонит ему.

— Понятно... Ну я пойду. Поздно уже.

Антон поднялся, не надеясь на удачу.

— Иди, конечно, — сказал Сасипатров-старший, тоже вставая. — У нас тоже дел сегодня много, собираемся мы к братцу нашему наведаться. Хочешь с нами? Вломимся к нему, прижмем к стенке...

— Не, я не могу, — улыбнулся натужно Антон.

— Ну как хочешь. Вот, кстати, оживляем. Кандидат в долгожители.

Владлен Иванович вдруг сбросил простыню с трупа, лежащего на столе, и Антон еле успел отвернуться. Чуть только, краем глаза, зацепив разъятое тело с торчащими вверх ребрами.

«Ни хрена себе, оживляем!»

— Ну мне пора, мне пора... — Он заторопился к выходу.

— А друга твоего мы оживим, ты не беспокойся, — провожая Антона до входной двери, говорил Владлен Иванович. — Вот только с этим закончим и за друга твоего возьмемся.

Антон спешил поскорее покинуть эту обитель безумия и смерти, пока его не подвергли еще какому-нибудь испытанию, и даже не поверил, когда оказался на улице.

«Как же я влип?! — рассуждал он, бредя по Каменноостровскому. — Что же я сразу не мог распознать сумасшедших? Представляю, что стало бы с Максимом, попади он к ним в руки... Вернее, его тело. Лучше уж пускай там стоит». Теперь пропала последняя надежда... А собственно, на что?.. Максиму было уже не помочь. Но справедливость хотя бы должна была восторжествовать! Чтоб этого гнусного Сасипатрова-среднего посадили скорее.

От телефонной будки отошел Кердык Иванович и направился навстречу Антону.

— Дозвонился, — радостно улыбнулся он. — Теперь спать буду хорошо.

— А писатель что сказал?

— Он мне ничего не говорит, только слушает. — И Сасипатров-младший зашагал к своему желтому дому.

— Ну дурдом! — проговорил Антон и заспешил в обратную сторону, к метро.

Антон вернулся домой в половине первого ночи. Даша не спала и даже не смотрела телевизор.

— Слушай, тут какой-то хмырь звонил, все тебя спрашивал. Голос какой-то странный, как металлический. Ты чего трубку-то отключил?

— Да пришлось отключить, тут у таких дуриков побывал — кошмар! Тебе бы понравилось. А Максим все... — Антон махнул ребром ладони по горлу. — Кердык Максим. Видел его труп сегодня. Надо в милицию идти.

Он хотел еще что-то сказать, но в дверь раздался длинный звонок, а за ним два коротких, потом снова длинный и два коротких.

Антон замер, лицо его смертельно побледнело, сделалось глупым и удивленным. Он смотрел на Дашу, не двигаясь, как будто превратился в мумию.

— Не может быть... — одними губами еле слышно шептал он. — Не может быть...

— Ты чего открывать не идешь? — как ни в чем не бывало спросила Даша.

Звонки в дверь не умолкали, но Антон не трогался с места.

— Ты чего открывать не идешь, Антоша?! Ты чего, оглох?! — повторила девушка, с тревогой глядя на застывшего мужа.

— Так только Максим звонит, — не трогаясь с места, проговорил Антон.

— Ну так вот и пришел твой друг, ты же его разыскивал.

— Но этого же не может быть, ведь он... того.

Антон, медленно переставляя ноги, двинулся в прихожую и с опаской посмотрел в глазок.

— Господи... — прошептал он чуть слышно, не веря глазам. — Господи... Что же это?!

На лестнице он увидел своего друга Максима, а рядом с ним на стуле и его убитую бабушку.

Глава 25

ВСЕ ПОНЯТНО

Последние слова:

— *Я устал управлять рабами.*

Фридрих Великий, король Пруссии

Поздняя весна. Я иду по проспекту Ветеранов мимо своего дома, в котором прожил двадцать пять лет. Удивительно легкое ощущение во всем теле, как будто на меня слабее стала действовать гравитация. Но я понимаю, что это обычное мое состояние, потому что я молод, здоров, беззаботен, у меня все впереди... Навстречу идет мой старый друг Володя, умерший от передозировки наркотиков десять лет назад. Мы останавливаемся, разговариваем с ним о чем-то. Не важно, о чем мы говорим, потому что ничто не имеет сейчас значения — мы молоды и можем с полной уверенностью и жаром говорить обо всем, мы знаем все. К нам подходит Марина. Она в белом платье, она удивительно красивая.

— Это Марина, — говорит Володя. — Ты с ней знаком?

— Нет, — почему-то говорю я и просыпаюсь.

Я лежу в своем кабинете с открытыми глазами.

Может быть, я проснулся уже давно, час или два назад... а это было видение. Я не заметил, как открыл глаза, просто ощутил, что лежу с открытыми глазами и смотрю в потолок. Удивительный сон. Как легко было телу в молодости... Так, наверное, легко сейчас Марине, она ведь даже чувствует себя по-другому... Ну почему все так скверно? Я мысленно взял в левую руку осиновый колышек, в правую молоток и заколотил себе в середину груди. Стало легче.

Я поднялся, оделся и вышел в кухню. Был час дня. На столе лежала записка от Марины, в которой она сообщала, что ненадолго вышла по срочным делам. Интересно, давно? Наверное, с этим рыжим... В душе поднималась темная муть ревности.

Позавтракав, я решил сходить в магазин. Вчера у меня сдохла компьютерная «мышка». Обычно, когда роман уже подходит к концу, случаются какие-нибудь неожиданные и неприятные происшествя. Так происходит почти всегда. В прошлый мой роман соседи перерубили проводку, и весь дом в течение суток находился без света, а сейчас вот «мышка»...

Компьютерный магазин находился в двух остановках, у метро. Запасных ключей на месте не оказалось — значит, Марина и без меня попадет в квартиру. Ничего себе ненадолго вышла! Я уже час назад встал.

День был замечательный — солнце в легкой дымке, ни жарко, ни холодно и как-то очень спокойно. Такая мягкая комфортная погода в Петербурге случается редко. Я неторопливо шел в сторону метро. И думал... думал не о романе — о ней. Размышляя здраво, я понимал, что на днях приедет моя жена и все вдруг кончится, кончатся странные очаровательные и в то же время мучительные вечера, когда нам хорошо вдвоем... Сейчас было уже не как во сне, сейчас я ощущал себя на свой возраст и на свое умственное развитие. Все, хватит! Как только найдется Маринина мать, всякие отношения нужно прекращать... Но что-то внутри меня не соглашалось, что-то протестовало. А что если бросить все, взять

билет на поезд и поехать с Мариной на юг, остановиться в маленьком городке, снять комнату. Купаться при луне, жарить на костре мидий, кататься вдоль побережья на яхте... Да я к ней пальцем не притронуся. Чисто платонические отношения организую, просто быть с ней рядом, обнимать ее за плечи, наблюдая закат солнца, держать ее руку в своих, слышать ее дыхание... Врал я, врал самому себе! Я желал, безумно желал эту девушку, и она желает меня, так же как и я, безумно, без тормозов, и если это еще продлится... Если продлится!.. Эх, если бы это длилось всегда!

Купив «мышку» и пяток дискет, я вышел из магазина, собираясь направиться домой, как вдруг кто-то окликнул меня по имени и отчеству. Я обернулся. Передо мной, держа руки в карманах куртки, стоял рыжеволосый Циркач и с издевкой смотрел мне в глаза.

— Вам что-то от меня нужно? — спросил я недружелюбно.

— Нужно. Я хочу у вас спросить. — Он подошел совсем близко ко мне. — Я хочу спросить... — Краска ударила ему в лицо, он смутился и замолчал.

— Ну, ну что вы хотите спросить? — раздраженно проговорил я.

— Я хотел спросить... У вас с ней что-нибудь было?

Нужно было для приличия сделать вид, что я не понял: мол, «с кем?», «что вы имеете в виду?» Но я сказал прямо:

— Нет.

— Ваше счастье, — ухмыльнулся молодой человек.

Я почему-то посмотрел на его руку, которую он держал в кармане. — Ну послушайте, оставьте ее в покое, иначе я...

— Только не нужно мне угрожать, это бессмысленно, — перебил я.

— Я люблю ее, понимаете! — воскликнул молодой человек с каким-то отчаянием.

Он вдруг повернулся и решительно зашагал прочь.

Я стоял, глядя ему вслед. Боже мой! Зачем, куда я лезу?! Ведь у этих молодых своя жизнь. Зачем мне все это?..

И тут под козырьком летнего палаточного магазинчика я увидел Марину. Хотя она стояла спиной, но я сразу узнал ее. Она разговаривала с каким-то мужчиной. Разглядеть его мне не удавалось, они стояли за углом, да я и не старался сделать это, я любовался стройной фигуркой Марины. На ней были фиолетовая курточка и джинсы. Она достала что-то из нагрудного кармана куртки и протянула мужчине. Должно быть, деньги, — догадался я. И тут собеседник ее на мгновение высунул лицо из-за угла, и мне показалось... Черт знает, что показалось. Я сделал шаг в сторону... Это был Шнур, собственной персоной. В следующую минуту Марина, махнув ему на прощание рукой, повернулась и зашагала к пешеходному переходу.

Шнур постоял на месте, потом достал из кармана деньги, которые дала ему Марина, пересчитал их и, оглянувшись, пошел по своим делам. Что-то странное происходило вокруг меня, но что — понять я не мог. Эта встреча могла означать, что Марина... Марина замешана в похищении своей матери... Фу, бред какой!

Я повернулся, чтобы догнать Марину, но тут сзади меня кто-то вскрикнул, взвыла автомобильная сирена. Я обернулся. Милицейский автомобиль, мигая проблесковым маячком, на большой скорости выскочил из-за поворота. Взвизгнули тормоза, он лихо развернулся перед Шнуром, из него выскочили сразу четверо милиционеров.

— Стоять! — заорал на Шнура один из милиционеров страшным голосом, — Руки вверх!

Шнур, не ожидавший ничего подобного, стоял, глупо глядя на милиционеров. Натренированным движением ему закрутили руки за спину, ощупали карманы и, защелкнув на руках наручники, погрузили в машину. Дверцы захлопнулись, машина рванула с места и укатила. Я смотрел на оперативные действия с интересом, хотя я сам не раз описывал подобные захваты, но в жизни видеть такого мне не приходилось.

Значит, взяли Шнура... Боже мой! Ведь в этом замешана Марина, он ведь наверняка расколется. Нужно ее предупредить. И я заспешил домой.

Со всеми этими странными событиями я совсем позабыл о личных делах. Уже неделю назад мне должны были прислать перевод моей книги из Франции, и, может быть, у меня в почтовом ящике давно лежит извещение.

Я открыл почтовый ящик и обнаружил в нем синюю толстую картонную папку — на ней были написаны мое имя и адрес. Судя по всему, она пришла не по почте, а была положена в ящик кем-то из молодых прозаиков или поэтов, узнавших мой домашний адрес. Такое уже случалось. Из любопытства я тут же открыл папку и пролистнул странички, но вопреки ожиданиям найти здесь стихи о несчастной любви, увидел какие-то бухгалтерские счета. На первой странице торопливым почерком было написано: «Уважаемый Сергей Игоревич. Прошу Вас спрятать эту папку, в ней очень важные документы. И если со мной что-нибудь случится, пусть Марина поживет у Вас, ей больше идти некуда. Но прошу Вас быть осторожным. Это очень опасно. Берегите Марину». И подпись Мариной мамы. Судя по дате под запиской, папку положили мне в ящик неделю назад, когда и пропала Татьяна Ивановна. И тут для меня вдруг все встало на свои места. Она положила папку в мой почтовый ящик с расчетом, что я ее оттуда достану и, когда ко мне явится Марина, уже буду знать суть вопроса. А я в ящик неделю не заглядывал...

Конечно, Татьяна Владимировна не могла не знать, что я каждодневно проверяю почтовый ящик, да я и сам как-то говорил ей об этом. Наконец-то все прояснилось... Хотя нет, все запуталось еще больше.

Я захлопнул папку и вызвал лифт.

Марина была дома — из кухни слышался стук кастрюль.

— Что случилось? — спросила Марина, увидев меня.

— Здесь какая-то папка, — сказал я, кладя ее на стол. — Похоже, в ней объяснение причины похищения твоей матери.

Я раскрыл папку и перечитал записку Татьяны Владимировны.

— Теперь понятно, — проговорила Марина, заглядывая мне через плечо. — Вы в ящик, наверное, давно не заглядывали.

— Да кто же мог подумать, что она в почтовый ящик документы бросит.

— Да, трудно подумать.

Я сел к столу и стал рассматривать лежащие в папке документы, Марина отошла к плите, не интересуясь бухгалтерскими счетами, да я и сам в них ничего не понимал.

— О! Смотри-ка! Фантастика! Ты знаешь, как называлась организация, на которую выписаны документы? — воскликнул я. — ЗАО «Фредерик Рюйш». Представляешь?! — Я расхохотался и повернулся в сторону Марины, протиравшей губкой плиту. — Нет, ну таких совпадений не бывает! Я пишу роман о Рюйше, а тут... Удивительно!

Марина подошла, заглянула в бумаги. Я указал пальцем на один из документов.

— Да, действительно, — прочитав название, сказала она. — Редкое совпадение, тем более что Рюйш не так уж и известен.

— Вообще, считай, неизвестен.

Я перелистнул еще страницу и стал разглядывать графики, счета. И чем больше я вчитывался, пытаюсь понять смысл бухгалтерских выкладок, тем больше лицо мое вытягивалось и округлялись глаза. Меня даже бросило в жар.

— Вот черт! Ничего себе. — Слюнявя пальцы, я, лихорадочно перелистывал бухгалтерские счета и больше уже ничего не говорил, только хмыкал, цокал языком и восклицал бессвязности.

Передо мной были счета и бухгалтерские документы об аренде помещения, покупке сопутствующих для бальзамирования материалов, печати рекламных буклетов, но самое главное — документы о покупке покойников с краткими их характеристиками.

«Женщина, приблизительно 60 лет, одинокая, погибла ввиду несчастного случая. Родственников не имеет. Рост 152 см, вес 46 кг... Мужчина, 55 лет, погиб в ДТП, не опознан, рост 165 см, вес 74 кг... Мужчина, приблизительно 40 лет, бомж, родных не имеет, рост 176 см, вес 62 кг». Против каждого стояла цена в рублях и подпись получателя. Внизу документа подпись главного бухгалтера, коммерческого директора, и стояла печать. Причем в разных моргах и, как я заметил, цены тоже были различны.

Я пребывал в каком-то абсурде. Я понимал, что этого не может быть, потому что не может быть никогда. Потому что это мое! Это я выдумал! Но это было.

И документы с подписями лежали передо мной. Господи! Куда же я влип?! Я оказывался героем собственного романа, а это уже бред... Это галлюцинация! Этого не может быть!!

Я потер лоб, рука была влажная от пота. Чертовщина какая-то. Я продолжал листать документы: счета за аренду помещения, за покойников, за покупку химикатов, снова за покойников... Сколько же их тут?

Я зачем-то принялся пересчитывать мертвецов... Дошел до сорока двух, сбился... Тьфу! Проклятие! Захлопнул папку.

Марина гремела у меня за спиной кастрюлями.

— Я пойду в кабинет, — сказал я, поднимаясь.

— Может быть, пообедаем? Я щи приготовила, — сказала она.

— Мне нужно побыть одному.

Я взял папку и направился в кабинет. Марина проводила меня тревожным взглядом.

Я уже полчаса лежал на диване в кабинете, глядя в потолок. Мысли мои путались, не находя объяснения этому странному совпадению. Это было невероятно, но впервые роман бесцеремонно влезал в мою жизнь. Или это жизнь влезала в мой роман? Кто на самом деле знает все пути тонких энергий? Но это безумие! Когда автор работает с такими категориями, он так или иначе находится в зоне риска, на грани с безумием, и так или иначе рискует своим здравым умом. Единственное, что радовало меня во всех моих размышлениях, это то, что я каким-то удивительным образом предугадал будущие события и уже выразил их в своем романе. Предугадали же братья Стругацкие в своем «Пикнике на обочине» Чернобыль. Они и думать не думали о катастрофе такого масштаба, просто написали, а тут вдруг тресь!

И вот тебе Зона. А может быть, я предугадал эту компанию по бальзамированию трупов? Теоретически секрет Рюйша запросто мог оказаться в России, оказалась ведь в Петербурге вся его коллекция. Сейчас нигде в мире нет его препаратов, только у нас в Кунсткамере. А попади этот рецепт к оборотистым бизнесменам, его запросто можно

использовать для собственного обогащения. Раньше, в советское время, использовать рецепт этот по понятным причинам было нельзя, а теперь пожалуйста, плати денежки. И так совпало, что в это время я начал писать роман, а они развивать свое производство... Все равно бред! Не может быть такого совпадения... Ну да ладно... Нужно отвлечься, нужно отвлечься... Я поднялся, сел к компьютеру и открыл незаконченный роман...

*Россия, середина XVIII века
Кричал так громко, что было слышно далеко вокруг. Внятного
ничего не произносил.*

Петр I

Славно жилось уродливому карлику Фоме в Кунсткамере. Привезли его из деревни Зажигалово, забрав из нищей крестьянской семьи, где был он обузой. Приехал как-то в Зажигалово купец уродов и купил Фому, а родня только рада была избавиться, потому как лишний рот.

Самому Фоме жизнь в столице приглянулась. В то время много уродов в Петербург со всей страны везли, но Фома был смышленным малым. Он сразу смекнул, что не господа здесь, в столице российской, главные, а уроды. И как только приходили господа на уродов в банках поглазеть, так сразу и Фому с товарищами вызывали. Покажи, дескать, Фома, какой ты красавец. В деревне Фому считали уродом, дразнили и издевались над ним. А здесь, наоборот, уважали. Сам царь Петр восхищался им, а уж дамы-то совсем прохода карлику не давали. Бывало, поймают его в коридоре Кунсткамеры и вот тискают, тискают его...

Устроили работать Фому в кочегарах с двумя другими уродами, Яковом и Степаном. Но Фома был умнее их, поэтому любили его господа больше и баловали сильнее.

По Петербургу ходили слухи, что подавляющее большинство уродов мужеского рода обладают завидной мужской силой, потому женщины, дабы проверить слух, к уродам заходили частенько. Возможно, кто-то нарочно распускал подобные слухи для какой-то своей надобности, возможно, что зарождались они в тайной канцелярии, чтобы привлечь внимание к уродскому племени хоть бы и таким образом. Но в слухах этих была значительная доля правды, потому что стали бабы незамужние от уродов нести. Да и не просто рожать, а сразу двойню или тройню. Часто рождались дети без следов уродства родителя, от этого популярность уродов только возрастала.

Особенно мужской силой среди монстров славился истопник Фома с клешнями вместо рук и ног. Дамы легкомысленного поведения находили в этом уродстве особую интимно-привлекательную пикантность. Было у Фомы, по рассказам современников, десять законных детей в браке и еще тридцать вне брака. Сильный мужчина был Фома. Даже и многие жены высокопоставленных вельмож часто заезжали в Кунсткамеру под видом любви к естественным наукам. Царь поощрял эту любовь к «наукам», что в конечном итоге спровоцировало небывалый рост рождаемости в Петербурге. Посещение уродов вошло в моду.

Раньше монстры не могли иметь детей, да и при существующей религиозной морали никому и в голову не могло прийти ребенка от монстра родить. А здесь высочайше была объявлена государственная программа: табак курить, бороды брить, монстров рожать. И монстры не преминули воспользоваться благоприятным моментом. Эх, если бы знал Петр, на что обрекает любимую им страну...

Почти двадцать лет со всей России и из-за рубежа в Петербург поступали уроды. Через десять лет после смерти Петра Великого, уже при Екатерине, ввоз в столицу монстров был ограничен. Но было уже поздно. Россия, да и все человечество пошли уже по совершенно иному пути развития.

Хитрые, вживчивые потомки уродов, постепенно захватывая власть в столице, потянулись и в Москву, в другие города России... У последующих поколений уродства на внешности вылезали не всегда, иногда картавинка легкая в речи, или рука вдруг сохнуть начинала... Но чаще это выражалось в невидимом, внутреннем их состоянии, в какой-то патологической жестокости: с виду человек как бы обиденный, ничем не отличимый от нормального, но все же что-то у него внутри искажено. Потому если душегубство и совершит, то не будет маяться да страдать душевно, как всякий нормальный человек, а вместо этого пойдет и еще кого-нибудь убьет. Оттого что не человек он — монстр.

Первое время в документах монстров ставили штамп желтого цвета, обозначающий, что носитель сего монстр или порожден монстрами, что не давало возможности занимать посты на государственной службе. Но потом, при Елизавете Петровне, штампы отменили, и монстры растворились в народной толпе. Но это было не так уж и важно. Человеку из простого звания попасть на государеву службу, а особенно проникнуть в круги дворянские, а еще пуще того аристократические круги было не просто, тем более потомку монстра. Но совсем другое дело стало, когда к власти пришли большевики. Да и большевики ли пришли к власти, или все те же монстры — доподлинно неизвестно. Тогда документы стали менять, и Иванами, не помнящими родства, стали, почитай, все жители страны. Тут монстрам жизнь сделалась сладкая. Заняли они посты высокие да самые высокие. И по сей день правят. Оттого и народ страны, нефтью, лесами да недрами богатой, в нищете прозябает и прозябать будет — оттого что монстры правят. Сколько же их, потомков уродов, в Смольном, в Кремле и Государственной думе не возьмется пересчитать никто.

И уж точно никто не догадается поставить им в паспорте желтый штамп.

Не знал всего этого Фома-истопник, не ведал, как высоко потомки его взлетят. Жил-поживал на казенных харчах и радовался счастью своему уродскому. Единственное, что омрачало жизнь Фомы — доктор Блюментрост, управлявший Кунсткамерой. Уже после смерти Петра Великого взял он на себя полноту власти в Кунсткамере и установил нечеловеческие правила распорядка. Сильно обижал он Фому, мыться заставлял, ногти на клешнях стриг, волосы обрезал... И решил Фома ему за издевательства эти отомстить. Долго приглядывал за ним Фома, по кабинетам Кунсткамеры хвостом ходил и однажды подглядел, как доктор Блюментрост прячет в железный шкаф тетрадь какую-то. Сразу смекнул Фома, что тетрадь эта для него ценность великую представляет.

Ночью, проникнув в кабинет Блюментроста, Фома выкрал тетрадь. Грамоте Фома был не обучен, поэтому спрятал тетрадь за котел. Ну и переполох поднялся из-за этой тетради! Многих знатных вельмож в тайную канцелярию отправили и пытке немилосердной на дыбе подвергли. И если бы поймали Фому, уж его казнили бы лютой казнью. Но Бог Фому миловал. Кто на него подумает? А враг его Блюментрост вскоре от расстройства занемог да и умер. А счастливая звезда Фомы еще долго светила на петербургском небосводе, до самой его смерти в преклонных годах. Тетрадку же хитрый уродец не выбросил, а обернул да запрятал подальше за котел, а потом, перед смертью уже, передал своим детям многочисленным. Да и они читать не умели, а пронесли тетрадь до других своих потомков. Те в грамоте разумели, но в тетрадке ничего не поняли, а передали другим своим потомкам

— монстрам грамотным. А уж они все вдруг и поняли.

На лестнице стоял Максим, рядом на стуле сидела его бабушка. Максим нетерпеливо давил кнопку звонка, уже не соблюдая своего обычного кода.

Антон смотрел в глазок и не открывал. У него просто рука не поднималась открыть своему мертвому другу с его мертвой бабушкой. Антон помнил, что своими руками ощупывал зашитую на темени сухую кожу старушки, а теперь вот они оба...

— Ты чего не открываешь? — В прихожую вышла Даша в халате.

— Тише, там Максим мертвый с бабушкой явился, — прошептал бледный Антон еле слышно и почему-то добавил: — За мной.

— Да, конечно, за тобой, ты же искал его две недели.

Даша решительно отстранила Антона от двери и открыла замок.

— А я думал, никого нет! — воскликнул Максим, входя. — Свет, смотрю, горит, а на звонки никто не открывает, думаю, умерли вы там все, что ли. Здорово, Антон, ты чего-то бледненький, — повернулся он к Антону, стоявшему тут же у вешалки и безвольно глядевшему на друга.

— Там еще старушка, — сказала Даша, выглядывая на лестницу.

— Бабушка моя.

Максим вышел на лестницу и, подняв старушку на руки вместе со стулом, внес в прихожую.

— Можно она у вас посидит немного? Потом я ее заберу, — попросил он Антона, который только пожал плечами на это.

— Да нефиг делать! Пусть присутствует, — ответила за него Даша. — Слушай, а это чучело ее, да? Клево! — Она наклонилась над сидящей старушкой и заглядывала ей в лицо, потрогала пальцем нос, постучала костяшками пальцем по черепу. — Слушай, а как живая. А?

— Я думал, ты уже того, — сказал Антон, постепенно приходя в себя. — А кто тебе бороду-то сбрил, это же твоя индивидуальность была.

Он все еще не доверял своим глазам и никак не мог поверить, что братьям Сасипатровым удалось оживить Максима.

— Для конспирации.

— А-а, тогда понятно, — как-то отвлеченно проговорил Антон.

— Да очнись ты, Антон! Все хорошо. Все хорошо так, как лучше не бывает. Живой я, вот бабушку мне подарили. Будет теперь у меня дома стоять... — и, бросив на нее взгляд, — в смысле, сидеть, — посмотрел на отвлеченного Антона, обнял его за плечи. — Да ладно! Живой я! Живой!

— Я вижу, что живой, — словно очнувшись от его воздействия, проговорил Антон. — Но я же тебя там видел... Неужели эти дурики тебя все-таки оживили?.. Как это им удалось?.. Я же у них труп разъятый видел...

— Какие еще дурики? Ты чего? Пойдем-ка в кухню, я тебе расскажу все.

Они направились в кухню. Восхищенная Даша тем временем изучала забальзамированную старушку: она отогнула платок у нее на голове и заглянула на зашитое темя, о котором говорил Антон...

— Во, клево!.. — шептала она восторженно. — Ну супер!

— Все-таки я ничего не понимаю, — сказал Антон, усаживаясь на табуретку. — Я ведь тебя своими глазами видел. Вот такого. — Он растопырил на руках пальцы и, сделав зверскую гримасу, показал другу.

— Да видел, видел... Давай я все сначала расскажу.

Когда они расстались с Антоном, Максим отправился домой. Он уже почти дошел до своей парадной, как его окликнул мужчина среднего роста и спортивного телосложения в бейсболке.

— Тебя нельзя идти домой, — сказал он. — Ты знаешь тайну этого проклятого музея. Теперь твоя жизнь ничего не стоит.

Максим почему-то сразу поверил незнакомцу. Они решили зайти в кафе и поговорить подробнее. Мужчину звали Николай. Месяц назад, случайно посетив музей восковых фигур, он обнаружил в нем мумию своей жены, умершей два года назад. С тех пор он стал изучать способы бальзамирования, посещать Публичную библиотеку, читать научные статьи на тему бальзамирования трупов, попутно изучил способ древних египтян, так что теперь и сам мог промышлять этим ремеслом. Но самое главное — он следил за музеем и его сотрудниками. Как тело его жены, похороненное на Богословском кладбище, могло оказаться в этом музее? Скорее всего, здесь работала целая индустрия по похищению покойников из моргов, с кладбищ и бальзамированию их каким-то неизвестным способом. Николай нигде не нашел его описания. Египетский способ мумифицирования не подходил, существовали упоминания о старинных рецептах бальзамирования древних шумеров и скифов, но рецепты эти были утеряны. Николай предполагал, что работает целая шайка. Но сколько он ни следил за музеем, никаких криминальных элементов не замечал. В музее работали только старушки-смотрительницы, похоже, не подозревавшие о том, что оберегают на самом деле, да еще директор музея, толстый и безобидный человек. За эти два месяца в музей не привозили никаких новых экспонатов — ни в гробах, ни в саванах — или делали это очень скрытно. Николай заметил, что директор музея остается ночевать в задней комнате, расположенной за демонстрационными залами. Возможно, в музее имелся еще один вход. Но сколько Николай ни пытался разыскать его, все было безрезультатно.

Тут же в кафе они договорились с Максимом работать сообща. То, что какие-то подонки крадут из могил и моргов свежие трупы, было очевидно. Возможно, сделав нужное количество экспонатов, они остановили свой бизнес — не устраивать же из покойников столпотворение, тем более, что имеющиеся залы были уже плотно заставлены. Николай запретил появляться Максиму дома — пусть уж лучше все думают, что его выкрали. Никак Максим не думал, что Антон бросится его разыскивать на следующий же день. Конечно, его нужно было предупредить, но Николай запретил, сказав, что все его поведение должно быть естественным. Естественным и было: Антон в это время разыскивал его по всему городу. Один раз, правда, Максим позвонил, чтобы сообщить, что у него все хорошо, но Николай застал его во время звонка, и разговор пришлось прекратить.

Теперь их было двое, и они смогли установить за музеем круглосуточное наблюдение. Но только потеряли время: никто ни ночью, ни днем не привозил на выставку покойников. Тогда решили подойти к проблеме изнутри. Вчера вечером, перед закрытием музея Николай с Максимом под видом посетителей проникли в музей и разошлись по залам. Им и прятаться-то не пришлось, просто каждый из них, выбрав укромный уголок, остановился и замер. Обалдевшие от фигур смотрительницы музея даже не заметили прибавления в их

армии еще двоих обездвиженных, тем более что фигуры в залах для какой-то неведомой цели постоянно меняли местами. Так что преклонных лет зрительницы сами путались, кто где стоит. Максим выбрал местечко поближе к своей бабушке, чтобы не так одиноко было стоять. Только устроился, замер — приходит Антон и, увидев Максима, уставляется на него с изумленной физиономией... Максим ему мигал-мигал, аж лицо свело, а Антон стоит и смотрит ошарашенно, как под гипнозом... Тут бабка с тазиком подскочила... ну и прочее.

Короче, дождались они закрытия. Когда в залах свет погасили, фонариками освещая себе путь, тихонечко к двери директора подкрались и стали слушать, что там происходит. А там матч футбольный идет, «Зенит» играет. Слушали, пока наши гол не забили. Делать-то что-то надо, набрались смелости да и вломились в его кабинет. Думали, на испуг возьмут, прижмут его к стенке, тут он и расколется. В общем, чуть директора до инфаркта не довели. Оказалось, он добряк невиданный. Говорит, что сам только три года в музее этом работает — ни кто хозяйева, ни кто наделал эти мумии, знать не знает, ведать не ведает. Выпили мы с ним чаю, поговорили по душам. Он и говорит: «Ну раз ты бабушку свою так любил, отдам тебе ее, а потом спишу на мышей, якобы они в ней дыру прогрызли». Коля жену брать отказался: может, снова женится, а эту тогда куда.

— Слушай, пусть бабуля моя у тебя пока посидит. Потом я ее заберу. А сейчас я за тобой вообще-то пришел. Я Ивану Ивановичу обещал тебя притащить, иначе он не соглашался бабушку отдавать.

— Ой ребята, а можно мне с вами? — воскликнула Даша, входя в кухню — весь разговор она простояла в прихожей, разглядывая старушку. — Мне эти мумии жуть как нравятся.

— Я чего-то не замечал, что тебе покойники нравятся, когда мы в Крыму были, — припомнил Максим.

— Это я здесь во вкус вошла. Мне твой друган Сергей из морга такую курточку подарил... Отпад!

— Ну пойдем, он и тебя привести просил.

Даша ушла переодеваться.

— Слушай. — Антон нахмурился. — А почему к нему ночью-то идти нужно? Чего-то мне не хочется, может, завтра, а?..

— Да нет, Антон. Я сказал, что мы сейчас придем. Возьмем в круглосуточном магазине тортик, вина пару бутылок, посидим часик... Тут идти десять минут, ты же знаешь. Он дядька хороший, тебе понравится.

Что-то останавливало Антона — он и сам не мог понять, что: должно быть, сказывалась усталость. Как-то вдруг испортилось настроение, или предчувствие... Черт его знает! Ну не хотел он идти, совсем не хотел.

— Что-то здесь не то, — сказал Антон задумчиво. — Кто же тогда мне руку подсунул?

— Какую руку?

— Резиновую, с запиской.

Антон вышел и через некоторое время принес записку.

— Ну и что? — прочитав записку, Максим положил ее на стол.

— Кто ее тогда написал и подбросил?

— А черт его знает кто, — пожал плечами Максим. — Да потом разберемся. — Ну пойдем, что ли? Люди ждут.

— Я готова. — В кухню стремительно вошла Даша в джинсах и простреленной

джинсовой курточке из морга.

Антон взглянул на жену. Не хотелось ему огорчать Дашу, она ведь так радуется этим мумиям.

— Ну ладно, — нехотя согласился Антон. — Только ненадолго.

Через полчаса они входили в музей восковых фигур. У Максима имелся ключ от входной двери. Был час ночи. Впотьмах пройдя мимо недвижимого милиционера, они вошли в первый зал. Свет поступал сюда только через небольшие оконца под потолком, но белая ночь давала совсем мало света, и загадочно в этом полумраке выглядели застывшие фигуры мертвецов.

— А ночью они не оживают? — чуть замедлив шаг, спросил Антон.

— Мальчики, а тут жутковато, — призналась Даша вполголоса, останавливаясь. — А вы кол осиновый не догадались захватить?

— Пойдемте, потом нам Иван Иванович экскурсию устроит, — негромко сказал Максим: ему тоже было не по себе.

Миновав темный зал с фигурами, они подошли к небольшой двери, из-под которой пробивалась полоска света. Максим открыл ее и вошел, вслед за ним вошли Антон с Дашей.

Они оказались в просторной комнате, обставленной под жилую. Увидев их, с дивана навстречу поднялся тучный и высокий мужчина лет пятидесяти, коротко стриженный, в огромных очках в роговой оправе с затемненными стеклами, в старомодной полосатой пижаме, какие носили в пятидесятые годы, и шлепанцах на босу ногу.

— А мы уж думали — не придете! — воскликнул он каким-то утробным голосом, радостно раскрывая объятия. — Мы уж думали с Николаем — пора спать ложиться.

— Да мы тут торт пока искали, — Максим выложил из пакета торт. — Да и вина выпить взяли.

— О! Вино — это то, что нужно, — сказал Николай из кресла.

Николай был угрюмого вида человек, бывший спортсмен. Он не привык много говорить, привык много бегать и метать диск.

— Вино — это хорошо, — сказал Иван Иванович, когда все расселись. — Но я бы хотел предложить начать с моего. У меня есть вино, которое мне привозят из Украины специально для моих гостей. Его готовят только из настоящих сортов винограда... Ну вот, — он потешно хлопнул себя по животу, — опять забыл сорт винограда...

Хозяин вышел в другую комнату, но вскоре вернулся, неся большую, оплетенную прутьями бутылку.

— Это вино только для самых дорогих гостей.

Налил всем по большому бокалу.

— У меня у самого-то печень большая, — развел он руками, — врачи не рекомендуют. Молодость, знаете ли, бурная была. Теперь вот. — Иван Иванович погладил себя по животу. — Ожирение; печень, почки и прочие органы обнаружили. А в молодости и не знал, где они.

— А вы экскурсию ночную по музею устроите? — спросила Даша, с улыбкой глядя на Ивана Ивановича.

— Я вам еще лучше чем экскурсию устрою, — пообещал он, добродушно улыбнувшись.

— Ну давайте, за процветание музея, — поднял бокал Максим.

Иван Иванович за процветание выпил чаю.

— Скажите, а ваша фамилия случайно не Сасипатров? — когда выпили, спросил Антон.

— Да!.. А откуда вы, собственно?.. — удивился толстяк. — А ну да, я, кажется, догадываюсь. Вы, наверное, пообщались с моими братьями...

— Пообщался, — признался Антон. — Странные они немножко...

— Не немножко, совсем не немножко. Это печальная страница истории нашей семьи. К сожалению, оба они Сасипатровы — младший Кердык и старший Владлен — страдают психическими расстройствами и по два раза в год лежат в психбольнице. Только, я Сасипатров-средний, избегаю психического заболевания.

— А Кердык — это что? — спросила Даша.

— Кердык — старинное русское имя.

— А-а. А их болезнь не опасна для окружающих?

Я слышала, что психи-то разные бывают... — не отставала Даша.

— Нет. Для окружающих живых, я думаю, нет, скорее для мертвых. Они почему-то вдолбили себе в голову, что могут оживлять мертвых. Раздобыли книгу какого-то шарлатана и дома у себя оживляют покойников. Представьте, каково соседям, да и близким этих несчастных.

— «Несчастливых»? Вы имеете в виду мертвецов? — уточнил Николай, сдвинув лохматые брови; человек он малоразговорчивый, но это его почему-то задело.

— Да всех! Вы бы знали, как они мучили бедную мамочку, ведь это они вогнали ее в могилу. А Кердык каждый вечер звонит по телефону одному писателю и оскорбляет его без зазрения совести.

— Скажите, а они говорили, что Фома, который при Петре Первом жил, он чуть ли не ваш предок... Или это тоже их фантазия?

— Да нет, не фантазия. Монстр Фома действительно был нашим родоначальником, так что наш род в Петербурге с самого основания осел, — с гордостью в голосе сказал Сасипатров-средний. — Фома приехал в Петербург из села Зажигалово. Они, наверное, еще говорили о тетрадке с секретом Рюйша, которую Фома украл. Так все это ерунда, не было никакой тетрадки.

— Странно, а откуда же тогда эти мумии? — Антон мотнул головой в сторону двери, за которой располагался зал музея. — Значит, все-таки была тетрадка.

— Давайте, дорогие мои, я вам еще вина налью, — не услышав вопроса, протрубил Иван Иванович.

Он встал, налил из большой бутылки еще по стакану вина. От позднего времени и от духоты Дашу совсем разморило, она привалилась к плечу Антона и закрыла глаза. Да и самого Антона тянуло в сон — ночь.

— Скоро музей поедет в кругосветное путешествие, — говорил Иван Иванович. — Побываем в Венеции, в Париже, Нью-Йорке...

— Здорово, я тоже всегда хотел в кругосветное путешествие отправиться, — вяло проговорил Антон, старательно концентрируя внимание на Иване Ивановиче и на том, что он говорит.

— Ну так о чем разговор! Тебя тоже возьмем. Все поедем.

— Странно, если нет секрета Рюйша, то откуда же все эти мертвецы?..

Но Иван Иванович, умышленно уходя от этой темы, говорил совершенно о другом. Антон слышал, что говорит Сасипатров-средний, но сосредоточиться на его словах уже не мог: полное тело директора плыло и разъезжалось. Антон обвел взглядом своих товарищей. Максим спал, откинув назад голову, Николаой клевал носом, вот-вот готовый вывалиться из

кресла.

— Что-то... Мне, кажется, нехорошо... — проговорил сквозь силу Антон.

— Тебе хорошо, а будет еще лучше...

Последние слова:

— Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне всегда в моей земной жизни! Ты любила мои вещи, я писал их для тебя... Я люблю тебя, я обожаю тебя! Любовь моя, моя жена, жизнь моя!

Михаил Булгаков

Телефонный звонок отвлек меня от романа, я поднес трубку к уху.

— Здравия желаю! — Звонил Николай Николаевич. — Ну, взяли мы этих голубчиков.

— А у меня тут по этому делу такие документы для тебя имеются! Ты ахнешь.

— По какому делу?

— По делу похищения Татьяны Ивановны. Тут такие документы!..

Николай Николаевич помолчал.

— Ну короче — приходи. Поговорим серьезно.

Я отключил трубку и, взяв под мышку папку, торопливо вышел из кабинета... и вздрогнул, чуть не столкнувшись с Мариной.

— А я вот вас пригласить на обед... — начала она смущенно.

— Не до обеда сейчас. — Мимо нее я направился в прихожую., Марина шла за мной. — Сейчас к Николаю Николаевичу. Взяли этих субчиков.

— Каких? — спросила Марина из-за моей спины.

— Ну этих, которые твою маму похитили. В отделении сидят. — Я надел ботинки. — Передам сейчас эту папочку Николаю Николаевичу.

— Я так поняла, что мама хотела, чтобы она у вас полежала до ее возвращения.

— Согласен, но пусть специалист посмотрит, что тут к чему; может быть, мы эту папку на твою маму обменяем... Кстати, — вдруг вспомнил я, — я видел тебя сегодня со Шнуром, до того как его арестовали. Что ты ему за деньги передавала?

Марина испуганно смотрела на меня.

— Да так... Это он... — начала она что-то невразумительное.

— Ты что, маму хотела выкупить? — улыбнулся я. Она молча кивнула.

— Зря, это маленький человек, ты бы хоть со мной посоветовалась, я бы тебе объяснил.

Ладно, скоро приду.

Я, сунув папку под мышку, взялся за ручку двери...

— Подождите... дядя Сережа, — вдруг остановила она меня. Я обернулся. Она была бледна и смущена.

И какие красивые у нее были глаза!

Как меня тянуло к ней, как я хотел обнять, поцеловать ее, прижать ее к себе...

— Ну что... — улыбнулся я.

— У меня плохое предчувствие, будто мы прощаемся навсегда. Что бы там ни было, — сказала она тихо, глядя мне в глаза, — но я люблю вас и всегда буду любить.

Она вдруг бросилась ко мне, обвила руками мою шею... Мы целовались долго, истерично и не могли оторваться друг от друга. Сколько прошло времени, я не знаю, но в

дверь вдруг раздался звонок. Мы разжали объятия, и я, находясь в сильном возбуждении, почти ничего не видя и не соображая, машинально открыл дверь.

На пороге стоял Циркач.

— Мне Марина нужна, — сказал он, как всегда нахально глядя мне в глаза.

Трудно сказать, какое у меня было лицо. Ничего не ответив, я прошел мимо него, пряча глаза, у меня колотилось сердце, мне было хорошо... Боже мой, как мне было хорошо! И я не хотел смотреть никому в глаза, чтобы не делиться, не растрчивать свое счастье.

Я брел по солнечной улице к отделению милиции, держа под мышкой синюю папку с неоспоримыми доказательствами. Какие счастливые лица встречались мне на каждом шагу! Как они любили меня, как я любил их! Солнца, правда, не было — моросил мелкий дождь, но ночью дождь, похоже, лил как из ведра, поэтому везде были лужи; правый ботинок у меня сразу промок, да и ветер северный, довольно резкий, порывистый, недаром было штормовое предупреждение, а градусов чуть ли не ноль... Но нет — улица была солнечная, было тепло и радостно...

«Все, сейчас вернусь и предложу ей за меня замуж... Тьфу, черт! Я ведь женат... Что же делать? Ну тогда, тогда...» — Здесь мысли мои зашли в тупик. Да я, собственно, уже входил в отделение милиции.

Николай Николаевич ждал меня в кабинете.

— Ну присаживайся, Сергей Игоревич, — сказал он, указывая место за небольшим столом для заседаний, приставленным к его рабочему столу. — Кофе будешь?

Я отказался.

— Вы их, значит, арестовали? Я вчера видел, как Шнура брали. Здорово! Оперативно, резво так, хрясь, бух!

Должно быть, я выглядел и жестикулировал как-то по-идиотски, и увидел отражение своего идиотизма в глазах Николая Николаевича. Я тут же сделал лицо наигранно-серьезным. Хотя изнутри меня разрывало счастье и хотелось улыбаться просто так, без повода.

— Так, что они сказали о похищении?

— Да-а, — внимательно глядя на меня, вздохнул Николай Николаевич и сделал паузу. — Мы их взяли, но о похищении они не сказали ничего, потому что они никого и не похищали.

— Как это не похищали? Может, их хорошенько тряхнуть нужно?

Я потряс в воздухе кулаками.

— Бессмысленно. Они говорят, что их наняла вам хорошо знакомая... — Он снова сделал паузу и присмотрелся ко мне. — Марина.

— Марина наняла их, чтобы похитить собственную мать?! — воскликнул я. — Ну это же чушь! Бред! Абсурд!!

— Да нет. Она наняла их, чтобы инсценировать похищение, а на самом деле они и не знают, кто ее мать, — сурово сказал полковник.

— Ну, правильно! — воскликнул я. — Теперь все как раз таки встает на свои места. Марина заплатила деньги этому Шнуру, чтобы он выпустил ее мать. Я сам видел, как она платила ему.

— Да нет! Сергей Игоревич, — раздраженно перебил Николай Николаевич, — все было не так, как ты себе представляешь. — Видно было по всему, что полковник начинает терять терпение от моей тупости. — Марина наняла этих двух оборотов, чтобы они

инсценировали похищение — они это и сделали, и к тебе вломились потому, что Марина им заплатила, правда, бить не просила, это уж они по собственному желанию. Так что и не было никакого похищения, а мать ее скоро приедет из отпуска.

— Ну а как же?.. — попытался возразить я. — А, ну да...

— Мне с самого начала все было ясно, но меня сбил с толку Алексей Петрович. Ведь, как ни странно, он со своими соколами это дело рыть стал, но там все оказалось блефом, и они его быстренько свернули. Дело в том, что сейчас идет охота за международной преступной группировкой, похищающей людей. Вот и думали, что это их рук дело. А теперь все понятно.

Любовь молодой девушки — дело очень ответственное, я бы сказал, для таких, как мы, опасное, — закончил он, глядя на меня с некоторым сожалением. Понимал полковник меня — насквозь видел. — Жена-то скоро приезжает?

— Скоро, — обреченно сказал я, и тут взгляд мой упал на синюю папку, которую по приходе я положил на свободный стул рядом с собой. — А на это что вы скажете? — торжественно проговорил я, протягивая папку Николаю Николаевичу.

Он открыл папку, прочитал записку и, сразу как-то посерьезнев, пролистнул несколько страничек.

— Ты кому-нибудь об этом говорил? — подозрительно спросил он.

— Нет, я ее сегодня в почтовом ящике обнаружил... Хотя Марина знает, конечно. Я думаю, Татьяна Владимировна опустила ее в ящик, предполагая, что я обнаружу в первый же день, а я только сегодня нашел.

Николай Николаевич снял телефонную трубку и набрал две цифры.

— Миша, зайди ко мне... Срочно.

Через несколько секунд дверь открылась и в кабинет вошел капитан милиции — средних лет, с крохотными усиками.

— Посмотри эти документы и дай заключение.

— Есть. — Он взял папку и собирался идти.

— Нет, Миша, взгляни сейчас, при мне.

Михаил сел тут же за стол и стал перелистывать бумаги, внимательно вчитываясь в цифры, вглядываясь в печати — для этого он достал из кармана небольшую лупу. Поначалу Михаил смотрел с интересом, потом лицо его выразило недоумение.

— Е-мое! — даже в присутствии начальства не смог удержаться он от тихого возгласа, но тут же осекся, просмотрел следующую страницу, заглянул в середину...

— Ну что, что? — нетерпеливо спросил Николай Николаевич.

— Сейчас. — Он заглянул в конец и захлопнул папку. — Невероятно. Полная туфта. Бессмысленная, ничем не обоснованная туфта. Я такой примитивной подделки не видел еще никогда, а штампы здесь смазанные химчистки центрального района и какого-то ЗАО «Хромис». Грубейшая подделка, рассчитанная на полного идиота.

— Но-но, — бросив на меня тревожный взгляд, сказал Николай Николаевич, — Ты полегче оценки давай.

— Если нужно, могу дать более расширенное заключение по каждому из документов.

— Не нужно, свободен.

— Полный идиот, на которого рассчитана эта галиматья, конечно, я, — сказал я, когда Михаил ушел.

Хозяин кабинета только пожал плечами.

— Детективы и триллеры куда легче писать, чем в них играть, — сказал я, поднимаясь. — Ладно, пойду.

Николай Николаевич проводил меня грустным взглядом.

Что такое счастье? Какая неуловимая грань между счастьем и печалью. Вот только совсем недавно я был счастлив, как идиот, а сейчас... Сейчас пелена спала и для меня все стало понятно. Вся эта история с похищением, с документами была выдумана влюбленной Мариной. Но как здорово она все придумала! А я — дуралей — верил во все ее истории. Документы подделала, на покойников купчие заполнила... Прямо мертвые души какие-то. Нет, восхитительная девушка! Просто мечта! Я вспоминал всю схему моего одурачивания и не мог найти изъяна. Я оказался героем ее романа — не очень умным, даже туповатым, не очень догадливым, и мной можно было крутить-вертеть как угодно. Восхитительная девушка! Я улыбался, вспоминая все ее замечательные шалости и придумки. Значит, в то время, когда я писал ночью роман, Марина придумывала свой роман, в котором я был главным героем. Интересно, а Циркач тоже ее придумка, или все-таки это ее парень?

Я поднялся в лифте до своей квартиры уже в прекрасном расположении духа. Сейчас я расцелую Марину, скажу, что ничуть на нее не сержусь, похвалю за прекрасный сценарий, мы посмеемся вместе над всей этой историей... Я, улыбаясь, открыл дверь и вошел в прихожую. В прихожей горел свет, на полу стояла большая дорожная сумка, на вешалке висела полосатая куртка, пахло знакомыми духами... Нина вернулась, но почему без звонка?! Меня бросило в жар, сердце заколотилось... Влип, вот влип! Сознание лихорадочно заработало. Что делать?.. Я метнулся обратно к двери. Сейчас потихонечку выскользну... Нет, поздно, она наверняка слышала. Шаги, она идет сюда... Вот черт!! Что же делать?!

В прихожую вышла моя жена.

— Здравствуй, дорогой. Ну как ты тут без меня, Сергуня? — с какой-то, как мне показалось, издевкой в голосе спросила она, подходя и целуя меня.

— Да я как-то... Не ожидал. — Я улыбнулся радостно, обнимая ее и прижимая к себе, я выигрывал время, соображая, что делать... А что, собственно, делать, в чем я виноват? А где, интересно, Марина? — Ты приехала неожиданно слишком. Я даже подготовиться не успел.

— Ну как же, мы ведь с тобой два дня назад по телефону разговаривали. А ты уже поправился? — Нина отстранилась и внимательно посмотрела мне в лицо. — Как твое горло? Два дня назад ты был так простужен.

Я думала, ты до сих пор без голоса, а ты уже где-то шляешься. — Она как-то подозрительно смотрела на меня.

— Да, кхе-кхе... есть еще немножко, — сориентировался я вовремя. — Лечусь. А ты здорово загорела... Как погодка была?

Мы прошли в кухню.

— Ты молодец, порядок у тебя везде. Я уж думала, приеду в бардак.

— Это я к твоему приезду, — и снова закашлялся.

«Как же мне спросить про Марину? — думал я. — А зачем, может быть, все само собой решится?» Я молниеносным взглядом окидывал помещение, глаза искали Маринины вещи, которые она могла забыть. Торопливо обошел квартиру, но никаких следов ее присутствия в доме не было. Удивительно, но уходя, она забрала все свои вещи. У меня осталась только папка с квитанциями на покойников.

Мы пили чай, и Нина рассказывала о своем отдыхе и погоде, температуре воды, о родственниках, которых посетила, о горе, на которой стоит наш дом... Я слушал ее вполуха:

в это время я думал о том, куда девалась Марина, в любой момент ожидая, что она вдруг откроет дверь своими ключами, и тогда придется объяснить жене, откуда у нее ключи... Я же не посмотрел, на месте ли запасные ключи!..

— Извини, — сказал я, прерывая рассказ жены.

Я вышел в прихожую, ключи висели на прежнем месте. Значит, уходя, Марина оставила их. Вот молодец! Должно быть, это Марина разговаривала с Ниной, когда она звонила из Феодосии, прикидываясь, что это я охрип. Так что она, наверное, знала о приезде моей жены... и мне не сказала. Ну девчонка! Я, довольный, вернулся в кухню.

— Извини, я тебя прервал.

— Да, собственно, все. Ты же понимаешь — рассказывать можно долго. Кстати, я ехала обратно с нашей соседкой Татьяной Владимировной, она, оказывается, отдыхала в Коктебеле.

— Да?! Тут ее дочь заходила несколько раз, придумывала истории какие-то про похищение мамы.

— Марина? Она у нее большая выдумщица. Татьяна Владимировна мне про нее такого нарасказывала.

Хотя и было мне безумно интересно, чего же нарасказывала про Марину ее мать, но я не стал спрашивать, чтобы не проявить излишней заинтересованности.

— А ты как тут поработал без меня? Вел себя хорошо?

Я улыбнулся и, перегнувшись через стол, поцеловал жену в губки, что могло означать, что вел я себя безупречно. Кто бы знал, чего стоила мне эта улыбочка.

— Я уже почти закончил роман, — похвастался я. — В рекордно короткие сроки. Последняя глава осталась. Сегодня, наверное, закончу.

Нина пошла принимать душ, а я на всякий случай еще раз обошел квартиру в поисках улик, но не нашел ни одной. Я успокоился и решил сесть поработать. Включил компьютер, но звонок в дверь заставил меня вздрогнуть. Я вскочил и пошел в прихожую, посмотрел в глазок — за дверью стояла Марина. Сердце заколотилось. Я оглянулся в сторону ванной, открыл дверь и, выскользнув на лестницу, прикрыл ее.

— Я знаю, ваша жена приехала, — сказала Марина, не глядя на меня. — Я вообще-то попрощаться пришла. Я, наверное, уеду скоро.

— Хорошо, — сказал я. — Молодец, что зашла... Слушай, а зачем ты придумала все это? — почему-то спросил я, пытаюсь повернуть разговор в реалистическую плоскость.

— А вы не знаете? — спросила она, все так же глядя на мои тапки.

— Нет.

Она подняла глаза и несколько секунд смотрела на меня не моргая. Меня просто обжег этот взгляд. Меня вдруг снова потянуло к ней, потянуло с невероятной силой.

— Да потому что люблю вас, — сказала она и вдруг бросилась ко мне, обняла за шею и стала целовать мое лицо, губы, глаза, я целовал ее в ответ... Это было какое-то истерическое состояние обожания. Слезы текли у меня по щекам, смешиваясь с ее слезами... Я шептал ей какие-то слова любви. Я говорил их неосознанно, как бы в забытьи, не понимая, что говорю, я просто хотел говорить... Это был какой-то восторг — дикий, необузданный, неуправляемый восторг любви...

Я замолчал внезапно, словно слова вдруг кончились, и взглянул на девушку, которую продолжал держать в объятиях. Она смотрела на меня хотя и заплаканными, но ясными, осмысленными глазами.

— Можно я запишу то, что ты говорил, как твои последние слова? — вдруг спросила она.

Я не сразу понял ее.

— Ну запиши, — после некоторого молчания сказал я, пожимая плечами.

Марина вдруг вырвалась из моих объятий и, не оборачиваясь, побежала вверх по лестнице. И только сейчас я увидел соседку Клару Ивановну, державшую на поводке молчаливое свиноподобное создание с болтающимся хвостом. Она смотрела прямо на меня. Сколько она стояла здесь, я не знал.

— Здравствуйте, Сергей Игоревич.

Я повернулся, вошел в квартиру и закрыл дверь.

Последние слова:

— *Как вам кажется, хорошо ли я сыграл комедию своей жизни?*

Октавиан Август, римский император

— ...Все поедem в кругосветное путешествие, денег заработаем тьму. Нигде таких, как вы, не видели, — говорил глухой мужской голос.

— Дурак ты жирный! Вот я отвязусь, ты у меня получишь! — Это был голос Даши.

Антон открыл глаза, попробовал встать, но у него не получилось — он оказался привязанным к металлическому стулу, намертво привинченному к полу. Рядом с ним в таком же положении оказались Даша, Максим и Николай. Сам Иван Иванович времени даром не терял, а со скальпелем в правой руке потрошил труп человека, бесцеремонно засунув руки в его внутренности. Приглядевшись, Антон увидел, что на медицинском столе перед Иваном Ивановичем лежал труп женщины с уже разъятой грудной клеткой. Тело представляло зрелище для непривычного глаза омерзительное. В просторном помещении с кирпичными стенами без отделки находилось множество предметов: какие-то колбы, хирургические инструменты, колеса от автомобиля, свернутая туристическая палатка, надутая резиновая лодка, в углу железная бочка, канистра с бензином, у дальней стены лежало еще одно мертвое тело без одежды. Помещение отдаленно напоминало хирургический кабинет, прежде всего операционным столом и огромной лампой, но в остальном больше походило на гараж. Сам хозяин был в резиновых перчатках, но в своей старомодной пижаме и шлепанцах на босу ногу, как будто только что встав с постели принялся резать и расчленять покойника.

Уже пришедшая в себя Даша вела себя совсем неуважительно по отношению к человеку старшего возраста. Она ругалась и даже попробовала доплюнуть до него, но не доплюнула — далековато.

— Почему вы нас привязали? — спросил Антон, пока не понимая, в чем дело и не является ли это продолжением сна.

— А ты не догадываешься?

Антон увидел, что очнулся Николай, да и Максим еще в полузабытьи завертел головой, как будто освобождаясь от назойливой мухи.

— Нет, — негромко проговорил Антон, хотя он догадывался, он уже догадывался обо всем. Сознание как-то разом просветлело, и то тягостное предчувствие, которое было у него дома, вдруг вновь затосковало в груди. «Это конец, это конец... — билась в голове безнадежная мысль. — Я ведь знал, что так получится... Знал!»

— Все очень просто. — То ли нарочно — поиздеваться над пленниками, то ли у него действительно было много неотложной работы с трупом, но толстый Иван Иванович ни на минуту не отрывался от разъятого тела, копошась там во внутренностях, изредка только доставая из него что-то красное, кладя рядом на стол и поглядывая на привязанных. — Все мы на следующей неделе отправляемся в кругосветное путешествие. Хватит здесь нищенствовать. Поедем мир посмотрим. Вы кем предпочитаете, чтобы я вас сделал? Вы мне

можете сейчас не говорить, подумайте, потом пожелания выскажете.

— Слушай, отвяжи меня, — глухо и зло проговорил Николай. — Не серди.

Он вдруг рванулся всем своим мощным телом, так что звякнул металл и даже что-то отлетело у стула. Иван Иванович испуганно посмотрел в сторону спортсмена, но, тут же взяв себя в руки, вновь принялся за работу.

— Конструкция крепкая, рвать жилы бесполезно. Кроме того, это может сказаться на красоте препарата, который я из тебя сделаю. Да и не это основное, — продолжал бубнить своим трубным голосом Сасипатров-средний. — Главное — что я из вас сделаю. Главное для вас уже думать не о настоящем, а о будущем. Ведь ваша жизнь только начинается, но в другом, особенном качестве. Ведь вы не понимаете. Вы можете жить вечно, и только от меня зависит, будете вы иметь вид достойный или какой придется. Вот согласись, Антоша, ведь я могу сделать тебя капитаном дальнего плавания, и будешь ты сто лет стоять в белом мундире и фуражке с кокардой, и очаровательные иностранки будут любоваться тобой: «Ах, какой красавчик!» Или могу сделать из тебя повешенного или казненного с валяющейся в корзине головой. И симпатичные сексуальные иностранки будут, сморщив носик, отворачиваться от тебя с пренебрежением. А жену твою — проституткой. Хочешь иметь жену-проститутку? А, повешенный?..

«Что он несет? — думал Антон, глядя на то, как Сасипатров-средний со своим скальпелем сладострастно копается во внутренностях. — Что он несет?»

— Послушайте, Иван Иванович, — вдруг заговорил Максим спокойным, мягким голосом. — Вы что, не понимаете, что за убийство вас будут судить? Одно дело трупы из морга тибрить, а другое дело убийство. Если вы нас убьете...

Громогласный хохот потряс воздух то ли операционной, то ли гаража. Это над трупом ржал Сасипатров-средний. Он прекратил работу и, подняв голову, смотрел на молодых людей и смеялся, смотрел и смеялся... У него даже очки набок съехали.

— Кто сказал, что я вас убью?! Я сказал?! Я улучшил метод Рюйша, я довел его до совершенства. Теперь, для того чтобы превратить человека в мумию, вовсе не нужно его убивать. Забальзамировать можно и живого. Я изобрел метод бальзамирования живых — я у живых спускаю кровь, и они незаметно переходят в другое состояние — в этом великая истина. Здесь не нужно промежуточного звена смерти — она исключается моим мастерством, вы даже не умираете, хотя всякий врач определил бы вам причину смерти. А здесь причина смерти — вечная жизнь. Разве не об этом мечтают все философы и все люди планеты. Жить вечно, не старясь. Я даю такой шанс.

— Послушайте, вы сумасшедший! — проговорил Антон.

— Да он сволочь, он подонок! — закричала Даша и вдруг залилась таким нестерпимо пронзительным криком, что все вздрогнули и посмотрели на нее. Это было уж слишком!

Иван Иванович от такого крика замер со скальпелем в руке, глядя на девушку изумленно и испуганно одновременно.

— Значит, ты пойдешь на операцию первой, — сказал он, когда девушка закончила. — Здесь стены прочные, звуки не проникают. Но если такое повторится, заклею рот скотчем.

Проговорив это, он снова углубился внутрь.

— Почти каждую ночь я переставляю местами и переодеваю в залах препараты, меняю композиции, пытаюсь сделать их более философскими и сюжетными, — снова забубнил он, ни на минуту не прекращая свою работу. — Я ищу для них абсолютно правильной постановки. Я чувствую себя творцом, писателем, если хотите.

— Писатель работает с живыми, — перебил Антон. — А ты просто трупы переставляешь.

— Нет! — вдруг воскликнул мгновение назад такой циничный и рассудительный Иван Иванович. — Я писатель, я творец! Я с детства мечтал быть писателем. Вообще с препаратами полно работы. Вы думаете, вот так вот сляпал мумию и забыл? Так вот фиг! Каждую неделю им ногти стригу, каждый месяц волосы подстригаю... И все я, все я один. Представляете?!

Он поднял глаза на привязанных, ища в них сострадания.

— Ну послушайте, Иван Иванович, ну зачем вам это нужно? Давайте вы нас отпустите, и мы пойдем домой. Даю вам честное слово, что мы никому ничего не скажем, — продолжал свою психотерапию Максим: он был с виду спокойнее всех.

Но Антон, кажется, один понимал всю серьезность положения. Он уже знал, что это никакой не сумасшедший и не стоит тешить себя надеждой, что удастся уговорить его, чтобы он их выпустил. Нет, это убежденный человек. Человек не такой, как все они, у него чего-то не хватает в организме или что-то лишнее. Это потомок монстров, и он живет по другим только ему ведомым законам, а человеческая жизнь для него не представляет никакой ценности: большую ценность представляет человеческое тело.

— Так вам известна формула Рюйша? — спросил Антон, не то чтобы ему было интересно, он и сам не знал, почему спросил.

— Эх, предупреждал я тебя, Антоша, руку с запиской под ванну подпихивал — не послушался, вот и паришься здесь с женой своей крикливой, — проговорил он, отвечая как бы на свои мысли. — А секрет бальзамирования, конечно, знаю. Ведь мой предок Фома выкрал его. И знаете, где я его храню? Вам я покажу: вы им уже не воспользуетесь.

Иван Иванович со звоном положил скальпель, вышел из-за стола, вытирая окровавленные руки грязным вафельным полотенцем, и остановился перед привязанными к стульям молодыми людьми.

— Вот где! — Он вдруг задрал пижамную куртку, и все увидели выколотые на его жирном животе буквы. — Теперь вы поняли, почему никто и никогда не мог найти рецепт? Потому что, мы потомки Фомы, носим его на своем теле. Хотя он и хранится в моей голове, но на животе надежнее. Живот — главное мое место. — Он захохотал, погладил себя по животу и так, похохатывая, вернулся за стол.

«Теперь все, теперь точно не выпустит живыми, — пронеслось в голове Антона. Хотя и раньше надежды не было. — Лишь бы не больно... Проклятие, зачем я Дашу с собой взял! Вот дурак!»

Антон чувствовал какую-то слабость во всем теле; скорее всего, так действовал на него стресс. Руки затекли настолько, что он их не чувствовал. Скоро он все свое тело чувствовать не будет. Николай сидел, обливаясь потом, стараясь не глядеть на стол, за которым не покладая рук трудился Иван Иванович. Дашу, казалось, окончательно вымотал ее душераздирающий вопль, и она как-то приувыла или, исчерпав все возможности к спасению, покорилась судьбе — ей даже неинтересна была работа над покойником. Максим сидел весь красный, вытянув шею вперед, напряженный, сбоку под подбородком у него вздулась синяя вена, и в ней пульсировала кровь, отсчитывая последние удары его жизни.

— Сейчас, сейчас. Я заканчиваю уже, — говорил Иван Иванович, вытащив из трупа еще какой-то орган, и, взяв большую иглу, грубо и торопливо стал заштопывать тело мертвой женщины. — Сейчас, друзья мои, и ваша очередь придет. Я хочу, чтобы вы видели все это,

как все будет происходить. Я думаю, что когда вы увидите, у вас не будет страха и сомнения... А! Черт! Укололся. Опасен трупный яд. А у вас его и не будет. Ну-с, что! — Он отстриг конец нитки ножницами. — Пора и за вас братья.

Натренированным движением он поднял на руки окоченевшее тело и отнес его в угол. Длинные волосы женщины, когда ее несли, опускались до самого пола. Иван Иванович положил труп женщины вдоль стены и, потирая руки, с доброжелательной улыбкой подошел к Даше. Но Даше улыбка не казалась доброжелательной.

— Ну-с, приступим.

Он остановился, сквозь стекла очков глядя ей в лицо. Даша вытаращив полные ужаса глаза, напряглась, отстранилась от этого монстра как можно дальше.

— Симпатичная, — сказал он, глядя в лицо девушки. — И родинка у тебя над губой — очень идет, а глаза я тебе такие же голубые подберу, только пластмассовые. Такая же симпатичная и останешься... Даже еще лучше будешь!

Он издевался, наслаждаясь своей властью, наслаждаясь смятением и ужасом жертвы.

— Вот только попробуй, сволочь, — вдруг зло, сквозь зубы процедила Даша.

Антон рванулся со своего места.

— Не трогайте ее! — закричал он. — Не трогайте!!

Со зверской усмешечкой, в своей идиотской пижаме, толстяк выглядел нелепо, но страшно панически, дико, так страшно, что перехватывало дыхание, что сердце ухало, готовое разорваться... Это был страх, сильнее которого не было ничего на свете, не могло быть.

Иван Иванович стоял перед ними, и по глазам его было видно, что пришла смерть или еще страшнее — та другая жизнь в вечности, о которой он говорил.

И тут случилось невероятное — Иван Иванович исчез. Исчез не только Иван Иванович но и стол, покойники вдоль стены, бочка... исчезло все, словно кто-то выключил зрение. Внезапно наступила полная тьма в абсолютной, давящей на уши тишине. Это было невероятно и жутко. Только несколько мгновений длились эта тишина и тьма, но эти мгновения показались вечностью, той самой вечностью, о которой говорил Сасипатров-средний. В следующее мгновение тьму разорвал нестерпимый, мучительный, проникающий во все уголки тела истошный, протяжный вопль... Кричала Даша.

И этот вопль, и тьма, и неизвестность — что там, за этой тьмой... особенно неизвестность! — произвели жуткое впечатление.

— А-а-а! — раздалось вдруг трубное мычание Ивана Ивановича. — Я сейчас!.. А-а-а! — мычал он.

Что происходило там, во тьме? Невозможно было даже представить. Даша перестала кричать, а только повизгивала жалобно, значит, еще была жива. Мычал утробно Иван Иванович. Тишина давила... И вдруг шум и грохот вновь разметал тишину, словно в помещении заработало сразу несколько сверлильных агрегатов. Мычание Сасипатрова среднего, шум работающих машин, присоединившиеся к ним мощные удары молота, повизгивания Даши; с правой стороны, где сидел Николай, слышались всхлипывания... «Боже мой! А может быть, это и есть конец?! Может быть, это и есть конец всему и новая жизнь? Тьма, шум в голове, последние мысли... Это и есть вечность?!» — пронеслось в голове Антона.

Грохот не прекращался, вдруг где-то далеко вспыхнул слабый трепетный огонек, или только казалось, что далеко: расстояние и время жили сейчас по другим законам. Возле

стола с горящей спичкой в руке, пугливо озираясь, стоял Иван Иванович. Слабое пламя спички освещало его потное лицо, пижаму, отражалось в больших очках... Он осматривался кругом. Грохот и шум не прекращались ни на секунду — казалось, он звучит отовсюду одновременно. И вдруг в углу помещения, возле деревянного шкафа, рухнула какая-то доска. Иван Иванович обернулся на движение... Человеческая тень метнулась в комнату... Спичка потухла, и вновь установилась полная темнота. Затем механический шум вдруг прекратился, что-то загрохотало, рухнуло, в воздухе запахло бензином, снова раздался грохот. Кто-то, чертыхаясь, метался в темноте.

Вновь вспыхнула спичка, в ее свете можно было увидеть двоих мужчин в черном, которые, запинаясь о валявшиеся кругом предметы, ворвались в помещение.

— А! Гады! — вдруг заорал Иван Иванович, держа спичку перед лицом. — Добрались до меня, проклятые!!

— Всем оставаться на местах! — закричал знакомый голос. — Всем оставаться... — Он не договорил, потому что, споткнувшись, упал.

За ним в помещение ворвался Кердык Иванович.

— Вы не получите секрета! — заорал толстяк и выронил спичку.

То, что произошло в следующую минуту, сознание зафиксировало только какими-то урывками. Все вокруг вдруг ярко осветилось. Загорелось все одновременно. Пылающая дорожка с огромной скоростью вдруг побежала через все помещение и исчезла под дверью. Помещение наполнилось удушливым дымом.

Толстяк, схватив какое-то покрывало, стал хлестать им пламя, но оно разлеталось в разные стороны и разгоралось еще сильнее. В это время Владлен и Кердык бросились к привязанному. Первыми отвязали Антона и Дашу. Пламя, обжигая лица и руки, уже бушевало вокруг них. Потом они вместе отвязали Максима и Николая.

Между тем тучный директор музея покойников, размахивая покрывалом, метался в огне. Но вдруг, взыв как-то особенно жутко, толстяк бросается к двери, распахивает ее. Антон видит в открытую дверь зал с застывшими мумиями — туда бежит дорожка огня... Многие экспонаты уже охватило пламя, они, как живые, причудливо шевелятся в огненных бликах, приходят в движение, разводят полыхающими руками, поворачивают головы; оживая, потягиваясь после долгого сна... С утробным воем, размахивая над головой горящим покрывалом, обезумевший толстяк устремляется в зал. Последнее, что видит Антон, — это мечущегося среди полыхающих экспонатов толстого человека.

Кто-то хватает Антона за руку и тащит в другую сторону.

— Фома! Слышишь ли ты меня, отец уродов?! — вдруг слышит он сквозь шум огня трубный раскатистый голос Ивана Ивановича.

На ходу Антон оборачивается и видит охваченное огнем огромное тело Сасипатрова, мечущееся среди других горящих тел. И словно откуда-то сверху сквозь гудение пламени, дым и грохот доносится вдруг какой-то нечеловеческий каркающий голос:

— Слышу!!!

Или это только почудилось Антону в шуме огня.

Вверх по ступеням в клубах дыма Антона выволокли во двор, он кашлял, хватал ртом чистый воздух. Сзади раздался мощный взрыв, в следующее мгновение их обдало жаром — это взорвалась бочка с бензином.

— Ну, все живы? — спросил Сасипатров-старший, похлопывая каждого по плечу.

— Никого оживлять не придется? — поинтересовался Сосипатров-младший, руки за

спину прохаживаясь между всеми и заглядывая в унылые почерневшие лица.

— Вовремя мы успели, — сказал Сасипатров-старший. — Иначе оживлять бы точно пришлось. — Ну ладно, пойдете — скоро милиция приедет. А нам она зачем?

Говорить никому не хотелось: после перенесенного ужаса хотелось молчать, да и передвигать ноги было трудно. Они обошли дом и через проходную парадную вышли на набережную Мойки.

Сразу из всех шести окон подвала, где располагался музей, било пламя: сухие экспонаты горели хорошо. Черный дым от человеческих тел поднимался по стене вверх, к небу. Жители дома с грохотом захлопывали форточки, но от едкого дыма было не уберечься — он проникал сквозь щели, через вентиляцию, сочился сквозь перегородки...

Спасенные перешли проезжую часть и остановились на другой стороне возле чугунной решетки. В зрелище пожара была какая-то магия и притягательность, хотелось смотреть и смотреть на него, не отрываясь.

— Теперь оживлять будет некого, — проговорил Сасипатров-старший, с сожалением цокнув языком.

— Ну и черт с ним, все равно ни одного не оживили, — сказал Сасипатров-младший. — О, «скорая», кажется, едет, — увидев на другой стороне канала блеск синего огонька. — Не люблю я врачей... Особенно психиатров.

Они повернулись и зашагали прочь от горящего здания.

— Как говорится, эрари хуманум эст. — Рядом с ними стоял мужчина с большими закрученными, как у Чапаева, усами, в щегольской рабочей спецовке и мотком проволоки на плече. — Здорово горит. Тяга хорошая.

В мужчине Антон узнал своего спасителя, электрика из морга.

— О! Здравствуйте, — почему-то очень обрадовался он, тряся его руку.

Электрик, присмотревшись, тоже его узнал.

— А вы оттуда, что ли? — оглядев их с ног до головы, спросил он.

— Оттуда, а откуда же? — злобно проговорила Даша, отворачиваясь и пытаясь изо всех сил очистить грязной рукой свою замечательную куртку от сажи, ей было неприятно в таком обгорелом виде представлять перед незнакомым мужчиной, пусть даже и электриком.

— А у меня тут халтура. Президент приезжает, попросили свет на Дворцовой площади провести. — Электрик поправил моток проволоки на плече. — Как говорится, омниа мэа мэкум порто. Ладно, пойду.

Электрик повернулся и зашагал по набережной в сторону Дворцовой площади.

— Какие вы грязные! — воскликнула Даша, старательно отряхивая куртку. — Пойдемте к нам, там хоть помоемся.

В течение нескольких следующих дней весь следственный отдел тринадцатого отделения милиции Центрального района трудился не покладая рук. Как установила следственная бригада, возгорание произошло из-за неисправной проводки, по перегородкам огонь быстро распространился по всем помещениям музея. На месте пожара в музее восковых фигур не было найдено ни единой сгоревшей восковой фигуры, но зато обнаружено 1056 останков обгоревших человеческих тел. Такую скученность людей в одном месте объяснить было невозможно, хотя и высказывались десятки предположений. Но самым невероятным было то, что никто не заявил о пропаже близких и не было опознано ни единого тела. Служительницы музея не смогли дать вразумительного объяснения

случившемуся. Исчез только директор музея. Среди покойных его не опознали, сослуживцы утверждали, что он собирался уезжать в кругосветное путешествие, но фамилии его в списках отъезжающих из страны не значилось. Об этом происшествии промолчала даже желтая пресса, опасаясь быть непонятой. Уж слишком невероятными были последствия происшествия. История эта обросла огромным количеством слухов и фантазий. Говорили и о террористах, согнавших несчастных в одно помещение и взорвавших их поясом, о массовом самоубийстве членов тайной патриотической организации какой-то малой народности, поговаривали черт знает что и о сексуальных меньшинствах, черт знает как причастных к этому происшествию... Ну и, конечно, о фашистах. Куда же теперь без них?

Но самым правильным, просто-таки в точку, было высказывание сантехника ЖЭКа, которому поручили менять трубы в обгорелых помещениях.

— Ну уроды! — сказал сантехник, озирая последствия пожара. — Чего устроили! Вот уроды!

Этот пожар в музее, унесший самое большое число жизней, можно было считать самым жертвенным и самым загадочным из всех за трехсотлетнюю историю Петербурга.

— Если он не согласится, тогда мы можем сами, — продолжала говорить Даша, повернувшись к Антону, которого она держала под ручку. Сзади шли Максим с Николаем.

Был вечер спустя три дня после известных событий. Белые ночи уже заканчивались, на улицах горели фонари. Они подошли к зданию, в котором располагался морг. Дверь его вдруг открылась, и оттуда стремительно вышел маленький пузатый человек в голубой курточке; обернувшись, он прокричал в открытую дверь:

— А покойники все равно пропадают!

За ним вышел высокий тип, сутулый, как крюк, на который подвешивают туши в мясном магазине, с большой черной сумкой в руке.

— Чушь! Кому твои покойники нужны? — зло и угрюмо возразил длинный, и они комической парочкой пошли по улице, изредка переругиваясь.

За ними в дверь морга высунулось ангельская голова Сергея.

— О! Удачно я открыл, — сказал он, пропуская друзей внутрь. — Иначе бы долго звонить пришлось, пока я с этими придурками трупы искал.

В морге пахло пожарищем.

— А это кто такие? — спросил Антон, когда они прошли в комнату Сергея, вспомнив, что уже не раз видел этих двоих, постоянно спорящих о пропавших покойниках.

— Эти?! Ай! — Сергей махнул рукой. — Крыс травят. Разбрасывают отраву, а потом везде лазают, трупы крысиные ищут. А их нет нигде, вот они и ругаются. Не дохнут грызуны от их снадобий.

— Слушай, Сергей, у нас к тебе дело, — сказал Максим, когда они уселись у него в приморговой комнате. — Коммерческое.

И рассказал Максим о Фредерике Рюйше, великом анатоме XVIII века, и о монстре Фоме, укравшем тетрадь, и о пожаре в музее с мумиями.

Сергей слушал внимательно.

— Значит, наша утечка покойников вот куда вела. Значит, прикрылся покойницкий бизнес, — сказал он, выслушав всю историю. — А я думаю, откуда к нам в морг такое количество погорельцев навезли. Значит, ваших рук дело. У нас весь морг завален, часть даже в бомбоубежище перенесли.

— Так вот какая у нас идея, — продолжал Максим. — Ты представляешь, как будет здорово, если рецепт на животе у этого придурка сохранился.

— Представляю, — проговорил Сергей, облизывая сухие губы. — Это ж сколько можно заработать, если дело открыть. Можно их и в банки продавать, да и просто любителям. Поставят себе дома, например, — он же есть не просит. Это ж какие бабки!

— А назовем мы нашу фирму «Фредерик Рюйш», — предложил Антон.

— Ну чего думать! Нужно идти рецепт искать! — воскликнула Даша, вставая.

— Совместное предприятие откроем, — добавил Антон. — В кругосветное путешествие отправимся. — И, подумав мгновение, добавил: — В живом виде.

— Ну пойдем, — сказал Сергей, усмехнувшись.

Они прошли по длинному коридору в огромную залу.

— Ничего себе! — оглядывая непечатый край работы, проговорила Даша. — Чего ж их так много-то? Все пожаром провоняем, я и так вещи еле отстирала.

— Тысячу нужно перевернуть, пока до рецепта доберешься, — сказал Сергей и, улыбнувшись, добавил: — Где-то я это уже слышал.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

Говорят, что души уродов от рождения после смерти попадают сюда, в город монстров. Его строили для них лучшие зодчие мира на зловонных болотах, на костях тысяч оставшихся здесь строителей, под тяжелым пасмурным небом, на гиблом для всего живого месте. Но души монстров не ощущают промозглого холода, сырости и ледяного ветра, миазмов, поднимающихся из канализационных люков и подвалов жуткого, но прекрасного города... Только здесь, в городе сотен великолепных дворцов, мостов и площадей, скульптур и величественных храмов, в городе поразительной красоты, построенном специально для монстров, души их обретают покой и счастье.

В Петербурге есть иное измерение, о нем знает или догадывается каждый петербуржец, и каждый, кто вдруг остановится в белую ночь на набережной Невы или в темной подворотне, ощущает чье-то присутствие и холодеет внутри, или непонятно отчего ощущает вдруг легкость и уверенность. И только благодаря монстрам стоит Петербург уже триста лет в месте пропащем, гиблом, неживом... И только благодаря мечте об этом городе во всем мире живут сотни, тысячи уродов, ожидая, когда души их освободятся и попадут в город монстров. Они видят нас сквозь окна, в замочные скважины, их много, разных форм, хотя есть похожие, но нет повторений.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Больше мы с Мариной не виделись. Вскоре она вышла замуж за Циркача и уехала с ним в Париж, где живут его родственники. Они открыли там небольшую фирму и, судя по слухам, счастливы. В Париже Марина издала свою книгу «Последние слова». Были там и мои слова, сказанные в порыве любви и нежности. Большого нагромождения банальностей, пафосных штампов, незаконченных фраз да и просто каких-то глупых и бессмысленных выражений трудно было придумать. Теперь-то я знаю точно, что это были мои последние слова любви в таком роде и больше никому и никогда я не смогу, да и не захочу сказать таких слов.

Я благодарен судьбе за то, что она всего на несколько дней свела меня с этой девушкой. Ведь она напомнила мне о Тайне, к которой я стремился в юности. И это дает мне возможность начать жизнь с чистого листа. Я вновь молод, я вновь полон сил, я вновь вижу перед собой цель.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Гримаса черного юмора

По весне, когда солнышко пригрело усталую от снега землю и в природе ощутилось предчувствие перемен, когда человеческую душу начали будоражить скрытые до поры желания что-то переменить, улучшить в своей жизни, когда природа стала готовиться к пробуждению, оголяя от снега землю на газонах, и в воздухе по ночам запахло весной, исковерканные, они стали выползать из подвалов, прокрадываться с чердаков, прибегать с улицы, спускаться с небес... Это были двухголовые кошки, котята с крысиными головами, голуби с кошачьими лапами вместо крыльев, вороны с крысиными, а крысы с вороньими головами; по газонам, весело чирикавая, скакали воробьишки, у которых из животиков торчала пара мышинных лапок... Разнообразие уродств способно было помрачить слабый ум. Природа или кто-то в природе будто насмеялся, по своему вкусу и неизвестно по чьему подобию искажая создания, совмещая противоречия, доводя до абсурда всякую бездомную живность.

По улице туда-сюда сновали идиотского вида люди: у кого на шее болтался детский барабанчик, а по лицу блуждала улыбка беззаботного счастья; кто был серьезен и с виду жуток; иной мал, пузат, вертляв и шутив; другой, напротив, величествен и грозен, но со столь бессмысленными речами, сколь величав был его вид... Жильцы охотно покидали свои квартиры, уезжая в другие районы, а вместо них вселялись новые жильцы: идиоты, дауны, шизоиды, с выпуклыми лбами, провалившимися переносицами, выкатившимися глазами, курносые носами... В природе что-то кем-то менялось.

Глава 1

Погребение Грехильды

ИДИОТИЗМ — слабоумие прирожденное или приобретенное в первые годы жизни. Причины прирожденного идиотизма — патологическое состояние родителей (психические болезни, эпилепсия, старческий возраст, сифилис, алкоголизм), браки между близкими родственниками, остановка в развитии мозга во время внутриутробной жизни, тяжелые роды (сильное сжатие черепа фельдшерскими щипцами и т. д.). Причины приобретенного идиотизма — повреждения головы, болезни мозга, эпилепсия, плохое питание и т. д.

Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, 1900

Молодой человек остановился на мосту, перегнулся через перила и уставился на воду. Нева сплошь была покрыта потемневшим льдом, только под мостом непонятно отчего образовалась большая полынья, и там была видна черная беспокойная вода. Человек с высоты пронаблюдал, как плевком достиг поверхности воды, и вздохнул. Он смотрел вниз безо всякого смысла и интереса, не то что он хотел вслед за плевком сигануть с моста, чтобы безвременно погибнуть в пучине, это бы хорошо — это бы значило, что в нем еще осталось несколько капель жизни, ведь стремление, хотя бы даже и к смерти, тоже есть проявление жизни. Но нет! Мысль о самоубийстве была столь же скучна и безынтересна, как и мысль о жизни, — он давно смирился с ее присутствием в своем организме, как с изжогой или хроническим насморком. Когда-то давно, еще в юности, после несчастной неразделенной

любви он до невозможности остро пережил желание смерти, теперь оно, притупившись, уже не трогало душу, даже когда он неудачно влюблялся, только иногда заставляя морщиться от досады. Он как-то внезапно достиг кризисного тридцатипятилетнего возраста и думал, что такое его скучное состояние продолжится всегда, до конца дней.

— Нет, это отвратительно. Там сыро, холодно, темно, я ведь так боюсь темноты, особенно когда плывешь подо льдом...

Человек оторвал взгляд от воды, обернулся на голос. Невдалеке стояла молодая женщина довольно соблазнительной наружности, приятных с виду форм и тоже, перегнувшись через перила, глядела на воду (формы — это было то, на что он всегда обращал внимание в первую очередь, безошибочно распознавая их даже под зимним пальто), в руке у нее была коробка с тортом и полиэтиленовый пакет. Слова, которые она проговорила, должно быть, вырвались непроизвольно и не относились к соседу, вероятно, она даже не заметила его присутствия. Ему казалось, что поблизости никого не было, но то ли женщина подошла, когда он следил за полетом плевка, то ли он по рассеянности не обратил на нее внимания.

— Сырость продлится недолго, — сказал он нехотя, вовсе не из желания завязать знакомство, отвечая не ей, — скорее самому себе на свою подобную мысль. — Через четыре, максимум шесть секунд после касания воды тело затянет под лед, и сырость кончится. — Женщина повернула к нему лицо, оно было заплаканным. — Только через месяц ваше зловонное и раздутое, как курдюк, туловище поднимется на поверхность, и, когда вы будете проплывать по реке, все будут показывать на вас пальцами. Нет! Все ж таки умирать нужно красиво. В мыслях мелькнул откуда-то карнавал: смеющиеся лица, обнаженные женские тела в перьях, маски... Весело нужно умирать.

Наверное, следует пояснить, что дело происходило в мрачном и унылом городе с очень плохим климатом, жители которого все как один страдают хроническими насморками от постоянных сквозняков и изжогой от некачественной питьевой воды, а 90 % — не выводимой никаким импортом перхотью. Была ранняя весна, когда лед на Неве еще не сошел. Мужчину звали Андреем, исполнилось ему тридцать пять лет, но за это время жизнь успела осточертеть ему, просыпался он всегда в паршивом настроении и в будущем не воображал себе ничего хорошего, впрочем, и плохого тоже. Было ли это последствием психической травмы, связанной с перенесенным в детстве полиомиелитом, или причина тому — полученный стресс, неизвестно.

Девушка (с виду ей было лет около двадцати пяти) смотрела на Андрея зелеными глазами, в этих глазах даже сквозь слезы проглядывалась насмешка и еще что-то многообещающее и распутное, будто твердое обещание осуществить все сексуальные фантазии. Но Андрея взгляд этот не тронул и внутри ничего не всколыхнул.

— Да, — продолжал он, придерживая кепку, готовую сорваться от сильного порыва ветра. — Умирать нужно весело! — и снова перед глазами пронесся хоровод лиц в масках.

Почему Андрей произнес эту дурацкую фразу, он сам вряд ли смог объяснить, просто ему давно хотелось веселья, бестолкового, пусть даже беспричинного смеха, так что казалось ему: даже умереть со смехом будет приятно.

— Во-первых, все вы врете, — заявила девушка неожиданно твердым тоном, плеснув на него зеленую печально-распутных глаз. — Небось сами ни разу не топились. Труп может всплыть только в теплой воде, а до этого его растащат рыбы, скоро корюшка пойдет, моя любимая рыба, очень люблю корюшку. Если вода прохладная, может и не всплыть... А с

чего вы решили, что я собираюсь топиться?

Андрей пожал плечами.

— Мне почему-то так померещилось.

— Топятся от несчастной любви, а я сейчас никого не люблю, — на ветру слезы ее просохли, но глаза все равно казались печальными. — Подержите вот это, — она сунула в руки Андрея большую праздничного вида коробку, перевязанную лентами (в такие коробки кондитеры обычно упаковывают торт), достала из полиэтиленового пакета точно такую же коробку. Девушка посмотрела на нее, губы прошептали что-то неразборчивое, и вдруг бросила в реку. Торопливое течение, подхватив подарок, донесло до края полыньи; некоторое время коробка была еще видна, но течение затащило ее под лед, и что там стало с ней — неизвестно.

— Значит, тортами корюшку подкармливаете? — спросил Андрей, протягивая вторую коробку. — Одобряю.

Он ожидал, что эту коробку она тоже бросит на съедение рыбам, но ошибся: девушка положила ее в пакет и, посмотрев на Андрея, кокетливым движением поправила выбившуюся прядь волос.

— Пошли водки выпьем.

Они прошли через Марсово поле, Андрей знал одну недорогую забегаловку в подвале, где можно было выпить водки и закусить бутербродом за малые деньги.

По пути Андрей узнал, что зовут девушку Кристина, что живет она с бабушкой и в браке в настоящий период не состоит. Когда они подходили к кафе, произошло странное событие, на которое Андрей сначала не обратил особого внимания, но о котором вспомнил много позже.

Из подворотни дома номер пять выбежал человек, его округлое лицо с полными щеками обрамляла черная борода, он был без шапки, в расстегнутом черном пальто, к груди он прижимал коричневый кожаный портфель. Увидев идущую под ручку пару, бросился к ним.

— Умоляю, помогите мне, — задыхаясь от бега, выпученными глазами глядя в глаза Андрея, торопливо заговорил человек, он выглядел как безумный. — За мной гонятся... — он вынужден был делать паузы, не хватало воздуха. — За мной гонятся люди из ФСБ... Здесь... — он сунул в руки Андрею толстый портфель, — здесь детские медицинские карточки министров, писателей, депутатов... депутатов Госдумы, здесь многие материалы об их детстве... они прольют свет... Умоляю вас! Спрячьте!.. За этими сведениями охотятся многие...

— Какие медицинские карточки? — спросил Андрей, наконец придя в себя и понимая, что человеку требуется помощь, скорее всего психиатрическая.

Из подворотни, откуда выбежал бородатый человек, выскочили трое мужчин. Бородач обернулся в их сторону, но успел сделать только один шаг... к нему подскочили, профессионально-натренированным движением сбили с ног, завернули за спину руки, щелкнули наручники, его, как тюк, подняли. Откуда-то, будто «по-щучьему велению», взялась черная машина с затемненными стеклами, бородача погрузили в нее, дверцы захлопнулись. Все это произошло настолько решительно и молниеносно, что Андрей с Кристиной ничего не успели сообразить. Перед ними вдруг как из-под земли вырос человек лет сорока и показал раскрытое удостоверение со своей фотографией и печатью.

— Федеральная служба безопасности, майор Петров, — представился он бесстрастно. — Это ваш портфель?

Андрей рассеянно опустил на портфель глаза и протянул гражданину.

— Мне его только что дали.

— Я знаю, — сказал майор Петров, взял портфель и, сев в ожидавшую его машину, уехал.

— Преступника поймали, — сказала девушка, потянув Андрея дальше по улице.

В полуподвальном кафе «Луна» на Большой Конюшенной, куда они пришли, народу было на удивление много, только два столика в центре зала были не заняты. Люд здесь собрался вида все больше запущенного и хмурого.

Андрей взял два по пятьдесят водки без закуски: Кристина отказалась от закуски, мотивируя тем, что закусенная водка удовольствия доставляет меньше, аргумент Андрея убедил.

— Давай Грехильду помянем, — провозгласила Кристина тост, поднимая граненый сосуд.

Выпили.

— А Грехильда — это кто, родственница или так, знакомая? — поинтересовался Андрей, настороженно поглядывая на угрюмых небритых людей за столиками.

— Знакомая кошка. Мы ее сейчас утопили.

— Правильно, я тоже кошек не люблю, — кивнул Андрей, закуривая сигарету. — Такие гадины.

— А я люблю, — болотно-зеленые глаза Кристины гневно блеснули. — Я только Грехильду не любила. Она была такая сволочь!

— Неудивительно, кошка с таким именем наверняка порочная живность была.

— Еще какая! Ни одного кота не пропустит.

Она брезгливо поморщилась.

— А кто имя ей придумал?

— Уфлянд придумал. У него такое стихотворение есть, — она закатила глаза к потолку и нараспев прочитала: — «Могла я в юности увлечься, да, готовя щи, увлечься с знакомым дядей на плите, да уж теперь года не те». Слышал такое стихотворение?

— Нет, — Андрей помотал головой.

— Ты знаешь, мне кажется, что мы с тобой близки по духу. Я это еще там, на мосту, поняла.

Андрей положил дымящуюся сигарету на край блюда, которое использовал вместо пепельницы, и поднял стакан: тост этот ему понравился.

— У меня же торт есть! — встрепенулась Кристина. — Сейчас закусим.

Она вынула из полиэтиленового пакета торт, развязала бантик, подняла крышку...

— Ты лучше сама закусывай, — заглянув в коробку, сказал Андрей. — У меня аппетита нет.

— Значит, мы вместо Грехильды торт утопили, — проговорила она, растерянно глядя на лежавшую в коробке дохлую худую кошку какой-то грязно-рыжей масти. — Не зря мне бабушка говорила, чтобы я в одинаковые коробки не клала. А я думала — ведь это подарок...

— А что это у нее? — Андрей взгляделся в мертвое животное. — Лапа вместо хвоста... — пальцем тронул когтистый хвост кошки. — И точно, слушай, это же у нее лапа вместо хвоста!.. Какое редкостное уродство.

Кристина решительно оттолкнула руку Андрея.

— Никакая не лапа! — захлопнула крышку. — Тебе показалось.

— Ну как же показалось, ведь лапа вместо хвоста.

— Послушай! — металлические нотки зазвякали у нее в голосе, и глаза обозленно сузились. — Показалось тебе, понял?! По-ка-за-лось!..

«Вот сейчас она встанет и уйдет, из-за такой фигни уйдет, и ничего не будет... А так я домой ее могу затащить... Какая мне разница — лапа там или хвост...»

За последние два месяца эта женщина была единственной, кому удалось вызвать в нем хоть какие-то низменные желания, это было непривычно и удивительно для него.

— Показалось так показалось, — Андрей примирительно улыбнулся. — И все-таки мерзость.

— А! Послала?! Послала?! — донесся от входа противный каркающий голос.

Андрей с Кристиной оглянулись. Через заведение в инвалидной коляске, лавируя между столами и посетителями, катилась тощая маленькая старуха. Прилаженные к сиденью велосипедные колеса она не переставая крутила руками, пуская экипаж, куда захочется, по своему желанию. Но сейчас направляла она самодельный агрегат явно к их столику.

— Послала?! Послала?! — кричала она на ходу, привлекая внимание хмурых отдыхающих.

Увидев инвалидку, Кристина сунула коробку под стол себе на колени.

Доехав до их стола, старуха затормозила ручонками, лихо развернулась на месте и, устремив на Кристину старческие бесцветные глаза, задала тот же вопрос, который уже орала от самой двери. На металлическом боку коляски большими белыми буквами было написано: SUPER. Вылезающие из-под платка волосы старухи были зеленого цвета вероятно, она красила их зеленкой, лицо же совсем белое, будто натертое мелом, но это был ее естественный цвет. Старуха, как говорится, следила за своей внешностью, если так можно назвать тени на веках и неровно покрашенные алой помадой губы; кроме того, у нее имелись большие оттопыренные уши, что выдавало в ней (если верить китайской медицине) долгожительницу.

— Послала, послала?!

Кристина смущенно улыбнулась.

— Конечно, послала, вот сидим с Андреем отмечаем... в смысле поминаем.

— Да, кошка была что надо, хорошая кошка была, что надо кошка. Где такую возьмешь?

Старуха носовым платком вытерла сухие глаза и высморкалась.

— Ушла-то под лед сразу или мучилась как-нибудь?

— Камнем, — заверила ее Кристина. — Никогда не всплывет.

— Значит, приняла... Все лучшее, все самое дорогое отдаю ей, дура... — старуха вздохнула и повернула голову в сторону Андрея. — А этот кто такой, мужик? — строго спросила она и как-то утробно булькнула.

Кристина тоже посмотрела на Андрея, как будто только что его заметила.

— А, это?.. — девушка пожалала плечами. — Это мой знакомый, он мне помогал Грехильду утопить, теперь празднуем.

— Ты смотри у меня! — старуха показала Андрею крепко-накрепко сжатый сухонький и жилистый кулачок. — Ты у меня зеленоглазую смотри!.. — она потрясла этим вооружением перед лицом Андрея. — Му-жик!

В последнее слово инвалидка вложила столько чего-то всего из своей памяти прожитой жизни: каких-то злых мужиков, обиды, от них перенесенные, и среди них какого-то одного, особенного, обидевшего старуху так крепко, что пальчики на руке ее хрустнули от натуги.

— А то, как Юрка!.. Смотри, мужик!

— Вам, бабуля, выпивки взять? — предложил Андрей, любезностью желая смягчить старушечью неприязнь к мужскому роду.

Но старуха, проигнорировав предложение, лихо развернула экипаж и покатила его к выходу. Там ей помогли подняться по ступеням, и старуха пропала из вида.

— Бабушка, вообще-то, мужиков не любит, — словно бы стараясь оправдать старушечью грубость, сказала Кристина.

— А кто их любит-то, я, что ли? — буркнул Андрей.

Он сходил взял еще по пятьдесят, и они выпили.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты знаешь, Андрей, — после того как выпили и Андрей закурил, сказала Кристина, — ты от бабушки подальше держись... — и, подумав, добавила: — И от меня тоже. Влипнешь в историю, не обрадуешься.

Алкоголь подействовал на Кристину, глазки ее заблестели, движения сделались неточными, и она уже несколько раз под столом задела Андрея коленкой. И невольное это касание нельзя сказать, что было неприятно ему... а может, и не невольное. Черт знает этих баб, в шкуру-то их не влезешь!

— Почему это подальше? — Андрей вскинул голову: водка действовала возбуждающе, захотелось дать кому-нибудь в морду или совершить еще какой-нибудь подвиг.

Он огляделся, но хмурые лица отдыхающих не вызвали вдохновения.

— Ты, Андрей, послушай меня внимательно. — Кристина наклонилась через стол близко к его лицу, его обдало запахом ее духов, дорогих духов «Кензо», и он сразу подумал, что это его любимый запах. — Боюсь я, что со мной что-нибудь случиться может.

В проясненных алкоголем глазах девушки, если приглядеться внимательнее, просматривался страх, или так только казалось уже нетрезвому Андрею.

— Чего случиться-то? Тебе угрожает кто-нибудь, что ли?

Сейчас Андрею казалось, что он запросто защитит эту красивую (пожалуй, она уже начинала нравиться ему) девушку от кого угодно.

— Не угрожает пока... Но... — Кристина тоже оглянулась. — Но ты не знаешь, какой это человек, это просто чудовище, он способен на многое, и если со мной что-нибудь случится... Понимаешь, мне не к кому больше обратиться, кроме тебя. — Вдруг она замолчала и вмиг протрезвевшими глазами внимательно всмотрелась в лицо Андрея, даже повернула его голову в профиль, осмотр, видно, удовлетворил ее. — Нет, показалось!.. Не могут же они везде быть... — эти бесконтрольно произнесенные слова не имели отношения к Андрею, и он не стал заострять на них внимание, хотя ему было интересно, кто «они». — Я не знаю, может быть, сумасшествие говорить тебе это, — продолжила свою неясную мысль девушка, — ведь мы знакомы совсем недолго, но я почему-то тебе уже доверяю. Мне показалось, что мы с тобой близки по духу. Пообещай, что ты сделаешь все так, как я скажу. Пообещай, ну!

Девушка, похоже, была не в своем уме, глаза ее, и без того немалого размера, увеличились еще больше, и безуминка, которая почудилась в ее зрачках еще там, на мосту, под воздействием алкоголя стала еще заметнее. Она схватила Андрея за кисть, впиалась в нее ноготками. Андрей поморщился, но стерпел и руку не убрал.

— Конечно, — согласился Андрей. Слова девушки, в особенности ее тревожный тон, слегка протрезвили его. — Конечно, обещаю.

Кристина пугливо осмотрелась и понизила голос еще на четверть тона, хотя и так слышно было плохо:

— Ну вот, тогда слушай внимательно, нужно на всякий случай перепрятать покойника...

— Кого?! Я думал, только у твоей бабушки, — Андрей покрутил пальцем у виска.

— Ты мою бабушку не трогай! — В глазах Кристины уже второй раз за вечер вспыхнули гневные огоньки. — Я бабушку свою в обиду не дам! Если что, я за нее любому башку разmozжу.

Глядя сейчас на нее, Андрей не усомнился в ее словах ничуть.

— Так что ты говорила по поводу дела кого-то важного? — напомнил он.

Кристина внимательно и молча смотрела на него несколько секунд.

— Ничего, все это глупости, забудь.

— Ну все-таки, кто-то тебе угрожает, — не отставал Андрей, — ты же сама говорила. Да и покойник какой-то.

— Да никто мне не угрожает, отстань. — Кристина встала из-за стола. — Идти нужно.

На улице светило солнце. Ранней весной солнце всегда кажется особенно ярким, и девушек много красивых появляется, зимой они уезжают, что ли, куда-то на юг, одни уродины остаются. Они медленно шли по мокрой мостовой.

— Кристина, ты мне дай телефон свой, а я тебе свой. Может, еще как-нибудь выпить зайдём.

— Знаешь, Андрей, — Кристина, не останавливаясь, повернула к нему лицо. — Ты действительно подальше от меня держись, ладно?!

— Я чего-то не очень понимаю, ты мне не доверяешь? Так и скажи.

Мысль, что они только познакомились, а ему нужно держаться подальше, казалась ему абсурдной.

— Не в этом дело, просто я не хочу, чтобы были ненужные жертвы... и потом это тебя не касается, это моя проблема. Зачем тебе неприятности.

Коробку из-под торта, в которой лежало порочное мертвое животное с лапой вместо хвоста, Кристина несла в руке. Они прошли уже квартал по направлению к Невскому проспекту... Андрей, почувствовав вдруг какую-то неуютность, невнятную тревогу, оглянулся, заметив преследовавшую их черную иномарку с затемненными стеклами. Машина отъехала от тротуара в тот момент, когда они вышли из питейного заведения, и теперь неспешно двигалась чуть позади них. Когда они миновали еще квартал, Андрей, не упуская ее из поля зрения, все время как бы нечаянно поглядывая в ее сторону, начал проявлять беспокойство. Машина ехала рядом с ними явно неспроста. Сама же девушка была чрезмерно увлечена своими мыслями о грозящей ей опасности и, похоже, не замечала преследования.

— За нами, кажется, машина какая-то едет, — сказал Андрей сквозь зубы, скосив на девушку глаза.

Кристина остановилась, повернулась к Андрею.

— Да, ты прав, пора ехать, у меня такое чувство, что мы знакомы с тобой очень давно. Прощай, Андрей.

— У меня тоже, — признался Андрей.

Она сунула ему в руки коробку из-под торта, поднялась на цыпочки, поцеловала в губы и торопливо направилась к машине. Водитель изнутри открыл ей дверцу. Андрей не успел

разглядеть его лица, а только большую белую лысину, отороченную по периметру черными волосами. Кристина, не оборачиваясь, села в машину и захлопнула дверцу.

Андрей стоял, прижимая к груди коробку сдохшей кошкой, глядя вслед удаляющейся машине. Потом растерянно посмотрел на коробку, сунул ее под мышку и, мысленно ругая себя за то, что не взял номер телефона девушки, пошел домой.

Глава 2

След старухиной коляски

Андрей стал изредка захаживать в кафе, в котором провел пару приятных часов с Кристиной.

Однажды вечером, выйдя из кафе, Андрей направился к Неве.

Гуляя, прибрел к Троицкому мосту, где познакомился с Кристиной.

Промозглая темнота накрыла город, зажглись мутные фонари. Мокрый, наполовину с дождем, снег, почти перпендикулярно падавший с неба, навевал пакостные мысли, лед на Неве посерел, кое-где на нем образовались полыньи. Андрей постоял на том месте, где они впервые встретились и потопили торт. По обыкновению, плюнул с моста вниз, как делал всегда, и неторопливо побрел назад. Он повернул по набережной направо, дойдя до ступеней, спустился по ним до небольшой гранитной площадки возле самой воды.

Рыбак в длинном черном пальто и черной вязаной шапке сидел под мостом на ящике, с какими всегда ходят рыболовы, напряженно вглядываясь в просверленную во льду лунку. Андрей удивлялся всему племени рыболовов, готовых в любую погоду вылавливать последних обитателей фауны, которые и живут-то в этой грязной воде вообще неизвестно почему, не годные ни в пищу, ни для аквариума. Ему не понять было эту болезненную потребность в смерти живого, скользкого и холодного. Рыболов внешне ничем не отличался от своих многострадальных коллег, но пользовался, должно быть, какими-то более совершенными методами ловли. Рядом с ним Андрей заметил ящик, похожий на рацию времен Отечественной войны, у которого рыбак то и дело крутил какие-то рычажки. Он был в наушниках, надетых поверх вязаной шапки, да и сама удочка была замысловатой формы. Андрей вспомнил, что уже не раз видел этого человека на Неве издалека.

Рыбак, почувствовав чужой взгляд, посмотрел в сторону Андрея раз, потом другой. Андрей не уходил, он решил постоять здесь минут пятнадцать, все равно идти было некуда.

Рыболов вдруг поднял наушник с одного уха.

— Вы что-то сказали? — спросил он хриплым, простуженным голосом.

Андрей пожал плечами.

— Да нет.

— Подойдите-ка сюда, я вам кое-что покажу, — крикнул рыболов, поднимаясь с ящика.

Андрей посмотрел на темный, местами подтаявший лед.

— Не бойтесь, лед еще крепкий.

Андрей подошел. Рыболов протянул наушники Андрею.

— Послушайте, вы только послушайте, что там творится.

Посмотрев в слегка безумные, возможно, от холода или глядения в темную воду глаза рыболова, Андрей надел наушники.

Сначала он ничего не услышал, потом издалека приплыло шуршание, потом как будто музыка... Или нет! Уверенно он сказать не мог. Андрей снял наушники и протянул хозяину.

— Слышали?

— Да вроде слышал, а что это?

— А!! — победоносно воскликнул рыболов. — Это тайна великая, о ней писали в старинных книгах, но только сейчас, когда техника шагнула так далеко вперед, я смогу доказать их существование.

Это, конечно, был никакой не рыболов. Андрей уже понял это по безумному взгляду и запущенному виду. Наверное, это был изобретатель. Андрей когда-то имел счастье познакомиться с одним изобретателем, замызганным и неприятным типом. С такими увлеченными работой психами народ обычно держится уважительно и отстраненно, почитая их за гениев. Андрея всегда привлекали безумцы, мистики и изобретатели, хотя при более близком с ними знакомстве он находил, что в их идеях всегда много безумного и никогда гениального. Перед ним был яркий представитель этого сумасшедшего класса. От него доносился легкий запах спиртного, и когда он говорил, то приближал свое лицо к лицу собеседника и, закинув голову, изредка похохатывал гортанно.

— Мое открытие, — продолжал изобретатель, приближая лицо так, что Андрею пришлось отступить. — Я настолько близок... А ты, правда, слышал?

— Слышал что-то, а что за открытие-то?

— Да ничего, — вдруг мрачно проговорил он, опускаясь на свой ящик, настроение его мгновенно переменилось в худшую сторону.

На улице стало темно, Андрей рассеянно поднял лицо вверх, и почудилась ему в призрачном свете фонарей склоненная с моста голова Кристины.

— Мне пора, — проговорил Андрей и заторопился к гранитному берегу.

— Смотри, чтобы тебя с моста не скинули! — крикнул вслед изобретатель, надевая наушники. — Дело обычное, тут все дело обычное, город проклятый, река проклятая, люди проклятые... — бубнил сам себе изобретатель.

Жил Андрей в однокомнатной квартире на первом этаже, а под ним, в подвальной сырости, ютились бомжи. Ночами у них происходила неведомая для постороннего человека жизнь, иногда оттуда слышались загадочные шумы, движение... Андрей, случалось, из любопытства прикинул к полу телом и, приложив к холодному паркету ухо, вслушивался в подвальную жизнь, которая захватывала и заинтриговывала его. Иногда удавалось разобрать кое-что... и то, что удавалось разобрать, удивляло Андрея... на большее слуха не хватало. Но никогда Андрей не думал спускаться вниз, в подвал. Никогда.

Ни одного из нижних соседей он не видел в глаза, сколько ни старался и сколько ни дежурил у окна — всегда пропускал их появление. Бомжи прокрадывались в подвал с темнотой. Он догадывался об этом по хлопанью входной двери. Это была уже вторая партия бомжей, поселившихся в их подвале. Первые прожили всего три месяца.

Сосед со второго этажа, «новый русский», которого все почтительно звали Николай Иванович, однажды, взяв пистолет, фонарик, спустился в подвал навести порядок. Не было его часа два, жена даже в милицию звонить собралась, думала, бомжи его скушали. Но по прошествии этого времени вылез Николай Иванович из подвала и никому ничего не сказал.

На следующий день снова взял Николай Иванович фонарик и снова в подвал спустился. Опять не было его часа два, а как выбрался, снова никому ничего не сказал.

На третий день повторилось то же самое, и снова никому ничего не сказал.

А дня через два приехала машина-грузовик, грузчики покидали все бомжовские пожитки в кузов, кузов набрался полный: коробок пустых, сидений от автомобилей, тряпья

разного... Когда натаскали столько, никто и не заметил. А покидав все это в грузовик, увезли в неизвестном направлении. Потом за бомжами автобус приехал. Выводили их под ручки молодцы здоровенные, а сами бомжи такой вид при этом имели, что жалко на них смотреть было, думали: уничтожать их везут. А что тут странного — у «новых русских» свои законы, плевать они хотели на государство, государство по их законам живет.

Больше о бомжах не слышал никто. Думали уже — и не услышат. Но спустя некоторое время поползли слухи по дому странные, будто живехоньки и здоровехоньки те бомжи, насильно с обжитого места увезенные, словно имеют они каждый свою комнату, и, спустившись тогда к бомжам в подвал, чтобы их перестрелять, «новый русский» настолько проникся их трогательными историями о жите-бытье, что, закручинившись и опечалившись, купил каждому по комнате, осчастливив горемык на всю оставшуюся жизнь. И все довольны вроде оказались... Тут и истории конец.

Долго ли, коротко ли, да через некоторое время снова завелись в подвале жильцы робкие, приходили всегда как стемнеет, дверью хлопали. Отчего завелись бомжи именно в этом подвале — кругом таких подвалов уйма, — никто толком не знает. Может, от сырости, может, те, уехавшие, какую бактерию оставили, о том слухи умалчивают. Или прослышали о счастье-везении своих предшественников и тоже решили улучшить жилищные условия — никто не ведает. Но завелись и жили-поживали.

Папа Андрея, бывший алкоголик, когда к концу жизни внутри у него заболело все, что могло болеть, бросил пить окончательно, и сделал это вовремя, потому что получил наследство от своего брата из Швеции. Всю жизнь бедствовавшая от пьянства главы семья вдруг заимела немалые деньги, и теперь Андрей, имевший незначительные потребности для жизни, мог прилично существовать на банковские проценты. Иногда, когда в нем появлялась нужда, ему звонили с телевидения с предложением написать сценарий для какой-нибудь дурацкой малооплачиваемой передачи. Он никогда не отказывался.

Однажды вечером ему позвонили и предложили написать несколько сценариев для телевизионной игры, хотя Андрею не хотелось заниматься подобной дрянью: он считал, что такие передачи рассчитаны на слабоумных, — но все же на студию поехал.

В вагоне метро народу было немного. На одной из станций въехала инвалидная коляска, в ней сидел мужчина в форме защитного цвета, без ноги, с лицом законченного алкоголика.

— Подайте, люди добрые, на протез!! — зычно прокричал он, так, что задремавший было Андрей вздрогнул и, открыв глаза, уставился в книгу Мелихана, над которой заснул.

Крутя колеса руками, инвалид двинулся по вагону. Ехал он неровно, отчего постоянно натыкался на ноги спящих или читающих, словно бы невзначай, но было заметно, что таким образом привлекая к себе особое внимание. Но от инвалидов хитростей денег в его карманах прибавлялось мало. Инвалиды в колясках уже всем осточертели, и откуда их столько взялось?

Наехал он и на ногу читающего Андрея, но он лишь мимолетным взглядом удостоил попрошайку, вновь заставив себя читать.

Андрей оторвался от чтения, только когда дверь на остановке открылась, и он заметил выезжавшего из вагона инвалида. На боку коляски большими буквами было написано: SUPER. Андрей сразу сообразил, что это старухина коляска, но это было все равно, потому что дверь уже закрылась.

На следующей остановке Андрей вышел на перрон. Народу здесь скопилось много, он не сразу приметил заезжающую в вагон коляску. Андрей бросился за увечным, но не успел

догнать, в последний момент вскочив в другой вагон.

«Не уйдешь!.. — думал он с азартом охотника, прикинув к стеклу и пожирая глазами инвалида. — Не уйдешь...»

Тот обнаружил чрезмерное внимание к своей персоне, то и дело поглядывая через плечо на прилипшего к стеклу Андрея, закрутил колеса в противоположную от него сторону. Милостыню он уже не просил, единственной его заботой было уйти от преследования.

Как только дверь открылась, Андрей выскочил на перрон. «Не уйдешь! Не уйдешь, гад!!» — злобно цедил он про себя. Инвалида он заметил, когда тот, повернув голову в его сторону, с огромной скоростью вылетел из вагона, стараясь спрятаться за мраморной колонной. Теперь-то Андрей знал, что увечному действительно не уйти. За колонной его уже не оказалось, инвалид поднимался по эскалатору. Андрей ухмыльнулся и неторопливо направился к движущейся лестнице.

Он медленно поднимался к застывшему на коляске человеку, зная, что теперь-то ему некуда удирать, и, своей неспешностью желая подразнить беглеца, Андрей остановился за ступеньку от него.

— Чего убежал-то? — проговорил Андрей негромко.

Инвалид повернул к нему потное лицо.

— А я и не убежал. Чего мне убежать-то. Да и бегать я не могу, инвалид войны.

— Вот и я думаю, чего убежать.

Помолчали.

— У меня к тебе, мужик, дело, — начал Андрей, решив действовать издалека, чтобы не спугнуть увечного, он и без того нервный.

— Да я уж догадался, — как-то обреченно проговорил он. — Ну, забыл я сегодня документ. А так он у меня в порядке, все квитанции оплачены.

— Это хорошо, что оплачены. Какой документ-то?

— Да! Какой! — инвалид саркастически улыбнулся и погрозил Андрею пальцем, пальцы у него были неприятного вида, толстые, словно бы опухшие, с большими грязными выпуклыми ногтями. — Сам знаешь какой, нищенское удостоверение, конечно. Ну, хочешь, я с тобой деньгами поделюсь, — он сунул руку за пазуху и погремел там мелочью.

— Не хочу.

— Ну, а раз не хочешь, я тебе тогда все отдам, все, что заработал. Все двадцать рублей!

— А зачем мне? — пожал плечами Андрей.

— Так ты не из налоговой инспекции, что ли? — инвалид прищурил подозрительный глаз. — Раз денег не берешь, значит, не из налоговой, — заключил он. — Или новенький? А может, у вас проверка?

— Да нет, у меня другое к тебе дело.

— Ну, слава богу, я ведь думал, ты из налоговой инспекции! Вот и драпалял. А раз ты не из инспекции... Тогда чего за мной гнался? — мужик из испуганного сделался вдруг агрессивным и, крепко сжав кулак свободной руки — второй он цепко держался за перила, — грозно сдвинул брови. — Давно не получал? Смотри, у меня получишь.

— Я хозяйку коляски, старуху безногую ищу, а коляска с виду ее. Она мне, мужик, по делу нужна сильно.

— Ах, старуху?! Ну так бы сразу и сказал. Старуху я уважаю. Хоть и стерва она первоклассная! Но уважаю. Тебе она зачем, тоже хочешь экипаж арендовать?! — в голосе его зазвучали грозные нотки. — Ты учти, по моей линии Кировско-Выборгской не ездят, а то

получишь! Я тебе ноги вырву! Один тоже попробовал, так я его...

Коляска выкатила с эскалатора, Андрей пошел рядом.

— Мне внучку ее найти нужно, по делу. Если что, я заплатить могу.

— Вот это американский разговор. Поехали.

Они вновь спустились в метро и поехали на Петроградскую.

Коляску у старухи брал напрокат Мелодий, мужик незлой, когда трезвый, но как напивался, любил вспоминать золотые деньки перестройки, когда ему, как члену Союза нищих СССР, жилось по-королевски. В такие загульные дни он пил, не закусывая, и ругался нецензурно, поминая бывшего президента и все правительство поименно, а потом опять президента, и материл его, так искусно подбирая слова, что алкаши-собутельники краснели от стыда.

На работу же Мелодий выезжал два раза в неделю и, облачившись в одежду защитного цвета, мотался по электричкам кировско-выборгской линии от кольца до кольца как инвалид и герой сначала афганской, потом чеченской войны, выпрашивая денег на протез. Хотя пропил уже столько этих протезов, что обусть в них можно было бы целый полк.

Как по пути выяснилось, звали старуху Евпроксинья, за прокат коляски наливал Мелодий ей стакан водки, такая у них была договоренность. Евпроксинья напиток использовала наружно, оттого была здоровее всех в доме, дожила черт знает до скольких лет и, благодаря недопитой Мелодием водке, еще сто лет жить собиралась. В метро, по дороге до Петроградской, Андрею пришлось возить Мелодия по вагонам, собирая милостыню, иначе проклятый алкоголик ни за что не соглашался знакомить его со старухой. А потом, войдя в азарт, вынудил Андрея мотаться по электричкам еще целый час, потому что с Андреем собирал Мелодий в три раза больше обычного.

— Когда у нас для людей делать будут?! — возмущался Мелодий, пока Андрей вез его от метро «Горьковская» в сторону зоопарка. — У нас все не для людей! Неужто вагон метро чуток пошире не сделать было, чтобы люди нищие в колясках спокойно проехать могли?! Ведь неудобно. Нет! Все у нас не для людей! Эмигрирую к чертовой матери! Там и почище, — он плюнул через борт коляски на асфальт, — и народ побогаче! Опять же демократии побольше. А вообще, Андрюха, повезло нам сегодня. С тобой выгодно работать, есть у тебя коммерческая жилка. Держи!

Мелодий в пол-оборота протянул Андрею горсть мелочи.

— Это тебе за старуху оплата, — отказался тот.

— Слушай, Андрюха, а давай вместе работать, — он с удовольствием спрятал деньги в карман защитной куртки и произвел громадный глоток из бутылки купленного по дороге пива. — Будешь меня по электричкам возить, честное у тебя лицо, доверяют тебе люди свои капиталы. Да ты знаешь, сколько в день заработать можно!! Машину купить можно инвалидную, «Оку». Но ты не обольщайся, работа тяжелая: целый день на ногах, на ногах... И потом, охрана мне требуется, бывает, ханурики всю получку отбирают. Куплю тебе пистолет, будешь моей «крышей».

Мелодий пьянел от пива прямо на глазах.

— Нам бы не встретить с тобой Костика, говорят, у нас на Петроградской объявился. Как ночь, выходит на промысел... Жуть.

— Что за Костик? — не из любопытства, а так, лишь бы поддержать глупый бубнеж, — спросил Андрей.

— Ты чего, о Костике не слышал?.. Костик — это полуживотное-получеловек. Откуда

взялся, неизвестно, но теперь шакалит на Петроградской, как только темнота — он шаст на улицу из подвала, и на помойки — кормиться, или еще где, за кошками по дворам гоняться.

— А что, на людей Костик нападает? — для дальнейшего поддержания пьяного бреда спросил Андрей.

— На людей, такого не слышал. Но увидеть его — страсть! Вместо ног — копыта, как у козла, он этим копытом, если что, так может звездануть, мало не покажется. Его у нас многие видели. Тут специальный наряд из американского зоопарка приезжал, Костика по подвалам и чердакам вылавливал. Они считают, что он у нас тут из одичавших бомжей вывелся. Они там любят редкости, не то что наши — не ценят, что такие Костики в стране живут. А старуху ты не бойся, она, конечно, сумасшедшая, но ты ее не бойся. Правда, она одному Кристинкиному хахалю в рожу кипятком плеснула и другому гантелю на ногу бросила, но ты ее не бойся, если что — беги, она не догонит. Богатство ее откуда, не знаю, но богатая, стерва.

— А Кристина у бабки в гостях бывает? — Андрей осторожно попытался вновь завести разговор на интересующую его тему.

— Тс-с-с!.. — зашипел Мелодий, приложив палец к губам. — Ничего не знаю... Да и вообще, зря я тебя к бабке веду! — вдруг рявкнул он, пьяно вскинув на Андрея лицо. — Кто ты такой?! Может, ты грабитель! А документ у тебя есть?! Есть документ, я тебя спрашиваю?!

«Черт, только этого не хватало. Вот скотина, напился».

— Не-е-е, ты не Андрей никакой, ты... Ты... Капитан Копейкин, вот ты кто!!

Это открытие будто бы потрясло инвалида, он вдруг заржал и швырнул опустелой бутылкой в пробегавшую мимо кошку. Бутылка, ударившись об асфальт, со звоном разлетелась совсем рядом с четвероногим, повергнув его в животный ужас и панику. Кошка рванула через трамвайные пути, скрывшись за деревьями парка.

— Нет, Копейкин, не поведу я тебя к старухе. Хоть режь меня, убивай. Что б я тебя! Грабителя, душегуба!.. И вообще, оставь экипаж, я сам поеду.

Инвалид и вправду взялся крутить колеса, но был уже настолько пьян, что въехал в водосточную трубу, не без помощи направившего его туда Андрея, конечно.

— Видишь, Мелодий, убьешься, давай уж тебя домой доставлю без увечий, целехонького, — сжалился Андрей, вновь берясь за ручки коляски. — А сколько за день заработать можно, если я тебя возить буду? — спросил он, переводя тему.

— Заработать!! Нормально можно заработать. Я к бабке сбегая, коляску возьму, и погнали! — Мелодий повернулся в пол-оборота и нетрезво поднял на Андрея глаза. — А ты кто такой?.. Документ у тебя есть?.. — Андрей не знал, что человека так может развезти от двух бутылок пива. — А-а!! Капитан Копейкин, так бы сразу и сказал.

— Далеко еще?

Мелодий нетрезво повел головой.

— На Съезжинскую, на Съезжинскую заворачивай! Я там и живу. А что, уже завернули? Так, уже проехали. В темноте хрен чего увидишь. А ты чего, Копейкин, смотришь?! Вот же мой дом! А ты думал, где я живу?! Вот здесь и живу...

Проехав темную подворотню, они оказались в мощеном уютном дворике со сквером и фонтанчиком в центре. Фонтанчик, конечно, не работал, но внутренность двора сильно отличалась от большинства дворов Петроградской стороны, если бы не большой помойный бак рядом с фонтаном.

— Вон, вон к тому парадняку рули! — распорядился Мелодий, указав в угол двора.

Андрей остановил экипаж перед дверью.

— Как тащить-то, — он смерил взглядом фигуру инвалида.

— А фиг ли тащить, я сам...

Мелодий откинул одеяло, нетрезво поднялся на ноги и взялся за коляску. Оказалось, что одна нога у него была поджата, создавая иллюзию отсутствия. Андрей смотрел на него, еле сдерживая готовое прорваться негодование. Он терпеть не мог, когда его надували. Хотя надували его или нет, тоже было непонятно, ведь Мелодий и не утверждал, что не умеет ходить.

Несколько мгновений Андрей боролся с душевным порывом дать Мелодию по башке кулаком, но вместо этого добродушно улыбнулся.

— Давай помогу, а то еще с лестницы упадешь.

— Это даже очень может быть.

Они взяли инвалидное кресло за подлокотники и подняли до первого этажа. Мелодий позвонил несколько раз подряд.

— Ну где, старая карга? На свидание, что ли, убежала? Где, зараза старая!!

Он начал неистово барабанить в дверь кулаком. Андрей знал, что старуха-то уж точно инвалидка и со своим увечьем далеко уползти не могла.

— Это ты, Мелодий-пьяница? А с тобой кто, мужик такой? — наконец раздался булькающий старушечий голос из прикрепленного над дверью динамика.

— Со мной?! Никого со мной нет... — проговорил Мелодий, качнувшись вперед, так что ему пришлось опереться рукой о дверь, потом, не отрываясь от двери, оглянулся на Андрея, о котором уже забыл. — А, это!.. Это Копейкин, сослуживец мой... он мне... мы с ним работаем вместе.

Замок щелкнул, дверь открылась. Андрей, одной рукой поддерживая Мелодия, другой толкая перед собой инвалидное кресло, через прихожую вошел в комнату. Старуха восседала в кресле посреди просторной комнаты, повелительно глядя на вошедших. Обстановка помещения была убогая, можно сказать, нищенская, и властная старуха посреди хлама выглядела нелепо.

— Спасибо тебе, матушка, за доброту твою, — заговорил Мелодий, пытаясь поклониться в пояс.

— Заткнись, Мелодий, из-за Марианки тебе экипаж даю! Иначе бы не получил никогда... Марианку благодари!! А это кто с тобой, мужик какой, Юрка, что ли?! — щуря слабые старческие очи, в гневе воскликнула зеленоволосая старуха.

— Здравствуйте, бабушка! — сладким голосом начал Андрей. — Помните, мы с вами в кафе встречались, мы там с Кристиной, внучкой вашей, сидели...

Андрей отпустил локоть Мелодия и сделал два робких шага к инвалидке, чтобы она могла его разглядеть.

— Нет, ты — Юрка, сволочь! Чего, пытаться меня пришел, мужик проклятый?!

— Да эт не Юрка, эт Копейкин, друг мой. Сослуживец мой... — сильно качнувшись вперед, встрял в разговор Мелодий.

Старуха, как и тогда в кафе, сжала кулачишку и с ненавистью потрясла им в воздухе.

— Смотри, мужик!

— Я, бабуля, не мужик, — Андрей решил пойти напролом и, подойдя к старухе ближе, присел и склонился, уперев руки в колени, чтобы быть с ней одной высоты. — Мне позарез

нужно увидеть Кристину. Где ее найти можно?

Старуха молча смотрела на Андрея своими глазищами, открывая иногда рот, как рыба на берегу.

— Вон! — вдруг рывкнула старуха нечеловеческим голосом. — Проваливай отсюда, мужик! Себе, иди себе, проклятый Юрка!! Вон иди, как!.. — от возмущения она путалась в словах и махала кулаками.

Андрей стоял все так же склонившись, без страха глядя на грозную, разбушевавшуюся старуху. Ее зеленые волосы, нарумяненные щеки, наведенные черной краской брови, алые губы... да и весь вид производил впечатление чего-то ненастоящего, необъемного и плоского, старуху словно бы нарисовал кто-то... и оживил зачем-то.

Андрей постоял так еще минуту, глядя на разгулявшуюся старость, потом разогнулся и неторопливо пошел из комнаты. Мелодий последовал за ним. Вслед им неслись старушечьи проклятия.

* * *

Поначалу, до того как появилась старуха, Мелодию туго приходилось без транспорта. Сидеть на панели, поджав ногу, тяжело и холодно. Вечные недруги нищих — насморки и радикулиты — изнуляли плоть, и догадливый Мелодий придумал способ просить милостыню в тепле и комфорте. Возле входа в метро «Василеостровская» Мелодий обнаружил люк.

Дома он сколотил из досок небольшой поддон с дыркой в середине и на следующий день, рано поутру, когда народу еще не так много, пришел к люку, снял крышку, поддон установил сверху на отверстие, водрузил рядом «копилку», была у него такая счастливая кепка для денег, сам по пояс опустился в люк, укрепившись там ногами на металлической ступеньке. Полы куртки закрывали отверстие, и с виду казалось, что половина человека стоит на деревянном поддоне. Уродство такого рода вызывало щедрость меценатов, и в «копилку» сыпались деньги. И хотя погода была прохладная, но Мелодию это было «по барабану»: нижняя половина туловища его нежилась в сыром тепле, а верхняя, вызывая материальное сострадание прохожих, красовалась наверху и, подогретая снизу, тоже не мерзла. Изредка, правда, из-под Мелодия вырывались струйки пара, но спешащие мимо прохожие на странное явление покалеченного организма внимания не обращали.

Иллюзион этот длился целую неделю, и Мелодий, вечерами развалившись на продавленном диване в грязном и затертом халате с гавайской сигарой в зубах, проглядывал автомобильную газету с рекламами иных марок, уже прикидывал в уме, какую из них выбрать?.. Но лафа кончилась неожиданным скандалом.

Как-то днем Мелодий, имитируя полчеловека, скорбными кивками выражая благодарность прохожим за их щедрость и не замечая опасности, которая уже несколько раз прошла мимо него, мысленно представлял свою жизнь в радужных красках, на которые хватало воображения: берег океана, блестящий «мерседес»... Опасность эта в виде трех мужиков в кирзовых сапогах, желтых куртках со строительными касками на головах с растерянным видом уже несколько раз прошла мимо Мелодия. Они внимательно смотрели то в бумагу с планом, то на асфальт вокруг себя. Возможно, они так и ушли бы, не обеспокоив мечтателя, а план бы потом поправили. Но именно в тот момент, когда рабочие

остановились возле беспечного Мелодия, какой-то жалостливый прохожий бросил в кепку инвалиду десятирублевую купюру. Иллюзионист Мелодий молниеносно накрыл купюру рукой, но... шаловливый ветерок оказался ловчее, он выхватил бумажку из-под невымытой ладони и пошелестел ею по асфальту прочь от инвалида. Мелодий рванулся вслед, оголив часть отверстия люка, отчего оттуда вырвался на свободу большой клуб пара. От опытных глаз рабочих это явление не скрылось. Они за руки рывком выдернули Мелодия из люка и навешали ему таких тумачков и пенделей, какие он помнил долго, а потом отвели в милицию платить штраф.

После того случая Мелодий перешел на жизнь кочевую: ездил в старухиной коляске по электричкам. Давали, правда, мало, совсем мало, но жить кой-как было можно и даже хватало на взносы в Союз нищих Санкт-Петербурга. Зато потом можно было выпросить матпомощь или съездить в санаторий за полцены в Коктебель или поближе, в Комарово... Но в последнее время фиг какие путевки давали, начальство само ездило. Обнищал союз. Вот раньше были времена! В перестройку народ прямо как озверел от благотворительности, подавали тогда нищим направо и налево все, кому не лень, и обогатились многие, дач себе понастроили, квартир, машин накупали. Да и Союз нищих процветал, приобрел Дом нищего, где можно было отдохнуть после работы, посидеть в ресторане, поиграть в бильярд... — словом, оттянуться. Тогда, чувствуя наживу, в союз полезла всякая шваль. Пару дней, бывает, посидел с поджатой ногой на панели — и уже в союз лезет, от проституток валютных отбоя не стало, даже поэты, книжки свои на Невском продававшие, просились, но их пинками выгнали.

В подавляющем большинстве в союзе состояли старухи предсмертного возраста и старики такого помоечного вида, что при их появлении хотелось почему-то чесаться. Конечно, далеко не все они соответствовали возрасту: многих приходилось искусственно старить, в этом помогали имиджмейкеры, работавшие при Союзе нищих. Они трудились индивидуально над внешним видом каждого нищего, причесывали его и припудривали, чтобы хоть на нищего походил, редактор из дружественного Союза писателей редактировал таблички с просьбой о помощи.

Был у них председателем в союзе один иллюзионист, личность в нищенских кругах знаменитая. Он как-то эдак устанавливал в своей инвалидной коляске зеркала, что если в нее сесть, то ноги становятся невидимыми, как будто и нет их. У него дела в перестройку шли лучше других, а потом, когда все изменилось, уехал иллюзионист в Германию. Но и там не пропал, по слухам, женился на кинозвезде и показывает там фокусы простодушным немцам. Вообще, люду разного много было.

Имелись своя поликлиника и пошивочное ателье. В перестройку больничные койки не пустовали, врачи-хирурги трудились круглосуточно, не покладая рук ампутируя членам союза конечности. Кому руку оттяпают, кому — ногу. Нищий без конечности выглядит жалче, и те, кто успел вовремя ампутироваться, зарабатывали дай Бог каждому. Самые до денег жадные и руки, и ноги себе отрезали. А несколько мужиков, совсем увлекшись всеобщими хирургическими вмешательствами, после ампутаций членов так и вовсе пол себе в женский переделали. Потом, правда, опомнились, да теперь уж ничего не поделаешь. Думали, всегда такая лафа будет... После работы сауна с девочками, массаж расслабляющий, опять же на дачку в Комарово...

Но процветание в прошлом нынче выглядело безрадостно и убого. После того, как Дом нищего сгорел и правление союза стало мыкаться по разным местам, снимая за валюту,

Христа ради, помещения то в Доме журналиста, то в Белосельских-Белозерских, а то еще где, дела нищих пошли совсем плохо. Установились жесткие рыночные отношения, конкуренция. На улицы вывалили бывшие партработницы и сталинистки, оборотистые старухи животноводы или, как их еще называли, «живодеры»: набрав бездомных кошек и собак, просили денег на их пропитание. В прошлом комсомольские лидеры, старухи валютчицы в русских цветастых платках кротко вымогали милостыню на английском, французском и немецком языках в местах скопления интуристов. Все завели себе бандитские «крыши», и мордатые узколобые парни гоняли членов союза с хлебных мест пинками, так что пришлось им перебираться на периферию. В стране началась управляемая рынком демократия.

Да вот, мало горя — новая беда: стали в Союз нищих наведываться агенты из налоговой инспекции с налоговыми декларациями, и спать нищие совсем перестали. Теперь, если без удостоверения и квитанции об оплате подоходного налога тебя на панели застукали, плати штраф. Вот и драпалял Мелодий, что было мочи, от подозрительного мужика с внешностью налогового инспектора.

* * *

Помимо Мелодия и Андрея, за грязным, заставленным невымытой посудой столом сидел еще один неопрятного вида мужчина с остатками рыжих волос по краям головы и с саркастическим взглядом, большой любитель возразить. Что бы ни говорил Мелодий, а он говорил много, рыжий на все находил возражения и выдвигал свою версию. Как его имя, Андрей не запомнил, может, поначалу запомнил, но потом забыл накрепко. Андрея Мелодий представил как своего друга Копейкина.

— А у меня друга убили, — сказал рыжий, наливая еще водки. — Хороший человек был, имелась у него присказка такая: «то-се» любил говорить, как чего скажет, обязательно добавит: «то-се». Хороший человек был, бомж с большой буквы. Парамоном звали. Зверски убили...

— Если зверски, тогда понятно, — перебил Мелодий. — Дело сейчас обычное — бомжей уничтожать. Это боевики из Общества защиты животных стараются, за то, что бомжи кошек и собак едят. Общество защиты животных наняло чеченских боевиков, они бомжей выслеживают и убивают зверски. Ты, Копейкин, водку-то слабо пьешь, — заметил Мелодий. — Ты налегай на водку-то. Ты ее не эконошь, еще купим.

Андрей нетрезво пожал плечами, он не принимал участия в разговоре.

— То, что Общество защиты животных лютует, это я знаю. Но здесь не то совсем. Здесь страшнее намного. Тут Парамон не один пострадал, если бы один — дело другое, тут вообще мистика какая-то. Первый следователь, это дело раскрывавший, утопился, второй сошел с ума. Так что дело это непростое, говорят, Парамон в таких муках умирал, что лицо у него этак все перекошено было.

Рыжий старательно скорчил гримасу непонятного содержания, которая могла обозначать все что угодно, даже восторг.

— Зубы, наверное, сверлили — предположил Мелодий. — Почерк похож на Общество защиты животных, они тоже поначалу бомжей пытаются: сколько кошек, сколько собак съел, это им для статистики нужно. А уж потом только — того. Точно, Копейкин?

Андрей, уже привыкший к своей новой фамилии, кивнул.

— Не-ет! — по обыкновению, не согласился рыжий. — Это на ритуальное убийство похоже.

— А что, если парнокопытный людей мучить начал? Чтобы вспомнить чего-нибудь.

— Нет, он что, он глупое животное с копытами. У него только голова да руки человеческие, а так обычный кентавр. Точно, не Костик.

Снова налили водки, выпили, запили пивом. Андрею отчего-то взгрустнулось, он опустил голову на руки и закрыл глаза.

— А я так слышал, что Костик из родника воды напился, — сквозь сонную муть слышался голос Мелодия. — Родник этот, как рассказывают, из-под земли в подвале бьет. Вода в нем прозрачная да пахнет так приятно, что сил нет, хочется ее напиться. А как глоток сделаешь, так у тебя память и отшибает — ничего не помнишь и даже как тебя зовут не знаешь. Говорят, только в одном-единственном подвале такой ключ на поверхность выходит, а потом снова под землю, и там, под землей, образуется река полноводная. Ну, знаете, подземные реки бывают, вот и здесь то же самое. И течет она далеко, чуть не через весь земной шар.

— Про родник этот я слышал, да все это фантастика научная, — дав досказать, усомнился рыжий. — Это от старости дома глюка. Ученые доказали, что как только дому старому за сто пятьдесят лет перевалит, так у него испарения вредные из фундамента начинают выделяться. У нас город-то на болоте стоит — испарения и выделяются. А человек, испарений этих нанюхавшись, глючить начинает, и кажется ему, что родник из-под земли бьет, что духи всякие летают... А это все галлюцинации от вредных испарений. Это давно учеными доказано.

«Может, там труба прохудилась, вот и бьет родник», — подумал Андрей, но говорить вслух было лень.

— А родник этот у нас тут, на Петроградской, говорят, где-то на Подъяческой в подвале. Ну, выпьем, что ли?

— Да глюки это все, — снова повел свою линию рыжий. — Самые обычные глюки, дом старый испарения выделяет.

Мелодий выглядел трезвее окружающих, и чем больше пил, тем больше трезвел. Это была его удивительная особенность: то с малого количества вдруг пьянет мгновенно, то пить больше всех и трезветь только. Они выпили еще. Но это Андрей же был как в тумане, голова совсем отключилась, он, конечно, слышал дальнейший разговор, но уже не понимал, о чем речь. Потом Мелодий с рыжим ушли за добавкой, обещали привести женщин, предупредив, что они уже ничего не могут и вся надежда на Андрея. Андрей еле поднялся из-за стола, тело его вело из стороны в сторону. Сделав несколько шагов к дивану, чтобы удержать равновесие, схватился рукой за крышку комода, дверца его, слабо прикрытая, вдруг с грохотом открылась, и Андрей увидел бледную женщину лет тридцати пяти, она лежала в комоде и не шевелилась.

— Елы-палы!! Это ж труп!

Глава 3

Гримаса черного юмора

Григорий Иванович Крылов сидел в своем кабинете на втором этаже до девяти вечера, когда все сотрудники уголовного розыска уже разошлись и только внизу оставался дежурный

наряд. Надо же так случиться, что первое дело, которое ему досталось, — стопроцентный глухарь... два глухаря. Ни одного свидетеля, ни одной зацепки. Обе жертвы умерли в мучениях насильственной смертью.

Версия ограбления отметалась первой: у обеих жертв взять было нечего — бомжи, селившиеся в подвалах и ночлежках. Обе жертвы были найдены ранним утром лежащими на набережной Невы. На теле не имелось следов насилия, только мышцы тела окоченели в напряжении, и лица... лица были невероятно искажены, это было странное сочетание гримасы ужаса, смешанной с радостью. Словно бы человеку перед смертью было страшно и смешно одновременно. Крылов видел такое впервые и про себя назвал «гримасой черного юмора».

Результаты вскрытия показали уж совсем странные вещи...

Крылов перевелся в уголовный розыск из Управления по борьбе с экономическими преступлениями. Его всегда тянуло работать в уголовном розыске, с детства, но жизнь сложилась иначе, и вот — повезло... И сразу два глухаря. Первое убийство было совершено несколько месяцев назад до его прихода в уголовный розыск и повисло на отделе мертвым грузом, о нем он знал по фотографиям и по отчетам капитана уголовного розыска Скворцова, вышедшего месяц назад в отставку.

О Скворцове говорили разное: одни считали его превосходным служакой, раскрывшим десятки дел, другие, не отрицая положительных его качеств, утверждали, будто на этом последнем деле он надорвался и даже тронулся умом и что на пенсию его отправила психиатрическая комиссия. Разбирая его отчеты, Крылов думал о том, что психиатрическая комиссия приняла взвешенное решение: протоколы и отчеты были крайне запутаны, складывалось впечатление, что Скворцов умышленно или неумышленно пытался запутать дело, увести его в какой-то абсурд.

Никаких зацепок... В обоих случаях фигурировал только один человек — Яков Афанасьевич Фетисов, с ним, пожалуй, стоило поговорить отдельно.

Григорий Иванович сдал ключи и, попрощавшись с дежурным капитаном, вышел на улицу. Промозглая погода ранней петербургской весны навевала тоску, мерзко было не только на улице, но и на душе. Остатки мокрого снега хлюпали под ногами. Крылов направлялся к набережной Невы. Неторопливо пройдя через Марсово поле, перешел проезжую часть и остановился с левой стороны от Троицкого моста. На другой стороне Невы, озаренная мутными световыми пятнами фонарей, громоздилась Петропавловская крепость. Григорий Иванович любовался открывающимся видом, который видел уже тысячи раз, но каждый раз по-новому. Этот всегда мрачный город поражал его, вызывая противоречивые чувства любви и отвращения.

Рядом с мостом располагался гранитный спуск к воде, там и был найден второй труп. Григорий Иванович, ежась от ветра, спустился к тому месту. Неподалеку от спуска, на льду под мостом, сидел рыбак. Сюда, под мост, с трудом достигал свет от фонарей с набережной, и его темная фигура в сумерках казалась огромной, неживой, как вбитая в дно свая. Крылов знал, что застанет его здесь в этот час. Рыбак сидел не шевелясь. Следовательно постоял некоторое время на гранитном спуске, с непривычки опасаясь выходить на лед, потом, осторожно ступая, подошел к рыбаку.

— Яков Афанасьевич!

Рыбак никак не отреагировал. Следовательно тронул его за плечо. Рыбак вдруг вскочил и, отступив назад, сорвал с головы наушники, надетые сверху на вязаную шапку.

— Кто здесь?!

— Простите, я вас напугал, — извинился Крылов.

В руке рыболова зажегся фонарик, он рассмотрел сощурившегося следователя.

— Ах, это вы, — смутился Яков Афанасьевич. — Сразу не признал, помню, что из розыска уголовного. Зовут как, извините...

— Григорий Иванович. Я, честно говоря, не думал, что вы меня вообще вспомните.

— Я лица хорошо запоминаю, — признался Яков Афанасьевич. — А вы, значит, прогуливаетесь?

— Да вот, после работы решил подышать да посмотреть заодно, как у вас рыбка клюет.

Яков Афанасьевич окинул его взглядом.

— Пальтишко у вас больно дохленькое для прогулок, еще и без шапки, а рыбка клюет паршиво. Какая уж тут, в Неве, рыбка, одна кабзда непристойная.

— Почему тогда ловите?

— А это загадка природы — почему человек ловит. Вы ведь тоже ловите, правда, не рыбку... Ладно, говорите, зачем пришли. Вас ведь другая рыбка интересуется.

Рыбак усмехнулся. В темноте лицо его трудно было разглядеть, из-под вязаной шапки поблескивали только глаза; ростом он был выше Крылова, на целую голову выше. Что-то вдруг кольнуло в душе следователя, ему сделалось неприятно и тоскливо, захотелось домой.

— Ну, что отмалчиваетесь, небось по поводу того жмурика притащились. Да я уж все рассказал, все запротоколировано, подписано...

— Это правда, что все запротоколировано, — поежился от холодного порыва ветра Крылов. — А вы тут что, всю ночь сидите? — Крылов посмотрел на пустую, слабо освещенную набережную и добавил: — Небось страшно.

— Да не темните Григорий Иванович, и так темнота кругом. Что, пришли сказать, что странной смертью он помер? Что не умирал так никто раньше?

— А вы почему думаете, что странной? — спросил Крылов, доставая сигарету и закуривая.

— Дак, то ж на его рожу взглянуть было достаточно, такая гримаса в ужасном сне не приснится. А ночью я здесь не сижу. Я как раз сейчас домой собирался. Хотите, пойдете вместе, по пути поговорим.

Яков Афанасьевич сложил свои странные нерыболовные принадлежности в ящик, на котором сидел, повесил его на ремне через плечо, и они вместе поднялись на набережную.

— Я на той стороне живу, рядом с мечетью. Если не торопитесь, можем пройтись.

— У меня почему-то такое чувство, что вы не все сказали, — когда они шли по мосту, проговорил Григорий Иванович, подняв воротник осеннего пальто.

— Да нет, все. Пришел утром, а он вон там, скрюченный, на ступеньках с физиономией перекошенной лежит.

— А по поводу первого.

— Какого первого?.. Ах, этого!.. По поводу первого я ничего и не видел, а то, что меня у лунки застали, так это случайное стечение...

У Крылова появилось странное предчувствие, что рыболов говорит не все, не врет, это всегда чувствуется, а недосказывает, и хотя он был уверен, что ничего нового сверх протокола узнать сегодня не удастся, но все же шел с ним через мост в другую сторону от своего дома.

— А может быть, видели кого-нибудь, припомните.

— Да мало ли гуляк по набережной бродит, и потом, я делом занят, некогда мне по сторонам пялиться.

Некоторое время шли молча.

— Некогда, я понимаю, — вдруг сказал Крылов, продолжая начатый разговор. — А ведь вы не рыбу ловить ходите.

Он искоса следил за Яковом Афанасьевичем.

Тот хохотнул, как-то нервно вскинув голову, и поправил на плече ящик.

— А вы наблюдательны. Вы, следователи, наверное, все такие наблюдательные.

— Не все. Бывают и такие, которые совсем ненаблюдательные.

— А отчего человек-то умер? То, что его убили, я и сам догадался, иначе меня бы так не мурыжили с протоколами.

— Несчастный случай, — проговорил Крылов, доставая новую сигарету и прикуривая на ходу.

— Да уж, несчастный, — ухмыльнулся Яков Афанасьевич. — А вы не подумали, что смысла убивать бомжа никому не было.

— Почему убивать, Яков Афанасьевич?! Я же говорю, несчастный случай во время почечных колик, оттого и страдание на лице. Боль, знаете, какая?! Сердце отказало. У бомжей тоже сердце имеется.

Яков Афанасьевич, снова запрокинув голову, хохотнул гортанно. Он явно нервничал, и это не укрылось от наблюдательного Крылова.

Следователь изредка косился на своего попутчика и видел, что тому что-то хочется сказать, просто сил нет, как хочется, но он изо всех сил сдерживается.

— Колики, — вдруг сквозь зубы выговорил он, резко остановился и повернул лицо к Крылову. — Колики!

Они остановились под фонарем, и Крылову хорошо было видно изрезанное глубокими морщинами лицо Якова Афанасьевича. Таких живописно морщинистых лиц он, пожалуй, не видел никогда, тем более что Яков Афанасьевич был человеком еще не старым... Или, быть может, так падала тень?

Он несколько мгновений смотрел на следователя в упор. Что-то важное готово было сорваться с его губ, Крылов чувствовал это и не торопил.

— Ладно, колики так колики, — махнул он рукой и двинулся дальше своим размашистым шагом.

И следователь понял, что мгновение упущено.

— Да, а дело закрываем, — бросил он, уже не надеясь на удачу, так только, для проформы. — Холодновато сегодня... Предыдущее дело, по которому вас вызывали, тоже, кстати, закрыли.

Яков Афанасьевич ничего не ответил, до конца моста они шли молча, и, только когда подходили к Петропавловской крепости, Яков Афанасьевич, нервно хохотнув вдруг, не останавливаясь, повернул голову к Крылову и сказал:

— А хотите скажу, как их убили?

Крылов на мгновение потерялся, не зная, что ответить. А если снова спугнешь?

— Ну-у-у, скажите, — как можно безразличнее проговорил он.

Яков Афанасьевич снова захохотал гортанно.

— Их защекотали... Защекотали до смерти. Угадал?!

Яков Афанасьевич остановился, остановился и Крылов. Они так и стояли друг против

друга на слабо освещенной набережной.

— Ну, допустим, — проговорил Крылов, — хотя совершенно не представляю, как это можно сделать...

Яков Афанасьевич ухмыльнулся злорадно, видно было, что он сейчас торжествует, и Крылов не стал разочаровывать его, напустив на себя растерянный вид.

Яков Афанасьевич склонился над ним, тень сейчас падала так, что вместо глаз оказались две черные дыры, и удивительно, но создавалось впечатление, что он глядит этими дырами, и глядит словно из другого мира.

— И это только начало...

Крылов с внутренним трепетом глядел в эти черные провалы, он не боялся, это был не страх, это было что-то другое — больше чем страх, что-то первобытное.

— А хотите скажу, кто это сделал?

Такого поворота Крылов совсем не ожидал.

— Хочу, — проговорил он тихо.

— Тогда пошли.

Яков Афанасьевич широко шагал по темной аллее парка к видневшейся сквозь голые деревья мечети. Следователь еле поспевал за ним, и нелепо выглядела со стороны эти спешащая куда-то в темноте парочка.

Глава 4

Городу грозит беда

Яков Афанасьевич жил за зданием мечети, в большом дворе со сквером. Казалось, что дом этот является продолжением мечети: слишком плотно сомкнулись их стены. По темной лестнице они поднялись до второго этажа. Крылов цепким взглядом отметил для себя, что вряд ли кто-нибудь видел, как они прошли в квартиру — сюда без труда можно было попасть незамеченным. Металлическая дверь в квартиру изнутри была обита поролоном.

— Проходите, — Яков Афанасьевич пропустил Крылова в темную прихожую. — Не бойтесь, не разбудите никого.

Они шли по коридору. В кухне, мимо которой проходил их путь, горел свет, за столом, как-то механически поднося кружку ко рту, пила чай женщина пенсионного возраста.

— Она глухая, совершенно ничего не слышит, — пояснил хозяин квартиры, бросив взгляд в помещение кухни.

Яков Афанасьевич протянул к двери руку, дверь сама вдруг резко распахнулась.

— Ой, дядя Яша, вы меня напугали, — сказала девушка, выходя в прихожую. — Я тут за вещами заходила... Я домой, послезавтра.

Девушка внимательно посмотрела на Крылова, у нее были вьющиеся, распущенные по плечам рыжие волосы, неестественно белая кожа и курносый нос. Она сняла с вешалки кожаную куртку.

Яков Афанасьевич метнул в сторону Крылова взгляд... Станный взгляд...

Он был явно недоволен неожиданной встречей.

— Это племянница моя, — бросил он, входя в комнату.

Крылов, рассеянно кивнув девушке, вошел вслед за ним.

Комната была около двадцати метров, но казалась меньше из-за того, что была загромождена мебелью. Четвертую часть ее занимал концертный рояль погребального цвета,

на нем в совершеннейшем беспорядке теснились телевизор, приемник, стопы книг... Большой старинный буфет красного дерева, когда-то презентабельный, но теперь с ободранной местами фанеровкой, выглядел убого. В углу старая кровать с железными спинками, стол, заваленный грязной посудой и книгами, всюду царил холостяцкий беспорядок.

— Вот сюда садитесь, — Яков Афанасьевич сбросил со стула брюки на кровать. — Один живу, порядок навожу редко, с тех пор как умерла жена...

— А отчего жена умерла? — спросил Крылов, он не знал, почему задал этот не слишком тактичный вопрос, сам собой вырвался.

— Жена?.. Умерла... ну отчего люди умирают, от болезни, наверное... Отчего же еще! — Яков Афанасьевич растерялся. — Может, чаю?

— Да нет, спасибо. — Крылов присел на стул. Яков Афанасьевич не садился, он стоял рядом со следователем и молча и внимательно на него смотрел.

— Курить у вас здесь можно? — спросил Крылов, озирая бардак помещения. Хозяин комнаты кивнул. — Ну... вы мне хотели что-то сообщить, — закурив и выпуская струюку дыма, проговорил он как можно безразличнее.

— Сообщу, — сказал Яков Афанасьевич, усаживаясь на стул напротив. — Сообщу, только как вы к этому сообщению отнесетесь, не знаю...

— Отнесусь как-нибудь. Да что мы с вами, Яков Афанасьевич, в кошки-мышки играем, давайте начистоту.

— Ну, давайте начистоту, — тон его снова, как на мосту, сделался злым и вызывающим. — Только вы вперед, начистоту-то. Так что, защекотали их, или все-таки колики замучили?..

Крылов глубоко вздохнул.

— Ну, если начистоту... — он на мгновение замялся, зачем-то стер пальцем со стола пыль. — То эксперты установили, что умерли они от удушья, вызванного конвульсиями и судорогами. И вполне возможно, что их кто-то защекотал. Другого объяснения наши специалисты не нашли. Вы сами должны понять, почему я вам сразу не сказал...

— Понял, понял я! — победоносно проговорил Яков Афанасьевич. — Так я и думал... — он вновь запрокинул голову и хохотнул нервно, как недавно на улице. — Так я и думал! И следов никаких?

— Теперь я жду от вас откровенности, — проигнорировав последний его вопрос, сказал Крылов. — Откуда вы узнали? И что хотели мне сообщить?

Некоторое время Яков Афанасьевич молча смотрел в глаза следователя.

— В это трудно поверить... Но есть вещи, которые существуют помимо того, верят в них или нет. И если не верить, то это может грозить большой бедой. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Не очень, — признался Крылов. — Но интересно, продолжайте, пожалуйста.

Яков Афанасьевич встал, подойдя к роялю, взял с его крышки какую-то старинную книгу, сел на прежнее место.

— Еще мой отец занимался этим опасным делом, — начал он, так и не открывая книги, лежавшей у него на коленях. Крылов попробовал прочесть ее название на корешке, но не удалось. — Я скажу вам, вы мне верьте, если даже это покажется невероятным. Я, как и мой отец, уже много лет занимаюсь русалковедением. Они существуют.

Последнюю фразу Яков Афанасьевич проговорил, понизив голос, наклонившись вперед

и сделав круглые глаза. Что-то комическое промелькнуло в этом движении, так что Крылов готов был рассмеяться.

— Русалки существуют?

— Да, в Неве водятся русалки. Самые настоящие русалки. Вы же понимаете, я не рыбу ловлю, я много раз слышал их. Вот посмотрите! — он открыл книгу, которую держал в руках, и протянул Крылову. — Вот они!

Крылов с интересом перелистывал страницы старинной книги с дивными иллюстрациями, изображавшими русалок, водяных и прочую нечисть. И, листая, думал Крылов, что, пожалуй, напрасно пришел сюда среди ночи — на сей раз чутье ему изменило, и перед ним явно человек с приветом... Хотя в пору поголовного увлечения эзотерикой и нечистью это скорее приветствовалось продвинутым обществом и считалось делом неувидительным, но к убийству не имело никакого отношения.

— Теперь вы поняли? — Яков Афанасьевич смотрел на него уже как на своего сообщника по болезни.

— Да, понял. Но при чем здесь?.. Ах, ну да, вы полагаете, что русалки их...

— Конечно! Бывают такие ночи, когда утопленницы выходят на набережные Невы, и горе попавшемуся у них на дороге...

— «Защекочут до икоты и на дно уволокнут», — процитировал Крылов слова известной песни. — Но, позвольте, — полистав книгу, он нашел нужную картинку и показал Якову Афанасьевичу. — Ведь русалки, если не ошибаюсь, с хвостами, как же они по набережным за прохожими гоняются?

Яков Афанасьевич даже не взглянул в книгу, он несколько секунд настороженно вглядывался в глаза Крылова.

— Вы мне не верите, — мучительно вымолвил он свою догадку. — Вы мне не верите...

— Ну, отчего же не верю, отчасти это очень даже преинтересно, во всяком случае, неожиданный и парадоксальный поворот в деле. Только вы объясните, как они с хвостами-то, ну, за прохожими... - он потряс книгой. — Ведь не получается никак.

— Вы действительно ничего не знаете о русалках?

— Действительно ничего, абсолютно ничего и, честно говоря, не уверен, хочу ли что-нибудь знать. — Крылов захлопнул книгу, положил ее на стол и поднялся. — Уже поздно, мне пора.

— Пойдите, хотя бы выслушайте сначала!

Яков Афанасьевич вскочил, и показалось Крылову, что он вновь задел какую-то очень важную для хозяина тему, но это уже не имело значения.

— Я занимаюсь расследованием убийств, Яков Афанасьевич, — очень веско и серьезно проговорил Крылов, — а вы пытаетесь приплести сюда всякую нечисть. Извините, мне пора.

Он протянул ему руку.

— Ну подождите вы! Ведь это правда! Понимаете вы!

— Я, Яков Афанасьевич, во всякую чертовщину не верю. Может быть, она и есть где-нибудь, но меня это не интересует. До свидания.

Крылов, так и не дождавшись рукопожатия, повернулся и пошел к двери. Но Яков Афанасьевич, обогнав, попутно схватил с крышки рояля пачку каких-то фотографий и, преградив следователю дорогу, протянул ему.

— Вот, посмотрите. Эти фотографии мне удалось сделать в позапрошлом году в белую ночь.

На фотографиях следователь увидел пустынную набережную Невы, а на ней трех обнаженных девушек. Лиц их было не разглядеть, длинные волосы развевались на ветру, фигуры у них были так себе, и чем-то они действительно походили на девушек-утопленниц из сказок.

— Видите, видите, мне удалось заснять их, но потом они, воя и матерясь, гнались за мной до самого Дворцового моста, мне чудом удалось спастись... Знаете, как было страшно!.. После этого я три недели не подходил к Неве. У меня и сейчас стоит в ушах этот вой...

Крылов протянул ему фотографии. Он и сам не заметил, как хозяин комнаты подвел его к стулу и усадил на место.

— Хорошо, — черт знает почему согласился Крылов. — Давайте, но только короче, пожалуйста.

— Я вас долго не задержу, — он тоже уселся на свое место. — Я давно уже занимаюсь русалководением, этим занимался еще мой отец, оставивший множество записок и ученых трудов по этому поводу. По моим наблюдениям, в Неве живет от десяти до тридцати русалок.

— Женского пола? — уточнил следователь немаловажную деталь.

— Да, женского... ну, разумеется, женского, — не заметив иронии, подтвердил он. — В старинных книгах о строительстве Петербурга встречаются упоминания о живущих в Неве русалках, где приводятся многочисленные несчастные случаи с ночными гуляками, погибавшими от «ласк» водяных дев. Защекатывали они подгулявших молодцов насмерть, иных, заманив в студеную неводскую пучину, навалившись всем мертвецким гуртом, топили, иных попросту по темени камнем оприходовали. Петр, охочий до редкостей, велел изловить одну такую зловредную русалку для Кунсткамеры. Специальные ловцы русалок ночами сидели в засадах на берегах Невы, но хитрые речные девы никак не хотели попадаться в расставленные сети, спустя год только изловили один захудалый экземпляр. Экземпляр этот в огромном аквариуме прожил недолго, то, что русалки в неволе не живут и не размножаются, доказано наукой. После чего было сделано из русалки чучело и выставлено в Кунсткамере на всеобщее обозрение, о чем в описи музея того времени под номером 321 числится: «Чучело русалки». Я сам видел эту запись. Хранилось это чучело до войны, до самой блокады Ленинграда, в дальнейшем следы его теряются. По сохранившимся документам, чучело рассыпалось от перемены температур, но, скорее всего, из нее просто сварили суп, сами понимаете, блокада, голод... это же, можно сказать, в некотором смысле сушеная рыбина была.

— Ну и что, что вы хотите мне доказать этим экскурсом в историю петербургских мифов? — перебил Крылов. — Что этих несчастных божьих русалки защекотали, что ли?..

— Сейчас, одну минуточку, сейчас я докопаюсь до этого, только вы меня не перебивайте, — попросил Яков Афанасьевич. — Дело в том, что есть ночи, в которые нежить становится наиболее активна. Просто совершенная жуть! Для того, чтобы вы поняли, поясню, что русалки бывают с рыбьим хвостом — это те, которые родились русалками, и обычные, двуногие, — это покончившие с собой утопленницы. Многие девушки из-за несчастной ли любви или по какому другому случаю сводили счеты с жизнью, бросившись с моста в Неву. В мрачном и темном Петербурге это дело обыденное. Он, как никакой другой город мира, располагает к самоубийству. Считается, что та, чье тело не было найдено, стала русалкой. Раньше, в старые времена, была одна такая неделя, когда русалки

выходили из воды и нападали на прохожих. Эту неделю называли русаличьей, которая следует за троицкою неделей. Теперь все не так, теперь экология и климат изменились, изменился химический состав воды, радиация опять же. Последние годы утопленницы просто озверели, круглый год за людьми охотятся. Но мало того — они живут среди нас... И это самое страшное, утопленницы могут по несколько лет жить среди людей... Вот что я действительно понять не могу, так это то, как они температуру тела до нормальной человеческой у себя поднимают? Ведь они утопленницы, следовательно, температура должна быть... Все это только на первый взгляд кажется фантастическим. Поверьте, я занимаюсь русалководением давно, у меня имеется множество записей их голосов. Почти каждую ночь я сижу на Неве и видел, и слышал такое!.. Они, конечно, знают обо мне и ненавидят меня, потому что я проник в их тайну. А батюшку моего они выследили и заманили в пучину вод, когда я был еще маленьким. И послушайте меня, многие беды ждут жителей Петербурга, если вы как представитель закона не примите меры. Нежить зла, хитра и способна на многое... Они годами могут жить среди нас...

— Жить-поживать... Какие же меры? Что я, по-вашему, должен с подводным ружьем в Неву нырять за русалками?.. Бред какой-то!

— Глубинные бомбы! Нужно прочесать глубинными бомбами всю акваторию Невы, тогда вы увидите, сколько нежити всплывет.

— Русалок, колюх и водолазов... — грустно проговорил Крылов. — Вы обратились не по адресу, я только лишь следователь. Вам в Министерство обороны нужно.

— По адресу, — глаза Якова Афанасьевича зло сузились. — Вам они поверят, а я кто? Обычный русалковед, а вам поверят. Поймите, в них опасность для города, они подтачивают мосты, не говоря уж о защекоченных насмерть. Подумайте сами, кому нужно было защекатывать бомжей? Ну, кому?! — потому как Крылов молчал, Яков Афанасьевич продолжал, возбуждаясь: — Этих несчастных они оставили на набережной, но это не единственные их жертвы, они утаскивают их под воду. Идет человек по набережной, глядь, откуда ни возмись голые девицы обступают его с хохотом, тащат к воде и... бултых, топят... Вот!

Перед Крыловым сидел человек, одержимый фантастической идеей, и, скорее всего, поэтому или из-за того, что была уже ночь и ужасно хотелось спать, но моментами он вдруг поддавался убедительным речам Якова Афанасьевича, и начинало представляться Крылову, что все это действительнейшая, чистейшая правда, что все, что он говорит, есть на самом деле, и в Неве кишмя кишат русалки — утопленницы с хвостами, и их нужно бомбами, бомбами... Иначе они всех перетопят, защекочут...

— Все это очень интересно, — после минутного молчания начал Крылов. — Но, по моему мнению, сказанное вами не имеет никакого отношения к убийствам. Впрочем, спасибо за то, что вы пожелали помочь следствию, если потребуется, мы вас вызовем.

Последнюю фразу он проговорил по инерции, он уже понимал, что от русалковеда следствию проку никакого не будет.

Крылов поднялся. Поднялся и Яков Афанасьевич, он был уже совершенно спокоен, глаза его сузились и казались щелками на морщинистом лице.

— Ну что ж, верить или не верить — ваше дело. Но если вы меня не слушаете, город ожидает большая беда. Впрочем, как знаете.

— Послушайте, Яков Афанасьевич, а почему русалки вас до сих пор не защекотали и на дно не уволокли? — спросил Крылов, надевая в прихожей пальто. — Ведь вы целые дни на

льду проводите, неужели не страшно? А как они лед подгрызут!..

— Вы, конечно, иронизируете, я понимаю, — серьезно проговорил Яков Афанасьевич, он запустил руку в карман висящего на вешалке пальто и достал сухую полуосыпавшуюся веточку и протянул Крылову. — Вот почему меня не трогают.

— Русалкополох?

— Это ветка полыни, самое эффективное и единственное, что по-настоящему страшит русалок. Возьмите — ночь, вам по набережной возвращаться, мало ли что.

Яков Афанасьевич вложил в руку Крылова сухую веточку. Крылов криво ухмыльнулся, сунул ее во внутренний карман пальто и пошел к выходу. Несмотря на поздний час, из соседней двери вышла старушка, которую Крылов уже видел, проходя мимо кухни.

— Здравствуйте, — сказал Крылов, но старуха, не ответив, прошла мимо в туалет и закрылась.

Яков Афанасьевич вышел вслед за следователем на темную лестницу.

— Помните мои слова, — пожимая ему руку, сказал он. — Город ждет большая беда.

Глава 5

Покойники хорошего человека не покусуют

Андрей со стоном перевернулся на живот, открыл глаза, поднял свинцовую голову от подушки и тут же бессильно опустил ее на место. «Господи, как пить хочется, сдохну сейчас...» Но подняться не было мочи, проще было умереть. Полежав еще некоторое время и поняв, что смерть не придет еще долго, Андрей, сделав усилие, оперся на локоть и осмотрелся. Комната, в которой он оказался, была совершенно ему незнакома. Убогая обстановка жилища предполагала, что обитатель его стоит, вернее, лежит (вероятно, это он в майке и трусах, раскинув руки, лежал на полу возле стола) на низшей ступени общественного благополучия. Впрочем, благополучия здесь и в помине не было. Все было старым, негодным и задрипанным. Поднявшись с дивана, на котором он спал в одежде и без одеяла, зато с подушкой, правда, без наволочки, он подошел к заставленному пустыми бутылками столу и, обнаружив початую бутылку пива, допил ее из горлышка. Полегчало. В лежащем на полу человеке признал Мелодия, снова лег на диван. Алкоголь оказал благотворное воздействие на память. Вспомнил он, как они с Мелодием после посещения старухи пошли к нему в гости, выпивали в компании еще одного приятеля Мелодия... на этом память утыкалась в черную стену и дальше не шла.

Мелодий захрипел, перевернулся на живот, поднялся на четвереньки, постоял так, глядя по сторонам, потом медленно выполз из комнаты и закрыл за собой дверь.

— Допился, — сказал негромко Андрей и, не узнав своего голоса, добавил: — И я допил.

Он встал, подошел к окну. Дворик, который он видел вчера впотьмах, при дневном свете выглядел еще более привлекательно. Какой-то неприметного вида человек в сером пальто и кепке того же цвета читал газету, сидя на скамейке в углу двора.

— Выпить есть? — Андрей опустил глаза. Пока он глазел во двор, неслышно подполз Мелодий.

— Нету.

— Сейчас опохмелимся — и на работу. Помогите подняться, любезный.

Весу в Мелодии оказалось совсем немного. Андрей без труда поднял его и поставил на

ноги. Тот глянул в окно и поморщился.

— Это окно бабки, что ли? — спросил Андрей.

— Какой бабки?

— Ну, какой-какой, у которой мы колесницу брали.

— Колесницу?! Служай, а правда, что вчера милиция приходила, или мне приснилось? — А ты, вообще, сам-то откуда взялся, помню только, что у тебя фамилия какая-то денежная...

— Никакая не денежная, Андрей меня зовут, а познакомились мы в метро, я тебя по вагонам возил милостыню просить, мы кучу денег заработали.

Мелодий сморщил нос и почесал в затылке.

— По похмелью чувствую, что кучу. Ладно, разберемся как-нибудь... Давай так, я к бабке за деньгами сбегаю, потом ты за пивом сгоняешь.

Когда Мелодий ушел, Андрей сел на диван и задумался, в организме было распаршиво, как никогда в жизни. Его бесцельный взгляд наткнулся на большой старый комод в углу. Комод был особенной конструкции: не с ящиками, а с одной большой дверцей, откидывающейся, как у секретера. Сверху на нем была наставлена грязная посуда, чугунный утюг, комок несвежих простыней. Андрей глядел на комод, мучительно силясь вспомнить что-то. В голове вспыхивали события вчерашнего вечера. Тревожно и тоскливо сжалось сердце. Он потер лоб ладонью.

— Черт знает что.

В памяти всплыл эпизод вчерашнего вечера, но он был настолько невероятен и абсурден, что походил на сон, да это и был наверняка сон; и Андрей знал это, но что-то внутри него съеживалось, сжималось сердце... Он отвернулся и стал смотреть на окна противоположного дома. Там, за пыльными стеклами, тоже ютились люди, живя своей убогой жизнью... но взгляд, как загипнотизированный, возвращался к проклятому комоду.

Андрей решительно встал, подошел к комоду, взялся за две массивные железные ручки и потянул. Дверца оказалась настолько тяжелой, что сразу открыть ее не получилось. Андрей потянул снова — она со скрежетом и скрипом распахнулась. Андрей отпрянул.

— Ух ты!..

В комодe в тонком ситцевом платъице лежала женщина. Она лежала вверх лицом, лицо у нее было белым, восковые руки мирно покоились на груди, как полагалось складывать усопшим. Андрей присел и внимательно присмотрелся к женщине: нос заострен, дыхания незаметно, труп трупом... Коснулся ее руки, рука оказалась совершенно холодной.

Зачем Мелодий хранил в комодe мертвую женщину? Может быть, припрятал, собираясь потом расчленить, да забыл за бесконечными пьянками... Все это мало походило на правду, уж чересчур бережно хранилась усопшая в комодe. Следов разложения на покойной заметно не было, и запаха никакого. Это наталкивало на мысль, что женщина умерла недавно, вполне возможно, что вчера... а вчера Андрей помнил не полностью...

Дверь вдруг распахнулась, Андрей вздрогнул, отшатнулся от мертвого тела. В комнату вбежал радостный Мелодий.

— Старуха раскошелилась! — выкрикнул он, дрожащей рукой показывая Андрею сторублевку. — Из-за Марьяны, говорит, даю — стерва! — глаза его восторженно сияли, он подошел, бухнул сторублевку на крышку комода, не обращая внимания на мертвую женщину. — Дуй, Копейкин, в магаз, возьми там чего-нибудь спиртного, подешевле.

Андрей смотрел на радостного Мелодия, не зная, как поступить, может быть, уйти,

якобы в магазин, а потом вернуться с милицией?.. Да ведь Мелодий, если не дурак, смотается, потом доказывай, что ты не принимал участия в убийстве, когда кругом твои отпечатки пальцев. И потом, что вчера-то было? Но Мелодий сам вдруг заметил раскрытую дверцу.

— А, Марианна! Проветриваешься?! Молодец! — он похлопал покойницу по холодной руке. — За ее счет живу. Купи ей чего-нибудь вкусенького... варенья, что ли. О! Купи джема банку! — потом горестно посмотрел на тело. — Вот только пылится, падла!

Мелодий схватил с крышки комода скомканную простыню и несколько раз провел по лицу женщины, дунул три раза с силой, потом снова бросил простыню на крышку комода и захлопнул дверцу.

— Так чего, Копейкин, пойдешь за пивом?

— Сам ты — Копейкин, — сказал Андрей. — Ты зачем труп в комоде держишь?

— От трупа слышу, — Мелодий зло блеснул глазами. — Это жена моя, Марианна. Понял?! Старухе ее трупом назови — она тебе быстро зенки повыцарапывает.

— Какая жена? — Андрей смотрел на него, как на идиота.

— Жена! Она в летаргическом сне. Бабка сказала, что, если я ее в интернат для инвалидов сплавлю, она мне коляску не даст никогда и еще квартиру подожжет. Это она может! А Марианна чего, Марианна тихонько лежит себе. Кормлю ее иногда, через специальный зонд, иногда врач приходит, тоже наблюдает... А в интернате ее б точно голодом заморили. Да и старуха мне бы жизни не дала, такая стерва!

— Давно спит? — Андрей не верил Мелодию, ему казалось, что он морочит ему голову.

— Лет пятнадцать.

— А можно посмотреть еще раз? — попросил Андрей.

— Да смотри сколько угодно, подумаешь, добра-то. — Мелодий открыл помещение для тела. — Смотри, сколько хочешь... Видишь, я состарился, а она все молодая. У меня мавзолей бесплатный! Слушай, Копейкин, а ты за пивом идти собираешься, тут тебе не музей восковых фигур?!

— Сейчас, сейчас, подожди, — Андрей присел на корточки и стал смотреть на спящую женщину... Нет, хоть тресни, не была она похожа на спящую! Труп трупом. Андрей потрогал холодные руки, нос, даже приподнял веко, открыв голубой, как небо, глаз... Трудно было допустить, что где-то в глубине этого тела текла слабая жизнь.

— Красивая, — сказал он, — я таких красивых не видел никогда.

— Да, Марьяша у меня точно — красавица. Мне все пацаны завидовали, когда она за меня замуж выходила. Ну, ты идешь в магазин, Копейкин!

— Слушай, а может, она того... Умерла уже, больно холодная.

— Сам ты того! Ты мою Марьяшу не обижай, я за ее бабский счет живу... А ты говоришь, того. — Мелодий захлопнул крышку. — Ну все, просмотр закончен, мавзолей закрыт на просушку, давай в магазин вали, одна нога здесь — другая там.

Серенький, неприметный человек продолжал сидеть, покуривая на свежем воздухе. Андрей вошел в парадную, где жила старуха, неслышно поднялся до ее двери и, оглянувшись, приложил к ней ухо.

Из квартиры донеслись до него женские голоса. Один булькающий, старухин, он признал сразу, второй, как ему показалось, принадлежал Кристине. Он поменял ухо, вслушиваясь... нет, слов было не разобрать. Замок в двери внезапно щелкнул. Андрей, двумя громадными прыжками преодолев лестничный пролет, оказался на площадке второго этажа.

Из квартиры вышла женщина в мешковатом пальто, глухо завязанном платке и темных очках. Она мало походила на Кристину, но это была она, должно быть, ей зачем-то нужно было изменить внешность.

— Выходи, Андрей, — сказала она, хлопнув дверь в квартиру. — Нечего за мной шпионить.

— Да я и не шпионил, — пробурчал он, спускаясь к ней, — ты же не сказала, где тебя искать, пришлось по своим каналам выяснять.

— По рекам и каналам, — сказала она и ухмыльнулась какой-то своей мысли.

Между тем они вышли из подворотни и повернули в сторону Невы. Кристина крепко держала его под руку и шла очень быстро, Андрей еле поспевал.

— Куда мы мчимся?

Он попробовал приостановить стремительное движение, но Кристина насильно повела его дальше, не меняя темпа.

— Иди, не оглядывайся, — сказала она сердито. — Нам нужно уйти от слежки.

— А кто за нами следит-то, твой муж, что ли?

— Не он сам, конечно. Своего идиота прислал — каждый день у нас во дворе пасется, мразь такая.

Андрей тем не менее исподтишка все-таки поглядывал назад: то вполоборота повернув голову и сильно скосив глаза, то используя старый шпионский метод, которому обучился в детстве, — через витрины магазинов. Они дошли до набережной, свернули на небольшой деревянный мостик к Петропавловской крепости.

— Этот тип в сереньком пальтишке? — догадался он. — Этот плюгавый придурок?

— Юра подсылает ко мне своих лучших людей.

Серенький тип, однако, вида был достаточно паршивого, хотя, по словам Кристины, один из лучших Юриных людей, а по наблюдениям Андрея — еще и глуп. Иногда он вел себя как законченный придурок: вдруг бросался к стене дома или, остановившись, глядел в другую сторону, прикидываясь приезжим зевакой, делая все это настолько старательно и бездарно, что возникало подозрение, в своем ли он уме. Они вошли в ворота Петропавловской крепости, здесь было мало людей. Кристина, нахально повернувшись к серенькому типу, покрутила указательным пальцем у виска. Мол, придурок. Андрей был с этим согласен.

— Ну, а теперь давай драпалить от него. Ты только меня слушайся.

— С удовольствием, — ответил Андрей, сквозь пальто чувствуя ее тело, и это было ему приятно. — С удовольствием...

— Он все равно сделать ничего не посмеет.

Почему ничего сделать не посмеет, Андрей спрашивать не стал.

Зайдя в ворота крепости, они повернули за угол направо и бегом бросились в дальний угол двора к двухэтажному зданию.

— Теперь вон к тому дому, — скомандовала Кристина.

Они добежали до следующего здания.

Кристина бегала здорово, Андрей еле за ней поспевал.

— Пусть нас поищет, придурок, — с насмешкой сказала она, опершись спиной о стену и снимая темные очки.

Кристина дала время отдышаться.

— А теперь дальше пойдём. Пока они выходы обложат, нам отсюда уйти нужно.

— Мы куда-то не туда идем.

— Эх, зря ты, Андрей, в это дело ввязался, предупреждала я тебя... — не обратив внимания на его замечание, проговорила Кристина задумчиво. — Теперь иди, куда ведут, хоть и не всегда захочешь.

Они вышли через ворота к Неве. Летом здесь располагался пляж, и песок вдоль стены усеивали тела загорающих, теперь же не было ни души. Лед на Неве потемнел и, несмотря на пасмурный и ветреный день, было видно, что он здесь ненадолго и скоро придет весна. Кристина решительно зашагала по мерзлому песку вдоль стены. Она знала здесь все ходы и выходы, через двести метров они дошли до ворот, а через них снова оказались за крепостными стенами.

Они проделали обратный путь до Петроградской, так и не встретив серенького типа.

— Все-таки позволь узнать, что это за тайны, кто за тобой следит, да и вообще...

— Я, честно говоря, поначалу не хотела тебе ничего говорить, но раз уж ты сам попросился, раз ты такой бестолковый и тебе не терпится влезть в это дело... То ты уж сам на себя пеняй.

— Конечно, на себя пенять буду, а на кого же еще...

— К бабушке не пойдем, она тебя не любит... она вообще мужиков всех не любит... Обидел ее один... Сволочь! Ну, ладно, давай найдем местечко, расскажу тебе.

Манера говорить у Кристины иногда становилась, как у ее бабушки, она, как бабушка, путала слова местами.

— Поехали уж тогда ко мне, — предложил Андрей, с немалым удовольствием, даже через пальто, чувствуя ее грудь. — У меня спокойно, никого нет, возьмем бутылочку водочки, такси и поедем. Обещаю, что приставать не буду, — приврал он без зазрения совести.

— Ну, насчет приставаний я не опасаюсь, — она бросила на Андрея такой взгляд, который выглядел как два зеленых глаза светофора. У Андрея все внутри перевернулось от этих сигналов. — К тебе я боюсь ехать совсем не поэтому. Юра наверняка о тебе справки навел. Пойдем лучше вон в тот дворик. Я здесь все дворы знаю.

Они обнаружили во дворике скамейку, уселись на нее. Андрей закурил, крупными затычками глуша поднимавшееся внутри желание.

— Ну, короче, ты, Андрей, сам виноват. Говорила я тебе: не суйся, а ты не слушался... Не слушался, спрашиваю? — опять начала Кристина.

— Ну, не слушался, не слушался! Сам захотел! — рассердился Андрей, сейчас ему было не до всех этих тайн, он с удовольствием уединился бы с ней где-нибудь и... такое бы с ней сотворил!! — Чего ты все меня пугаешь?!

— Пеняй тогда на себя.

Взгляд ее сделался настороженным.

— Короче, труп Гоши нужно перепрятать. И учти, что больше мне положиться не на кого.

Кристина внимательно глядела в глаза Андрея. Он улыбку сдерживал.

— Всего-то! Ночью на кладбище труп откопать и на другое кладбище в троллейбусе перевезти. Не вопрос. — Девушка молча смотрела на Андрея. — Ты чего, обиделась, что ли? — Андрей обнял ее за плечи.

— Нет, я думаю, — сказала она.

— Ты, вообще, что, серьезно? — Андрей перестал улыбаться, стало не до смеха. Ему

показалось, что Кристина не шутит. Даже приятные мысли и желания, только что блуждавшие в теле, улетучились куда-то. Перезахоранивать труп неизвестного человека особой охоты не возникало: его отношения с покойниками нельзя было назвать теплыми.

— А зачем это нужно? Или тоже секрет?

— Это как раз не секрет. Я тебе все расскажу, только пообещай, что поможешь мне. Обещаешь?!

Андрей ответил не сразу. Он понимал, что, откажись сейчас, навсегда потеряет эту женщину, но и откапывать труп какого-то Гоши... тем более что еще за труп, кто его угробил, да и зачем его перепрятывать... Действительно, еще влипнешь в историю, или, пожалуй, уже влип.

— Ты расскажи сначала, в чем дело, может, без этого обойтись удастся.

— Гоша... Как бы это сказать... — она выдержала паузу. — Короче говоря, несколько лет я была замужем за врачом-хирургом. Если бы ты знал, какой это страшный человек! Если бы ты только знал! Я ненавижу его и боюсь, панически боюсь... Я до сих пор иногда просыпаюсь ночью и вспоминаю его руки, его мягкие, влажные пальцы с обкусанными ногтями, которые аккуратненько бродят по моему телу... Фу! Это непередаваемое ощущение...

Кристина сморщила носик, в зеленых ее глазах отразилось страдание. Андрею вдруг явственно представилось ее обнаженное тело, блуждающие по нему пальцы (почему-то в виде двух человечков), и ему мучительно захотелось поцеловать ее, но он сдержался.

— Так вот, — продолжала она, — год назад я решила уйти от него, чтобы начать жизнь заново. Я объявила это Юре, но он начал мне говорить такие гадости! Такие гадости!.. что я буквально чуть с ума не свихнулась, я не знала, что он такой негодяй... Он стал кричать, что я не получу его идиотские деньги, что уйду от него даже без одежды... Ты представляешь?! А я сказала, что мне ничего не нужно, что от него я готова бежать на край света и больше не хочу его знать...

— Подожди, а какой труп-то?! Какого Гоши?! — перебил Андрей, поняв, что разговор уходит в глубины личной жизни обиженной женщины.

— Ну, вот я же и говорю, — рассердилась Кристина. — Юрий Анатольевич — это мой муж, мой бывший муж, имеет свою клинику, где зарабатывает огромные деньги, делая пластические операции. Но он еще проделывает, так сказать «для души», всякие опыты по приращиванию разных частей тела. Ну, полный идиот, что с него возьмешь.

— Я о таких опытах в фантастических книжках читал.

— В фантастических — это что! Юра такие опыты делает!.. — Кристина выпучила глаза, что, должно быть, означало высшее проявление изумления. — Ты не знаешь, какой это страшный человек. Так вот, Гоша — это мой бывший одноклассник и его первая неудача. Ну, там история была... — Кристина смутилась, немного помолчала. — Ну, ладно, расскажу, только ты никому... Короче, Юра приревновал меня к Гоше... Ну и обозлился на него.

Кристина как-то скривила лицо, движение, которое могло означать все что угодно и однозначному толкованию не поддавалось.

— Он просто ошалел, обвинял меня черт знает в чем... Он очень ревнивый человек... Ну, в общем... Вот.

Кристина замолчала.

— Так что же, он его убил?! — спросил Андрей. История принимала не то что криминальный, а внутрисемейный характер, а лезть в семейные разборки — дело

неблагодарное, там ничего не поймешь.

— Ну, как бы да, убил... — согласилась Кристина. — Вернее, он сам умер, своей смертью...

— Так убил или не убил?

— Он умер после операции, вот. Так что считается — своей смертью.

— Ну, тогда непонятно, зачем его перезакапывать нужно.

— Пойми, Андрюша, что Юра скрыл его смерть от всех и закопал труп в парке, оттуда его и нужно перепрятать.

Андрей закурил третью сигарету.

— Слушай, а не проще ли сходить в милицию, пусть они сами труп откапывают, а потом меры принимают.

— Пока они меры принимают, Юра со мной покончит, а если мы труп перепрячем, тогда он в моих руках, и, если со мной что-нибудь случится, тут труп-то и всплывет. Теперь понял?! Труп Гоши — это козырь! А если милиция за это дело возьмется, то тут еще нужно будет доказать, что это Юра с Гошей расправился, понимаешь?! А если не докажем? И потом, пойми, в его руках большие деньги. Он любой суд подкупит! Тут мне и каюк, он мне этого не простит. А если мы труп перепрячем, хоть какая-то надежда, что он меня в покое оставит. Ну, теперь понял, почему я тебя на помощь призвала?! Не Мелодия же мне просить. Сама Гошу не утащу, бабушка тоже никак не сможет... Это, вообще-то, ее идея.

— Заметно, — пробурчал Андрей, щелчком выбросил сигарету далеко на середину двора, она ударилась об асфальт, красиво разлетелись искры.

— Ну хорошо, предположим, что труп мы перепрячем, но как потом докажешь, что этого Гошу твой муж грохнул?

— В том-то и дело, что доказать это будет проще простого: на трупе все доказательства. И потом, труп — это типа залога, чтобы Юра со мной что-нибудь не сделал... Ну, так что? Поможешь мне или как?!

— Неужели ничего больше не придумать?

— Мы с бабушкой все перебрали, это лучший вариант.

— Ничего себе лучший! Слушай, а бабуся твоя все-таки с приветом.

— Ты мою бабушку не трогай, — рассердилась Кристина, в глазах ее блеснули гневные огоньки, она даже кулаки сжала. — Она умнее нас с тобой.

— Ну, ладно-ладно... — примирительно замахал рукой Андрей. — Где он закопан-то?

— А закопан он в парке, рядом с проспектом Ветеранов парк есть. Я туда вчера ездила, место разыскала, там все нормально. Видно, что никто не трогал.

— А везти куда? Транспорт нужен.

— Да ты что, Андрюша, — она положила ему на руку свою руку, он прижал ее сильнее. — Куда его везти?! Тут делов-то всего — отрыл и под соседним деревцем закопал. Юра ведь не станет весь лес в поисках Гоши перекапывать.

— Всего и делов-то! Я-то думал! — обрадовался Андрей. — Эт запросто! Лопата-тс есть? Тогда хоть сейчас поехали. Только давай сначала возьмем бутылку водки — и ко мне, я знаешь, как вкусно хлеб жарю!..

— Это дело нехитрое мы на потом оставим, когда труп перепрячем.

Она улыбнулась, и была эта улыбка обещающей столько радостных минут сексуального восторга, быть может, сдобренного какими-то экзотическими извращениями или еще чем-то таким... Ну, словом, что-то очень неожиданное и восхитительное, отчего Андрея

передернуло внутренне. Или все эти обещания просто причудились ему в улыбке симпатичной девушки — неизвестно, но он согласился.

Глава 6

Похоронный марш Мендельсона

Крылов надавил кнопку звонка, где-то глубоко в квартире еле слышно грянул похоронный марш.

«Странные вкусы у квартиросъемщиков, — подумал Крылов. — Интересно, а кто написал похоронный марш? Мендельсон, что ли...»

Он снова надавил кнопку звонка.

Замок щелкнул, дверь медленно, с протяжным омерзительным скрипом отворилась, на пороге стоял грузный грустный мужчина в тренировочных штанах с вытянутыми коленями и в майке.

— Заходи, Толя, — сказал он, близоруко щурясь.

Крылов вошел в прихожую.

— Я бы хотел видеть Николая Кузьмича.

— Николая Кузьмича? Я — Николай Кузьмич. А я думал, это племянник мой. Да вы проходите.

Они вошли в просторную комнату.

— Садитесь.

Крылов сел в кресло, Николай Кузьмич — напротив на диван.

— Чаю желаете?

— Нет, спасибо. Меня к вам привело одно дельце, — начал Крылов.

— Вам, что ли, дело с защекоченным передали?

— Мне, — несколько растерявшись, подтвердил Крылов.

— А вы не удивляйтесь, я двадцать пять лет в органах протарабанил. Я нашего и их брата сразу вижу, у вас, что называется, кокарда во лбу горит.

— Ну, вот и хорошо, Николай Кузьмич, значит, с кокардой во лбу говорить легче будет...

— А что говорить-то?! Вам небось про меня уже наговорили... всякого.

— Что вы имеете в виду?

— Ну как что, что у меня не все дома. Говорили?! — в голосе его Крылову почудилась угроза. — Говорили, спрашиваю?! — вдруг рявкнул он и чуть даже приподнялся с дивана, и Крылову показалось, что еще мгновение, и Николай Кузьмич бросится на него и ударит.

— Да слышал что-то... Но ничего определенного...

— То-то же, — погрозил он толстым пальцем. — А я скучаю по работе, как видите. Жена ушла, мне, говорит, надоело все время под следствием находиться. Соседи мне только правду говорят, так что даже скучно — знают, что я их брата насквозь вижу.

Голос его сделался спокойным, даже с некоторой ленивой мечтательностью, и Крылову пришла мысль, что вот только что он продемонстрировал обычный для следователя прием, применяемый в разговорах с подозреваемыми, а он, Крылов, как мальчишка, поймался на него... Не-ет, с коллегой нужно держаться осторожно.

— А я с вами по делу пришел посоветоваться.

— По поводу жмурика защекоченного?.. Там-то все более или менее ясно.

— Двоих защекоченных, — поправил Крылов.

— Двоих? — Николай Кузьмич поднял брови. — Ну вот, кажется, сбывается... Эх, говорил я! Писал сколько!.. Ничего!

— Что вы имеете в виду? Я поднимал протоколы, но ничего не понял. И следов почти никаких.

Николай Кузьмич сидел напротив Крылова ссутулившись, огромный живот его покоился на коленях, лицо в красных прожилках выдавало человека, невообразимо употребляющего алкоголесодержащие напитки.

— Может, пива хотите? — изучающе глядя на гостя, сказал Николай Кузьмич.

Крылов отказался.

— Ну, тогда я один.

Он принес из кухни бутылку пива и, усевшись на прежнее место, из горлышка стал пить, делая большие громкие глотки.

— Ну, вот что я тебе скажу, Григорий Иванович, — сделав пять больших глотков, сказал хозяин квартиры. — Дело это, с одной стороны, простое, с другой — ух какое сложное. И ты верно сделал, что ко мне с ним явился, кое-что я знаю. — Он отпил пива, кашлянул, вытер тыльной стороной ладони рот. — Но отнесись к этому серьезно. — Он испытующе посмотрел на Крылова. — В общем, твари это речные, русалки балуют.

В отделе Крылову говорили, что его предшественник свихнутый слегка, и сейчас он смотрел на тучного, с огромными руками, капитана в отставке и не знал, как следует себя вести: то ли уйти сразу, то ли еще посидеть, для приличия сменив тему разговора, чтобы психа не травмировать. Конечно, вторично услышав о сказочных существах, обитающих в Неве, он несколько удивился. Но что поделаешь, может, у них с русалковедом один диагноз.

— Это они, стервы, защекаывают народ. От них спасу не будет, помани мои слова.

— Так откуда они взялись? — Крылов спрашивал не потому, что ожидал услышать ответ на свой вопрос, а только так — беседу поддержать.

— Откуда-откуда, всегда были, — он сделал еще громкий глоток, — это мы с тобой не видели, а те, кто видел, давно на дне речном. Я как начал это дело раскручивать... Э-э! Вижу, нечистое оно...

— Я читал ваши протоколы, ничего там особенного не было.

— Пойми, я же не стану записывать, что найденные возле трупа сухие водоросли, судя по всему, упали с русалки. А чешуя?! Ведь на одежде трупа чешуя, вроде рыбьей, а на самом деле намного крупнее найдена была, у нас в Неве акулы не водятся. На это ты что скажешь?

— Это я читал. Но версия с русалками... — он на мгновение замолчал. — Версия с русалках, на мой взгляд, бредовая.

Крылов и не хотел произносить этого, само собой вырвалось, и он тут же пожалел об этом

— Значит, бредовая?! — угрожающе повторил Николай Кузьмич, сделал новый глоток пива, поставил бутылку на журнальный столик. — Пошли тогда.

Крылов понял, что наступил на большую мозоль хозяина комнаты и аудиенция закончена. Он поднялся и пошел вслед за ним в прихожую. Но Крылов ошибся: Николай Кузьмич, капитан в отставке, повернул в другую сторону. По длинному коридору они прошли мимо вереницы дверей в другой конец квартиры. Николай Кузьмич свернул за угол, они спустились на три ступеньки вниз и остановились около металлической двери. Николай Кузьмич взялся за ручку и обернулся к Крылову.

— Ну что, бред, по-твоему? — грозно проговорил он.

Крылов окинул дверь взглядом. Он не знал, что за ней, и не знал, что ответить. Они стояли так несколько мгновений.

Неужели сейчас он увидит доказательство существования русалок?.. Чушь! Этого не может быть!! Все существо его боролось против. Но уверенность, с которой Николай Кузьмич держался сейчас за ручку двери, говорила об обратном.

— Ну что, бред по-твоему?!

— Да.

— Ну, пеняй на себя, служивый, — со злостью проговорил Николай Кузьмич.

Он открыл замок, резко распахнул дверь и сильным движением вытолкнул Крылова за дверь. Все произошло настолько быстро и неожиданно, что Крылов ничего не успел сообразить.

Светом ударило по глазам, он зажмурился, сзади с грохотом закрылась железная дверь... Он стоял на залитой солнцем улице, мимо шли прохожие... Крылов обернулся, посмотрел на железную дверь черного хода и, подумав: «Ну и придурок этот капитан, не зря меня предупреждали», поднял воротник пальто и зашагал в сторону отделения.

Глава 7

Первые отзвуки болезни

ОЛИГОФРЕНИЯ — от греческих слов *oligos* — незначительный + *phren* — ум — различные формы врожденного или приобретенного в раннем детстве психического недоразвития.

Встретиться они условились у метро «Проспект Ветеранов» в час ночи. До этого времени Кристина запретила Андрею ездить домой, и он решил до вечера перекантоваться у Мелодия.

— Ну, тебя, Копейкин, за смертью посылать! — встретил Андрея Мелодий, уже два часа мечущийся по комнате в ожидании опохмелки.

Андрей выставил на стол бутылку водки и четыре бутылки пива. Мелодий тотчас открыл пиво и, гулко глотая, принялся пить из горлышка. Андрей сидел за столом, глядя на утоляющего жажду человека.

— Ну, это теперь совсем другое дело. — Мелодий уселся напротив Андрея. — Сегодня на работу не пойдем, отдыхай, Копейкин, отгул тебе даю.

Андрей смотрел на то, как Мелодий жадно пьет пиво с каким-то странным, неизвестным ему чувством раздражения, внутри вскипало что-то неуправляемое, злое. Хотелось встать и двинуть ему по физиономии так, чтобы Мелодий летел, кувыркаясь...

— А ты чего не пьешь? — он внимательно посмотрел в глаза Андрея. — Обиделся, что ли?

Андрей налил себе в стакан пива, сделал несколько глотков, ненависть к хозяину квартиры улеглась.

— Слушай, Мелодий, — Андрей сделал еще два глотка. — А чего ты жену свою дома держишь?

— Держал бы я ее, если бы не старуха. Она, падла, меня со свету сживет!

— А посмотреть на нее можно?

— На старуху-то? да смотри, я-то здесь при чем.

— Не на старуху, на жену твою спящую, на Марианну.

— Да, — Мелодий задумчиво закатил глаза к потолку. — Она у меня женщина красивая. Ну, погляди, погляди на красавицу.

Мелодий подпер кулаком небритый подбородок и уставился взглядом куда-то в далекое прошлое... или в будущее. Андрей поднялся из-за стола. Он ощущал себя как-то странно, движения давались с трудом, как в замедленной съемке. Он подошел к комоду, открыл дверцу... Женщина ничуть не изменилась. Все такая же восковая бледность покрывала ее лицо, каштановые волосы были расчесаны и бережно заколоты старинной заколкой с янтарным наконечником. Да и вся она была опрятная, аккуратненькая, словно вот только перед его приходом причесалась, умылась и улеглась. Наверяд ли за внешностью ее следил Мелодий, он себя-то от пьянства в зеркале не находил. Не отводя глаз, Андрей опустился на табуретку возле женщины. Четкий, как у древнеримских скульптур, профиль Марианны, очертания губ, чуть выдающиеся вперед скулы... все это действовало на него магически.

Он смотрел на ее губы, опущенные веки, небольшое ушко и не мог отвести глаз, Андрей никогда не видел таких лиц. И чудилось, что вот сейчас, через мгновение, веки ее дрогнут, она откроет удивленные глаза и скажет что-нибудь простое и ясное, отчего все вдруг встанет на свои места, потому что это будет Главное... Только стоит немного подождать...

— Эй, Копейкин! Ты пить-то будешь?

Андрей повернулся к Мелодию. За столом, помимо Мелодия, сидел откуда-то взявшийся тип с рыжими волосами по краям веснушчатого черепа и стаканом в руке. Он неприятным долгим взглядом смотрел на Андрея.

— Не-ет! Не будет пить, — возразил рыжий и с охотой опрокинул стакан, виртуозностью движения напомнив ловкого фокусника, желающего обмануть зрителя: вот сделал вид, что выпил, а на самом деле...

— Да ладно, не кочевряжься! — призывно махнул рукой Мелодий. — Мы уже одну бутылку приговорили и в исполнение привели. Присоединяйся, Копейкин.

Андрей посмотрел на часы.

— Странно... Я, пожалуй, пойду, — сказал он и поднялся.

Оказывается, возле спящей он, не заметив, провел два часа. Очень странно.

Андрей задумчиво брел по улице. Хотя до встречи с Кристиной была еще куча времени, но он не хотел проводить его в компании с Мелодиём и его другом: нужно было пройтись, привести мысли в порядок. Непонятное впечатление произвела на него спящая женщина. Она и сейчас стояла, вернее, лежала перед глазами. Таких лиц он никогда не видел, и в то же время оно было знакомо ему, даже слишком, какое-то удивительно родное лицо.

Гуляя, он решил зайти в кафе.

За столиком с ним оказался мужчина в старомодном, поеденном молью драповом пальто (в каком сундуке можно было раздобыть такое?). У него было неприятное лицо с курносым носом и утопленной переносицей, в маленьких глазках прыгали — то ли злобные, то ли нервные — огоньки. Он метал по сторонам короткие взгляды, руки его находились в постоянном беспокойстве, он то водил по столу ногтистым пальцем, то смахивал с него невидимые крошки. На голове у человека имелось совсем мало волос, и сквозь них проглядывал светлый череп с чешуйками перхоти. Словом, личность по всем параметрам мерзкая. Но Андрею было все равно, кто с ним за столом, он пил водку, из головы не выходила Марианна. Соседу же его, как оказалось, было до него дело. Беззвучно шевеля

губами, он внимательно разглядывал лицо Андрея, прищуривая глаз, как художник, собирающийся написать портрет... нет, скорее, как портной, пожелавший сшить костюмчик на его нос и уши... и сейчас обмеривал их взглядом. Потом достал из внутреннего кармана логарифмическую линейку, изредка поглядывая на него, произвел какие-то подсчеты, убрал линейку в карман и обратился к Андрею со следующими словами:

— Вижу, вы не из их числа.

Андрей рассеянно скользнул взглядом по его лицу и, промолчав, сделал глоток водки из стакана.

— Как вы, вообще, относитесь к этим идиотам? Не бойтесь, мне вы можете сказать все откровенно.

— К каким идиотам? — Андрей внимательно посмотрел на соседа, не вызвавшего в нем ни капли приязни.

— Ну, к этим... Ко всем этим, которые нами правят, естественно. Есть еще в России смелые люди, — он оглянулся, наклонился ближе к Андрею. — Учтите, за мной следят агенты ФСБ, они думают, что нам можно заткнуть рот, я состою в сопротивлении, в «Народном фронте», и мы, честные люди, по мере сил боремся с тиранией идиотов. Вступайте в наш «Фронт», мы дадим вам оружие. Вы тоже сможете убивать этих кретин! Террор!! Только террор!! Эту проклятую власть нужно свергнуть!! — Пока он говорил, голос его становился все более зычным, начав с шепота, он постепенно поднялся до крика, и вот он уже орал, как припадочный, оскалив испорченные кариесом зубы, брызжа слюной и сжав отчаянно кулаки, и на них оглядывались посетители заведения. — Их власть нужно свергнуть! Террор!!

Андрей с нетрезвым изумлением смотрел на разбушевавшегося человека.

— Кого свергнуть? — наконец спросил он.

Человек замер, должно быть, в его некрасивой голове шел какой-то процесс, возможно, химический.

— Как кого? — спросил он с испугом, мгновенно успокоившись. — Я сказал: свергнуть?

— Ну да, вы сказали, что существующий строй нужно свергнуть, — напомнил Андрей.

— Ах, ну да, конечно! Этих идиотов и кретин, естественно, — он мотнул головой куда-то в пространство. — Ведь это они довели страну и весь мир до катастрофы! Это они, выродки, рожденные алкоголиками и кровосмесителями! — несколько пьяниц, сидевших за соседним столиком, вздрогнули и прислушались к разговору. — Я возглавляю отделение «Народного фронта», за мной следят спецслужбы многих государств. Посмотрите, только осторожно, видите, человек в кроличьей шапке стоит у стойки? Видите?

Андрей скосил глаза.

— Ну, вижу.

— Он из ФСБ, он следит за мной.

— По-моему, он просто пьет сок, — сказал Андрей, бесцеремонно повернув к нему лицо.

Человек у стойки, заметивший движение Андрея, отвернулся, и по его поспешности Андрею показалось, что он действительно следил за его соседом.

— Заметили? Вот так он всегда отворачивается. Я вижу, вы не из их числа, вам можно доверять. Вступайте к нам в сопротивление, мы дадим вам бомбу.

— Мне не нужна бомба, — сказал безразлично Андрей.

— Как не нужна?! — изумился некрасивый человек. — Нет, вы подумайте, ему не нужна бомба!! — последнюю фразу он прокричал на все кафе, призывая всех посетителей в свидетели. — Значит, вам нравится, что идиоты правят миром?!

Андрей отвернулся от оратора. И тот, не чувствуя к себе внимания, вдруг сник и замолчал. Надолго. Андрей, думая о спящей женщине, о нем даже забыл. Через некоторое время сосед зашуршал какими-то бумагами, которые доставал из портфеля.

— Послушайте, — тронул он за руку Андрея. — Вот посмотрите, тут у меня портреты. — Он разложил перед Андреем портреты великих людей, расчерченные карандашом. — Поверьте мне, многих гениев они за уши притянули. Ленин, Сталин, конечно, дебилы, кто спорит. Но ведь Пушкин! Пушкин не идиот. Дети у него — да, были идиотами, но он сам не идиот! Вот у меня размеры его головы! Вот! Сами посмотрите. Многие слишком притянуты за уши. А у меня?! У меня голова разве без признаков идиотизма? Вот посмотрите только! У меня в детстве слюни текли. Но нет! Им этого, видите ли, мало! Вот у меня все параметры подходят. Да и вообще, неужели вырождение не написано у меня на лице, а? — Андрей промолчал. — Вот взгляните в мою детскую карточку, — он положил перед Андреем толстую врачебную карточку. Вот, Кузикин Слава... Кузикин — это я, — он открыл карточку на первой странице и медленно начал листать перед Андреем, комментируя записи. — Вот, энурез, пожалуйста, — перевернул страничку, — слабое умственное развитие, — еще одну. — Яркие выраженные симптомы кретинизма. Вот видите!! — торжественно провозгласил он и перевернул следующую страничку. — Снова энурез. Поверьте, я писался до двадцати двух лет. А слабоумием страдаю и по сей день...

Он еще полистал перед Андреем карточку, рассказывая о своих неизлечимых болезнях, и вдруг со шлепком захлопнул ее.

— Ну вот, скажите, глядя на меня без предвзятости, ведь я идиот, правда?

Андрей пожал плечами, ему вдруг сделалось неуютно в этой странной компании.

— Ведь я пытаюсь уже два года доказать, что я идиот, что я болею неизлечимо. Почему мне никто не верит?! Почему?!

— Нет, ну если ты хочешь быть идиотом, — я не возражаю.

— Кто же не хочет?! Ты, что ли, не хочешь?

Идиот Кузикин смерил его презрительным взглядом.

— А сколько пенсии платят? — поинтересовался Андрей, поднимаясь из-за стола.

— Тебе-то что? — презрительно ухмыльнулся Кузикин, пряча карточку в портфель. — Тебе не светит. Идиотом нужно родиться.

— Да, кому требуется, — бросил Андрей, уходя.

Кузикин проводил его презрительным взглядом.

Конечно, выкапывать неизвестного, чужого покойника, да почему чужого, любого покойника, даже своего ближайшего родственника, — удовольствие небольшое. Да уж какое небольшое, просто-таки омерзительно! Тем более что закопан он не вчера, и, может быть, он даже не в гробу... Кроме того, за это ведь могут и привлечь. Размышлял Андрей, направляясь по улице неизвестно куда и напрочь забыв об идиоте Кузикине. От выпитой водки мысли начинали путаться и дробиться.

День выдался пасмурный. Унылые и простуженные люди, шлепая по снежной жиже, брели кто куда. Смотреть на них было грустно, тем более что у Андрея промок левый ботинок, подошва которого, как назло, треснула. От этого настроение ухудшилось, и, если

бы не выпитая водка, стало бы совсем паршиво. Часы показывали пять часов вечера, на набережной Невы зажгли фонари. Андрей внимательно смотрел под ноги, чтобы не наступить левой ногой в лужу и не промочить ботинок еще больше.

Сам не заметив того, прибрел к Троицкому мосту и остановился возле гранитных ступеней спуска к воде. Здесь уже стоял какой-то невысокий коренастый мужчина без шапки с поднятым воротником пальто и смотрел под мост, где на темном льду сидел бесстрашный рыболов, не боявшийся, что ослабленный оттепелью лед под ним может разверзнуться.

— Ловит? — спросил Андрей, подходя к коренастому человеку в пальто.

Тот еле заметно вздрогнул и, повернув голову, взглянул на подошедшего Андрея. У него было скуластое, монгольского типа лицо. Он очень внимательно посмотрел в лицо Андрея, но, ничего не ответив, повернулся и зашагал прочь.

Андрей, посвистывая, спустился по скользким ступеням к Неве. Рыболов сидел в десяти метрах от гранитной площадки недвижимо. На нем было длинное черное пальто.

— Как рыбка, ловится?! — крикнул Андрей. Хотя и знал, что не рыбку тот ловит.

Рыболов не прореагировал.

«Наверное, снова слушает шумы реки», — подумал Андрей.

Его затуманенный алкоголем мозг не хотел мириться с неудачей. Он проверил ногой крепость льда, ступил на него и на разъезжающихся ногах пошел к рыболову.

— Эй, ты жив!

Андрей тронул его за плечо. Рыболов вскочил, снял наушники.

— Ты кто такой, чего здесь ходишь? — прокричал он испуганно. — А, это ты! Ты уже заходил как-то. — Яков Афанасьевич хохотнул гортанно. — Тебя как зовут?

Познакомились.

— Хочешь послушать? — Яков Афанасьевич протянул наушники.

— А чего там слушать? Как канализационные трубы бурчат? Я уже в прошлый раз слушал.

— В прошлый раз такого не было. Сейчас послушай.

Поначалу Андрей ничего вразумительного не слышал, кроме шорохов, но Яков Афанасьевич подкрутил какие-то рычажки у деревянного ящика, должно быть, служившего усилителем, и Андрей различил неясное бульканье, нечеткое шипение, смутное гудение... наконец, отдаленный вой и стоны. Ощущение от этих звуков было тоскливое, будто сидел кто-то на дне сухого колодца, давно сидел и выл от ужаса безнадежности и одиночества, давно выл — всегда.

Андрею снилось иногда такое, будто он со дна смотрит и видит выложенные камнем края колодца. Часто снился этот сон. Его приятель, буддист, говорил, что это воспоминание из прошлой жизни, что это память запечатлела последние минуты в другой жизни, в другом веке, в другом теле... С Андрея даже хмель слетел. Он, внутренне содрогнувшись, снял наушники и протянул хозяину.

— Слышал? — спросил тот.

— Что это было?

— Русалки на дне воют, песни свои поют, — замогильным голосом проговорил русалковед.

— Это что, шутка такая? — спросил Андрей, но от этих слов сделалось ему не по себе.

— Да какие тут шутки. Тут совсем недавно человека, защекоченного насмерть, нашли. Их рук дело.

Андрей от природы был недоверчив, даже в экстрасенсов не верил.

— Это как защекоченного? Кто же его?

— Ясное дело кто — русалки. Они иногда выходят на сушу, ловят запоздалых прохожих, мужчин, затаскивают их в воду или защекатывают насмерть.

— Это, конечно, интересно, но, на мой реалистический взгляд, маловероятно. — Андрей ухмыльнулся, иронией стараясь избавиться от тоскливого ощущения.

— А доказательствам поверишь? — вдруг спросил Яков Афанасьевич. — У меня дома есть неопровержимые доказательства. Ну что, пойдём?

Андрей посмотрел на часы — до перезахоронки была ещё уйма времени, потом перевёл взгляд на промокший ботинок, который от внутреннего тепла пошел белыми разводами. С мокрым ботинком блуждать целый день, а потом ночью откапывать покойника было небезопасно: запросто можно было схватить насморк.

— Лучше в другой раз, — сказал он.

— Ну что ж, если захочешь узнать о невских утопленницах — приходи. Я здесь почти каждый день.

Несмотря на запрет Кристины, Андрей решил все-таки съездить домой.

Он добрался до дома в шесть часов вечера.

Соблюдая конспирацию, поминутно оглядываясь, он вошел в парадную, послушал ее тишину, открыл дверь, прошел в комнату, зажег свет... от неожиданности сделал шаг назад. В кресле напротив двери сидел мужчина в клетчатом пальто нараспашку, в очках с затемненными стеклами и большой блестящей лысиной во всю голову. Человек в кресле встрепенулся, поднял на Андрея лицо и не менее удивленно, чем сам хозяин квартиры, уставился на вошедшего.

— Что такое? Что вы здесь делаете?! — первым пришел в себя Андрей.

— А вы что?! — вдруг спросил незнакомец и тут же звонко шлепнул себя по лбу. — Ах, Андрей Николаевич! Простите великодушно, задремал... Ужас как задремал.

Мужчина поднялся из кресла и, сделав два поспешных шага навстречу, протянул руку.

— Юрий Анатольевич.

Андрею ничего не оставалось, как пожать ее.

— Еще раз простите, дорогой мой, уснул. Разморило, знаете ли, кресло мягкое... Обстановка, опять же, уютная, располагает. Я ведь, дорогой мой, в любом месте не засну.

— Да как вы, вообще, сюда попали?

Было в этом человеке нечто мягкое, нежное, как в одуванчике, но неприятное.

— По случайности и чистому недоразумению, мой милый Андрей Николаевич. На старости лет приходится коленца выкидывать, мой друг.

— На грабителя не похожи. Вы один?

Андрей заглянул за занавеску.

— Один-одинешенек, прелюбезный Андрей Николаевич, да разве ж я посмел бы с кем-нибудь... Это же семейно-интимное дело. Да и вообще. Позвольте присесть, может быть?

— Да, садитесь, — Андрей сел напротив на диван. — Так как вы сюда попали и, главное, зачем?

— Путем отмычки дверь вскрыл, дорогой мой, вот этой самой отмычки, — он погремел перед лицом связкой тонких металлических инструментов. — Мастер знакомый соорудил, золотые руки, скажу я вам, ведь вот, что захочешь, сделает. Вот попроси я его: «Сделай, Федя, ланцет в какую-нибудь тысячную долю микрона...» И то сделает, и се сделает, самые,

казалось бы, невероятные вещи творит — и все на глазок, все на глазок. Один такой мастер в городе, так что если вам, Андрей Николаевич, потребуется нечто эдакое, нечто совсем уж невероятное из металла, я вас непременно сведу, вам обязательно нужно с ним познакомиться...

— Это все очень интересно, все чрезвычайно интересно, непременно обращусь, — неизвестно почему беря привязчивый тон Юрия Анатольевича. — Но зачем вы сюда проникли, надеюсь, не отмычками хвастаться? — спросил Андрей, хотя уже догадался, что перед ним тот самый Кристинин муж, о котором она говорила с таким ужасом, но что-то уж слишком он не был похож на злодея.

Юрий Анатольевич удивленно вскинул черные брови к лишенному волос лбу.

— А зачем вы думаете?! Поговорить. Разумеется, поговорить, мой милый.

— Странная манера у вас беседовать, влезаете в чужую квартиру... А если у меня не прибрано или злая собака? Да и вообще, возьму да и милицию сейчас вызову. А может, я и сам в милиции работаю...

— Ни в какой вы милиции не работаете, да и вообще, глупо милицию, — гость сморщился, как будто в рот ему влетела жирная навозная муха, он осмотрелся кругом, куда бы ее выплюнуть. — Очень глупо! Я же у вас ничего не беру, весь ваш столовый алюминий на месте, а бардак у вас, по всему видно, дело обычное, а я вот вам брюки с пола поднял, когда вас не было, и даже могу предложить вам что-нибудь дельное, а вы милицию...

— А взамен что, не душу ли попросите?

— Пожалуй, что и душу, — ухмыльнулся гость. — Экак вы, драгоценный мой, в точку попали. Только ведь душу-то не всякую. Это людишки скудоумные думают, что их малепусенькие, ничтожные душонки кому-то требуются, а цена им рыночная, тьфу, три копейки. А за большую щедрую душу и много можно заполучить. Вот и посмотрим, какая она у вас, не протухла ли!

— Ну, посмотрите, а взамен что предложите?

Юрий Анатольевич молчал, внимательно разглядывал лицо Андрея.

— Вы знаете, у вас хорошее лицо. Такие лица редко встречаются в природе... А уши! Ну-ка, повернитесь в профиль. — Андрей, ухмыльнувшись, повернулся. — Да, уши изумительные: прижатые, слегка деформированные, чуть вывернутые, — он даже причмокнул от удовольствия, — и лишь немного не дотягивают до совершенства. Но в целом, любезный, у вас хорошее лицо.

Андрею сделалось приятно от похвал этого человека. Ему еще никто не говорил, что лицо его близко к совершенству, а свои прижатые к голове, вывернутые уши он с детства ненавидел.

— Ну так все-таки, о чем вы хотели поговорить?

— Видите ли, мой любезный, мой дорогой Андрей Николаевич, я знаю, вернее, я уверен, что Кристиночка говорила обо мне всякие глупейшие нелепости. Ведь говорила, признайтесь, друг мой, говорила?!

— Ну, так, кое-что, — замялся Андрей.

— Видите ли, с ней это случилось давно, у нее вдруг стали появляться странные навязчивые идеи... Нет! Не поймите меня неверно, это случается только изредка. Но я, ласковый мой, начал беспокоиться. Она часто уходила из дома, ночевала черт-те где... Ну, словом, вела себя возмутительно, совершенно выйдя из-под контроля... И не стану от вас скрывать, мой милый, несколько раз даже совершала суицид, пыталась покончить жизнь

самоубийством. Это перепугало меня до ужаса! Потерять свою любимую дочь...

— Вы сказали... дочь? — перебил Андрей.

— Да. Ну, разумеется, дочь. А кем же она, по-вашему, мне приходится?!

— Я думал...

— Что вы думали, любезный?! — черные брови вновь взлетели чуть не до середины лба.

— Да нет, ничего. Продолжайте, пожалуйста.

— Так вот, я... я вынужден был нанять для нее охрану. Сами понимаете, это обходится недешево, даже совсем недешево. Но она не ценит этого, ох уж эта неблагодарность детей, постоянно убегала от охранника и издевалась над ним, как только хотела. Бросала грязью, обзывалась, делала неприличные жесты... Теперь вот она снова убежала из дома и шляется неизвестно где и с кем. Так что вот, дорогой мой, вы мне глубоко симпатичны, поэтому я и рассказал вам всю правду... А уж я разбираюсь в людях... И если бы вы оказали мне услугу, то, поверьте, я бы вас отблагодарил.

— Да... никак я не предполагал, — начал Андрей, совершенно сбитый с толку. — Но, по-моему, вы не совсем осведомлены. Во-первых, она живет у своей бабушки...

— Бабушки?! — возбужденно перебил Юрий Анатольевич и даже чуть привстал в кресле от возмущения. — Эту каргу вы, любезный, называете бабушкой?! Никакая она Кристиночке не бабушка, а так, больная старуха, и почему Кристиночка выбрала ее своей подругой, ума не приложу!

— Но она называет ее бабушкой, — возразил Андрей.

— Да ее родная бабушка умерла давным-давно. Вот спросите, спросите ее, любезный, вам она не посмеет солгать. Но дело даже не в том, что она живет у этой убогой, больной старухи в антисанитарных условиях, там такой бардак и грязь. Фу! Вы там были когда-нибудь? — Андрей покачал головой. — Хотя дома я окружал ее любовью и заботой. Я один растил и воспитывал ее с детства... Но не будем об этом, для меня это слишком тяжело вспоминать... Так вот, любезный, дело даже не в этом, что она не ночует дома, дело в том, что у нее иногда появляются навязчивые идеи такого странного свойства... что, поверьте мне, они могут даже шокировать. Так вот, психиатр, у которого она проходила курс лечения, строго велел ей соблюдать диету и не увлекаться мистикой... Кстати, в психиатрической клинике, где Кристиночка проходила лечение, она и познакомилась с этой так называемой бабушкой... у нее, кстати, паранойя, я узнавал. Я много раз говорил Кристиночке об этой старухе. Но она и слушать ничего не хочет. Так что в связи с вышесказанным у меня к вам, любезный Андрей Николаевич, важное дельце или нижайшая просьба, как вам будет угодно, но не могли бы вы ставить меня в известность о ее намерениях и передвижениях или, может быть, еще лучше ее лечащего врача, тогда мы хоть как-то сможем контролировать ее дальнейшие непредсказуемые действия и не допустить попытки суицида или еще чего-нибудь похуже... Вы меня понимаете, мой ласковый?

Юрий Анатольевич смотрел внимательно, прямо в глаза Андрею, не моргая, взгляд у него был не то что добрым, но мягким и располагающим.

— Вот, родной мой, вот вам визиточка ее лечащего врача. Вы можете без церемоний звонить в любое время года и суток.

Юрий Анатольевич достал из кармана визитку и протянул Андрею.

психиатр

Внизу стояли два номера телефона. Андрей сунул визитку в карман куртки.

— Я не знал всего этого, — несколько растерянно заговорил он, попутно припоминая странное порой поведение своей новой знакомой. — Но теперь я, конечно, за вашей дочерью...

— Вот-вот, любезный, присмотрите, возлагаю на вас самые обширные надежды, — проговорил Юрий Анатольевич, приветливо улыбнувшись. — Тем более вы мне симпатичны, у вас все-таки редкое лицо. Помогите спасти Кристиночку. Я вижу, что она вам нравится. Ведь я не ошибся? Ну, скажите, нравится?!

Андрей слегка смутился от такого впрямую заданного вопроса. Хотел ответить, что нравится, конечно, нравится... Но в памяти вдруг всплыла спящая Марианна, ее удивительное, необычайной красоты лицо, голубой глаз, который он видел, подняв веко, и, немного помявшись, выдавил:

— Немного, пожалуй, нравится.

Юрий Анатольевич воспринял эту заминку в пользу своей дочери.

— Ну, вот и славно! — обрадовался он. — Помогите вытащить ее из этой отвратительной трясины... Я бы хотел видеть своим зятем такого воспитанного и симпатичного молодого человека, ведь приятные лица встречаются сейчас так редко. Выродились, выродились!.. Я возглавляю Всемирное общество выдающихся личностей, уж мне, как никому, известно, насколько редко встречаются такие... — он хотел еще что-то добавить, но передумал. — Кстати, возьмите на всякий случай и мой номер телефона. Он протянул визитку. Андрей сунул ее в карман не читая.

— Хорошо, я сделаю все, что возможно.

— Ну что же, мне, пожалуй, пора.

Юрий Анатольевич поднялся из кресла.

— Да, знаете что, опасайтесь этой старухи. Я знаю, что она плеснула одному из Кристиночкиных ухажеров в лицо кипятком, и он, бедняга, долго лечился в больнице, теперь один его глаз почти не видит. И, представьте, ей за это ничего не было: сумасшедшая, что возьмешь. Однако не смею задерживать вас, мой любезный.

Юрий Анатольевич протянул руку для прощания. Андрей пожал ее.

— Да, кстати, в последний раз она не предлагала вам совершить какой-нибудь странный... эдакий какой-нибудь экстравагантный поступок? — не разжимая рукопожатия, спросил Юрий Анатольевич, прямо и как-то застыло глядя в глаза.

— Ну... — замялся Андрей, — она говорила, что вы не папа, а якобы ее бывший муж...

— О! Эти ее фантазии совершенно безобидны, — рассмеялся Юрий Анатольевич. — Ну а совершить какой-нибудь поступок, связанный, например, со смертью или какой-нибудь опасностью, она вам не предлагала?

Андрей колебался. Рассказать ее папе о Гоше, труп которого они собираются перепрятывать сегодняшней ночью...

— Нет, — решительно выговорил он, — ничего такого не было.

Еще какое-то мгновение Юрий Анатольевич, крепко сжимая его руку, пристально глядел в глаза, наконец отпустил ее.

— Ну что ж, тогда позвольте откланяться, мой дорогой. В любом случае буду с нетерпением ждать звонка... Да, и просьба: ни при каких обстоятельствах не говорите

Кристиночке, что я у вас был, это может только испортить дело. Поверьте, я так люблю свою дочь, что готов для нее на все. И если что-нибудь покажется странным в ее поведении, звоните в любое время суток мне или ее лечащему врачу... А впрочем, я уже повторяюсь... До свидания, мой друг.

Юрий Анатольевич последний раз блеснул обширной своей лысиной и вышел из комнаты. Андрей закрыл за ним дверь и снова уселся на диван.

Все, что говорил отец Кристины, было правдоподобно. Девушка она была действительно с легким прибаблом, и неудивительно, что наблюдалась у психиатра, и уж нечего говорить об ее совсем свихнутой подружке-инвалидке, она вообще Андрею не нравилась. Все вроде совпадало, все становилось на свои места: и странные бредни Кристины о трупe Гоши, и ее навязчивая мания преследования, и ее страхи... В общем, все. Андрей был убежден, что отец ее говорит правду... Тогда почему он не признался в том, что сегодняшней ночью она агитировала его выкапывать придуманного ей покойника?.. Андрею пришла мысль даже позвонить сейчас этой самой Скунс и сказать, что они сегодня намечали... Как она, интересно, посоветует себя вести? Может быть, Кристину нужно срочно в смирительную рубашку заматывать, или стоит самому прикинуться сумасшедшим и сделать вид, что выкопал покойника и перезахоронил в другом месте... Да! С психами Андрею связываться еще не приходилось.

Андрей поднялся с дивана пошел в прихожую и, сняв влажный ботинок, переобулся в тапочки. Потом отправился на кухню и поставил чайник на газ.

Лежи, Гоша, спокойно! Если ты, конечно, не бегаешь где-нибудь живехонький. Потакать чужой шизофрении, нет уж — на фиг нужно!

Глава 8

Гоша портит жизни

Под ногами хлюпала вода, древко лопаты давило на плечо, но Андрей не обращал на это внимания. Кристина шагала рядом, иногда забегала вперед. Парк в этой части был глухой, на удивление глухой, словно до них здесь не ступала нога человека. Они шли долго, перепрыгивая канавы, перелезая через палые деревья. Впереди что-то блеснуло: это был заросший камышом пруд. Сумерки сгустились. В воде на небольшой глубине лежала женщина в белом подвенечном платье, глаза ее были открыты, казалось, она смотрит сквозь воду в небо.

— Наклонись, наклонись ближе, — это был голос Кристины, совсем рядом, она обняла Андрея за плечи и нежно, легонько подтолкнула к телу. — Ближе... Ты узнаешь ее?

Женщина была явно знакома Андрею. Он повиновался, сделал шаг к воде, ему казалось: еще чуть-чуть, и он узнает, вспомнит ее. — Ближе, — доносился настойчивый шепот Кристины. Андрей сделал еще шаг.

Какое знакомое лицо! Где он видел ее? Рот утопленницы был чуть приоткрыт, прозрачные карие глаза смотрят в небо... нет, на него. Они смотрят ему в глаза... Он отпрянул назад... Но нет, Кристина, обнявшая его за плечи, не пускает, да она уже и не обнимает, а держит его крепко, крепко настолько, что трудно дышать, она медленно шаг за шагом ведет его к утопленнице. Какое знакомое лицо!.. Андрей, не сводя глаз с утопленницы, отчаянно рвется из объятий Кристины, но тщетно, сила ее непреодолима... Он кричит...

Андрей вздрогнул, открыл глаза, осмотрелся. Фу ты, ужас какой! Поднялся из кресла, морщась и разминая затекшую руку, стараясь избавиться ее от тысяч пульсирующих иголок. Часы показывали половину двенадцатого.

Он прошел на кухню, поставил на газ чайник. Отвратное ощущение от сна постепенно рассосалось, но зато вспомнилась встреча с отцом Кристины, тоже малоприятная. Было в ее отце что-то неуловимо гадкое и липкое, но что, сформулировать и определить не представлялось возможным.

Андрей налил чаю.

«А может, съездить встретиться с Кристиной, отговорить ее сегодня-то откапывать Гошу, а взять в ночном магазинчике бутылку водки, поехать ко мне. Может быть, папа преувеличил насчет того, что ее психические дела так уж плохи, отцы, особенно любящие своих детей, склонны иногда драматизировать ситуацию... Хотя какие тут преувеличения?! Ведь она лопату привезет и фонарик, чтобы я землю рыл, хорошо, еще не при свете факела... — Андрей отодвинул пустую чашку и продолжил размышлять дальше: — Нужно бы позвонить ее психиатру и рассказать... А если за ней после моего звонка „скорую“ пришлют и увезут в дурку, тогда, пожалуй, я ее к себе не приведу... И водку пить будет не с кем. Не зря же я разыскивал ее столько. Сам поеду, — решил он. — Но только фиг я копать буду!»

Андрей оделся и вышел из дома.

Хотя Андрей приехал за пятнадцать минут до срока, Кристина уже ждала его, нетерпеливо озираясь по сторонам и пристально разглядывая всякого проходящего мимо мужчину, как будто боялась пропустить Андрея. На ней была серая из плащевки куртка с меховой оторочкой, подчеркивающая очертания бюста, и брюки, обтягивающие стройные ножки. Выглядела она, как всегда, потрясающе, у Андрея забилось быстрее сердце, вот только лопата в ее руке напрочь испортила настроение.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он, но комплиментом не произвел никакого впечатления.

— Я все приготовила, — прошептала она, отведя его за ларек и непрестанно озираясь. — За тобой никто не шел, ты внимания не обратил?

— Хвоста не было, — принимая ее шпионский тон, проговорил он.

— Ну, тогда давай к месту продвигаться.

— Подожди, Кристина, — Андрей нежно взял ее под руку и ощутил запах ее духов, это был его любимый запах. — Слушай, может быть, стоит перенести наше мероприятие на другую ночь... — вкрадчиво начал он. — У меня сегодня такое настроение, я чувствую себя очень одиноким... У меня дома стоит бутылка водки, но я как подумаю, что предстоит вернуться одному домой в унылую квартиру... Я так одинок...

— Подожди, чего ты несешь? — перебила Кристина.

Много раз проверенный вариант не сработал. Нужно было искать другие пути. Черт знает, как разговаривать с этими шизоидами.

— Слушай, Кристина, давай в другой раз отроем твоего Гошу, а сейчас поедem ко мне водку пить, — пошел он напролом.

— Андрей, ты что, боишься? — спросила она, прямо глядя в глаза.

— Нет, ни чуточки. Просто мне кажется эта акция бессмысленной.

— А если не боишься, тогда пошли.

Она повернулась и зашагала к выходу из метро. Андрей поплелся за ней. Была еще

надежда отговорить по дороге. Он догнал ее, забрал лопату. Кристина взяла его под руку, он вновь ощутил через куртку ее тело.

По пути к парку Андрей всячески старался отговорить девушку от безумной идеи. Но опыт его общения с людьми, одержимыми навязчивой идеей, сводился к нулю, и ему никак не удавалось даже поколебать болезненной убежденности Кристины.

«Вот дурак! Вот придурок!! — попутно успевал укорять он себя. — Нужно было позвонить ее психиатру, он бы сказал, как себя вести, чтобы не попасть в такую ситуацию... А теперь что делать? Что теперь делать? Копать?!.»

Никакие уговоры, никакие увещания не могли отвернуть Кристину от задуманной цели, и Андрей, временно смирившись, вынужден был плестись рядом, мысленно проклиная себя.

— Слушай, Кристина, а твоя бабушка, ну, эта, которая в коляске инвалидной, она тебе по какой, по отцовской или по материнской линии? Вы с ней чем-то похожи.

— Да она мне неродная, — ответила Кристина. — Но я ее люблю не меньше, чем родную.

— А-а-а, понятно. А откуда она взялась-то?

— Мы с ней познакомились год назад, с тех пор дружим...

— А отчего у нее ног нет?

— Да была одна история, — уклончиво проговорила она. — Много лет назад, любовная история.

— Как это любовная? Попытка к самоубийству, что ли?

— Операцию она сделала, а мужик ее бросил, сволочь. Если б я его поймала, собственными бы руками задушила...

— Да, понятно, а вы где с ней познакомились?

— В клинике лежали... Почему ты меня спрашиваешь?

— Да так, хочу знать о тебе побольше. А ты меня почему не спрашиваешь?

— Знаешь, Андрей, мне сейчас не до этого, ты же понимать должен. Мы когда с тобой Гошу перепрячем, я хоть спокойно смогу вздохнуть. Мне этот покойник дышать мешает.

Они дошли до парка. Темная густота деревьев громоздилась по обе стороны освещенного проспекта. Кристина направилась в левую его часть. С одной стороны парка — большое поле с темным силуэтом недостроенного здания вдалеке.

— Ну послушай, как в такой темноте копать-то?! — схватился за последнюю надежду Андрей.

Кристина промолчала и повлекла его по тропинке в сторону темного силуэта здания. Это было недостроенное здание роддома, стоявшее в таком состоянии уже многие годы. Два, а то и три раза в год в нем находили трупы: когда замерзшего бомжа, когда замученного насмерть братка — итог бандитских разборок. Но находили их по случайности — специально никто не разыскивал, а то бы такое нашли!.. Не знал всего этого Андрей с лопатой, да и не до этого было.

«Ладно, черт с ней, покопаю для вида, может, успокоится».

Здесь, в лесопарковой зоне, местами лежал снег. Они отошли от проспекта метров триста, стало немного жутковато. С правой стороны, где густо росли деревья, было темно, ночами освещать парк не имело смысла, и силуэты деревьев, неожиданно выступающие из тьмы, пугали, и Андрей озирался. Вспомнился сон с утопленницей.

— Далеко еще?

— Пришли почти, — отвечала девушка, по глухому голосу Андрей заключил, что ей тоже не по себе.

Вскоре она остановилась и сказала:

— Кажется, здесь, — достав из полиэтиленового пакета фонарик, осветила дерево. — Да, точно здесь.

Береза стояла почти на самой кромке поля, поэтому здесь было светлее, чем в чаще.

— Что, прямо под березой, что ли?

К сожалению, он не мог увести отсюда девушку, оставить же ее одну он и в мыслях не допускал. Эх, зря психиатру не позвонил!

Андрей вогнал острие лопаты в указанное Кристиной место. Земля была мерзлая, лопата вошла с трудом. Кристина светила, в то время как Андрей копал неторопливо, особенно не напрягаясь: он знал, что весь труд его пойдет насмарку и никакого покойника он не откопает, потому что его там нет. Попробуй объясни это Кристине.

— Быстрее, прошу тебя, — взмолилась Кристина, видя его неспешность, — Ведь так мы до утра его не выроем.

— Слушай, а если его тут нет? — не прерывая труд, спросил Андрей.

— Ну, как нет? Тут он. Я точно место запомнила.

— Хорошо, ну а если все-таки нет, — не отставал Андрей. — Поедем тогда ко мне?

Кристина молча светила.

— Ну, а все-таки, если нет, поедем ко мне? — приставал Андрей.

— Поедем, поедем, как только перепрячем Гошу, так поедем.

— Ну, держись тогда Гоша! — обрадованный Андрей изо всех сил вонзил острие лопаты в землю.

Он копал отчаянно. Желание выпить водки, а потом обладать, обладать и еще раз обладать Кристиной удваивало силы. Как давно он хотел этого, ему даже снилась их близость два раза, кажется. В глубине земля была более мягкой, правда, корни деревьев затрудняли работу. Несмотря на пожелания Кристины, он не рыл вширь, а только вглубь, собираясь поскорее доказать ей, что под землей никого нет, а только одни мерзлые червяки и березовые корни. Поначалу Андрей пытался шутить, но потом веселье как-то само собой скукожилось и угасло, и он замолчал. Кристина вовсе не была склонна к беседе, видно, ей не давала покоя память о проклятом Гоше.

— Ну что, глубоко еще рыть? А то земную кору продырявлю.

Андрей погрузился в почву уже по пояс, за это время он перекурил всего дважды и сейчас, выбравшись из ямы, закурил, поглядывая на ее дно. Кристина молчала.

— Ну, далеко еще до Гоши?

— Его там нет, — вдруг замогильным голосом проговорила девушка, продолжая светить на дно ямы.

— Ну, конечно, нет! — обрадовался Андрей просветлению ее сознания. — Откуда ему там быть! — Он бросил только что закуренную сигарету на дно ямы. — Все, поехали ко мне, — поднял лопату. — Конечно, нет.

Кристина все так же молча светила на дно ямы. Лица ее в сгустившейся темноте было не разглядеть, а Андрей и не старался.

— Ну что, пошли?

Он взял Кристину под руку.

— Неужели я ошиблась?.. — негромко проговорила девушка, светя на дно ямы и не

трогаясь с места — Неужели ошиблась?..

— Ну и ладно, нет его там, и не надо, подумаешь, покойника не отрыли. — Андрей действительно потянул девушку от ямы.

— Нет, подожди! Конечно, я ошиблась! — она вырвала руку, обвела лучом фонаря ближайшие деревья, сделала несколько шагов в глубь леса.

Андрей ждал ее, не двигаясь с места. Некоторое время Кристина ходила между деревьями, освещая землю вокруг них. Андрей, сплюнув, достал новую сигарету, хотя и курить было уже противно.

— Вот это место! — воскликнула Кристина. — Мы нашли его!! Иди скорее сюда!

Андрей нехотя поплелся к ней.

— Вот оно. Здесь давай копать.

— Мы же с тобой договаривались, — как можно более спокойно начал Андрей. — Если его там не окажется, поедем ко мне. Договаривались?

— Пойми, Андрюшенька, что, если мы не перепрячем Гошу, мне грозит большая опасность. Ты не знаешь моего бывшего мужа, это такой страшный человек... Это такая сволочь!

«Какой он муж!..» — чуть было не сорвалось с языка у Андрея, но он сдержался.

Кристина, конечно, не заметила этого, она была возбуждена, голос ее дрожал, она вот-вот готова была расплакаться.

— Если ты откажешься, тогда я сама... Ну, пожалуйста...

Она поднялась на цыпочки и, прижавшись к нему телом, нежно прикоснулась губами к его губам. Андрей обнял ее, прижал к себе, губы их соединились... руки сами собой полезли, куда захотелось... Но Кристина высвободилась из его объятий.

Вот это было уже обещание! Андрей, прерывисто дыша, попытался снова притянуть ее к себе, но Кристина нежно оттолкнула его.

— Потом, потом... Вот выкопаем Гошу.

— Господи, опять Гошу!.. Я бы его убил, этого Гошу проклятого! — взвыл Андрей, схватившись за черенок лопаты. Снова на пути у него вставал какой-то Гоша, которого и в природе-то не существовало, а существовал он только в болезненном воображении несчастной, но очень, очень привлекательной девушки!

Андрей работал отчаянно, перекурив всего один только раз. Здесь земля была рыхлая, работа шла быстрее.

— Ну что, нету! — с торжеством и некоторым злорадством проговорил Андрей, вытирая со лба пот. Он уже устал до такой степени, что ему было все равно, и, если бы он даже, вопреки здравому смыслу, выкопал Гошу, он бы не удивился.

— Ну, давай еще немного, — жалобно попросила Кристина.

— Еще?! — со злостью прорычал Андрей. — Ну, можно и еще!

Он в гневе вогнал лопату в землю и сделал несколько мощных выбросов земли, про себя решив навсегда никогда не связываться с больными.

— Ну вот, пожалуйста, убедились?! Убедились?!

Раздался глухой стук, как по крышке гроба... именно так представлял себе этот звук Андрей.

Андрей еще раз ткнул в землю, и снова тот же глухой зловещий звук.

— Посвети-ка... — он присел на корточки и рукой очистил деревянную поверхность от земли. — Что это?

— Это шкаф, чешский двустворчатый шкаф, — гробовым, но полным радости голосом проговорила Кристина. — А в шкафу Гоша.

— Какой Гоша?! Какой шкаф?!

Андрей поднял лицо, но не увидел Кристину, только силуэт на фоне черного неба и бьющий из фонаря луч света.

— Теперь шкаф нужно откопать, в нем тело Гоши.

Андрей достал из пачки последнюю сигарету, выбрался из ямы и закурил. Ему не хотелось разговаривать, настроение было отвратительное. Кристина тем временем спустилась в яму и руками стала очищать дверцу отрытого Андреем шкафа.

Он покуривал, глядя на девушку сверху.

— Давай помогу, — сказал Андрей, увидев, как надрывается Кристина, выбрасывая из ямы горстями землю. — Ты лучше свети.

Он спустился в яму и лопатой стал очищать поверхность шкафа. Вскоре удалось очистить его до такой степени, что стало возможным открыть дверцу. Непривычный землекопный труд изнурил тело Андрея, лишив сил и всех желаний.

— Ну что, открывать будем? — спросил он с усталой усмешкой.

— Будем, — решительно сказала Кристина.

Андрей с трудом открыл створку шкафа и отшатнулся. На дне лежал черный полиэтиленовый пакет. Андрей присел, коснулся его рукой. В пакете вполне мог находиться покойник.

— Значит, все-таки Гоша?

— Он, — отозвалась Кристина. — Кому ж еще быть. Я его как облупленного знала. Мы в одном классе учились...

Она вела себя на удивление мужественно. Ночью, в лесу, в компании с покойником не всякая женщина смогла бы держать себя в руках. Да и самого Андрея она знала совсем недавно, а вдруг он насильник, какой-нибудь Чикатило.

— Ну, я вынимаю его, что ли, — с сомнением в голосе проговорил Андрей.

Он не полностью еще поверил в то, что они наконец докопались до покойника, что в шкафу и есть обещанный Гоша и это никакая не галлюцинация и не плод больного воображения девушки. Хотя он был склонен поверить скорее в то, что они в поисках воображаемого Гоши натолкнулись на случайного жмурика, зарытого здесь неизвестно кем и когда.

— Давай вытаскивать, — скомандовала Кристина. — Только осторожно, чтобы пакет не прорвался.

Он взялся за узел мешка, напрягся...

— У-у, елки!

Отпустив мешок, похлопал по его полиэтиленовому боку и вдруг расхохотался. Андрей взял лопату с края ямы и рубанул лежавший в шкафу мешок.

— Что это?

— Не видишь, земля, — Андрей поворошил в мешке острием лопаты. — Земля там...

— Почему? А где Гоша?

— Все! — он развел руками. — Нет никакого Гоши и не было. — Небось бегают твой Гоша где-нибудь живехонький, а мы тут с тобой изводимся.

Андрей с кряхтением выбрался из ямы, поясницу ломило, ладони покрывали мозоли. Труд землекопа требовал навыка и регулярной тренировки.

— Значит, он перехитрил меня, — проговорила Кристина тихо, почти шепотом. — Значит, он решил посмеяться надо мной и заменил труп Гоши на этот мешок... Ну, конечно, у него везде шпионы. Он всех подкупил... Какая сволочь!.. А ты?! Ты сам на него, случайно, не работаешь? — свирепо прошептала она, направив в лицо Андрея свет фонаря.

У Андрея сжалось сердце.

— Да ты что?..

— Ты ему не доносишь?.. Может, ты подослан, а?

— Что с тобой, Кристина?..

— Прости, Андрей, — девушка отвела свет в сторону. — Прости. Я уже никому не верю, он загнал меня в угол... Я боюсь, понимаешь, боюсь! — в голосе ее звучали слезы. — Теперь я совсем не знаю, что делать...

Он обнял ее, тело девушки вздрагивало. Андрей хотел сказать, что страхи ее напрасны, что покойник и все прочее только порождение ее воображения, что ее отец не желает ей зла и все пройдет... Но вместо этого почему-то сказал:

— Нужно уматывать отсюда, скоро уже утро.

Проговорил он это бесстрастным тоном, ночь, проведенная в лесу, была совершенно испоганена, и Андрей понимал, что запланированные удовольствия, на которые он возлагал такие надежды, не состоятся — не до них уже.

Глава 9

В этом мире нет вкуса, или Всемирный клуб идиотов, кретинов и дегенератов

Однако даже при глубокой задержке умственного развития может наблюдаться (при ИДИОТИЗМЕ) поразительное развитие в одностороннем направлении (необычайные способности к музыке, рисованию, к общественной и политической деятельности).

Юрий Анатольевич смотрел на мир сквозь диоптральные линзы очков в роговой оправе. Вероятно, эти чуть затемненные линзы как-то по-особенному преломляли пространство, и видел он его чуть иным, чем другие, возможно, пространство это преломлялось у него в мозгу... сказать трудно, но для него мир был другим. И чем больше он жил на этом свете, тем больше понимал, что в этом мире нет вкуса. В нем все устроено неправильно и несправедливо. С самого детства он замечал вокруг себя искаженности и хотел исправить их согласно своему представлению о прекрасном и удобном. Поймает, бывало, муху, оторвет бедняге крылышки и ножки и, говоря ласковые слова, давай ножки заместо крылышек прилаживать, приживлять... Или ножничками у жучка лапки обстрижет, но не так чтобы под корень, а наполовину только, и он на своих обстригышах костыляет потешно. А Юрочка все приговаривает: потерпи, мой хороший, потерпи, мой маленький... Кузнечиков оперировал — узнать, что у них внутри за пружинка такая, чтобы приставить ее таракашке, но не находил пружинки и плакал. Став чуть постарше, несмотря на хроническую неуспеваемость в школе, записался в кружок юннатов — любителей родной природы, откуда был изгнан, после того как распилил панцирь черепахи лобзиком. Руководство школы причислило его любознательность к заурядному хулиганству и врожденному тупоумию (о причине, впрочем, которого речь в дальнейшем). Став взрослее, с увлечением вскрывал

мышей, кошек, лягушек и всякую прочую мелкую живность. Он уже тогда понимал, что хочет переделать мир под свое о нем представление, переделать все живое в нем так, чтобы было интересно жить. Не забывая, однако, говорить при этом ласковые слова. Крысу он мечтал видеть с головой котенка на жабьих лапах... подобные и прочие фантазии вечно лезли ему в голову. И тогда он брался за хирургический скальпель. После, когда он уже стал хирургом и, к своему ужасу, наконец понял, что не все в этом мире можно переделать под свой вкус, что есть вещи, которые Господь заложил и которые не в силах переменить даже его скальпель, как бы ловок и точен он ни был. Природа сопротивлялась, она не желала уступать. И снова, как в детстве, он плакал от досады над своими неудачами. Но природное упорство заставляло двигаться вперед в борьбе с ней же самой — природой.

Юрий Анатольевич имел свою частную клинику, производившую пластические операции и прочие физические услуги: увеличивал маленькое, исправлял кривое, убирал лишнее, заращивал волосами и облысая. Его скальпель, по замечанию многих клиентов (в основном, конечно, дам, больших охотниц до переделки внешности), творил чудеса. Где-то подрезать, подтянуть, подковырнуть или поддержнуть... и вот мерзкая морщинистая старуха превращается в красавицу с восхитительным бюстом и дивной задницей, о которой она и не мечтала, да и природа не мечтала и не могла бы дать ей таких прелестей. Свои же замысловатые грезы он старался выразить при помощи все того же скальпеля в нерабочее время, заходя в борьбе с природой порой слишком далеко, очень далеко заходя. Можно сказать, что весь живой мир в своем окружении он создал своими руками. Зверинец, располагавшийся в его обширном доме в Озерках, состоящий из птиц и в основном домашних животных, имел то желаемое разнообразие чудесных переплетений, о которых он грезил. И когда он кого-нибудь приводил к себе хвастаться разнообразием созданных уродств, то обязательно говорил, что это и есть его душа, его личность. Всех этих голубей с крысиными головами и прочую нечисть он и считал своей, может быть, слегка извращенной, но личностью. А потом увлекся мифами древней Греции...

Много времени у Юрия Анатольевича занимала общественная работа. Он часто разъезжал по стране, по домам инвалидов, беседуя с идиотами и заносил их в свою картотеку. Неудивительно, ведь Юрий Анатольевич был президентом Всемирного клуба идиотов и кретинов, сокращенно — ВИК-клуба.

Юрий Анатольевич в детстве был ребенком с замедленным умственным развитием, учился в основном на двойки, в лучшем случае на тройки, был невнимателен и задумчив. Это не проходило мимо внимания учителей, и Юрия Анатольевича оставляли на второй год, приводя его в пример всей школе, выставив в актовом зале как негативный экземпляр: каким быть не нужно. Если в октябрята его приняли по возрасту, то в пионеры с запозданием на три года как особо выдающегося хулигана и двоечника. Кроме всех этих недостатков, он обладал исключительной хилостью здоровья и часто не посещал школу. Все учителя пророчили ему печальное будущее пьяницы чернорабочего. Но вышло все не так, не так все вышло абсолютно.

В двадцать лет, уже по приходе из армии, Юрий Анатольевич начал интересоваться философской литературой, живописью сюрреалистов, ну и, конечно, медициной, потому что мечта его переделать мир под свой вкус в осознанном возрасте приобрела реальные очертания.

Юрий Анатольевич поступил в медицинский институт и даже закончил его, хотя и не без труда. Дальше жизнь его неумолимо шла в своем движении только вверх. Вскоре он стал

лучшим в городе хирургом, проводящим пластические операции. Лет где-то в сорок, когда Юрий Анатольевич был уже на вершине известности и славы, он задумался о своем детстве, которое все еще выказывало себя в некоторых ощущениях неполноценности, проявляя себя хотя и не слишком навязчиво, но порой портя жизнь. К тому времени родители его уже умерли, и спросить о своем детстве было не у кого. Тогда он добыл в архиве свою детскую медицинскую карточку, и вскоре вся картина его рождения и развития была ему ясна.

С детства он страдал идиотизмом в слабой его форме. Причиной тому были тяжелые роды, алкоголизм отца (которым тот всю жизнь мучил близких) или кровосмешительство — так и осталось невыясненным, но самое главное он узнал. Дальнейшее погружение в тему идиотизма удивило и обрадовало Юрия Анатольевича. Оказывается, у детей, страдающих идиотизмом, часто наблюдается поразительное развитие в одном направлении (необычайные способности к музыке, математике, рисованию, философии и литературе). Чем дальше Юрий Анатольевич вникал в эту тему, тем поражался все больше и все больше проникался своей исключительностью. В ряд великих идиотов входили Эйнштейн, Ленин, Карл Маркс, Гёте, Моцарт, Наполеон... Чем глубже он изучал историю, тем больше понимал, что все сколько-нибудь известные личности, кто в детстве, кто в зрелом возрасте, в той или иной мере страдали идиотизмом. На это указывали многие следы их пребывания на планете. И если некоторым из великих людей приписывалось разностороннее развитие в различных областях точных наук и искусств, то чаще всего это были позднейшие инсинуации или попросту исключения. Он с линейкой и циркулем измерял лица, уши и подбородки великих людей. Исследования его дали изумительные результаты. Юрий Анатольевич, на время оставив хирургическую деятельность, создал уникальный труд в двух томах, назвав его «Идиоты правят миром», где говорил о братстве идиотов, выдвигая идею создания всемирного клуба идиотов и кретинов.

Его предложения не остались незамеченными и подвергались, с одной стороны, резкой критике, с другой — всплеску восторга. Пресса писала разное, бывали и небылицы типа:

«Всемирный элитный клуб идиотов получает сотни писем от идиотов и их близких из всех стран мира. Президенты и премьер-министры многих стран признаются, что в детстве у них было заторможенное развитие, что у них текли слюни, что они писались в постель до зрелого возраста и даже сейчас бывает... Что родители их алкоголики и кровосмесители. Каждый человек, сколько-нибудь добившийся в жизни благополучия, считает своим святым долгом подать документы в Клуб идиотов. Но они крайне редко кого-нибудь принимают в свои ряды. Нам в руки попало письмо, посланное из ВИК-клуба, приводим отрывок из него. „Мы тщательно изучили присланные вами материалы, и признаем Ваши заслуги на государственном посту, и охотно верим, что родители ваши алкоголики и Вы сами запойный, что Вы страдаете энурезом и провалами в памяти, но этого недостаточно для вступления в наш всемирный клуб. И даже отсутствие указательного пальца на левой руке, которое вы представляете как врожденное и неоспоримое доказательство Вашего кретинизма, не убедило комиссию. То, что Вы были президентом государства и развалили его, впечатляет, но не более. Скорее всего, Вы попали туда случайно. У Вас нет сверходаренности (хотя человек Вы не без идиотических отклонений!). Но, увы, вынуждены Вас огорчить, это простое тупоумие...“ Признавая их легкие умственные отклонения в этом тайном, управляющем миром обществе отказывают монархам и королям, аристократам и миллиардерам. Нужно признать, что ВИК-клуб правит человечеством вот уже несколько веков и власть его безгранична».

О всемирном клубе идиотов ходила масса небылиц: будто идиоты вершат судьбы человечества, словно это они провели в России эксперимент постройки социализма, а потом и эксперимент перестройки. Хотя никто не спорит: и Ленин, и Сталин были выдающимися, отменнейшими идиотами своего времени, но было бы неправильно говорить о всемирном заговоре. Уж каких только слухов не ходило и о государственной думе, и о правительстве России, что будто туда направляют отборных идиотов в целях продолжения эксперимента над страной... Но все это не имело под собой никакой почвы.

Идиотизм можно получить и при родах, так называемая родовая травма. Во всех странах мира работают секретные государственные программы по производству идиотов, прежде всего для формирования политической и экономической элиты страны. Поэтому наука по нанесению родовых травм финансировалась из бюджетов многих развитых государств мира как основная. Но в Советском Союзе ученые достигли огромных успехов во всеобщей идиотизации населения. В родильных домах персонал обращался с роженицами грубо и даже жестоко, но самых поразительных результатов достигли простым прибором — «фельдшерскими щипцами», этими щипцами тянули детей из утробы матери за голову на свет божий. Такие дети в простонародье назывались «щипцовыми», их можно было узнать в детстве по несколько деформированной голове, во взрослом же возрасте голова выправлялась, но нанесенная при рождении травма оставалась; такой человек ничем не отличался от окружающих, но, как правило, был одарен выдающимися способностями и в дальнейшем мог, не считая работы научной и творческой, претендовать на высокий пост в Совете Федераций, в Государственной Думе, на пост министра, мэра крупного города и, самое главное, президента страны. Несчастливым же без идиотических наклонностей эти посты во все времена занять было немислимо. Хотя был в работе и брак. Выбраковка составляла где-то 90 % от получивших травму, но удачные 10 % стали действительно цветом нации.

Пацифисты и партия зеленых с восторгом приняли теорию Юрия Анатольевича, во всеуслышание объявив, что теперь понятно, почему планету постоянно сотрясают войны и экологические катастрофы, предлагая свергнуть идиотов и установить власть народа... Историки возражали, что такое уже было не раз, что к власти приходят все те же одиночные, независимые идиоты и кретины и получается в конечном итоге еще хуже.

Все было не так, и выдумки в этих статьях и слухах было намного больше, чем на самом деле. Нужно признаться, что возглавляемая Юрием Анатольевичем организация получала письма, но чаще не от президентов, премьер-министров и миллиардеров, а от тех отбракованных 90 % заурядных идиотов и их родственников. В этих письмах в основном содержалась просьба о материальной помощи, а за это корреспонденты все свои таланты готовы были направить на процветание идиотского дела.

При работе над книгой и, особенно, после ее выхода Юрий Анатольевич остро чувствовал к себе интерес власти. Первая рукопись книги пропала из типографии, затем уже напечатанный тираж сторел при таинственных обстоятельствах — пришлось допечатывать второй. Кто-то очень могущественный пытался помешать выходу книги. Кто-то наверху старался скрыть свой врожденный идиотизм. Но Юрий Анатольевич был осторожен.

Кроме того, доставляла некоторые неудобства организация сопротивления, или, как они сами себя называли, «Народный фронт». Они взялись бороться с мировым идиотизмом, пропагандируя свержение всех идиотов и установку народной власти посредством посредственностей. Части народного фронта формировались из бойцов с идиотическими, или попросту —

психическими, отклонениями, по той или иной причине не прошедшие отборную комиссию. Они-то и были самыми ожесточенными борцами за свержение существующей власти. Именно на них и была теперь направлена вся мощь секретной государственной службы и ФСБ.

Глава 10

Сомнительные доказательства

ИДИОТИЯ — от греческого *idoteia* — невежество — самая тяжелая форма врожденного психического недоразвития.

Удовольствие не состоялось, вместо него состоялось неудовольствие. Перепачканный землей, уставший, Андрей притащился домой в восемь часов утра, потеряв где-то во тьме лесной чащи ключи от квартиры, так что пришлось карабкаться по водосточной трубе и лезть в окно, хорошо, соседи не вызвали милицию, а то пришлось бы еще тратить время на объяснения. С Кристиной они договорились не встречаться несколько дней, Андрея сейчас это волновало меньше всего, единственное, чего он желал, — это лечь в постель и согреться. С сумасшедшими женщинами дело иметь больше не хотелось. Впрочем, сейчас не хотелось иметь дел даже с нормальными.

Дома на кухонном столе его ждала записка, написанная каллиграфическим почерком: «Заходил, но не застал Вас дома, ценнейший мой Андрей Николаевич. А жаль! Будьте любезны позвонить мне, как только вернетесь из лесу, перепачканный и уставший». Внизу стояла подпись, размашистая с красивыми вензельчками, хотя и неразборчивая, но Андрей понял, кто автор записки.

Ну, это нахальство! Что значит заходил, не застал дома! Да почему он вообще должен заходить в квартиру как в свою собственную! Не-ет, нужно замок сменить, к чертовой матери!

Андрей принял горячий душ, лег в постель и уснул почти мгновенно. Но через час проснулся. Странное ощущение парения и какого-то неземного блаженства охватило его. Такого он не испытывал прежде. Некоторое время, лежа в постели, он смотрел в потолок, вспоминая виденный сон. Сон?! Пожалуй, сном назвать это было нельзя, настолько удивительное было ощущение. Он закрыл глаза... И снова вернулся тот самый сон...

— Копейкин, ты ли это? — трезвый Мелодий (значит, пил уже давно) сидел за столом все с тем же рыжим типом, как будто и не прошли сутки с того момента, как Андрей был у него. — Работу сачкуешь. Пиши объяснительную сейчас же! Мы, знаешь, сколько сегодня денег из-за тебя потеряли, неделю бы пить могли. Я тебя, Копейкин, уволю за прогулы.

— Не, не уволит, — усомнился его приятель и, почесав шею, зевнул.

— А вот уволю! — упорствовал Мелодий. — Где твоя трудовая книжка?! Нам сегодня нужно было деньги собирать, я коляску у старухи взять намеревался, а тебя нет!

Андрей уселся за стол.

Мелодий, взяв стакан, огласил тост, и они с рыжим выпили.

— Слушай, Мелодий, я посмотрю на Марианну, — сказал Андрей как можно безразличнее.

— А чего на нее смотреть-то? Или ты, может, сомневаешься, что она спит? Я, честно говоря, тоже сомневался первое время, а потом доктора убедили, что спящий человек — это

спящий, и точка. Хорошо, что мы ее не похоронили, это врач специальный, ну, тот, что по летаргикам, ее случайно увидел... А иначе труба дело! Закопали бы Марианну мою, и дело с концом. Таких случаев тьма.

— Ну, это сомнительно, что тьма, — встрял в разговор рыжий тип. — Если бы тьма была, мы бы об этом читали в газетах, — и, подумав, добавил: — В желтых.

— Я тебе отвечаю, что тьма! Каждый десятый, по статистике. Статистику такую проводили, среди умерших. Бывает понервничал человек — бац, и заснул. А все думают, что каюк пришел, этот сон на нервной почве в основном. Я тоже много нервничаю, — с грустью добавил он.

— Как статистику-то проводили? Могилы раскапывали, что ли?

— Может, и могилы раскапывали, короче, по науке все.

— А пробуждать врачи не пробовали? — поинтересовался Андрей.

— Не-е, бесполезняк! Был, говорят, один такой дядька, знал народные методы пробуждения, да помер в прошлом году. Он с карликом на пару работал, тот ему из морга спящих таскал, а этот пробуждал. Теперь кранты. Теперь жди, когда сама проснется.

— Сколько ждать? — Андрей отчего-то заволновался, сердце забилось.

— Жди, пока не проснется, — сказал рыжий и гоготнул. — Будильник здесь не поможет.

— Во-во! — резюмировал Мелодий, наливая по новой рюмке водки.

Андрей пить не стал, а вместо этого подошел к комоду и открыл крышку.

— Лежит себе, — сказал Мелодий, прожевывая закусочный огурец.

Андрей опустил на стул рядом со спящей. Что-то влекло его к этой женщине. Он слегка, словно боясь разбудить, провел пальцами по ее щеке. Щека, как, впрочем, и все спящее тело, была холодной и бесчувственной, но Андрея вдруг охватило какое-то сладостное томление, даже словно бы дыхание остановилось. Что это, он не смог определить: такое было впервые.

— Чего, нравится жена моя?! — раздался от стола нетрезвый голос Мелодия. — Мне тоже нравится, хотя я б ее за бутылку отдал, если бы не бабка проклятая.

У Андрея появилось сильное желание встать, подойти к Мелодию и треснуть его по башке бутылкой, но он удержал себя и только метнул в него ненавидящий взгляд. Но Мелодий истолковал его по-своему.

— Вот и я думаю: кому она нужна, кроме бабки.

— А вот и нет, — возразил рыжий, — ты бы ее в больницу предложил, такую, где опыты разные делают. А у меня знакомый свой скелет продал, теперь, как состарился, боится, что придут забирать. А без скелета, сам понимаешь...

— Кому он нужен-то?

— Как кому, для красоты. Банки покупают, сейчас у новых русских модно при входе для красоты скелет ставить. В издательствах книжных, но там они только скелеты писателей покупают, нам с тобой не светит.

Дальше разговор принял чисто коммерческую направленность о том, кому лучше продать скелет и можно ли продать скелет соседки-старухи так, чтобы она об этом не знала, карга. Но Андрей не слышал, он не мог оторвать глаз от Марианны, от ее профиля, нежной кожи... У него было ощущение, что он любуется дивным произведением искусства, созданным гением... Нет! Это было большее, еще большее, чем творение гения... Но что?!

Андрей смотрел на женщину не отрываясь, не слушая разговора за спиной, иногда ему

чудилось, что веки ее вздрогнули или легкая тень улыбки касалась губ, он приближал к ней лицо и вглядывался... Потом Андрей сел за стол к Мелодию с другом, выпивал с ними водки, вновь возвращался к Марианне и, улыбаясь счастливой, уже нетрезвой улыбкой, брал ее руку, гладил ее, согревая в своих ладонях...

Ушел Андрей ближе к вечеру. На улице стемнело, в сыром холодном воздухе пахло весной. Это не был еще приход весны, это было ее предвкушение. Андрей направился к Неве. Его всегда тянуло к этой реке, особенно когда было плохое настроение или, наоборот, хорошее... А сейчас, сейчас он не мог сказать о своем настроении ничего, это было состояние восторга и одновременно печали, да, наверное, печали. Впрочем, это тоже не имело никакого значения. Как не имеют значения все мирские ценности: богатство, карьера, благополучие перед лицом вечности, так все не имело значения перед его чувством.

Русалковед сидел под мостом на прежнем месте. Судя по всему, это был рискованный человек: лед грозил провалиться под его тяжестью, но он не унывал, он слушал, записывая на магнитофон бормотание реки, ее чудные звуки, подслушивая коммунальную жизнь утопленниц. Топились они в Неве испокон веку, от несчастной любви в основном решались свести счеты с жизнью и теперь, выбравшись ночами из Невы, мстили всему мужскому роду за свои неудачи и их прегрешения.

Андрей с гранитного спуска Невы некоторое время наблюдал за сидящим без движения русалковедом, потом бесстрашно спустился на лед и на разъезжающихся ногах направился к недвижимому человеку.

Русалковед был обрадован приходу молодого человека. Он дал послушать Андрею речные звуки.

— Ну что, молодой человек, хочешь доказательства?

— Доказательства чего?

— Доказательства того, что в Неве живут русалки. Ну?! Хочешь?!

Андрей посмотрел в глаза русалковеда и, хотя под мостом было достаточно темно, жутковатый отблеск из-под надвинутой по самые брови вязаной шапки разглядел, но ничуть не смутился. Сейчас он находился не в том настроении, чтобы пугаться.

— С удовольствием, — согласился он.

— Ну что же, — русалковед сделал паузу, какую-то неестественно затяжную паузу. — С удовольствием так с удовольствием... — и, закинув назад голову, хохотнул.

Они поднялись по гранитным ступеням.

— Вот здесь защекоченный русалками лежал, — указал рукой на гранитную скамью Яков Афанасьевич. — Я тут следователю рассказывал про русалок, так он не верит.

Андрей усмехнулся.

— В такое нелегко поверить.

— А почему трудно? — Они вышли на мост. — Верить ведь ты в НЛО, в телепатию, экстрасенсов, во всякую там чушьню.

— Да не очень-то, — признался Андрей, прикрывая лицо от ветра. На мосту всегда было ветрено.

Некоторое время шли молча.

— А если я тебе доказательства представлю, тогда, значит, поверишь?

Что-то в тоне Якова Афанасьевича насторожило Андрея. Что-то ему не понравилось во всем этом мероприятии.

— Может, и поверю, — ответил он, уже сожалея о своем решении идти к нему в гости.

«А все ли у него дома? — думал Андрей, шагая рядом с русалковедом, — Сколько все-таки в Петербурге странных людей! Кого только не встретишь. Да я и сам, наверное, тоже странный. Здесь все странные». Однажды к Андрею на улице пристал мужчина, который показывал ему большую желтую кость и клялся, что это ребро русского классика Гоголя, предлагая купить его за бутылку. Но Андрей на реликвию не клюнул. А потом пожалел.

Они перешли мост и углубились в темный дворик за мечетью. Огромный пушистый кот, видом и величиной похожий скорее на дикого камышового, вдруг с шипением выскочил из парадной и стремглав бросился в темноту. Андрей отпрянул, сердце сначала замерло, потом бешено заколотилось, как после стометровки. На душе сделалось тоскливо, пакостно и как-то безнадежно. Не осталось и следа от того радостного парения, с каким Андрей вышел от Мелодия.

Они поднялись на второй этаж, где жил Яков Афанасьевич, темным коридором на ощупь добрались до его комнаты.

— Ну, проходи, — русалковед зажег в комнате свет и пропустил Андрея вперед.

Андрей вошел и осмотрелся. В комнате царил беспорядок, с тех пор, как у Якова Афанасьевича побывал следователь Крылов, он еще усилился.

Русалковед помог снять Андрею куртку, отнес ее в прихожую.

— Я сейчас чаю поставлю, — сказал русалковед, улыбнувшись, как-то недобро улыбнувшись. — Согреться нужно, ты пока осваивайся.

Вернувшись, Яков Афанасьевич застал Андрея за рассматриванием картинок в старинной книге. Она была полностью посвящена всякой нечисти и носила название «Популярная демонология».

— Книга хорошая, — сказал Яков Афанасьевич, — хотя скучновата.

Он снова хохотнул невесело, без удовольствия, как делал всегда. Такая у него была привычка — прихихатывать.

— Не скажите, интересная книга. А рояль играет или так, для красоты?

— Для красоты. Ты садись, Андрей. — Яков Афанасьевич снял с ближайшего стула стопу книг, Андрей сел. Русалковед устроился напротив него.

— Вот что я тебе скажу, — приблизив к нему лицо, таинственно проговорил он. — Русалки существуют, и сейчас ты получишь тому доказательство, неопровержимое доказательство.

Яков Афанасьевич включил магнитофон, сел на место.

— Слушай внимательно.

Сначала из динамиков доносилось шуршание, звяканье посуды, неясные звуки разговора, после чего хриплый мужской голос проговорил что-то неразборчивое, и тут же голос Якова Афанасьевича.

— Расскажите, Юрий Михайлович, как все было.

— Ну, познакомились мы с ней на рыбалке. Я тогда подледным ловом промышлял, на Финском заливе. Ну, пришли с мужиками, врезали как следует, ну, сам понимаешь, что за рыбалка без этого дела... Ну, ты налей, а то в горле пересохло... — слышалось бульканье, шумные глотки, после чего тот же голос продолжал, иногда перебиваемый вопросами Якова Афанасьевича: — Ну вот, просверлил я лунку, сажу, клевать вроде начало. Правду сказать, дело к весне шло, кое-где полыньи образовались, но рыбаки — народ, сам знаешь, какой отчаянный. Все нам по фиг! Сажу, водочкой согреваюсь, рыбка вроде идет. И тут слышу: окликает меня кто-то! Оборачиваюсь. Мать честная! Прямо из полыньи, что за моей спиной,

по пояс баба выглядывает... Ну-ка, налей еще! — снова раздалось характерное бульканье, глотки. — Познакомились, поговорили...

Дальше речь повествователя сбивалась, путались слова, Юрий Михайлович начал заговариваться, причмокивать, поминутно просить налить еще... ощущалось воздействие алкоголя. Он рассказывал о том, что с русалкой у него завязались интимные отношения, что она влюбилась в него нечеловечески, вся его речь пересыпалась нецензурными словами в ее адрес, возгласами и просто беспричинной бранью. Он рассказывал о том, что любит холодных женщин, а эта русалка и была как раз то, что нужно, он согревался изнутри, и все нормально. Она жила в Неве, и он ходил встречаться с ней к Троицкому мосту. Одно нехорошо: был у нее хвост. А русалка смерть как его полюбила и согласилась отрезать хвост к чертовой матери, чтобы жить с ним дома в одной комнате. Пообещала она за это удовольствие несметные богатства, будто бы у нее там на дне куча всего припрятана. Рассказчик то и дело сбивался на свои какие-то несущественные и не относящиеся к рассказу рассуждения, но опытный Яков Афанасьевич направлял его в нужное русло рассказа. Оказывается, жила русалка в Неве не одна, с компанией таких же русалок. Кто был, как и она, с хвостом, а кто из утопленниц — с ногами. Короче, уговорила она своего возлюбленного найти ей врача, который бы отрезал хвост, чтобы она могла среди людей жить-поживать с любимым человеком. Денег она действительно дала, и Юрий Михайлович тайно привез ее в клинику, где и сделали ей долгожданную операцию по удалению лишней части. Жить бы им и поживать счастливо на коммунальных метрах жениха. Да начал жених на радостях пить по-черному, вплоть до белой горячки. И в конце концов, пропив ее денежки, бросил бесхвостую русалку, на фига ему инвалидка сдалась?! Кроме того, русалка эта состарилась здорово: русалки, живя на суше, старятся невероятно быстро. А зачем ему старуха, еще и бесхвостая. Рассказ уже в дупель пьяного Юрия Михайловича продолжался и дальше, но понять уже ничего было нельзя. Общий смысл повествования был ясен. Яков Афанасьевич выключил магнитофон.

— Теперь понятно?! — спросил русалковед.

Андрей пожал плечами. Не хотелось ему огорчать доверчивого человека, но правду внутри было не удержать.

— Не очень-то убедительно, — он мог эту историю придумать запросто...

— Придумать?! — перебил Яков Афанасьевич. Он поднялся со стула, и Андрей отшатнулся, так грозен и страшен был сейчас русалковед. — Да знаешь ли ты, что Юрий Михайлович до такой степени боялся воды, что даже ванну не принимал и через мост никогда не переходил? всю жизнь на острове прожил.

— На каком острове? На необитаемом?

— На Васильевском, конечно. И ни шагу оттуда. Только однажды... — Яков Афанасьевич замолчал, уселся на прежнее место, состроив какое-то скорбное выражение лица. — Только однажды, неизвестно откуда, появилась у него какая-то девица, молодая, симпатичная такая, жила у него недели две, наверное, выпивала с ним, да однажды, подпоив, завела на набережную... и с тех пор пропал Юрий Михайлович, как в воду канул. Вот.

— А девица?

— Девицы тоже с тех самых пор не видел никто. Ладно, пойду чайник сниму.

— Так что, девица эта русалкой была, что ли?

Яков Афанасьевич остановился у двери.

— А ты как думаешь?! Но одно я знаю точно: городу грозит беда. Если мы глубинными

минами... Пойми, мне очень важно, чтобы ты поверил. Это самое главное. Обо мне, правда, всякую чушь рассказывают, будто я сам с ними дружу и все такое, — он вновь хохотнул. — Но это же чушь! Чушь собачья!

И вышел.

Андрей находился в некотором недоумении. Рассказ пьяного утопленника его не убедил. Эдакую историю под рюмочку любой алкаш сплетет, еще более правдоподобную, особенно допившийся до горячки... Но что-то настораживало Андрея. То ли это странное желание Якова Афанасьевича уверить его в правдивости истории, то ли что-то другое. Необъяснимая тревога, чувство, что не городу, а ему, Андрею, грозит сейчас опасность, вдруг заворочалось где-то в глубине души, еще не осознанное, но уже осязаемое.

«Мотать нужно отсюда, — подумал он. — Что-то этот русалковед недоговаривает или еще хуже, что-то у него в уме застряло». Возможно, ничего у русалковеда в уме не застревало, возможно, это наивный рассказ алкаша навеял это тоскливое чувство страха.

Вошел Яков Афанасьевич с подносом, на котором стояли чашки, печенье в вазочке, поставил поднос на стол.

— Ну, за русалок, — поднял свою чашку и, внимательно глядя ему в глаза, поднес к чашке Андрея. — Они чокнулись. — Чай негорячий, — почему-то сказал русалковед, хохотнув.

Андрей сделал глоток и поставил чашку на поднос.

— Я не очень понимаю, какой вам интерес в том, будут люди знать, что в Неве водятся русалки или нет, — сказал Андрей, беря печенье.

— Тише! — вдруг рявкнул Яков Афанасьевич. — Вы слышали что-нибудь?! — последнюю фразу он проговорил шепотом.

— Нет, ничего, — Андрей прислушался.

— Я тоже ничего, — сказал русалковед, улыбнувшись виновато, — у меня иногда такое бывает: слышу то, чего другие не слышат. Ты, Андрей, пей чай, не стесняйся.

— Да я и не стесняюсь.

— Что это, звонок? — Яков Афанасьевич настороженно посмотрел на Андрея. — Ты никому не говорил?.. Ах, да... Сейчас посмотрю.

Он вышел, плотно притворив за собой дверь.

— Станный он какой-то, шизовый, — проговорил Андрей негромко, оглядываясь вокруг, комната русалковеда ему совсем не нравилась. — Зря я притащился.

В прихожей вдруг раздался негромкий, как бы придушенный вскрик, и женский голос явственно проговорил:

— Ты опять этим занимаешься! Ты же обещал.

Кто-то тихонько, стараясь говорить шепотом, чтобы его не услышали, ответил что-то, что именно — Андрей не разобрал, вслед за чем дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошел Яков Афанасьевич.

— Чаепитие отменяется, — сообщил он от порога. — Я прошу извинить, Андрей, явилась моя племянница. Такая стерва, — понизив голос, доверительно сообщил он.

В руках он держал куртку Андрея. В комнату вошла девушка. С виду ей было около тридцати лет, кожа у нее была очень белая, несмотря на то что она явилась с мороза: накрашенные ярко-красные губы придавали лицу странное выражение: рыжие, прилизанные на голове волосы внизу расходились волнами кудрей, и создавалось впечатление, что она только что вышла из воды и волосы ее не успели просохнуть: взгляд голубых глаз был

вбедливый и какой-то уж слишком прямой — так смотрят дети или животные.

— Здравствуйте, — сказала она с легкой картавинкой в голосе. — Ты меня, дядя, разве не познакомишь? — она метнула заинтересованно-кокетливый, но какой-то жутковатый взгляд в сторону Андрея, так должны были смотреть вампиры, и улыбнулась.

— Да. Это вот Андрей, мой новый знакомый, — Яков Афанасьевич снова, запрокинув голову, хохотнул.

— А меня зовут Юля.

— Юля, племянница моя, — пояснил Яков Афанасьевич, — она танцовщица, а еще стихи пишет.

— Очень интересно, — сказал Андрей.

— Приходите завтра, у нас перформенс в галерее «Борей» на Литейном. Знаете, где это? В шесть часов. Ансамбль утопленниц. Я там главная.

— Утопленниц? — переспросил Андрей, и тут же пришло в голову, что это и есть перед ним утопленница, самая настоящая утопленница, или она изо всех сил старалась на нее походить. — Не очень-то веселый ансамбль?.. — взглянул на стоявшего тут же Якова Афанасьевича. — А впрочем, понятно почему утопленниц.

Но эти слова Юле явно не понравились. Хотя по ее абсолютно лишенному эмоций лицу понять это было трудно, Андрей и не понял, скорее догадался.

— Это здесь ни при чем.

— Вы на автобус опоздаете, — напомнил Яков Афанасьевич, хотя Андрею и не нужно было ни на какой автобус.

Яков Афанасьевич бесцеремонно подталкивал его к двери. Так что Андрей даже не смог попрощаться с девушкой.

Русалковед выпроводил его на лестницу и, проговорив что-то нечленораздельное, закрыл дверь.

Глава 11

Тень третьего лишнего

ДЕГЕНЕРАТ — человек с признаками физического или психического вырождения (выродок).

— Привет, это я. — Он давно ждал ее звонка, думал о ней. — Может быть, это прозвучит нахально, но, кажется, я хочу к тебе в гости... Ну что ты молчишь?..

— Я не молчу, я думаю.

— Ты думаешь, хочешь ли ты, чтобы я приехала?.. Я соскучилась по тебе... Ты бы знал, как я соскучилась по тебе.

— Я тоже.

— Так, значит, приехать?

— А ты не повезешь меня ночью на кладбище откапывать покойника?

— Ну ладно, Андрей, не обижайся, я хочу серьезно поговорить с тобой.

— Так ты за этим приедешь? — на том конце провода Кристина вздохнула так выразительно, что Андрей понял, что не только за этим. — Записывай адрес.

Положив трубку, он заметался по квартире, скрывая бардак холостяцкого жилья, помыл посуду и даже успел сбегать в магазин за бутылкой вина и тремя желтыми розами. Кроме

этого, он принес два полиэтиленовых пакета, в которых оказались: банка маслин, сардины, копченый палтус, сыр «бри» с плесенью и еще много всякой всячины — того, что в обыденной жизни он не употреблял, а только покупал для приятного ужина с соблазнительной женщиной, на какой он рассчитывал и сегодня.

Кристина приехала, опоздав на час, наверное, снова избавлялась от слезки. Андрей помог ей раздеться. На девушке было серое трикотажное платье, подчеркивающее ее чертовски завлекательную фигуру, и черные колготки.

— У тебя тут ничего, — сказала Кристина, усаживаясь на диван и закидывая ногу на ногу, сказала она это явно из вежливости, лишь для того, чтобы доставить удовольствие Андрею. — Я хотела поговорить с тобой...

— Нет, нет! — Андрей замахал руками. — Все разговоры оставим на потом. Сейчас мы будем ужинать, — и, оглянувшись, добавил: — При свечах.

— Я согласна, — она улыбнулась понимающе и сузила зеленые глаза, отчего у Андрея по спине побежали мурашки. — Но для начала я бы хотела тебе кое-что сказать, и, может быть, после этого ты уже ничего не захочешь. Дело в том, что мой бывший муж...

— Нет! Только не это! — воскликнул Андрей, выразив глазами ужас. — Умоляю тебя, не порть наш вечер. Все потом, все потом!..

— Но, может быть, ты не захочешь... — настаивала Кристина.

— Я не захочу?! — Андрей окинул тело женщины страстным взглядом. — Да что я, дурак, чтобы не захотеть.

— Ну, смотри, тогда пеняй на себя.

Кристина улыбнулась.

— Слушай, у меня такое чувство, что мы с тобой уже давно знаем друг друга, еще как только первый раз встретились, мне сразу показалось, — сказал он.

— Возможно, так и есть, — как-то загадочно, с растяжкой проговорила Кристина.

За ужином Андрей рассказывал веселые истории и был в ударе. Кристина много ела и смеялась.

— Я хочу сделать тебе сюрприз, — сказал Андрей, после очередной истории вставая из-за стола.

Он сходил в кухню, принес коробку с тортом, перевязанную розовой ленточкой, и поставил ее перед Кристиной.

— Вот.

Кристина, улыбаясь (какая женщина не любит сюрпризы), развязала ленточку, открыла коробку.

— Господи ты боже мой! Это же Грехильда! — воскликнула она, радостно захлопав в ладоши.

На дне коробки и вправду лежаладохлая кошка, вся белая от инея.

— Я сохранил ее как память о тебе, — признался Андрей. — Это единственное, что у меня осталось.

— Какой ты трогательный. Какой романтичный.

Кристина встала, обняла его и, прижавшись к нему телом, поцеловала. Андрей ответил на поцелуй...

Она осталась ночевать. И Андрей не пожалел об этом. Кристина оказалась опытной, страстной, умелой, соблазнительной и нежной любовницей и делала все и так, как он хотел, и он делал так, как хотела она, и им было хорошо вместе. Тело ее было без изъянов, или ему

так только казалось. Андрей, забывшись, шептал ей какие-то глупости... «Молчи, молчи!» — говорила она, страстно дыша, и он замолкал, но потом, забывшись, снова шептал все, что приходило на ум... Казалось, что вот она, та единственная, которую он искал всю жизнь. Одно только омрачало радость от восхитительной ночи — это частые звонки по телефону. Дождавшись, когда снимут трубку, какая-то сволочь на том конце провода глубокомысленно молчала. Звонков таких было пять. После чего Андрей догадался отключить телефон. Дальше все было, как в восхитительном многосерийном кинофильме.

Проснулись они в полдень, за окном светило солнце, настроение было превосходное. Когда Андрей вышел из душа, Кристина ждала его за столом, уже накрытым к завтраку, но Андрей сразу понял, что девушку что-то тревожит.

— Что-нибудь случилось? — спросил он, наклонившись и поцеловав ее в щеку.

Кристина недовольно отвернула голову.

— Откуда у тебя это? — Кристина швырнула на стол визитную карточку.

Это была визитка психиатра, лечащего врача Кристины, которую оставил ее отец.

— Где ты ее взяла?

— На полу нашла, — она, язвительно ухмыльнулась. — Ты с ними заодно! А я, дура, думала!

— Нет, уверяю тебя я не с ними... — начал оправдываться Андрей. — Просто твой отец заходил и всучил мне эту визитку.

— Какой отец? — Кристина внимательно посмотрела в глаза Андрею.

— Юрий Анатольевич.

— Так он назвал себя моим отцом? Какая скотина! Папочка! Ты бы видел, что этот папочка со мной вытворял!.. Что он еще говорил? — тон ее был пренебрежительный, зеленые глаза, в которых вчера было столько распутства, нежности и даже любви, сделались жесткими, и Андрей расстроился: так хорошо было ночью, а сейчас — другой человек.

— Да я тебе сам рассказать все хотел, — начал он оправдывающимся тоном. — Ну, говорил, что ты лечилась у психиатра, что бабушка твоя не твоя бабушка, просил, если ты меня куда-нибудь поведешь, к примеру, покойника ночью выкапывать, чтобы я твоему психиатру позвонил...

— И ты позвонил?

— Нет, клянусь! Я тогда решил не звонить, чувствовал, что-то здесь нечисто... Да и ты на сумасшедшую не похожа.

Последние слова Андрей произнес не очень убежденно, потому что глаза Кристины внезапно сузились, как будто она хотела просмотреть сквозь его череп.

И Андрей рассказал все, как, вернувшись домой, застал Юрия Анатольевича и что он ему говорил. Не забыл даже упомянуть о записке, которую утром, после ночного приключения, обнаружил у себя дома.

— Значит, Юра знал, что мы с тобой искали ночью Гошу... — в задумчивости проговорила Кристина. — Он все всегда знает. А я дура... Ладно. Что было дальше?

— Что-что, да ничего не было.

— Ну, хорошо, Андрей, теперь послушай, что я тебе расскажу. Юра, мой бывший муж, опасен не только для меня, но и для общества, несмотря на то что он гениальный хирург. Мы познакомились с ним три года назад, случайно, у одной моей знакомой. Я была тогда совсем другой... — Кристина хотела еще что-то добавить, но осеклась и замолчала.

— Ну и что, — Андрей всегда был нетерпелив и любопытен, — и что было потом?

— А потом мы поженились. Он взял с меня слово, что я буду принадлежать только ему.

— В этом нет ничего удивительного, — улыбнулся Андрей.

— Тут все было несколько по-другому... Я не могу объяснить тебе всего, когда-нибудь ты сам догадаешься. Я тогда была в безвыходной ситуации и согласилась на его условия. А тут, как назло, где-то через год после всего этого встретился Гоша, мой одноклассник. Ну... сам понимаешь, я была влюблена в него в школе, он меня не замечал, ну а тут...

— Да! Одноклассники — это серьезно, — глубокомысленно выдал из себя Андрей, хотя упоминание о мужчине, с которым у Кристины был роман, неприятно укололо его.

— Короче говоря, у нас с ним начались близкие отношения, я по-настоящему любила его, с тех пор у меня не было ничего подобного. — Андрей поморщился. — Юра, конечно, догадывался о наших отношениях. Сначала он предупредил нас обоих. Но я не верила, что он способен на такое... Короче говоря, он отвез Гошу к себе в клинику и прооперировал его. Я не знаю, что он намеревался из него сотворить, но при операции Гоша умер; возможно, так даже было для него лучше, неизвестно, на что способна фантазия такого извращенного человека, как Юра. Это мне сообщили верные люди. Тогда Юра запихал его труп в двухстворчатый шкаф и ночью с помощью своих идиотов, которые у него работают, отвез шкаф в лес на проспекте Ветеранов. Этот лес тебе хорошо знаком. Но Юра не знал, что мне известно место захоронения, я молчала об этом целый год и вот сейчас, когда я окончательно порвала с ним всякие отношения, решила с твоей помощью перепрятать труп Гоши в другое место, чтобы в случае чего можно было покойником заткнуть Юркину пасть. Но он успел перепрятать труп. Теперь ты понял?!

— Да! История... — покачал Андрей головой. — Но, по моему мнению, проще было бы обратиться в милицию, пусть они сами разбираются. А твоего бывшего мужа посадить за убийство. Пятнадцати лет тебе для спокойной жизни хватит?

— Это все не так просто, как тебе кажется. Если даже труп найдется, то попробуй докажи, что преступление совершил именно Юра, наверняка следов он не оставил. Если бы я выкопала Гошин труп первая, то подложили бы нужную улику, и дело в шляпе. Был бы труп, а как его привязать к Юре — мое дело. Какой у тебя этаж? — вдруг взволновалась Кристина, бросив взгляд на окно, половина которого была зашторена глухой занавеской.

— Первый. Ты что, не заметила? — улыбнулся Андрей.

Кристина, не отрываясь, смотрела на окно.

— Да чего ты боишься, — Андрей с улыбочкой поднялся из-за стола, подошел к окну и резко отдернул занавеску.

Кристина вскрикнула. Андрей проследил за ее взглядом и отшатнулся. За окном, на уровне подоконника, он увидел человеческую голову в профиль. Профиль, нужно сказать, был препротивный: нос со вдавленной переносицей, лоб выдавался вперед, огромное красное ухо, расплющенное о стекло, было искажено и вид имело отвратительный.

Услышав шум отодвигаемой шторы, человек по ту сторону окна отпрянул, повернул голову и изумленными, полными испуга глазами посмотрел на возвышающегося перед ним Андрея и тут же, взмахнув руками как в высшей степени удивления, исчез.

Андрей рванул раму окна и высунулся наружу. Внизу, на мокрой земле газона, среди деревянных ящиков барахтался невысокий человек. Хотя он и старался как можно быстрее встать на ноги, от волнения у него это никак не получалось, он все время падал, вскакивал, цеплялся за деревянные ящики и снова падал... Должно быть, он ожидал от Андрея каких-то враждебных, членовредительских действий, потому что постоянно поглядывал на окно.

Наконец ему удалось встать, и он, прихрамывая на правую ногу и поминутно оглядываясь, бросился бежать.

— Кретин хренов! Передай своему хозяину, что я до него доберусь!! — что есть мочи прокричала в окно Кристина, а Андрей погрозил ему кулаком.

— Ну вот, они меня и выследили, — печально сказала Кристина, когда они, закрыв окно, сели пить чай. Я целый час ходила по улицам, чтобы уйти от слежки, как видно, бесполезно.

— А что он может сделать? — Андрей улыбнулся обнадеживающе, вот только кого он хотел обнадежить улыбкой, себя или Кристину, было непонятно.

— Видишь ли, Андрей, — Кристина глядела как-то вбок, глаза ее были грустными. — Мы теперь оба в опасности, я не хотела ввязывать тебя в это дело. Ну ты же видел. Я давно хотела к тебе в гости, но мне был известен Юрин характер...

— Ну хорошо, что он сделать-то может?

Как бы ветерок какой-то ледяной пронесся по комнате, залез под рубашку и мурашками прополз по спине... Голос Андрея сорвался, и он, скрывая внезапное чувство, закашлялся.

— Не думай об этом, — сказала Кристина. — Только, прошу тебя, будь осторожен.

— А я и не думаю, — Андрей старательно улыбнулся.

Вечером Кристина пожелала поехать домой.

— У меня бабушка наверняка волнуется, — сказала она в оправдание. — Давай встретимся через день-два, я сама позвоню.

Андрей вызвался проводить ее до дома. Выходили они, соблюдая все меры безопасности. Теперь действительно нужно быть осторожнее, если уж бывший муж такой придурок, что готов убить всякого ее любовника, то Андрей теперь тоже оказывался в группе риска.

— Ты меня дальше не провожай, — сказала Кристина, остановившись возле подворотни. — И умоляю тебя: будь осторожен.

— Конечно, буду, — пообещал Андрей. — А может быть, до парадной, у вас двор темный, мало ли какой разбойник во тьме таится.

— Нет, прошу тебя.

Андрей обнял ее, поцеловал и направился к метро.

Размышления его были безрадостные. Теперь он пугался каждого прохожего и уже сожалел, что не взял с собой складной нож. Для обороны это, конечно, пустяк, но для уверенности бы пригодился. До своего дома он доехал без приключений.

— Браток, закурить не найдется? — возле самой парадной его остановили двое мужчин, у одного физиономия была чисто бандитская, второй — с виду безобидный щуплый интеллигентик в очках.

— Не курю, — соврал Андрей, торопясь пройти мимо.

И тут маленький, щуплый интеллигент вдруг бросился на четвереньки, оказавшись прямо за Андреем, второй, тот, что с бандитской рожой, толкнул Андрея в грудь, и он, не удержавшись, повалился спиной на асфальт, оказавшись в смехотворной позе с поднятыми ногами. Бандитская рожа подбежал к нему и стукнул ботинком в бок, не так чтобы очень больно, но чувствительно. Интеллигент вскочил и со зверски перекошенным лицом стал пинать Андрея ногами, очки его сползли набок.

— Получай, гад рослый! — приговаривал он при этом. — Ненавижу, гад! Меня никто не любит! Рослый гад, получай!

— Да я не рослый! — успел только выкрикнуть Андрей, защищая от ударов лицо и перекатываясь на земле. — Я средний.

— Средний тоже гад! Еще хуже! Меня никто не любит! Не любит меня никто! — приговаривал интеллигент при каждом ударе.

Здоровенный стоял в сторонке, глядя на зверствования интеллигента.

— Ну, хватит с него! — наконец дрогнуло у него сердце. — Ты же его так совсем покалечишь.

— И покалечу! Вот каких любят, а меня никто не любит. Средний гад!

Бандитский тип, увидев, что интеллигента никак не увещевать, схватил его за руку и оттащил от лежащего Андрея. Они повернулись и побежали.

Андрей с трудом поднялся. Он не пытался встать, когда его били, понимая, что это бессмысленно, могло достаться ботинком по лицу, а его он оберегал больше всего. К нему подошел прохожий, помог подняться. Спина болела, дышать было тяжело. Андрей как-то сразу обессилел, сел на скамейку, хватая ртом воздух. Из-за поворота вывернула машина «скорой помощи» с синеньким огоньком. Взвыла сиреной, остановилась возле скамейки. Из нее вышли врач и медсестра.

— Что случилось? — врач склонился над сидящим Андреем. — Вам плохо, пойдете к машине, мы сделаем обезболивающий укол.

— Да нет, все нормально, немного только спина... — он застонал.

— Пойдете, у вас может быть поврежден позвоночник. Пойдете. Мария Николаевна, помогите.

Врач и медсестра взяли Андрея под руки, помогли подняться и доковылять до машины.

— Сейчас мы вам укольчик сделаем, а там посмотрим, — пообещал врач. — Ложитесь, ложитесь.

Андрея уложили, медсестра сделала укол в вену... И все поплыло...

Глава 12

Выбор облика

Вследствие притупления у ИДИОТОВ восприимчивости к внешним впечатлениям и умственным восприятиям, не получается никаких представлений, или же они очень искажены и направлены на свои примитивные выгоды.

Андрей шел по набережной Невы. Стояла белая ночь. Белая ночь в Петербурге имеет свой цвет и запах, этаким особым шарм, не поддающийся описанию. Набережная была пустынна. Вдалеке за домами уже готовилось взойти солнце, стояла тишина, свойственная всякому предрассветному утру. Не было видно ни машин, ни людей — город спал. Спало все: люди, птицы, деревья и кусты, дома и набережная тоже спали, лишь Нева чинно двигалась в своем гранитном обрамлении.

И тут Андрей увидел девушку. Она неторопливо шла по проезжей части, стройная, худенькая, в темно-коричневом платье, с каштановыми, распущенными по плечам волосами. Босоножки она несла в руке, и ее голые ступни мягко ступали по прохладному асфальту набережной. Счастливого человека видно сразу, он всегда отличается от прочих. Эта женщина была счастлива, она была счастлива от этого голубого чистого неба, от этой ночи, от того, что можно вот так, не видимой никем, идти босиком... Что-то удивительно

знакомое было в ее фигуре, Андрей неслышно следовал за ней, боясь нарушить ее блаженное одиночество. Он восхищенно любовался грацией и какой-то неземной легкостью ее движений, тем, как она, считая себя в одиночестве, пританцовывая, подпрыгивает, делая балетные па, иногда приседая в реверансе, иногда вдруг пробежав несколько шагов, взлетала, замирая на миг в воздухе... делая все это настолько легко и непринужденно, что у Андрея останавливалось восторженное дыхание. В голове ее, должно быть, звучала какая-то музыка, Андрею даже начинало казаться, что и он слышит ее, что музыка прорывается в его сознание сквозь прохладную тишину ночи. Он не приближался к женщине, боясь спугнуть полет ее души.

Но вдруг она сама повернулась в его сторону, поманила рукой. Губы ее что-то прошептали. Андрей остановился, он не разобрал слов. Впрочем, это было неважно. Она звала его, ждала его. Оказывается, он искал ее, всю жизнь искал только ее. Никогда Андрей не видел таких прекрасных женщин.

Она протянула ему навстречу руки. Андрей протянул свои... они встретились. Первые лучи солнца ударили из-за крыш домов.

— Сколько лет я ждал тебя, Марианна, — промолвил он, сжимая ее прохладную руку, глядя ей в глаза. — Я ждал тебя всю жизнь.

Они повернулись и, держась за руки, зашагали по набережной навстречу восходящему солнцу.

— ...Я ждал тебя всю жизнь...

Андрей открыл глаза. Из белой густой мути выступил человеческий силуэт. Нижняя половина его лица отсутствовала, одни большие глаза за стеклами в роговой оправе.

Андрей попытался поднять голову, сильная боль пронзила мозг, в глазах все поплыло, на мгновение он потерял сознание, а когда снова очнулся, муть куда-то ушла, зрение и сознание прояснились.

Над ним склонился человек в повязке, белом халате и шапочке. Мягкими пальцами он трогал лицо, шею Андрея, иногда прикладывая к уху или лбу линейку, производя нужные измерения в сантиметрах, ничуть не обращая внимания на очнувшегося Андрея. Он попытался подняться, сказать, чтобы его не трогали, оставили в покое, но не смог: язык и члены оцепенели, хотя клетки мозга работали исправно.

От головы врач перебрался к его туловищу и стал что-то рисовать на нем красным фломастером, выделяя различные, нужные ему части. Андрей зверски вращал глазами, чтобы привлечь внимание самозабвенного хирурга, но то ли врач был настолько увлечен разметкой его тела, то ли нарочно не замечал его, но, так или иначе, никак не проявил к его действиям интереса.

Андрей обвел глазами помещение. Он лежал на операционном столе, яркий свет ламп бил в глаза. В дальнем углу, позвякивая инструментами, копошились еще двое врачей в белых халатах.

— О! Проснулся, голубчик, — наконец обратил на него внимание делавший на нем пометки врач.

Подожли двое других, без повязок, у них были удивительно знакомые лица.

— Ну что, гад рослый, очнулся? Дать тебе еще? — пригрозил маленький врач в очечках.

— Да не нужно, и так сложно вылечить будет, — отозвался второй с бандитской рожей и перебитым носом.

Все они трое склонились над обнаженным Андреем и стали внимательно разглядывать

его тело.

— Вылечим, — сказала бандитская рожа.

— Ну что, разлюбимый мой дружок Андрей Николаевич, ложится вам удобно?.. Ну и славно. Я ведь, мой голубок, вас никак не обижаю, — он погладил Андрея по голове. — Вы мне очень даже нравитесь... Но вот знаете вы, мой любимый, слишком много. Вернее, немного, но то, что не нужно. — Андрей только мычал в ответ, мычать ему кое-как стало удаваться. — Что, слов нет? — продолжал между тем Юрий Анатольевич свои ласковые речи. — Кристиночка моя ненаглядная зря меня на вас променяла. Но это мы исправим, мой ласковый, непременно исправим. Вы, наверное, не знаете: я всю жизнь что-то исправляю: животных, свою жизнь, жизнь другим людям. А говорить вам незачем, вы мне все равно ничего нового не скажете, а я вам скажу, разлюбознейший мой Андрей Николаевич. А это мои ассистенты, замечательные, между прочим, доктора, вы не смотрите, что один из них с лицом бандитским, а второй ростом не вышел, доктора они замечательные.

В то время, когда он разглагольствовал, «замечательные доктора» готовили инструменты для операции, с толком, расстановкой и задумчивым видом проводили на теле Андрея какие-то линии, словом, готовились не на шутку раскроить его тело белое на куски. Андрей переводил обезумевшие глаза то на них, в любую минуту ожидая, что ему без предупреждения вонзят в тело скальпель, то на ласкового Юрия Анатольевича.

— Так что вас, бесценный мой, били сегодня не какие-нибудь бандюганы, а доктора, заметьте, профессионалы, в человеческом теле — как рыбы в воде. Можете быть уверены: ни одного жизненно важного органа, ни одной косточки они вам не задели, ни один хрящичек не повредили — клятву Гиппократы давали. Да бей они вас с завязанными глазами, табуреткой или молотком, и тогда я уверен в их профессионализме. Вы, конечно, хотите знать, мой очаровательный друг, зачем вы здесь? Что мы с вами сделаем? Резонный вопрос лежащего на операционном столе человека. Но никто не может выглянуть за занавес настоящего и увидеть будущее, никто. Так что вы об этом узнаете, оказавшись в будущем. А сейчас о прошлом. То, что говорила вам Кристиночка, правда, но правда только до известной степени. Да, ее дружка разлюбимого Гошу я прооперировал... И сделал, нужно сказать, это гениально, как, впрочем, и все, что я делаю. Такой операции до меня не делал никто, мне бы за это полагалась Нобелевская премия... Но, увы, — Юрий Анатольевич развел руками, — увы, я ее не получу никогда. Это Кристина думает, что Гоша, дружок ее, умер, но он жив. Понимаете, любимый, бесценный мой Андрей Николаевич, он-то жив! Хотите убедиться?

Все это время он стоял, склонившись над Андреем, но видел Андрей только его глаза, добрые, очень человеческие глаза. В это время двое других врачей продолжали подготовку к операции.

— Вот полюбуйте, что я сотворил из прелестника Гоши.

Перед лицом Андрея оказалась цветная фотография, на которой он увидел кентавра. Настоящего кентавра, верхняя часть туловища его была человеческой, с руками, а нижняя — коня.

— Видите, что я выделал из этого жеребца, любимый мой Андрей Николаевич. Красавец, не правда ли?! Мифы люблю, мифы Древней Греции обожаю.

Пот мгновенно прошиб Андрея, но телу стало легче, удалось даже пошевелить пальцем, силы постепенно возвращались.

— Ну что, достоин я премии? Ну, вот и вы теперь у меня. Что бы из вас эдакое

сотворить? Тоже такого жеребца или чего попроще?.. — Юрий Анатольевич прошелся вдоль стола, окинув взглядом Андрея, потом снова склонился над его лицом. — Теперь вы поняли, во что вляпались, любимый мой, драгоценный, яхонтовый... Что же вы хотите, хрюкая свиньей, отсюда убежать? Эдаким кабанчиком. Или в компанию к Гоше, для стадности. Мне ведь вас убить неинтересно, я мир создаю под себя. В мире нет совершенства, в моих творениях — да, совершенство есть. А в мире... Впрочем, все это слова. Нужно, нежнейший мой, мне делом заниматься.

Врач с бандитской физиономией сделал Андрею укол в вену. Андрей решил, что сейчас он заснет, и это последнее, что он видит в этом состоянии: через некоторое время, очнувшись свиньей, он будет и воспринимать-то все по-другому. Не так, как раньше... по-свинячьи.

Но, вопреки ожиданиям, силы стали возвращаться к Андрею, он пошевелил сначала рукой, потом медленно сел...

— Это успокаивающее лекарство, любезный Андрей Николаевич. Вас никто здесь не собирается мучить. Вы же умный человек.

Андрей спустился со стола, Юрию Анатольевичу пришлось поддержать его и, доведя до кресла в углу операционной, усадить; сам же он, сняв с лица повязку, опустился на металлическую табуретку.

— Поймите, мой дорогой, я не желаю вам зла, — вкрадчиво говорил он, доброжелательно глядя в глаза Андрея. — Вы что думаете, я с Гошей беседы не проводил? Вы что думаете, я его взял и — хрясь-хрясь — в кентавра превратил. Нет, мой любимый, я с ним беседовал, объяснял... Да, он туповат, недоверчив оказался. Что я мог поделывать? А вы человек разумный, у вас же высшее образование, если не ошибаюсь, за плечами?.. Ну вот, а у него ПТУ электромеханическое. Пусть бегают, на полянках пасется. А вам незачем, вы же человек разумный. Ну, как вы себя чувствуете, правда, лучше?

— Да, лучше, — ответил Андрей. Хотя, может быть, он и не ответил, а только подумал.

Но Юрий Анатольевич услышал.

— Вот и славно. Значит, решайте, разлюбимый мой, либо вы встречаетесь в интимных радостях и дальше пылаете страстью какое-то непродолжительное время к Кристиночке, либо живете-поживаете в таком виде, как есть. А то ведь я, в кого захочу, превратить могу. В женщину, например. Ха-ха-ха! Вы никогда не хотели стать женщиной?! Ну, в детстве наряжались в дамские платья, Андрей Николаевич, признайтесь. Наряжались?! А с кентавром Гошей это не шутка. — Он сунул в руку Андрею фотографию. — Единственная моя недоработка, что я уйти ему позволил из зверинца. А зверинец у меня загляденье, ну, как-нибудь посмотрите, и только вам решать: снаружи или изнутри, — он с досадой развел руками. — А Гоша ночью решетку сломал — откуда только силища такая взялась? — и убежал. Но мы его ловим, ловим и поймаем. Фотографию можете себе на память оставить. А сейчас вас домой отвезут, любимый мой, бесценный мой, дорогой Андрей Николаевич...

Глава 13

Новые планы Кристины

Среди ИДИОТОВ мы можем встретить субъектов, близко подходящих к нормальным людям, но во всех проявлениях ума, чувства, характера и воли идиоты несколько отличаются от здоровых людей.

Андрей открыл глаза, резко сел в кровати и осмотрелся. Умиротворенно вздохнув, снова лег и некоторое время, лежа на спине, глядел в потолок. Потом, закрыв глаза, попробовал снова уснуть — не удалось, тогда он нехотя встал и, надев халат, пошел в кухню готовить завтрак.

Ужасный сон с похищением, приснившийся этой ночью, не давал покоя, навевая тягостные мысли, но Андрей заставлял себя не думать о нем — не получалось.

Было двенадцать часов дня, когда телефонный звонок заставил его вздрогнуть. Андрей взял переносную трубку, которую захватил с собой в кухню. Звонила Кристина.

— Как у тебя дела? — голос ее был встревожен.

— Да все нормально, только сплю плохо: ужасы про твоего мужа ненаглядного снятся.

— Ну, слава Богу! — вздохнула Кристина. — Давай мы с тобой пару дней видаться не будем... Есть у меня подозрение, что Юра тебя похитить хочет. Верные люди сообщили. Я не хочу тебя терять, слышишь. Не хочу!

— Да что ты так разволновалась, деточка моя. Никто меня не похитит, очень я ему нужен. Приезжай сегодня вечером, я тебе такое покажу!

Конечно, у Андрея не было ничего такого, чем можно было бы удивить Кристину, но всем женщинам всегда он обещал одно и то же. И всегда для Андрея было загадкой, верят они ему или все-таки догадываются, зачем их приглашают.

— Я бы, конечно, приехала... Но пару дней нужно подождать. Я боюсь за тебя.

— Вот это напрасно, за меня бояться не стоит.

Андрей с улыбкой прошел в комнату, взгляд его упал на журнальный столик, на котором лежал журнал «Плейбой» и фотография. Андрей свободной от трубки рукой взял фотографию в руки и поднес к глазам.

— ...Почему ты молчишь?! Ты меня слышишь?!

— Да-да, я слышу тебя, — дрогнувшим голосом проговорил Андрей, не сводя глаз с фотографии. — Нам теперь точно нужно встретиться.

— Что-нибудь случилось?

Он распахнул полы халата. Тело было расчерчено бледно-розовым фломастером.

— Похоже, случилось. Нужно поговорить.

Они условились о месте встречи, Андрей нажал кнопку отбоя.

— Черт, выходит, это был не сон, — проговорил он вполголоса, глядя на фотографию, с которой на него смотрел кентавр.

Как и положено, нижняя его часть была конская, верхняя — вполне человеческая, и человеческая эта часть была облачена в рубашку и теплую шерстяную кофту. Нижняя часть, взятая не от коня, а от пони мужского пола, смотрелась не такой громадной. Фотография хотя и выглядела вполне реалистично, но запросто могла быть фотомонтажом: на компьютере сейчас можно сделать все что угодно. Сам факт того, что сон в конечном итоге оказался реальностью, совершенно вывел Андрея из себя, и он на некоторое время вообще потерял способность мыслить. Он тупо глазел на кентавра, наконец, придя в себя, положил фотографию на стол и обследовал свои вещи. Все было как будто в порядке, казалось, что их даже вычистили и выгладили. Кроме фотографии, размеченного фломастерами туловища и двух точек на руке от уколов в вену, ничто не напоминало о ночном приключении. Андрей снова поднес фотографию к глазам и более внимательно присмотрелся к ней. Кентавр стоял на фоне красной кирпичной стены и вид имел довольно унылый. Удивительно, но лицо кентавра казалось знакомо Андрею, где-то он встречался с этим человеком, возможно, очень

давно. Он попытался вспомнить, при каких обстоятельствах это произошло, но не смог.

Андрей отправился в душ и под горячими, еле стерпимыми струями воды отчаянно тер себя мочалкой, с трудом уничтожая следы разметки. Но и потом еще долго, не один день, чувствовал их на своем теле, как будто следы порезов. Андрей, как корова, был приготовлен к разбору: кость, толстый край, тонкий филей, огузок, мозги...

После душа он пошел на кухню приготовить кофе, мысленно прокручивая лица знакомых, обстоятельства жизни, когда мог встретиться с этим человеком, но память отказывала в помощи. Наверное, он был просто на кого-то похож.

Андрей приехал к воротам Летнего сада за полчаса до назначенного времени. Два часа перед этим он чинно ходил по улицам города, глядя в витрины магазинов, исподтишка косясь назад: пытаясь выявить за собой слежку, так что даже глаза и шея заболели, но не обнаружил. Это несколько огорчило его. Просматривающееся со всех сторон место на горбатом мостике напротив Летнего сада выбрала сама Кристина с какой-то только ей известной целью. Он знал, что она имела опыт в подобных делах, поэтому доверился ей полностью.

Андрей остановился на вершине горбатого мостика с видом на Неву и, поминутно осматриваясь кругом, стал ждать.

На Неве кое-где во льду образовались полыньи, и, глядя вдаль на Петропавловскую крепость, обозревая виды Петербурга, Андрей любовался печальной красотой этого унылого города, в котором можно жить только в весеннее и летнее время, когда становится тепло, остальные же времена приходилось переживать.

Кристина приехала на такси. Она была вся какая-то взъерошенная, в сбившейся набок шапке.

— Что случилось?

— Мы ведь сто лет с тобой не виделись, а ты с дурацкими вопросами. — Андрей привлек девушку к себе и поцеловал в губы. — Я по тебе соскучился, видишь как.

— Я тоже, — смягчившись, проговорила Кристина. — Так ты для этого со мной увидеться хотел?

— Не совсем. — Андрей оглянулся по сторонам. — Пройдемся, я по пути тебе кое-что расскажу, — и, усмехнувшись, добавил: — Думаю, тебя это удивит.

Пока они неторопливо шли по аллеям Летнего сада, обезображенного ящиками, скрывающими мраморные статуи, Андрей рассказал Кристине о похищении, о том, что говорил Юрий Анатольевич, умолчав только о кентавре, в которого он превратил Гошу. Кристина слушала не перебивая.

— Значит, он тебя решил запугать, — заключила она после рассказа Андрея, но как-то невнятно и неуверенно. — Ну, и что ты решил?

— Я хотел сказать тебе еще кое-что, — вместо ответа проговорил Андрей, ему было не по себе, предстояла тяжелая миссия. Он не знал, какой может быть реакция девушки, пришли на память слова Юрия Анатольевича о том, что она психически ненормальная. Он понимал, что все это вранье, но отчего-то вот вспомнилось...

— Давай, может, присядем.

Они уселись на скамейку в самом конце аллеи. Андрей осмотрелся по сторонам.

«А что если и вправду сумасшедшая, как бросится на меня с когтями — лицо поцарапает...» — тоскливо подумал он, глядя на двух бредущих по аллее старушек.

— Твой бывший муж показал мне... Но я так думаю, что это может быть

фотомонтаж, — попробовал он смягчить тяжесть удара.

Она взяла в руки протянутую фотографию, приблизила к глазам. Андрей, не зная, как себя вести, отвернулся. Девушка смотрела на фотокарточку долго, не двигаясь, не произнося ни слова, Андрей бросил на нее косо взгляд и увидел, что по щекам ее текут ручейки слез. Она, не отрывая взгляда от фотографии, беззвучно плакала, и слезы капали ей на куртку, оставляя темные пятна.

Андрей обнял девушку за плечи, она опустила руку с фотографией и уткнулась ему в плечо. Так они сидели минут десять, пока у Андрея не онемела рука, да он и продрог без движения изрядно: мороз в этот день был минус десять.

«Интересно, как кентаврам, да и вообще всякой живности в такую погоду? — почему-то подумал он с тоской. — Бедняги».

— Значит, вот что он сделал с Гошей, — проговорила Кристина, пряча фотографию в сумочку, достав косметичку и приводя макияж в порядок. Она выглядела посвежевшей и на удивление спокойной. — Вот собака! Тушь поплыла, а говорили, что французская. — Она сделала последние штрихи на внешности.

— Я подозреваю, что это фотомонтаж, — снова повторил Андрей.

— Нет, Андрюшенька, — она убрала зеркальце в сумочку, — он не опустится до фотомонтажа. Уж я-то знаю, Юра на это способен. Страшно тебе? — Она повернула голову к Андрею, сощурился глаза и как-то ехидно глядя ему в лицо. — Ну, скажи, страшно?

— Да нет, — Андрей не ожидал такого прямого вопроса, а ему и действительно почему-то не было страшно.

— Знаешь что, Андрюша, давай расстанемся прямо сейчас. — Кристина поднялась.

— Что за глупости?! — Андрей вскочил. Он терпеть не мог расставаний, особенно вот таких с бухты-баракты. — Нельзя же так.

— Но ты, наверное, не понимаешь, Андрюшенька, что ты подвергаешься чудовищной опасности. Юра так просто тебя теперь не оставит, ведь он предупредил тебя, это было предупреждение! Как ты не понял?

— Почему же не понял? — Андрей улыбнулся слегка сконфуженно. — Он меня не испугал. Я обычно делаю то, что хочу.

— Правда?!

Кристина смотрела на Андрея прямо в упор, ее широко открытые зеленые глаза и чуть покрасневшие веки изумительно подействовали на Андрея, он обнял девушку и, прижав к себе, поцеловал. Губы ее ответили жарким, многообещающим поцелуем, и было в этом ответном поцелуе что-то развязное и распутное, такое, от чего вскипала кровь... и хотелось овладеть ею прямо сейчас, здесь, не сходя с места!.. Как попало. Да, эта женщина стояла того, чтобы за нее бороться пусть даже с таким могущественным и извращенным соперником, как ее бывший муж.

Потом они, не обращая внимания на прогуливавшихся по саду голубей и старух (в этот час их было почему-то особенно много), целовались, сидя на скамейке, целовались страстно, захлеб... Кристина говорила какие-то непонятные и неважные вещи, Андрей отвечал невпопад... Они вряд ли смогли вспомнить, о чем говорили минуту назад. Их разрывала страсть, не находившая выхода.

— Ты знаешь, мне кажется, что я где-то уже видел этого... который на фотографии, — сказал Андрей. Он умышленно не назвал его имени, потому что это был уже не человек в привычном смысле слова и человеческое имя ему уже не подходило.

— Конечно, ты его знаешь, — сказала Кристина, прижимаясь к нему теснее.

Голова девушки лежала на его плече.

— Что значит — знаю?!

Кристина молчала.

— Что все-таки ты имеешь в виду? — повторил свой вопрос Андрей.

— Ты хочешь знать правду? — спросила Кристина, подняв голову и посмотрев на Андрея.

— А что же тут странного, если я хочу знать правду? — удивился он.

— Это твой одноклассник.

— Генка! — воскликнул Андрей, звонко хлопнув себя по лбу, так что кепка съехала набок. — Как я сразу-то не догадался! Я же с ним дружил... Ну дела!

Андрей разволновался, вскочил и достал из кармана куртки фотографию. Кристина сидела, закинув ногу на ногу.

— Ведь точно он. Как же это может быть! Мы же с ним дружили даже!..

Измученный странным совпадением, Андрей снова сел на скамейку.

— А ты откуда его знаешь?

— Мы были с ним близки, — пожала плечами Кристина.

— А, ну да... Хотя подожди, — Андрей встрепнулся от пришедшей в голову мысли. — Откуда ты могла знать, что мы учились в одной школе?

Кристина вздохнула.

— Да потому, Андрюшенька, что я тоже училась в этом классе.

— Не понял.

— Я училась с вами в одном классе. Теперь понял?

— Теперь понял, — сказал Андрей, пожав плечами. Минуту помолчали. — Почему ты не сказала об этом раньше?.. А впрочем, какая разница. Я не помню тебя в школе. Совсем не помню.

— Неудивительно, я тогда была другая.

— Что значит — другая?

— А то и значит... — Кристина помолчала. — Я, Андрей, не хотела тебе говорить, но четыре года назад, когда мы встретились с Юрой, он сделал мне несколько пластических операций. Он сделал из меня женщину для себя, под себя. Сделал все это: лицо, грудь своего любимого размерчика, бедра, улыбку... — она улыбнулась натужно, истерично, просто оскалилась. — Даже размерчик ноги, свой любимый размерчик. Все. То, о чем всегда мечтал с детства, по своему личному чертежу. Нарисовал на бумаге — разметил, проставил размеры, и вперед! Теперь понимаешь, почему он не хочет меня отпускать. Я то, что он сляпал по своему вкусу, по чертежу, который до сих пор висит у него в кабинете. Леонардо да Винчи хренов! А чертеж этот еще в детстве нарисовал. В детстве маленькому, дебиловатому Юрочке больше всего нравились малярши, ну, знаешь, такие бабы в грязных комбинезонах ходили стайками... Извращенец чертов! И я, нарисованная на бумаге. А потом уже вырос и соорудил для себя. Он даже ухитрился переделать... Ай, сказать стыдно! — Кристина махнула рукой. — Он хотел переделать и душу. Психиатр Скунс, эта мерзкая баба, тоже его человек. С ее помощью он хотел внушить мне любовь к себе, лишит воли, подчинить... Но она оказалась не столь талантлива, как Юра. Внешность была по его вкусу — душу переделать не удалось. Но внешнюю мечту свою он осуществил.

— Подожди, здесь что-то не так... Я не понимаю что, — Андрей потер лоб ладонью, —

но что-то не так... Ах вот! Я же помню, ни одной девочки с именем Кристина у нас в классе не было. Я точно помню!

Девушка улыбнулась.

— У меня тогда было другое имя. Это Юра дал мне имя Кристина, потому что... Ну короче, оно звучит несколько иначе, он называет меня Кретина в честь кретинов и идиотов, которыми руководит. Хорошо, что не Идиотина.

— Так как же тебя звали, может быть, я вспомню.

— Зачем? Я не хочу терять детство, оно было давно, и я тогда была другой, была....

Слово «была» она произнесла как-то странно, вложив в него особенный, иной смысл.

— Ну я хочу вспомнить, — Андрей нежно поцеловал ее, вложив в поцелуй всю имеющуюся у него нежность, хотя какая там нежность после таких признаний. — Прошу тебя.

— Хорошо, меня звали Лена. Только не спрашивай фамилию, я все равно не скажу.

— Ты жила на Красной улице, дом тридцать два? — Кристина вздрогнула, посмотрела на Андрея с каким-то странным, другим чувством. Андрей мог поклясться, что это были страх, смятение и еще злость, но он не стал заострять на этом внимания и продолжал: — А ведь я был влюблен в тебя. Я, бывало, шел от школы за тобой до самого двора и даже один раз подрался из-за тебя... Но ты была другая...

— Как все это странно. Мама умерла, я осталась одна. Сейчас там, на Красной, никто не живет, и дом, кажется, снесли. И сейчас, через столько лет, в другой жизни... Странно, что мы с тобой встретились.

— Ты знаешь, дело тут даже не во внешности, в чем-то другом. Я думаю, тебя можно переделывать как угодно, а я все равно, снова встретив тебя, полюблю.

— Ты сказал: полюблю? — Кристина с тоской смотрела на Андрея.

— Ну да... полюблю, — смутившись, повторил он.

— Знаешь, я ведь давно не говорила никому этого слова. С тех самых пор... — Кристина грустно уставилась на сухой лист на дорожке парка.

— С каких пор?

— Что с каких пор?

— Ну, ты говоришь, что не говорила слова «люблю» с тех самых пор.

— Ах да... С тех пор как я рассталась с Гошей, я никому не говорила этого слова. Мне казалось, ничего не может быть сильнее наших с ним чувств... А теперь все временно, все не по-настоящему. Ты знаешь, я для себя придумала, что он жив, что он уехал куда-нибудь далеко, за границу, в Америку. Мне было так легче. Я даже сама себе письма от него писала. Читала их и рвала на мелкие кусочки, а потом плакала, как дура. Мне казалось, такого человека больше не будет в моей жизни. Разве я могла предположить, что он бегает где-то. И никак о себе не дал знать... Жи-вот-ное!

Но Андрей, глядя на толстенный ствол паркового растения, не слушал девушку.

— Ты знаешь, мне кажется, что ты уже была во мне, и то, что я встретил и полюбил тебя, никакая не случайность. Возможно, я уже родился в душе с тобой, только я этого не знал, а сейчас встретил и понял, что это и есть ты. Ты всегда была во мне, — казалось, он говорит эти слова не ей, а той, другой, спящей в комодке у Мелодия. — Да, ты всегда была во мне, сейчас только проявилась.

Некоторое время они молчали. Мимо, чуть приволакивая ногу, прошел инвалид со следами вырождения на нездорово-бледном лице. Прохожий приостановился, как-то искоса,

этак лукаво, посмотрел на влюбленных и с шарканьем прошествовал дальше.

Кристина проводила его внимательными глазами.

— Нам, пожалуй, нужно идти отсюда.

Они встали и двинулись в противоположную от инвалида сторону. Пройдя через сад, вышли на набережную Мойки, потом мимо Инженерного замка на Кленовую аллею. По пути почти не разговаривали, Кристина незаметно оглядывалась, стараясь обнаружить слежку.

— Не следят, подлецы, значит, Юра готовит какую-то пакость, — наконец проговорила она.

— Почему ты так считаешь? Может быть, он поверил, что я с тобой не встречусь больше.

— А ты ему это обещал? — бросила на него подозрительный взгляд Кристина.

В голосе ее почудилась обида.

— Нет... — смутился он, — кажется, нет.

— Да он бы тебе все равно не поверил, обещаниям он не верит, он верит только своим глазам и своим ушам. Да еще глазам и ушам некоторых идиотов.

— Он, вообще, ревнивый?

— Он не ревнивый, он мстительный.

— А я ревнивый, просто жуть, и если ты... — Андрей обнял ее за плечи и сильно прижал к себе. — То я не знаю, что с тобой сделаю.

— Пошли ко мне, — вдруг предложила Кристина, — бабушка будет только вечером, так что мы можем...

Она вдруг смолкла. Из-за угла Зимнего стадиона до них явственно донесся топот копыт. Отчетливый неторопливый топот, словно большое животное знало, что им никуда не деться, и потому не спешило. Они остановились.

— Господи! — Кристина прижалась к Андрею.

Андрей, готовый ко всему, внутренне напрягся...

Из-за поворота на вороном коне выехала плохо одетая девочка и, увидев глядящих на нее людей, заныла тонким жалобным голоском:

— Дайте на еду для лошадки!

Кристина, глубоко вздохнув, вынула из кошелька несколько купюр и протянула девочке-лошаднице. Глаза Кристины с ужасом неотрывно глядели на нижнюю часть туловища коня... а может, и не с ужасом, черт поймет этих баб.

Каждый раз в минуты близости Андрей приходил в восторг от этой женщины. Юрий Анатольевич постарался на славу и на вкус Андрея, у нее не было изъянов: восхитительная грудь, бедра, да и все остальное, она была «создана» для постели, и ее создателю нужно было отдать должное, и Андрей отдавал.

Обстановка старухиной квартиры была убогой, словно всю эту задрипанную мебелишку и тряпье натаскали с дворовой помойки. Андрей успел мельком заметить это только в первый момент, потом страсть закружила их и...

Иногда Кристина вдруг начинала кричать и стонать, и видно было, что она не слышит своего голоса, что она не здесь, не с ним... С кем?! С кентавром Гошей? Черт бы его побрал!

Они лежали на продавленном диване, Андрей, в одних брюках, лежа на спине, курил, глядя в неровный с облупленными чешуйками потолок, девушка, в батистовом голубом халатике, уже несколько минут неотрывно смотрела на его профиль.

— Слушай, у меня к тебе есть серьезный разговор, — прошептала она и провела

ладонью по его щеке.

— По-моему, так у нас все разговоры серьезные. Ну да, я слушаю, — не поворачивая головы, проговорил Андрей, выпустив в потолок струйку дыма.

— А давай его убьем.

Андрей сделал глубокую затяжку.

— Кого?

— Ну, кого-кого? Юру, конечно. У меня и план есть, хороший план. Мы с бабушкой придумали. Заманим его на Неву, на лед, вечером и утопим. Я знаю, как это сделать. Пара пустяков. Так просто, что ты себе не представляешь! Мы справимся втроем, мне только твоя сила мужская нужна. Ну! Андрюшенька, миленький, давай!

Андрей поднялся на локоть и уставился на девушку.

— Ты что говоришь, Кристина?! Ты в своем уме? Как это — утопим?! Человека живого?!

— Да, так! — глаза девушки заблестели, она очень возбудилась. — Ты не понимаешь, ведь Юра готовит что-то, что-то страшное. Вспомни Гошу! — она поднялась с дивана, метнулась к столу, при этом полы халата распахнулись от резкого движения... но это не вызвало в Андрее былого интереса. Кристина выхватила из своей сумочки фотографию, бросила на голый живот Андрея. — Вот! Полюбуйся!! Ты хочешь быть таким?! Хочешь?! — из глаз ее потекли слезы. — Ты дорог мне, Андрюша, я не хочу тебя потерять. Давай убьем Юру. Ну давай убьем, утопим гада!

Она кинулась на диван рядом с ним, обхватив шею Андрея руками, уткнулась в его плечо и заплакала.

— Не плачь, моя девочка, — Андрей погладил ее по вздрагивающему плечу. — Может быть, лучше уехать куда-нибудь... Точно! Давай все бросим и уедем. Я квартиру продам... Ну, или что-нибудь еще придумаем...

Девушка молчала. Андрей понял, что говорить с ней сейчас бессмысленно. Кристина скоро взяла себя в руки.

— Бежать поздно, Андрей, — проговорила она, сузив зеленые глаза совершенно спокойно, даже холодно, поднявшись и подойдя к столу, на котором лежали сигареты. — Да, честно говоря, и самому Юре было бы от этого лучше...

— От чего? От того, что его убьют, лучше?

— Ты не понимаешь, Андрей, ничего не понимаешь, а объяснить я тебе всего не могу. Да, собственно, и твоя судьба уже решена. Так что все не имеет значения.

Она закурила и, сложив губы бантиком, выпустила тоненькую-претоненькую струйку дыма.

— Как это решена? Я не согласен! — проговорил Андрей, хотя в комнате было прохладно, его бросило в пот. — Кем это решена?!

— В том-то и дело, Андрюша, что у тебя сейчас нет выбора: либо мы его, либо он тебя. А что касается меня, я устала жить вечно... в смысле — в вечном страхе. Да и жизнью это не назовешь... Нежить, — мерзкая какая-то, злорадная ухмылка мелькнула на ее губах. — Мне все равно. Я — то, что он создал своими гениальными руками, и то, что он никогда не позволит себе разрушить. Скорее он разрушит мир вокруг меня. Ты понимаешь?.. Вернее, даже не разрушит, а переделает, перекромсает, исковеркает его, как захочет.

— Послушай, не темни. Что ты со мной в жмурки играешь? — Андрей рассерженно поднялся и, натянув рубашку, подошел к девушке. — Что значит — решена? Ты что-то

скрываешь от меня.

Андрей, взяв за плечи, повернул ее к себе лицом. Кристина была совершенно безразлична, ее зеленые глаза смотрели холодно, как на чужого, использованного, ненужного...

— Я еще не знаю как, но скоро мне скажут.

Был уже вечер, когда он уходил из старухиной квартиры. Кристина пообещала позвонить через два дня. Андрей понимал, что девушка лучше него знает нрав бывшего мужа, и, доверяя ей, не противоречил. Он не думал сейчас об опасности, он думал об ее словах. А может, Кристина в чем-то права, и стоит опередить его... Ну, если способ безопасный, конечно.

Сначала Андрей решил идти домой, взгляд его невольно... а может быть, вольно упал на окно Мелодия. Что-то тоскливо заворочалось в душе, представилась тихо лежащая в комодке женщина, ему вдруг захотелось ее навестить, увидеть, хотя бы на минуточку... погладить ее руку...

Мелодий был в компании уже знакомого Андрею безмянного рыжего. Как всегда, пили водку и, как всегда, запивали пивом. Сегодня был день получки завода «Красный выборжец», и Мелодий, с поджатой ногой, проторчал у проходной в коляске целый день. В дни получки он пасся у некоторых обедневших предприятий: у банков в дни получек паслись свои люди, с «крышами»; Мелодий отбил для себя только средней руки заводики: все лучшие места были разделены.

— Про то, что на некоторых кладбищах теперь плату с посетителей берут, это я знаю, — продолжал начатый разговор рыжий. — Но вот в Москве поумнее вещь придумали. Они за выход с кладбища деньги берут. Во.

— А разница какая? — полюбопытствовал Мелодий, ковыряя в дупле дальнего зуба ногтем. — Ведь сколько войдет, столько и выйдет. Физика.

— Вот тут и разница, что больше получается. Денег-то больше собирают, почти в два раза. Доход вырос. Потому как входит на кладбище за день больше, чем выходит, вот и вся физика кладбищенская.

— Почему?

— А черт его знает почему. Загадка кладбищенской природы тут.

— Это в Москве, там все по-другому.

Мелодий налил еще по стопке, Андрей тоже отказываться не стал.

— А у нас кандидат перед выборами придумал свой портрет и депутатскую программу на туалетной бумаге печатать. Быстро разбирали, прошел. Я тоже за него голосовал, снискал он мою народную любовь.

Выпили за депутатов.

— А у меня месяц назад такое началось, — сделав глоток пива, начал рыжий, сегодня он был разговорчив особенно и даже ни в чем не сомневался. — Как проснусь, голову подниму, а у меня на подушке какие-то маленькие винтики и шурупчики лежат, и такого вида, будто из головы ночью высыпались. Мне с похмелья, сам понимаешь, страшно делается. Головой потрясу — вроде не звенит. Трезвый ничего, а как снова выпью, утром голову поднимаю — шурупчики с винтиками. Я даже однажды спал в шапке с завязанными ушами, не выпадало ничего...

— Это белая горячка, — поставил диагноз Мелодий. — Так белая горячка начинается. Я точно знаю. От нее лучшее средство на ладан дышать. Приходишь в церковь и на ладан

дышишь, дышишь... неделю подышишь — как рукой снимет, говорят, и при бронхите хорошо.

— Нет, — возразил рыжий, — горячка не так начинается. Лучшее средство против горячки, от глюк, когда вальты пошли, — это корень жизни. Бабка моя еще учила, мелко его так нарубить и принимать отвар по столовой ложке. А здесь не горячка была, тут Машка, стерва, подкладывала, чтобы я подумал, что от пьянства совсем свихнулся, и пить бросил. Но я хрен ей брошу! — рыжий показал Мелодию, потом Андрею веснушчатый кукиш.

— Правильно.

Мелодий снова налил и, не ломая голову, предложил снова за депутатов. Но рыжий, возразив, предложил за президента.

— Пить нужно всегда на повышение градуса, — и, мгновение подумав, добавил: — И рейтинга.

Андрей пить отказался, не потому, что за президента, да хоть за черта лысого, если охота, — не было настроения. Он встал из-за стола, подойдя к комоду, открыл его. Дыхание перехватило. Андрей пододвинул стул, сел рядом с женщиной.

— Ты чего-то часто к моей жене повадился, — бросил от стола Мелодий. — Ну, да я не ревнивый. Как бабка помрет, отдам тебе ее, Андрюха. Возьмешь?

Андрей не ответил. Разговор за столом возобновился.

Андрей протянул руку и осторожно погладил Марианну по щеке, кожа ее была бархатистой и упругой.

— Никогда я не видел таких женщин... — прошептал он неслышно одними губами. — Почему?

Сейчас он совершенно позабыл о Кристине, с которой ему было так истерично-восхитительно совсем недавно, ее как бы не существовало никогда и нигде, а Марианна, казалось, наоборот, всегда была в его жизни. И эта женщина сейчас занимала все его мысли, все мечты. Вот это самое прикосновение к щеке спящей женщины приносило ему чувство, которого он не испытывал прежде в своей жизни. Это была высшая точка блаженства, и никакие половые извращения, даже самые замысловатые, не могли сравниться с этим легким касанием.

— Я заберу тебя. Я заберу тебя... и мы поедем далеко, за тысячи километров отсюда... — шептал он негромко, склонившись к ее уху, не давая себе отчета за слова, не слышные ни для кого, не переставая гладить ее руку. Он говорил для нее, и ему казалось, что она слышит. — Все будет хорошо... Все будет хорошо. — И он сам верил в эти слова.

Марианна лежала тихо, ее прохладное мраморное лицо не изменялось, но ему казалось, что она верит и соглашается.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Под знаком идиотизма

(Идиотизм крепчал)

Глава 1

Распад личности

Однако даже при глубокой задержке умственного развития может наблюдаться при ИДИОТИЗМЕ поразительное развитие в одностороннем направлении (необычайные способности к музыке, рисованию, общественной и политической деятельности и т. п.).

— Алло! Мы бы хотели сжечь старушку, сколько это будет стоить? — приятный женский голос.

— Сколько лет старушке?

В трубке молчание, затем придушенный смешок:

— А что, это повлияет на цену?

— Ну, конечно, чем старше, тем дороже. По тысяче баксов за каждый год. Ну а вообще сжечь можно, только свои дрова несите, старухи ничего горят, тепла, правда, мало выделяют.

Андрей положил телефонную трубку и пошел в кухню кормить Кошару.

Кошара, как обычно, голодный и унылый, сидел на столе рядом с сахарницей, заискивающе глядя на Андрея, вторая голова его была понуро опущена и глядела куда-то в пол взглядом неосмысленным и тупым, как бы даже не понимая, зачем она здесь оказалась.

Андрей, достав из холодильника сосиску, швырнул на пол. Животное, проследив за ее полетом, спрыгнуло со стола и набросилось на еду, противно тряся лишней головой. Вторая голова Кошары не ела никогда и ничего, было видно, что она отомрет естественной смертью отторгнутого органа, и тогда уже сам Кошара издохнет тоже. Это и радовало, и огорчало Андрея. Кошара за три недели надоел ему зверски. Кроме того, он сжирал огромное количество провианта, причем был всеяден, как будто знал, что жить ему осталась неделя и нужно нажраться за эту неделю, как за всю жизнь. Андрей успел привязаться к мерзкому созданию: вдвоем в квартире было не так грустно но, с другой стороны, Кошара осточертел, еще как осточертел. Поначалу вторая голова Кошары жила своей полноценной, радостной жизнью и даже мяукала, но постепенно стала сохнуть. Иногда Кошара притаскивал пойманную где-то белую мышь, из брюха которой росла лапка котенка, или еще какого-нибудь искусственного уродца из семейства крысиных. За последний месяц Андрей в досталь навидался всеразной живности чудного вида и устройства. И если поначалу уроды вызывали в нем удивление, потом интерес, то теперь вовсе перестали обращать на себя внимание. Он выкидывал дохлых, задушенных Кошарой тварей в помойное ведро, даже не разглядывая.

Номер телефона ему сменили две недели назад, присвоив номер разорившегося частного крематория «Братья Жемчужные». В этом Андрей тоже видел коварные происки Юрия Анатольевича, который уже месяц подбрасывал разных созданных им уродцев. Соседи с ума сходили. Новый русский со второго этажа вызвал экологическую комиссию —

проверить дом на радиацию, все оказалось в норме. По району от их дома расплозились диковинные животные и слухи один чудовищнее другого. Юрий Анатольевич трудился в своей клинике, производя уродов не покладая рук, и кого другого с менее устойчивой, чем у Андрея, психикой, давно накрепко упакованного в смиренную рубашку, увезли бы санитары. Но Андрей был крепкий орешек, и его это не очень-то огорчало. С Кристиной они встречались теперь редко и только на квартире у старухи. Вокруг Андрея медленно и неумолимо сжималось кольцо. Теперь вблизи него крутились придурки идиотского вида: один с детским барабаном на шее, каждое утро привозимый машиной «скорой помощи», занимал место почетного караула возле входной двери и стоял, замерев, пока кто-нибудь не входил или не выходил; увидев это, идиот выдавал истерическую барабанную дробь. Но если из парадной выходил Андрей, идиот вел себя по-другому: беспрестанно барабанил, вышагивал за ним на расстоянии трех шагов, и, когда Андрей садился в автобус, идиот, не сводя с него влюбленных глаз, и туда следовал за ним. Андрей поначалу приходил в смущение от такого эскорта, пытался прогнать идиота, но потом привык. Ему даже начало это нравиться, тем более что обмануть слабоумного человека при желании ничего не стоило. Однажды он для смеха привез дурачка с собой к Кристине, и, пока они занимались в старухиной комнате любовью, дурачок барабанил под окном на игрушечном детском барабанчике, приводя в нервное состояние жителей дома.

В последние недели замечалось значительное оживление на рынке недвижимости. Жильцы из парадной Андрея стали скоростно переезжать в другие квартиры, при этом вид у них был испуганный и растерянный, словно они спешили сбежать от какой-то заразы. Вместо съехавших жильцов на их место вселялись неполноценные личности с неадекватным поведением и следами вырождения на лицах. По лестнице беспрестанно сновали агенты, предлагая переехать в другие, лучшие квартиры. Блуждали слухи, что их дом хотят сделать интернатом для слабоумных. Не предлагали перебраться на новое место жительства к нормальным людям только Андрею. Даже новый русский не спорил, а переехал одним из первых.

Кристина от всей этой суеты вокруг Андрея впадала в депрессию, иногда после яростной любви она жаловалась на то, что теперь Юра все о них знает и уже нет смысла скрываться, а нужно только ждать, что он придумает с ними сделать такое, от чего все ужаснутся. А то вдруг она кричала, что его нужно срочно убить, умоляла Андрея помочь ей в этом, что им с бабушкой не справиться. Но Андрей был тверд и, однажды решив для себя, категорически отказывался от этого временами заманчивого предложения. В речах девушки было, как правило, мало смысла — сплошные эмоции, — и от этого Андрея тоже охватывали необъяснимая тоска и уныние. Единственное средство, как можно было преодолеть внезапно навалившуюся хандру, это перейти дворик и, поднявшись в квартиру Мелодия, тихонько посидеть у открытого комода, глядя на удивительную и прекрасную, сказочную и феерическую женщину. В такие часы Андрей погружался в глубоко задумчивое состояние блаженства, как будто он сам засыпал, и время для него двигалось уже по каким-то иным, душевным законам: то замедлялось, то мчалось, то замедлялось снова, но это не имело значения, как не имело значения и удушливое пространство Мелодиевой комнаты, двора на Петроградской... он был в другом месте, на просторах души, где нет теней и черных красок, где всегда теплая белая ночь, где нет, кроме них, никого и — ничего, кроме счастья.

Но постепенно, исподволь, вместе с появлением вокруг него изуродованных созданий, психически недоразвитых людей, в душу Андрея начал вкрадываться страх. Он видел воочию

все то, во что может превратиться животное и человек, непроизвольно перенося это мысленно на себя и ужасаясь. Ночами, пугая Кошару, он вскакивал с постели и проверял запоры на дверях и окнах. Страх порой являлся в снах, вернее сказать, он уже не уходил из его жизни, но в снах Андрей был беззащитен. Часто, проснувшись, он не мог припомнить, что видел, только ощущение неизбежности чего-то трагического и конечного.

Однажды ночью Андрей проснулся, сел на диване. Теперь из состояния сна он выныривал мгновенно, словно реальность была продолжением реальности сна или сон реальности...

В комнате было темно и тихо, как в склепе, только, шурша, передвигалась стрелка на электронном будильнике. Чуть приоткрытая занавеска с мутным светлым пятном от фонаря посередине не испугала его, последние дни он боялся занавесок, когда они зашторены, — он не опасался того, что там может кто-нибудь прятаться, страх этот был безотчетным. Только что во сне он видел Марианну, она часто приходила к нему в снах, и каждую ночь, ложась в постель, он не знал, что ждет его там, за пределами реального мира: женщина его мечты, или туда за ним бросятся монстры мира реальности.

Андрей несколько минут сидел не двигаясь. Нужно было встать, проверить запоры на окнах, но омерзительной была мысль о том, что придется касаться босыми ступнями прохладного пола, нащупывая тапки. Он собирался вновь лечь, но какой-то странный круглый предмет в углу привлек его внимание. Откуда он взялся? Слабый свет уличного фонаря в дальний угол почти не достигал, поэтому разглядеть его не удавалось. Андрей некоторое время старательно всматривался в него, но, так и не распознав, лег снова, но не успокоился. Да ничего там круглого быть не должно!

Он поднялся, преодолевая отвращение от касания босыми ногами пола, попробовал нащупать тапки, но не нашел, тогда, чертыхаясь, подошел к стене, где у него был выключатель, зажег свет... Тут же от неожиданности вскрикнул и отступил.

В инвалидном кресле с Кошарой на руках сидел Юрий Анатольевич, это его лысую круглую голову видел Андрей в темноте. Он был настолько ошеломлен и шокирован появлением бывшего мужа Кристины, что стоял, в изумлении глядя на него, не зная: кричать, бежать вон из квартиры или броситься на этого человека и ударить чем-нибудь тяжелым по голове. Все это ему хотелось сделать одновременно.

— Удивлены, мой дружок? Напрасно, напрасно, — сквозь затемненные стекла очков он некоторое время изучал стоящего в трусах и футболке Андрея. Кошара мурлыкал здоровой головой, вторая, лежа на ноге хирурга, казалось, спала.

— Чего это вы без приглашения, невежливо, — проговорил дрогнувшим голосом Андрей, усаживаясь на диван и нахально закидывая ногу на ногу. — А если я вас тяжестью по башке тресну, меня ведь в тюрьму не посадят. Это вы ко мне влезли, как обычный, заурядный мазурик.

— Вы же, Андрей Николаевич, любимейший мой, понимаете, что я вас в любой момент могу к себе попросить, в любую секунду, а я сам пожаловал, время свое драгоценнейшее трачу на всякую... — даже видно было, как глаза Юрия Анатольевича блеснули злобой из-за стекол, но он удержался от оскорблений. — На всякого... вы уж сами допишите...

— А чего же вы времечко-то свое тратите драгоценное, небось оно кучу баксов стоит?

— Да, стоит, стоит, я ведь, бывает, по сто тысяч зеленых за операцию беру. А я тут с вами, мой драгоценный, амурными делами заниматься вынужден. Нет бы закопать вас живым, — со злостью выговорил он и вдруг переменялся в лице и даже чуть привстал в

инвалидной коляске. — Разве вы не видите! Разве вы не видите, что со мной происходит?! — вдруг воскликнул он истерично, перейдя на фальцет.

Андрей уже заметил, что с ним и вправду что-то не то, но только сейчас, отойдя от шокового состояния, связанного с внезапностью его появления, рассмотрел, что Юрий Анатольевич сильно переменялся внешне. Лицо его, когда-то лоснящееся и полное, осунулось, рыжая щетина лезла из подбородка и щек, в одежде замечалась не свойственная ему прежде неряшливость, стекла очков залапаны... Перед ним сидел неопрятный, довольно гадкий человек. И тут Андрей увидел, как из рукава Юрия Анатольевича выползает мышка. У нее была воробьиная голова, которой она беспрестанно крутила. Андрей, за последнее время привычный к разнообразным гнусностям, сейчас поморщился, ему сделалось омерзительно. Мышь с глухим стуком вниз головой свалилась на пол, перевернулась и медленно поползла в угол. Кошара даже не обратил на нее внимания. Юрий Анатольевич, впрочем, тоже.

— Я рушусь, мой дорогой, за мной охотятся спецслужбы, я не могу работать так, как работал раньше... Я распадаюсь на части... На тысячи частей...

— Почему вы пришли ко мне, хотите, чтобы я за вас в ФСБ ходатайство написал? — не в силах сдержать злорадную ухмылку сказал Андрей.

— А потому, любезнейший мой Андрей Николаевич, что вы сейчас моя основная цель, и я доконаю вас — я сделаю вас другим. Возможно, вы найдете возможность радоваться жизни совсем не так, как вы радуетесь сейчас, по-другому, а может быть, и нет, я не знаю, мой дорогой, но я сделаю из вас... — он улыбнулся и погрозил пальчиком. — Впрочем, это сюрприз, но однажды утром вы проснетесь...

— Да не боюсь я вас! — Андрей сглотнул ком страха и, глубоко вздохнув, продолжал: — Если бы вы хотели что-нибудь сделать давно, бы уже сделали, а так только одна болтовня параноидальная. Зря вы меня пугаете, папаша.

Юрий Анатольевич молча, с усмешкой смотрел на Андрея долго, слишком долго. Ни угрозы, которые он извергал минуту назад, ни эти уродские твари, кишачие последнее время вокруг, не производили на Андрея такого впечатления, как эта усмешечка, с которой смотрел на него доктор-хирург долгим, слишком долгим взглядом. Андрея прошиб пот, этого-то гость и добивался.

— А откуда вы, мой любимейший, взяли, что не сделал? — он выдержал паузу. — А откуда вы знаете, что не сделал? — Андрей вздрогнул. — А с чего вы взяли, что все это не происходит в вашей прелестной ветреной головушке?

Он вдруг расхохотался и столкнул Кошару на пол, недовольное животное пошло прочь, тряся отмирающей головой.

— Что вы имеете в виду?

— Ну то, что все это, — он махнул рукой этак небрежно, словно все, все вокруг не представляло значения и интереса, — все это не в вашей голове происходит. Может быть, вы и есть мой самый удачный, самый лучший эксперимент, что Гоша так, разминочка легкая. Вспомните, родной мой, когда вы были в моей клинике, — он в возбуждении крутанул колеса инвалидного кресла и проехал по комнате до окна, там развернулся, подъехал к Андрею. — Вспомнили? — он уставился Андрею в лицо. — Что я не извратил ваши мозги, как мне захотелось. А все это, — он махнул рукой куда-то назад, — декорация, мы здесь только актеры, а спектакль играется вот тут, — он ткнул пальцем в лоб Андрея, оставив на коже еле заметный след ногтя, но Андрей даже не почувствовал этого, он не моргая смотрел

в глаза Юрия Анатольевича. Медленно, миллиметр за миллиметром отвоевывая пространство, по щеке его кралась струйка пота. — Вот, к примеру, писатель, да хоть бы любой самый заваливающийся, создает в своей голове образы и ситуации, проигрывая в ней кусок своей жизни, но каждый писатель знает, что с определенного момента уже не он руководит героями, что они выходят из-под его контроля и начинают жить своей жизнью, и он превращается в летописца, гоняясь за собственными глюками... — «Нет, все это ложь... — думал Андрей. — Он хочет напугать меня... Я не верю ему. Он мерзкий, гнусный лжец». — Ты сам замечаешь, как преобразается твой мир?! Как он изменяется, плывет в твоей голове, — голова кружилась, Андрей находился в предобморочном состоянии, было трудно сосредоточиться. — Ты давно не живешь, ты давно труп. И только благодаря мне в твоей головенке происходят химические процессы, которые напоминают тебе жизнь. Но это не жизнь, это твой бред. И я могу выключить его, в любой момент выключить. — «А Марианна, — пронеслось в голове, — как же она без меня? Ведь только я могу...» — голова закружилась сильнее. — Ты понимаешь меня, мой любезный?! — глаза Юрия Анатольевича беспокойно и гневно блеснули из-за стекол очков и смотрели уже даже не в глаза Андрея, а в суть. — Только поэтому я так легко проник к тебе. Я могу проникнуть к тебе и в тебя, где бы ты ни находился. В кого там тебя превратить? В свинью, в жеребца? Да запросто, потому что тебе все равно кем быть! А сейчас ты заснешь, мой любезный, но кем, где и когда ты проснешься, не знает никто... впрочем, кроме меня...

Андрей открыл глаза, сел и огляделся. В комнате никого не было, в окно светило солнце, значит, было уже утро. Он встал и обошел квартиру в поисках подтверждения ночной жути — не нашел. Но это не успокоило. Было это или привиделось в страшном сне, уже не имело значения, явь давно срослась и переплелась с реальностью. Как, преодолев все замки в квартире, появляется бывший муж Кристины, было непостижимо. Сейчас, при свете дня, ночное вторжение не выглядело таким ужасным, как среди ночной тьмы. Да и было ли оно? В последнее время с Андреем что-то происходило, он начинал путать сон и реальность. Сны казались явью, дневные события порой фантастическими, и все это перемешивалось, как в детстве. И самое странное, что Андрею это уже казалось нормальным.

Андрей позавтракал яичницей. Кристина не звонила уже несколько дней, сколько, точно он не знал, заходить к ней без предварительной договоренности по телефону она запрещала. Зато почти каждый день он бывал у Марианны, это сделалось потребностью души, и чем дольше он не видел ее, тем мучительнее его терзала теперь разлука. Он, уже не стесняясь присутствия ее мужа Мелодия или кого-то из его собутыльников, тихо разговаривал с ней, согревая ее прохладную руку в своих руках, он говорил и говорил... Он говорил о чудесах стран, в которых они побывают, когда смогут уехать отсюда, о просторах Африки, об океанской глади, которая будет перед их глазами во время кругосветного путешествия; они посетят экзотические Японские острова, Ямайку... Андрей говорил все, что приходило в голову, — все фантазии, которые могли родиться в свободном сознании. Иногда он мечтал об одиноком домике в деревне, где они будут пить коровье молоко, днем кататься на лодке по реке, а вечерами смотреть на огонь в печи... часами, и им никогда не будет надоедать.

Часто Андрей проводил возле спящей целые дни, к ней он шел, как на праздник.

— Слушай, Мелодий, отдай мне ее, — сказал он однажды, когда тот дошел в своей нетрезвости до состояния, в котором был, по наблюдению Андрея, наиболее сговорчив.

— Нет!! — заорал тот истеричным голосом. — И не проси. Меня бабка тогда со света

сживет и коляску давать не будет.

— А если я тебе коляску достану? — не отставал Андрей.

— Доставай, посмотрим тогда, ты ее фиг достанешь. Но она все равно квартиру мою подожжет, стерва старая.

Андрей потратил не один день, пока в задрипанной комиссионке нашел старую инвалидную коляску. Теперь уже неделю она стояла у него дома, а он подыскивал подходящий случай, чтобы снова завести этот разговор с Мелодием.

Андрей теперь выходил из квартиры с особой осторожностью, на случай побега имея при себе паспорт и некоторую сумму денег. Больные люди, которыми теперь кишела их лестница, как правило, не проявляли агрессии, всплески эмоций возникали у них редко, по причинам необъяснимым. Иногда Андрей в глазок следил за тем, как они шляются по лестнице вверх и вниз, слюнявые, пузатые, хохочущие, плачущие... многие забывали, в какой квартире живут, судя по всему, главенствовала у них демократия — вожаки, из буйных и сообразительных, разгоняли жильцов дома по квартирам после двенадцати вечера, а будили в семь. Зато уж когда приезжал автомобиль с едой, высыпал со своими алюминиевыми мисками весь дом. Три раза в день автомобиль останавливался возле парадной Андрея, и все сумасшедшие выстраивались в очередь за горячей пищей. Сюда же слетались стаи уродливых птиц, сбегались переделанные кошки — вся живность дома, — им тоже доставалось. На эту очередь через маленькие запыленные оконца с изумлением и завистью глядели подвальные бомжи. Однажды они сунулись в нее со своими мисками, но, сколько ни искажали свои лица психическими (по их разумению) гримасами, все равно два здоровых мужика выявили и пенделями выгнали их из очереди. Теперь они изучали жизнь идиотов через окна, завидуя и втайне надеясь перенять их гримасы, чтобы тоже получать горячий обед бесплатно.

Андрей дождался, когда новые соседи получили завтрак и машина уехала. Потом он долго стоял, приложив к входной двери ухо, ловя случайные или неслучайные звуки, но теперь, потому как новые соседи имели обыкновение не закрывать входные двери, лестница была полна не только звуков, но и движения. Андрей неслышно открыл замок и шагнул за дверь. Взвыв от боли, вверх ринулась кошка: Андрей, не разглядев, наступил ей на хвост. Во внешности этой кошки тоже была какая-то неразбериха, как и у всех жильцов дома, но Андрей уже перестал обращать на это внимание. Он на цыпочках спустился к входной двери и вышел из парадной. Барабанная дробь ударила по напружинным нервам. Андрей вздрогнул, обернулся. За спиной стоял дурачок — вечный его спутник — и барабанил со счастливым лицом. Барабанщик чем-то нравился ему, Андрей достал из кармана леденец и протянул идиоту. Тот, счастливый, тут же засунул его в рот. «Ну и хрен с ним, пусть все знают, что я иду, — подумал Андрей. — Сколько можно бояться?» И под барабанную дробь направился к остановке автобуса.

Андрей приехал к дому Марианны в полдень. Сегодня он собирался провести решительный разговор с Мелодием и потребовать от него, чтобы он немедленно подал на развод. Андрей сам готов был жениться на Марианне, но понимал, что брак их никто не зарегистрирует. Кристина, правда, ему тоже очень нравилась, но иначе, и, если бы вдруг его поставили перед окончательным единственным выбором навсегда, Андрею было бы трудно, даже, пожалуй, и невозможно сделать его.

Он уже подходил к дому, когда мимо него торопливо прошел низкорослый человек в длинном кожаном пальто. Что-то знакомое показалось в его лице, фигуре. Андрей уже завернул во двор, но, пройдя несколько шагов, повернул назад.

— Ну, ты, гаденыш, у меня сейчас получишь, — прошептал он сквозь зубы, прибавляя шаг.

Заморыша он вскоре нагнал. Это был тот самый докторишка, который сначала бил его возле дома, обзывая «рослым», а потом пугал в клинике Юрия Анатольевича. Бывшего мужа Кристины он бить бы не осмелился, а этого гаденыша можно и даже нужно.

«Я клятву Гиппократу не давал, так что буду бить сильно, но аккуратно», — подумал Андрей и улыбнулся злорадно, он был уверен, что справится с плюгавым докторишкой, ведь он в детстве занимался боксом.

Маленький человек свернул на улицу Зверинскую, Андрей последовал за ним и, повернув за угол, увидел, что докторишка уже не один: под руку он держал даму ростом выше него, в черном пальто, сиреневом платке на голове... Кристина!.. Андрей бросился за водосточную трубу, сердце бешено заколотилось. Значит, Кристина...

Кристина с коротышкой зашли в подворотню, видно было, что они очень торопятся. Андрей, подождав немного, пошел за ними. За помойкой в углу двора хлопнула входная дверь. Он подошел к двери, медленно открыв ее, проник в парадную.

Здесь было темно, хоть глаз выколи. Андрей замер, стараясь не дышать, чтобы не выдать своего присутствия. Из открытой в подвал двери тянуло вонючей сыростью. Слышно было, как капала вода из прохудившейся трубы.

— Все вроде тихо, — донесся до него голос плюгавого. — Наверное, показалось.

— Сходи проверь все-таки.

Андрей насторожился, готовый в любой момент выскочить во двор или лучше, пожалуй, двинуть в рожу этому поганцу, а уже потом выскакивать. «Ну, давай, спускайся! Я с тобой поговорю коротко».

— Да ладно, нет же никого, мнительная ты чересчур стала. Так когда это будет?

— В четверг в десять вечера. Вот посмотри, какую я приготовила.

Зашуршала газета.

— Да-а... Такую сразу не перекусишь, — похвалил плюгавый. — А сюда что?

— Сейчас покажу, — снова зашуршала газета.

— Ух, ты!

— На заказ делали, в мастерской пришлось такую историю выдумывать. Ничего, правда?!

— Не то слово! Это просто изощрение какое-то!

Что-то снова звякнуло. Кристина довольно захихикала.

— А с Андреем что? — спросила она.

Андрей напряг слух.

— С ним-то все ясно. Он на смену пола назначен на среду. Все компоненты завтра поступят.

Андрея бросило в пот, он глотнул воздух.

— Ясно, — голос Кристины звучал спокойно.

— Я ассистирую на операции. Рослая тетка из него выйдет, не менее привлекательная, чем гомосексуалист всея Руси Боря Моисеев. Я лично люблю рослых женщин... Таких, как ты...

— Ну, перестань!!

— Ты его любишь?

— Не твое дело. Всё, пошли.

Андрей лихорадочно заметался взглядом, кругом была темнота. Тогда он сделал осторожный неслышный шаг в сторону от двери, потом другой, нащупав руками стену, прижался к ней грудью. Он слышал, как за спиной у него прошли, хлопнула входная дверь. Он еще минуту для верности постоял так носом к стене в холодном поту от услышанного, после чего вышел во двор.

То, что Кристина за его спиной договаривается с его врагами, было очевидно. Он ожидал предательства от кого попало, но только не от нее. Что теперь делать? Все вокруг него рушилось. Андрей чувствовал свое одиночество, его, как волка, обложили со всех сторон. Он зачерпнул рукой мокрого снега, протер лицо. Что теперь делать, куда бежать, он не знал, он так и стоял в пустынном дворе. Ему было страшно, так страшно Андрею не было никогда в жизни. Женщина, которую он любил, предала его.

Глава 2

Провал

ДЕБИЛЬНОСТЬ — от латинского *debilis* — слабый — относительно легкая степень врожденного психического недоразвития.

Андрей пришел в себя, открыл глаза и поднял голову. Он лежал на кровати в трехместной больничной палате. Еще двое больных лежали тут же. Один, отвернувшись лицом к стене, спал, другой, лежа в спортивном костюме поверх одеяла, читал газету. Когда Андрей поднял голову, читатель газеты поверх очков посмотрел на него внимательным долгим взглядом.

Андрей отвернулся к стене и, крепко зажмурив глаза, постарался вспомнить, как попал сюда, но не смог. Во рту было сухо, на душе гадко, как будто он совершил какой-то непристойный поступок, но что это за поступок, знают все, кроме него.

«Эх, повеситься бы», — подумал он с далекой тоской. Он представил себя висящим в петле, не конкретно саму смерть и избавление от глубокой тоски, а только внешний ее вид: склоненная на плечо голова, синее, налитое кровью лицо, высунутый язык. Фу, какая гадость! «Нет, умирать нужно весело! — откуда-то в памяти выплыла дурацкая фраза. — красиво нужно умирать!»

Вошла медсестра и предложила всем готовиться к укольчикам. Когда медсестра, сделав всем уколы, ушла, Андрей у соседа по палате выяснил, что лежит он в больнице имени Ленина на Васильевском острове на нервном отделении, что привезли его в палату в бессознательном состоянии и спал он беспробудно почти сутки.

Сон этот и сделанный медсестрой укол пошел Андрею на пользу: голова стала ясной, только кружилась, когда вставал, а все ужасы, связанные с Юрием Анатольевичем, уродами и погонями, ушли в прошлое. Он ощущал покой и удовлетворенность, казалось, что прошлый мир удалился далеко и навсегда, Андрея даже не интересовали те дни, которые он не мог вспомнить. Что было там в белой мути? Да уж, наверное, ничего хорошего.

На следующий день от лечащего врача он узнал, что его подобрала на улице и доставила «скорая помощь». Поступил он в бессознательном состоянии с сотрясением мозга. Врач сказал, что лечиться ему предстоит не менее двух недель и что болезнь его излечима, только лежать побольше, а переживать тут нечего. А Андрей и не переживал, он вел растительное существование, не помышляя о выписке. Он помнил, что дом его заселили идиоты и дауны,

что денег от наследства совсем не осталось — он снял с книжки последние — и что Кристина предала его, но что было потом, восстановить в памяти не мог: оттуда выступали только ошметки событий, часто отвратительных и жутких, и что из них было реальностью, а что порождением снов и галлюцинаций было — неведомо. Марианну он вспоминал с нежным чувством, но как уже что-то бывшее с ним, то, что никогда не повторится.

За два дня перед выпиской Андрея пригласили на обследование к психиатру. Своего психиатра в больнице не было, поэтому раз в неделю заезжий доктор обследовал больных на отделении.

— Ну, садитесь. Меня зовут Ирина Станиславовна. На что жалуетесь, Андрей Николаевич?

Ей было около сорока лет, вид она имела человека доброжелательного и понимающего, впрочем, может быть, у всех психиатров должен быть такой вид, чтобы расположить к себе психов. Андрею тут же захотелось рассказать ей о своих ночных страхах, о Кристине, ее муже... И о той единственной, женщине своей мечты, которая спала в комод. Но Андрей не торопился, он знал, что психиатр все это может понять по-своему и упечь в дурдом, а туда ему не хотелось.

— Жалоб нет, — сказал Андрей, честными глазами глядя на врача. Жалобы у него были только на личную жизнь, но это уже не психиатру.

— Так и запишем, что жалоб не имеется, — она черкнула что-то в карточке и, подняв лицо, улыбнулась. Улыбка у нее была приветливая. — Вам, наверное, уже говорили, что у вас было сотрясение головного мозга и к тому же еще нервное истощение. Вас, конечно, подлечим медикаментами, но ведь вы должны понять: чтобы это не повторилось в будущем, вам необходимо переменить образ жизни, заниматься спортом, бросить курить... У вас провалы в памяти были?

— Да вроде нет.

— Последние дни, перед тем как в больницу попали, хорошо помните?

Андрей невольно поморщился. Он не собирался рассказывать о своих провалах психиатру, но проницательная Ирина Станиславовна это поняла.

— Ничего. Такое случается, главное, чтобы не повторялось в будущем. Вы не подумайте, что я хочу забрать вас в психушку — почему-то пациенты думают, что их всех хотят в психиатрическую больницу поместить. Вы алкоголь употребляете?..

Дверь сзади Андрея открылась, в кабинет заглянула дежурная медсестра.

— Скунс, к главврачу.

— Зайду, как освобожусь, у меня пациент, — ответила Ирина Станиславовна — Так вот, самое главное — изменить свое отношение к жизни, — продолжала она. — Вы алкоголь употребляете?

Андрей молчал. Она снова поняла его молчание по-своему.

— В вашем положении лучше исключить алкоголь и табакокурение полностью, провалы в памяти возникают оттого, что...

— Простите, ваша фамилия Скунс? — наконец выговорил он, холодея внутри, несмотря на то что пот выступил на лбу.

— Да, это моя фамилия, — приветливо улыбнулась Ирина Станиславовна, не заметив или не захотев замечать его волнения.

Андрей лихорадочно размышлял. А что, если это продолжение ужаса, вторая серия, что, если это игры Юрия Анатольевича, что, если Андрей оказался здесь по его замысловатому

плану? Но если Юрий Анатольевич пожелал его изолировать, чтобы переделать в женщину, он сделал бы это по-другому. Неизвестно как, но по-другому. Выход из больницы свободный, Андрей может уйти в любой момент, он заметил, если бы его охраняли... Не-ет, это может быть простым совпадением. За две проведенные в больнице недели он пришел в себя, мог рассуждать здраво.

— Скажите, вы не лечили случайно Кристину?

— Кристину? Как ее фамилия? — рассеянно спросила Ирина Станиславовна.

— Фамилию ее я, к сожалению, не знаю, один мой знакомый...

— Ах, Кристиночка! Извините, сразу не сообразила. Помню, конечно, помню. Ко мне ее муж приводил, я в больнице имени Кащенко работаю. А вы с ней знакомы, значит.

— Немного... Она о вас рассказывала.

— Кристиночка — довольно сложный случай, из таких, когда диагноз поставить трудно, скорее всего, паранойя. Но вообще, если честно, может быть, это говорит во мне не врач, а женщина, если хотите, мать, — Ирина Станиславовна наклонилась ближе к столу, и лицо у нее сделалось заговорщическим, — но психика ее не походила на человеческую.

— Как это понимать? — поднял брови Андрей. — Так разве бывает?

— Так не бывает, но здесь случай необъяснимый. Не стану вас нагружать терминологией, проще говоря, у человека существует набор психических процессов. Так вот, у Кристиночки его не было. Она могла плакать, смеяться... но все это было словно бы запрограммировано в ней и не подлежало изменению. Вы меня понимаете?! Она словно зазомбирована на определенные действия. Может быть, я не права, но это впечатление у меня осталось. Мне никогда не попадались такие пациенты. А Юрий Анатольевич фактически сделал ее своими руками, он ей все переделал. Возможно, из-за этого в психике ее что-то сместилось, так бывает — посттравматический синдром. Она ведь буквально влюбила в себя Юрия Анатольевича. И удивительно, что она на операцию согласилась, он такие деньжищи в нее вложил. Да она просто золотая!.. Несчастный человек, так печально закончить свою жизнь... И что я с вами так разоткровенничалась?! — вдруг спохватилась Ирина Станиславовна.

Запрограммирована, — Андрей выдохнул воздух. Он был отчасти согласен с психиатром, что-то было в ее действиях не вполне адекватным. Зазвонил телефон, Ирина Станиславовна сказала в трубку: «Да-да, я иду», — захлопнула карточку Андрея.

— Ну что же, желаю выздоровления, и помните: главное — избавляйтесь от вредных привычек.

— Простите, вы сказали, что Юрий Анатольевич печально закончил свою жизнь, что вы имели в виду?

— К сожалению, сама недавно... Последние недели он стал совсем, совсем плох, часто бывал у меня на консультациях. Я даже предлагала ему госпитализацию, но он категорически отказался. Вы же знаете, теперь мы не можем делать это насильно. А жаль! Он утверждал, что за ним охотится ФСБ, что все его разговоры прослушивают... ну и прочее, все, что сопутствует маниакально-депрессивному психозу. ФСБ преследовала его якобы за книгу об идиотизме. Все из того, что он рассказывал мне об этой книге, — полнейшая ахинея. Это я скажу как психиатр. Вы читали его книгу? Я тоже. Весь тираж и рукопись книги, по его словам, были уничтожены спецслужбами, и книга эта об идиотах теперь осталась только в его голове. Все это, конечно, походило на обычный бред, если бы не странное совпадение: у одного моего знакомого, успевшего в свое время купить эту книгу,

она исчезла из дома при странных обстоятельствах. Но я скажу вам больше, я спрашивала в библиотеках, но и оттуда она исчезла, а в каталогах оказалась вычеркнутой. Конечно, это может быть совпадением. Но вы меня понимаете!.. — врач как-то двусмысленно смотрела на Андрея. — Так или иначе, на почве всех этих переживаний, перенесенной в детстве родовой травмы и развивающейся на этой почве паранойи у Юрия Анатольевича начался распад личности... — она вздохнула. — Печальная судьба, а ведь какой доктор был замечательный, ведь он мне пластическую операцию сделал. Знаете, сколько мне лет? Шестьдесят пять.

Андрею сделалось вдруг противно и страшно.

— Ну, мне нужно идти, — доктор Скунс поднялась из-за стола.

— Так что с ним произошло? Вы сказали, он плохо кончил.

— Он утонул в Неве, в проруби. Это совсем недавно было, в четверг следователь ко мне приходил, он рассказал. Желая скорейшего выздоровления.

Доктор вышла из-за стола.

— В какой четверг?

— В какой, в какой, в прошлый.

— Подождите, прошу вас. Скажите, как это произошло.

— Отчего вы так волнуетесь? Он родственник ваш, что ли? Вам не нужно волноваться. Как произошло, я не знаю. Он у меня на консультации был, после консультации вышел, его жена Кристиночка встречала, и все... Следователь говорил, что на льду, рядом с прорубью, нашли инвалидную коляску перевернутую и следы борьбы... Говорил, убили его. Вот и все.

Андрей вышел за ней в коридор.

— До свидания, Андрей Николаевич, — она пошла по больничному коридору, но, сделав два шага, обернулась. — Да, еще конские следы вокруг на снегу были, много конских следов... Но это вряд ли вам интересно.

Доктор Скунс повернулась и зашагала по коридору.

Глава 3

Некоторые предпочитают спать с утопленницами, или Дело защекоченных

КРЕТИНИЗМ — тупоумие, тупость. Заболевание, характеризующееся задержкой физического и психического развития, доходящей иногда до резкого слабоумия, и нарушением функции щитовидной железы.

Из больницы Андрей выписался в десять часов утра. Светило яркое солнце, с крыш капало, а в воздухе, от которого кружилась голова, чудился упоительный запах весны. Андрей ощущал себя здоровым и полным сил, каким не чувствовал уже давно. Выйдя за ворота, он перешел Большой проспект и остановился на троллейбусной остановке. Он еще не решил, куда поедет в первую очередь. В кармане куртки нащупал сложенный лист бумаги, достал его, развернул.

«Андрей, тебе срочно нужно бежать, Юра назначил операцию на среду. Кристина».

Андрей раздумчиво глядел на записку, уже в который раз пытаюсь восстановить в памяти события двухнедельной давности, но, как и прежде, ничего не вспомнил: ни то, как попала к нему в карман записка, ни обстоятельств того дня — ничего. Теперь, во всяком случае, становилось понятным, что Кристина все-таки не предавала его.

Подошел троллейбус, Андрей протиснулся к окну. Город изменился. Петербург имеет удивительное свойство порой выглядеть самым мрачным городом мира, когда тяжелые тучи висят, как ватное одеяло, под ногами слякоть, а вокруг не темнота, но постоянные сумерки, что еще хуже, и женщины-то все уродины... Кто, где и когда сказал о славянской красоте?! Вранье! Это не о петербурженках! А мороженщица на углу уж такая страшная баба, что плевать охота!.. При солнце же вдруг те же самые дома, та же самая мостовая и чувырла мороженщица выглядят уже совсем по-другому — торжественно, счастливо и загадочно, так что и мороженщицу эту расцеловать хочется. И откуда солнце высветило сразу столько красивых женщин? Столько красивых и на свете-то нет! А вот они, идут себе. Ать-два, ать-два... Нет! Город этот странен. Не бывает таких городов. А может быть, его и нет?!

Андрей мчался в троллейбусе десятке по Невскому проспекту. Мчался, потому что водитель, вдруг увидев в солнечный день город, вдруг тоже обалдел и почувствовал вдруг в свою пятьдесят пятую весну молодецкую удаль, и потянуло его на дорогу с ветерком.

Андрей вышел у Гостинки и через подземный переход, по Садовой, мимо мрачного замка направился к Неве. Прежде чем идти к Кристине, он захотел постоять на том месте, где они познакомились, и плюнуть с Троицкого моста в воду. Почему возникло у него в солнечный день это желание, черт знает! Возможно, просто хотелось пройтись по знакомым местам.

По Неве шел лед с Ладоги. Для того, кто видел это феерическое зрелище, описание его не удовлетворит, тому же, кто не видел, и описывать бесполезно. Огромные льдины, наталкиваясь друг на друга, стремились к морю, на солнце это выглядело изумительно. Андрей из любопытства спустился по гранитным ступеням к воде — посмотреть, не найдется ли там под мостом русалковед. Он заглянул туда только убедиться, что его там нет. Но ошибся.

Русалковед, держа руки в карманах длинного черного пальто, в каком ходил всегда, в вязаной шапочке на голове, стоял на гранитной площадке и глядел на то место, где когда-то мог сидеть, слушая жизнь дна.

— Здравствуйте, Яков Афанасьевич.

— Здравствуйте, — ответил русалковед, не повернув головы.

— Что же, выходит, теперь русалок не послушать до весны. В отпуск, значит, пойдете, — пошутил Андрей.

Русалковед повернул к нему злое лицо. Андрей впервые увидел его сейчас при ярком дневном свете

— Смейтесь, смейтесь, молодой человек. А знаете, кого они выбрали своей следующей жертвой?

— Наверное, губернатора.

Русалковед, все так же держа руки в карманах, длинный с виду, плоский как доска, неприятными колкими глазами смотрел из-под глубоко натянутой вязаной шапки и молчал.

— Неужели президента? — продолжал хохмить Андрей, хотя уже и не хотелось, а хотелось скорее уйти, уж больно тяжел, невыносим был взгляд русалковеда.

— Тебя! — вдруг сказал русалковед и указал на грудь Андрея длинным узловатым пальцем. — Тебя и выбрали.

Он снова сунул руку в карман и отвернулся к реке. На ледоход, как и на огонь в камине, можно смотреть долго. Андрей тоже молчал, а что на такое ответишь?

Все-таки он правильно определил в первый раз: русалковед действительно не в своем

уме. Иначе с чего он взял, что русалки выбрали его в жертву?.. Действительно, с чего он взял?!

— Действительно, а с чего вы взяли? — спросил он наконец, когда уже невозможно было терпеть.

Русалковед опять повернулся к нему, но глаза уже были не колючими, а спокойными.

— У меня, Андрей, — тебя ведь Андрей зовут, я не ошибся? — так вот, у меня есть доказательства.

Андрей улыбнулся.

— Магнитофонная запись со дна реки, где русалки договариваются, как меня защекотать?

Эх, зря Андрей снова принялся иронизировать, но не мог сдержаться, такое уж у него было сегодня настроение. Глаза Якова Афанасьевича вдруг снова сделались злыми и колючими.

— Хочешь доказательств? — не сказал, прошипел он, — хочешь?! — и прихихотнул, как раньше.

— У вас и доказательства есть? — Андрею сделалось сразу как-то нехорошо. А как сбросит сейчас в реку, и доказывать никому ничего не надо.

— Хочешь?

— Хочу, а где они у вас? — уже не таким оптимистическим тоном проговорил Андрей.

— У меня дома есть доказательства того, что тебя, Андрей, они выбрали в следующую жертву. Пошли.

Андрей колебался. Ему не очень-то хотелось идти к русалковеду, честно говоря, совсем даже не хотелось идти слушать его дутые, ничего не доказывающие, кроме его свихнутости, доказательства. Но сегодня что-то слишком по-особенному уверенное было в его лице.

«Мне все равно на ту сторону топать, зайду к нему, а там по Кронверкскому до Кристининого дома рукой подать».

— Я уверен, что вам удастся доказать молодому человеку, — вдруг раздался невдалеке незнакомый мужской голос.

Андрей обернулся. На ступеньках лестницы стоял мужчина в осеннем пальто, без шапки, роста он был невысокого, с темными волосами и внимательным взглядом. Должно быть, он слышал часть их разговора и ответил на вопрос за русалковеда.

— Здравствуйте, — поздоровался с ним русалковед, чуть смутившись. — А вы гуляете?

— Да нет, — ответил незнакомец, спустившись на одну ступеньку ниже. — Я к вам сюда пришел, специально.

Яков Афанасьевич хохотнул натужно, чуть запрокинув голову назад.

— Что ж, из-за меня. Ведь я вам все уже рассказал, Григорий Иванович.

— Да нет, не все, Яков Афанасьевич, — он спустился еще на ступеньку.

Андрей стоял между ними, глядя то на одного, то на другого, и чувствовал себя здесь лишним, не понимая, о чем разговор, только что-то зловещее вдруг накатило на него изнутри, так что Андрею захотелось уйти поскорее.

— Да нет, все, — настаивал тем временем русалковед, в голосе его чувствовалось напряжение.

— Ну, я пойду, — сказал Андрей, которому сделалось вдруг неловко в их компании.

— Да нет, молодой человек, — проговорил вдруг незнакомец. — Вы останьтесь, вас ведь, если не ошибаюсь, Андреем зовут.

— Не ошибаетесь, — сказал Андрей несколько удивленно.

— Значит, не ошибаюсь, — странно скривившись, человек спустился еще на одну ступень. — А вы знаете, Яков Афанасьевич, я ведь дело с двумя мертвецами до конца довел. — Крылов внимательно глядел на русалковед, тот, все так же держа руки в карманах пальто, еле заметно вздрогнул, но более никак не выявил своего отношения.

— Что, русалку поймали? — спросил он, натужно ухмыльнувшись.

— Русалки здесь ни при чем, — сказал Крылов. Перед ним оставалась еще одна, последняя ступенька, но почему-то он не делал этого последнего шага, оставаясь почти наравне с русалковедом.

— Как это ни при чем? — Яков Афанасьевич хохотнул и полностью развернулся к следователю.

— Вы хотите знать, кто при чем? — в тоне вопроса чувствовался подвох. Русалковед молчал. Крылов сделал паузу и, глядя вниз на последнюю оставшуюся ступеньку, занес над пустотой ногу, но так и не спустился, а поставил ногу на место.

Андрей смотрел то на русалковед, то на следователя.

— Вы убийца, Яков Афанасьевич. Вы и убили этих несчастных, — наконец проговорил следователь.

— Ну, это еще нужно доказать! — вдруг неожиданно громко вскричал русалковед и погрозил следователю длинным-предлинным пальцем. — Мне это не нужно было! Мотивов, мотивов нет! Это русалки, тут же всякому дураку понятно!! Это они ночами...

— Перестаньте, Яков Афанасьевич, — спокойно сказал Крылов. — Я разговаривал с Юлей, вашей племянницей, той, которая в ансамбле утопленниц танцует, она мне все рассказала. Понимаете вы, все!

Русалковед сразу как-то ссутулился и сник, глаза из злых сделались беспомощными.

— Так что, Яков Афанасьевич, давайте поедem в отделение, и вы напишите чистосердечное признание, а мы...

— Они существуют, — чуть слышно проговорил русалковед.

Андрей расслышал, потому что стоял совсем рядом.

— Что вы сказали? — переспросил Крылов, но русалковед не ответил, и он продолжал: — Давайте, Яков Афанасьевич, поедem сейчас в отделение, машина нас ждет, — он махнул куда-то рукой.

— А вы думаете, русалок не существует? А вот в этом вы ошибаетесь!! — вдруг пронзительно закричал русалковед, сделав несколько шагов назад и замахав рукой. — Ну да, да, я защекотал этих бомжей! Но смерть их послужила великому делу! — он развел огромные руки в стороны, будто желая объять этот огромный город.

— Какому же великому делу, Яков Афанасьевич? — поинтересовался Крылов с некоторой издевкой в голосе.

— Вы еще попомните мои слова. Русалки существуют в Неве, и, мало того, они живут среди нас!.. Да, среди нас! Они вошли в ваш дом, влезли в вашу постель. Они неотличимы от обычных женщин, вы и не будете знать, что спите с утопленницей. У них ледяные души! Вспомните! Вспомните мои слова!

С набережной по ступеням спускались двое в милицейской форме, вероятно, Крылов дал им какой-то сигнал.

— Русалки существуют! — продолжал бесноваться Яков Афанасьевич. — Вот здесь! — он повернулся к Неве и указал на воду, по которой медленно и чинно проплывали

льдины. — Он на мгновение замер с вытянутой вперед рукой, должно быть, пораженный этим потрясающим зрелищем, потом повернулся к Крылову. — И Неву нужно глубинными бомбами... — страшно выпученными глазами он посмотрел на следователя, на спускающихся неспешно милиционеров. Не досталось страшного взгляда лишь Андрею, который с затаенным дыханием глядел на эту сцену.

А дальше, дальше произошло невероятное: Яков Афанасьевич захохотал пронзительно и страшно, запрокинув вверх голову, и вдруг, повернувшись к Неве, прыгнул на проплывающую мимо льдину. Крылов рванулся за ним, но русалковед перемахнул уже на другую льдину и тут же без передышки на третью... Милиционеры, на ходу выхватывая пистолеты, подбежали к краю гранитной площадки.

— Не стрелять, — приказал Крылов.

Все так же безостановочно хохоча, с развевающимися полами черного пальто, делая гигантские шаги, русалковед перемахивал со льдины на льдину, с одной на другую... это было фантастическое зрелище.

— Перехватим на том берегу! — прокричал один из милиционеров, и они побежали вверх по лестнице. На площадке, следя за прыжками Якова Афанасьевича, остались только Андрей и следователь Крылов. Они глядели вдаль на хохочущего и прыгающего, как гигантское насекомое, человека, пока он не скрылся вдали.

Долго еще хохот безумного русалковеда разносился по невским водам, слышно его было далеко. Потом говорили, будто слышали его на Охте и будто видели мечущегося по льдинам долговязого человека в черном пальто, но как умудрился забежать так далеко вверх по течению безумный русалковед, неизвестно. С тех пор каждую весну, когда идет лед с Ладоги и огромные льдины с шуршанием ломаются, наплывая друг на друга, хохот русалковеда слышат многие. И если, перегнувшись через перила моста, взглянуть в даль, то можно не только услышать, но и увидеть его черную фигуру, как он, перескакивая со льдины на льдину, мчится вдаль...

Но вернемся в настоящее.

— Меня зовут Григорий Иванович, — представился Крылов, протягивая руку Андрею. — Не думал я, что так получится, — он посмотрел в даль, где исчезла фигура сумасшедшего русалковеда. — Бедняга, он действительно считал, что русалки существуют, и, чтобы доказать эту безумную идею, убивал людей.

— Ни за что бы не подумал, — сказал Андрей. — То, что он с приветом, было видно сразу, но — убийца!

— А вы знаете, Андрей, кто был намечен следующей жертвой? — Крылов прямо, насмешливыми глазами смотрел на него.

— Уж не я ли? — истолковал его взгляд Андрей. — Он мне только что говорил, что меня русалки избрали жертвой.

— Совершенно верно.

— Он только что приглашал меня в гости, — вспомнил Андрей. — Значит, он хотел меня защекотать?

— К сожалению, это так, ко мне пришла его племянница и все рассказала. Яков Афанасьевич, оказывается, вел дневник, где он описывал все изменения дна реки и все свои намерения, там и про вас есть. Он собирался вас защекотать, а ночью вынести на набережную и оставить, будто это русалки вас.

— Весело, ничего не скажешь, вот бы я похохотал, как никогда в жизни, — чудное

настроение, с которым он пришел на Неву, улетучилось, остался один сарказм, то, что от мучительной смерти его отделяло совсем немного, не прибавило оптимизма.

Ему представилась как будто со стороны металлическая кровать, и он, его собственное обнаженное тело, ноги и руки пристегнуты наручниками к спинкам кровати, и сгорбленная фигура Якова Афанасьевича над ним с гусиным пером в руке. Глухая старуха соседка, за стеной в кухне попивающая чаек, и он, извивающийся в диком, нечеловеческом предсмертном веселье, хохоте, от которого уже невмочь. «Весело нужно умирать... весело», — всплыла откуда-то в голове дурацкая фраза, и Андрея передернуло.

— Все-таки зачем? — спросил он глухим голосом.

— Ему все время нужно было доказывать, что русалки существуют, для этого он начал с бомжей, но, посчитав, что этого мало, решил с вами...

— Буду теперь гордиться до пенсии... А что, по-вашему, русалок не существует? — и неизвестно зачем прибавил: — Я лично знаю одну, у которой хвост отрезали, она инвалидка теперь.

Крылов внимательно посмотрел на молодого человека, но не увидел в его лице и тени иронии.

— Вы знаете, по древним поверьям, их не так уж мало среди нас, иногда они выходят на сушу и живут среди людей по пять лет, и никто не догадывается, что это утопленницы. Ведя дело зачекоченных, мне пришлось кучу книг на эту тему перечитать, совсем голову мне заморочил... покойный, — последнее слово прозвучало у него как вопрос. Он посмотрел вдаль, где скрылся русалковед, как будто ожидал увидеть там прыгающую по льдинам его долговязую фигуру. — Ну, впрочем, я пошел, — он протянул Андрею руку. — Желаю удачи, но, если вы даже и верите в русалок, полтергейстов и водяных, не убивайте никого, это не обязательно.

Глава 4

Наказание

ДЕМЕНЦИЯ — от латинского *dementia*, что означает безумие — приобретенное слабоумие.

Прежде чем направиться к Кристине, Андрей еще час гулял по Петроградской, чтобы прийти в себя после такого странного начала дня. Нельзя сказать, что встреча у Невы так уж его расстроила, но то, что его могли прямо сегодня, когда он наконец только пришел в себя, убить, сильно подпортило весеннее настроение.

Он думал о том, как произойдет встреча с Кристиной. Наверное, она считает, что Андрея уже нет в живых, или, что еще ужаснее, откроется дверь, и на пороге окажется какое-нибудь существо, «неведома зверушка», с лицом Андрея, с копытами и хвостом или жирная размалеванная баба с его физиономией. Кроме того, сегодня он мог запросто не добраться до нее, умерев в квартире русалковеда от смеха... Сколько все-таки опасностей и нелепостей, а вернее сказать, нелепых опасностей таит жизнь.

Погода испортилась, и, когда Андрей дошел до Съезжинской улицы, где жила Кристина, начался противный мелкий дождь. Уже подходя к парадной, он ощутил, как сильно соскучился по этой женщине. Это ощущение было острым, сердце тоскливо сжалось.

На звонок никто не открыл, но Андрей был настойчив: бабка хотя бы должна быть дома.

Куда ей, инвалидке-то? Заметив, что в дверную щель проникает полоска света, он толкнул дверь, она, скрипнув, раскрылась, Андрей вошел в прихожую.

— Есть кто-нибудь дома? — но, не дождавшись ответа, оглядываясь, сделал два шага в комнату.

Здесь стоял запах разложения, на всем лежала печать заброшенности: пересохший пол, по которому давно не ступала нога человека, жалобно скрипел и будто бы даже охал. Ни в комнате, ни в кухне никого не было. Квартира выглядела покинутой. Не то чтобы жильцы уехали из нее на время, чтобы когда-нибудь вернуться обратно, нет — именно покинули насовсем, навсегда, ушли, не собирая скарб, ушли и не вернулись.

Андрей сел на диван и пригорюнился: никаких адресов, никакой возможности отыскать Кристину в этом городе не было. Он вспомнил, как они с Кристиной кувыркались на этом диване и как она предложила убить Юру. Почему-то этот последний их разговор всплыл сейчас в памяти, значит, обошлась она без Андрея, а следы копыт на снегу... Тогда в больнице он придавал мало значения словам психиатра Скунс о следах на снегу, а сейчас, словно нарочно, чтобы омрачить его настроение еще больше, они пришли из памяти.

Андрею представилась сцена, как топят в проруби Юрия Анатольевича старуха инвалидка в коляске, Кристина и огромный кентавр. Что стало с ними? Андрей встал с дивана, подошел к старому облупившемуся платяному шкафу, открыл его. В нем на крюке висело старое клетчатое платье старухи и мужской пиджак поганого вида. В нижнем ящике Андрей обнаружил огромную охапку сухих водорослей, в том, что это были именно водоросли, не возникало сомнения: несмотря на трухлявость и запыленность, они сохраняли еще речной запах.

«Значит, старуха и вправду русалка», — швырнув водоросли обратно в ящик, подумал Андрей с каким-то странным чувством тоски. Настроение вообще было паршивым. Никакой, даже малейшей надежды найти Кристинин след не было.

Андрей, грустный, вышел из квартиры и стал спускаться по лестнице. Дверь в парадную открылась, и трое мужчин в рабочих комбинезонах прошли мимо него.

Андрей обернулся и увидел, что мужчины зашли в квартиру Кристины. Он поднялся обратно, вошел в комнату. Двое, уже опрокинув, тащат к выходу шкаф, а третий поднял тумбочку.

— Здравствуйте, скажите, а куда жильцы переехали? — спросил он у грузчика с тумбочкой.

— Ты, что ли, жилец? — вместо ответа спросил тот.

— Я не жилец, — ответил Андрей, отчего мужик скривился и ухмыльнулся, — но я хочу знать, куда вы мебель перевозите.

— Куда такую мебель? В мебельный салон, конечно.

Мужики, выносившие шкаф на лестницу, заржали.

Андрей как-то в одно мгновение рассвирепел, он готов был убить проклятого ироничного грузчика.

— Я спрашиваю, куда мебель везешь! — почти прокричал он, сверкая глазами.

Грузчик сразу понял, что шутки кончились.

— Куда везу, на помойку. Кому такая дрянь нужна, если тебе, то забирай.

— А те, которые здесь жили, куда делись?

— Жили да сплыли... померли, наверное, мое дело — носить.

Андрей за разговором дошел с ним до входной двери и стал спускаться по лестнице.

Грузчики, вынесшие шкаф, вернулись в квартиру за очередной порцией хлама. Во дворе возле помойного бака стоял шкаф, тут же рядом грузчик поставил тумбочку.

— Вот и весь переезд, — сказал он, впервые взглянув на Андрея, — а если тебе надо, ну, на дачу там, так бери.

И ушел.

Андрей растерянно стоял у помойки, надежда найти Кристину рухнула. Он поднял голову и поглядел на окна Мелодия. За окном третьего этажа спала женщина, и уходить ей было некуда. Андрею вдруг мучительно захотелось увидеть ее, прикоснуться к ее руке... Он улыбнулся и стремительно направился к дверям парадной. Не переставая улыбаться, он взлетел по ступеням, надавил кнопку звонка, ему никто не открыл, он нажимал кнопку звонка снова и снова.

— Да что за день! Где они все?!

В сердцах шархнул по двери кулаком.

Андрей вышел во двор и поглядел на окна Мелодия.

«Наверное, милостыню просить уехал, — подумал он, — ну, это на целый день, но ведь соседка-то дома! Она, карга, всегда дома. Почему не открывает?!»

Вся обстановка бабкиной комнаты перекочевала к помойному баку, где ей было самое-то и место.

Андрей вышел на улицу, дождь перестал, но небо не прояснело. Такой удачный с утра, день оказался полным разочарований. Андрей неспешно шел по улице в сторону «Горьковской», глядя на прохожих в надежде увидеть среди них знакомое лицо. Домой ехать не хотелось. Как только он представлял себе, что вернется в дом, полный воплей идиотов, настроение становилось не плохим — плохим оно было и так, — отвратительным.

И вдруг взявшаяся неизвестно откуда странная мысль остановила его посреди улицы, он постоял на месте, раздумывая, потом повернул в обратную сторону.

Через полчаса он вышел из трамвая и, перейдя площадь Труда по недавно построенному подземному переходу, оказался на Красной улице, теперь ее переименовали в Галерную, но Андрей с детства знал ее как Красную. Давненько он здесь не бывал. Сначала он зашел во двор дома двадцать пять, здесь он жил с родителями до восемнадцати лет. У них была огромная комната на последнем этаже, их квартира была единственной жилой по всей лестнице, остальные двери были заколочены. Дом принадлежал музею истории Ленинграда, так что получилось, что он жил в музее. Предаваясь воспоминаниям, Андрей недолго простоял в своем дворе, не за этим он приехал сюда.

Дом Кристины, в той жизни она звалась Леной, был в конце улицы. Номера Андрей не помнил, помнил только, что не доходя до красивого особняка за решеткой.

С тех пор здесь все изменилось. Наверняка в той квартире жили уже другие люди, и надежды что-либо узнать не было, но Андрей решил все-таки использовать этот последний шанс. Лена жила на первом этаже с отдельным входом из двора. Удивительно, но дверь, покрашенная зеленой облупившейся краской, сохранилась именно такой, какой помнил ее Андрей, и окна на уровне земли с занавесочками...

Андрей позвонил, с другой стороны двери заскрежетал засов.

«И засов тот же», — подумал Андрей, дверь приоткрылась, в щели показалось старушечьё лицо.

— Здравствуйте, — начал он, но старушка прервала его.

— Заходите, заходите быстро.

Андрей оказался в премаленьком претемненьком помещении, откуда за хозяйкой прошел в прихожую. Старушка поспешно закрыла дверь и с облегчением вздохнула.

— У нас топят плохо, квартира вымерзает вся, — пояснила она свою торопливость. — Проходите в комнату.

На старушке была надета теплая кофта, повязанная сверху серым пуховым платком, а под халатом спортивные рейтузы. Она была с виду тучная: то ли по конституции, то ли от надетой в переизбытке одежде. Андрей, так и не успевший начать разговор, прошел вслед за хозяйкой в комнату.

— Вот эта комната, — сказала она, махнув рукой. — Живите на здоровье.

Андрей догадался, что его ошибочно приняли за кого-то другого. Он смутился, ситуацию нужно было исправлять.

— Меня зовут Андрей, а вас, извините, как?

— Мария Николаевна я, — почему-то удивленно сказала старушка, и только сейчас Андрей заметил, что у нее на редкость добрые и живые глаза.

— Я к вам не жить пришел, Мария Николаевна, — глаза старушки выразили удивление. — Я зашел спросить о девушке... Когда-то здесь жила девушка, ее звали Лена... Извините, фамилию не помню, мы учились в одном классе, — старушка глядела на Андрея округленными глазами молча, по чему он заключил, что ему удалось произвести впечатление. — Я ее, Мария Николаевна, разыскиваю.

Больше он не придумал, что сказать. Тучная старушка молча продолжала глядеть.

«Может, не поняла?» — подумал Андрей.

— Я, говорю, хотел бы видеть Лену, она здесь жила когда-то, — повторил он громче обычного, предположив у старушки от возраста слабый слух.

Все так же не моргнувшие ни разу глаза старушки вдруг переполнились слезами, и они потекли по щекам прямо под пуховый платок, но она все так же глядела на Андрея. Он смутился, не понимая, чем мог обидеть ее.

— Сядь, милый, — вдруг сказала она, ладонью вытирая щеки.

Андрей опустил на венский стул, стоявший возле накрытого ветхой скатеркой стола. Мария Николаевна села напротив, и снова тяжелая тишина повисла в комнате. Старушка молча смотрела на Андрея.

— Давно уже никто не спрашивал о Леночке, — проговорила она наконец. Она больше не плакала, но в глазах ее появилось что-то другое, более тяжелое и трогательное. — Давно, — повторила она и снова замолчала надолго.

— Да я, собственно... — начал было Андрей, когда совсем уж молчание сделалось невыносимым.

— Так вы учились с ней в одном классе? — перебила старушка. — А зовут вас как?

— Андрей меня зовут.

— Она была отличницей.

Лена никогда не была отличницей, Андрей об этом знал, но не стал спорить.

— Так вам неизвестно, что с ней случилось? — спросила старушка, достав из кармана носовой платочек и теребя его в руках.

— Нет.

Андрею как-то вдруг сделалось нехорошо на душе, что-то словно сдавило сердце.

— Она утонула, — вдруг сказала старушка тоном, предполагавшим, что об этом уже давно всем известно.

— Как утонула?! - краска бросилась Андрею в лицо, сердце учащенно заколотилось, перед глазами поплыли темные пятна. — Как утонула?! — он предполагал все что угодно, только не это.

Вид у него, должно быть, изменился так, что и старушка заметила. Она прошаркала на кухню, принесла ему стакан воды. Андрей был настолько потрясен услышанным, что был близок к обмороку.

— Как это случилось? — еле слышно проговорил он.

Старушка же успокоилась. Она села на прежнее место и сложила руки на груди.

— Не думала я, что еще кто-нибудь придет про Леночку спрашивать, ведь столько лет прошло.

Андрей поднес стакан к губам и допил оставшуюся воду.

— Что значит — столько лет... — проговорил он растерянно. — Почему лет?

Старушка пожалала плечами, провела по сухим глазам ладонью.

— Шесть лет уже скоро, — сказала она печально, — как Леночка ушла от нас.

— Что значит — шесть? Почему шесть?..

Но по лицу старушки он вдруг понял, что говорить дальше не следует, что нужно помолчать... В лице ее было столько горя и муки от запекшегося в душе горя, что ему сделалось страшно. Он понимал, что сейчас происходит нечто невероятное и лучше не говорить, а слушать.

— Как это произошло? — спросил он.

— Она бросилась с моста, — проговорила старушка, глаза ее опять наполнились слезами. — Не думала я, что опять вот так, — хотя платок был у нее в руках, она им не пользовалась, вытирая слезы ладонью. — И шесть лет не лечат, как вот вспомнила, так слезы сами собой... Вы уж простите. Она бросилась в Неву, несчастная любовь... Но зачем так!.. — слезы с новой силой хлынули у нее из глаз.

Андрей ничего уже не понимал и не старался понять.

— Она бросилась с Кировского моста, была осень, очень холодная вода... Я знаю, вода была очень холодная, — как в забытьи, говорила старушка, ее слова не относились к Андрею, она говорила сейчас и переживала то, что пережила уже тысячи раз. — Как она могла из-за этого человека...

— Из-за кого? — холодея внутри от догадки, проговорил Андрей.

Старушка словно очнулась. Все, что она говорила, было явно неосознанно.

— Что вы сказали?

— Я спросил, как его звали, — чуть смущенно проговорил Андрей.

— Его звали Геннадий, она называла его Гошей... Почему вы спрашиваете?

— Не знаю, — проговорил Андрей упавшим голосом. — Я уже ничего не знаю, Мария Николаевна... А у вас есть ее фотография? — Андрей сразу понял, что задал глупый вопрос, как же у матери может не быть фотографии дочери, но не нашелся как исправиться.

Старушка поднялась и, взяв с серванта фотографию в рамке, протянула Андрею.

— Это не она, — машинально, в задумчивости проговорил он. — Не она, — но старушка его не услышала.

С портрета на него глядела большеглазая девушка с косой, подбородок у нее был чуть великоват, скулы слегка выдавались вперед... нет, ничего общего с Кристиной, решительно ничего общего у нее не было. Совсем ничего. И в то же время Андрей вспомнил эту девочку. Это была она, его одноклассница, в которую он был влюблен, но так и не признался ей в

этом. А потом переезд на новую квартиру, новые знакомства...

Он, протянул портрет матери.

— Мне пора.

Старушка проводила его до двери.

— Вы, наверное, не знали, — сказала она уже в прихожей, — но Леночка была беременна. Я думаю, Бог накажет этого человека, из-за которого все произошло. — Я думаю, сильно накажет.

Глава 5

Она вернулась в небытие

Встречаются ИДИОТЫ, которые, как будто бы при целесообразной подвижности, эластичности мышц всех произвольных двигательных органов, все-таки остаются недоступными для внешних впечатлений, потому что они слишком поверхностны и слишком быстро сменяют одно другое, чтобы получилась какая-нибудь связь в представлениях, и так же бессвязно, хаотично выражаются, в их речах часто присутствует логика, но суждения их поверхностны. Возможно, от этого любимым занятием ИДИОТОВ данного психотипа является разгадывание кроссвордов.

— Представляешь, — наклонившись над кружкой пива, заговорщически шептал косматый и небритый человек своему товарищу, худому, в оправленных металлом очках, которые постоянно сползали с его носа, а он постоянно поправлял их, но очки все равно сползали. — Вчера по телеку показывали министра, так он прямо перед камерой обоссался. Своими глазами видел, и стоит как ни в чем не бывало, а у самого штаны мокрые. Честно тебе говорю...

— Да, — тяжело вздохнул худой, поправляя очки. — Я верю. У меня подруга тещи уехала в Москву, раньше она в дурике на Пряжке санитаркой работала, а там сын ее в Белый дом уборщицей пристроил, так она такого нарасказывала про этих депутатов и правителей... Жуть! — очкастый, прищурившись, покосился на Андрея, сидевшего рядом, и продолжал: — Говорила, что все они там с отклонениями, — постучал пальцем по виску, отчего очки у него мгновенно, как будто на ледяном носу, сползли на кончик и чуть не упали в пиво. — Натуральные придурки, как будто она из питерского дурдома в московский переехала. Можешь себе представить!.. Уж что они там в туалетах делают, да и так...

Андрей, не дослушав, встал взять себе еще сто водки.

— ...А что же по телевизору, ведь нормальные люди с виду, — услышал Андрей продолжение разговора, вероятно, он пропустил что-то очень важное, он понял это по обалдевшему виду косматого.

— В том-то и дело, брат, что с виду только. Их снимают в особом ракурсе, потом пленку всю изрезают, всю их шизуху оттяпывают, оставив, где они нормальные с виду. Вот же ты видел, как министр обоссался, значит, недосмотрели. Там у них, говорят, решение было принято Белый дом перекрасить в желтый цвет, да кто-то умный нашелся и дело это приостановил.

— Слушай, Паша, как же они тогда страной управляют?! Если все, что ты говоришь!.. Так я не знаю прямо...

— А чего ей управлять-то! Ты думаешь, я не справлюсь, когда мне столько заместителей, как у них, дадут. Каждый бы смог!.. Да и ты бы смог.

Андрей допил водку, бросил взгляд на участников разговора, собиравшихся управлять страной, и поморщился.

Сюда, в кафе, он зашел после разговора с матерью своей одноклассницы, зашел разобраться в своих мыслях и чувствах, уже выпил сто пятьдесят граммов водки, но так и не разобрался.

Когда он вышел из кафе, был уже вечер.

К своему дому Андрей подбирался с осторожностью. На своем обычном месте счастливого барабанщика не оказалось. Свет горел всего в шести окнах дома, отчего дом выглядел не полностью заселенным. На лестнице было тихо, уродские жильцы утомонились сегодня раньше обычного.

Андрей с неприятным чувством открывал входную дверь, ожидая найти разложившееся тело Кошары. Запаха мертвечины в квартире не оказалось, только затхлость давно не проветриваемого помещения. Андрей зажег везде свет, обошел квартиру. Все осталось на своих местах, даже бардак... Хотя какие там свои места, ведь Андрею так и не удалось вспомнить двух дней перед больницей. Куда интересно делся Кошара?

Андрей обнаружил в холодильнике три яйца и пачку испорченного молока.

Он сварил себе картошки, сделал яичницу и устроился в кресле перед телевизором. Его охватило приятное чувство умиротворения, давно он уже не переживал такого — с того самого дня, когда встретил Кристину. Именно с того дня он окончательно лишился покоя. Сейчас он не хотел думать ни о Кристине, ни об ее матери, отгоняя от себя эти мысли, сейчас он хотел покоя, только покоя, пусть даже только внешнего. Зачем ему все это было нужно?! Вот она жизнь — полулежа в кресле кушать картошку с растительным маслом и плевать на все! По телевизору показывали депутатов госдумы. Андрей уже месяц не смотрел телевизор и сейчас увидел народных избранников другими глазами.

— Какой ужас! — сказал он и переключил на другой канал. Там демонстрировали фильм со Шварценеггером в главной роли, но и в лице мускулистого героя Андрей видел отклонения. Через некоторое время, увлекшись кровавым сюжетом, Андрей свыкся с его внешностью.

«Вот такое оно, счастье, — думал Андрей, — сидеть в тепле возле телевизора и знать, что никаких неожиданностей...»

В углу тихонько скрипнула дверца шкафа, Андрей повернулся на звук. «Куда это делось инвалидное кресло?» — подумал он, и тут... Андрей вздрогнул, лоб мгновенно покрылся крапинками пота, он поднялся из кресла, тихо, чтобы не зашуметь, поставив на стол тарелку, на цыпочках подошел к шкафу: из шкафа в щель чуть приоткрывшейся дверцы свисала нога в стоптанном ботинке. Нога, судя по малому размеру, принадлежала ребенку.

— Господи, этого еще не хватало, — прошептал Андрей.

Панический ужас вдруг охватил его. От самовнушенного покоя не осталось и следа. Он стоял и, склонившись, глядел на эту свисающую из шкафа ногу, не решаясь открыть дверцу. Жутко становилось от мысли, что в шкафу лежит труп, но еще более жутко, что это труп ребенка. Что делать?! Бежать из квартиры?! Вызвать милицию?! Что?!

Прошло неизвестно сколько времени, возможно, минута или полчаса, Андрей сделал над собой титаническое усилие. Он пальчиком толкнул дверцу, и она, мерзко скрипя, отворилась сама полностью.

В шкафу, скрючившись, зарывшись лицом в клетчатую рубашку Андрея, лежал человек.

Значит, пока Андрея не было дома, кто-то, скорее всего Юрий Анатольевич, затащил к нему в квартиру покойника, чтобы свалить на него убийство. Все чудно сходилось. Кошмар продолжался.

Первая волна страха миновала, Андрей уже мог принимать осмысленные решения. Поначалу он решил бежать отсюда навсегда, пусть потом сами разбираются. Хотя куда и зачем бежать, он, разумеется, не знал, возможно, на это и рассчитывал тот, кто труп подбросил. Не на того нарвались! Андрей перепрычет его куда-нибудь — да хоть бы в подвал, и дело с концом. Он, преодолевая обычный человеческий страх перед мертвым телом, протянул к нему руку... Но в следующее мгновение отдернул ее и отшатнулся. Ему почудилось, что тело пошевелилось. Андрей пригляделся к нему внимательнее, и тут... лежавший в шкафу человек застонал, перевернулся на спину и, сняв с головы рубашку Андрея, сел на нижней полке, спустив на пол ноги. Это оказался мужчина с взъерошенными волосами и густой щетиной на щеках, тело его было малого размера, поэтому Андрей поначалу и подумал, что это ребенок.

Мужчина, щурясь на свет, осмотрелся. Увидев Андрея, вдруг издал вопль ужаса, бросился в угол и, прижавшись спиной к стене, выставил вперед руку, в которой блеснул нож.

— Не подходите! Не подходите!! — закричал он пискляво. — А то я перережу себе горло!

Он и вправду приставил лезвие ножа к своей шее.

Андрей сам был готов с воплем ужаса броситься вон из комнаты, но, увидев такое неожиданное поведение человека, почувствовал, что, как ни странно, сила все-таки на его стороне.

— Ты чего разорался? — заговорил Андрей, сам удивляясь своему спокойствию, глядя на обезумевшего от страха человека с пренебрежением. — Влез ко мне в шкаф, рубашки помял и еще шею себе собираешься резать. Проваливай на помойку, там и режь.

Невысокий человек с ножом близоруко вгляделся в лицо Андрея.

— Так это вы, Андрей Николаевич?! — воскликнул он вдруг радостно, опустив нож и делая к Андрею шаг, как будто собираясь обнять его.

— А ты кто такой?

— Я Михаил Петрович! Помните?

— Какой еще Михаил Петрович?

Андрею казалось знакомым лицо этого человека, но где видел его, черт поймет!

— Ну, я Михаил. Помните? Я вас у вашей парадной ногами бил, так это я был... А потом в операционной у Юрия Анатольевича пугал....

— Вспомнил я тебя, гад!

Наконец в запущенном, низкорослом, измотанном страхом человеке Андрей признал шкета, который не любил рослых.

— Так ты чего ко мне влез, хочешь, чтобы я тебя по башке шарахнул...

— Андрей Николаевич, простите меня. Я был человеком подневольным, я не хотел вас бить. Но теперь я свободен, и я в беде. Теперь меня каждый рослый человек может обидеть, за мной охотятся, и это не шутки. Таких, как я, они прячут в психушки или устроят сердечный приступ... — голос его присекся, он вдруг выронил нож, закрыл лицо руками и заплакал навзрыд, как обиженный маленький мальчик. Он, плача, опустил на краешек

дивана.

— Кто за тобой гоняется-то, Юрий Анатольевич, что ли? — спросил Андрей, холодея внутри от страха, а может быть, ошиблась доктор Скунс, и Юрий Анатольевич жив.

— Если бы! — сквозь рыдания донеслось до Андрея.

Он сходил на кухню, принес чашку воды из-под крана. Он не испытывал ненависти к этому жалкому загнанному человеку, но и сострадания тоже. Михаил, всхлипывая, взял чашку из рук Андрея.

— Я не спал уже целую неделю, — сказал он, заглянув в чашку. — Кипяченая?

— Что? — не понял Андрей.

— Я спрашиваю: вода кипяченая?

— Из-под крана.

— О, нет, я из-под крана не пью.

Он протянул чашку Андрею.

— Я не спал неделю, — снова заныл он. — За мной гонятся уже неделю, мне с трудом удавалось уйти от них, но я знаю, что в покое меня не оставят.

Глаза у него были трагические. Видно было, что человек сломлен. Такие глаза Андрей однажды видел на фотографиях приговоренных к расстрелу в ГУЛАГе.

— Кто за тобой гонится?

— Спецслужбы, — ответил Михаил, оглядываясь, — фээсбэшники, такие здоровые, рослые ребята. Теперь, когда Юрий Анатольевич пропал, они переключились на меня... Помните, со мной был доктор, ну, мы вас еще вместе тогда били... Милейший, добрейший человек — его уже арестовали, — он помещен в психушку, и из него там сделают животное. И это все... Все это из-за чистейшего пустяка.

Он вновь закрыл лицо ладонями и разразился душераздирающими заразительными рыданиями; хотелось зарыдать с ним вместе, но приступ этот скоро прошел.

— Так из-за чего за тобой фээсбэшники-то гоняются? Ты что, шпион какой-нибудь, что ли? — поинтересовался Андрей, опускаясь в кресло напротив.

— Я знаю их тайну... — шепотом проговорил маленький человек. — Их государственную тайну. Я видел карточки из детских поликлиник многих влиятельных людей, стоящих у власти. Они мне этого не простят. Никогда не простят. Почти все члены правительства в детстве... — глаза у него были выпучены от значимости того, что он собирался сказать, но он вдруг прервался. — Я не скажу вам этого, я не хочу подвергать вас опасности.

— Ну и не надо. То, что они все идиоты, я и без тебя знаю. Вон стоит только новости по телевизору посмотреть.

— Послушайте, — заговорил Михаил снова. — Послушайте, это для вас шутка, нечто нереальное и даже, может быть, смешное, но я врач, я отвечаю за свои слова. Это тайна, которую клан, этот самый мощный мировой клан идиотов, постарается сберечь во что бы то ни стало и уничтожит всех нас, тех, кто проник в их тайну. В тайну их рождения и детства. Когда человек достигает высокого роста и положения, его детские карточки уничтожаются, а на их место кладут другие, где написана история болезней совсем иная. То же касается и школьных лет президентов и министров. По телевизору выступают их одноклассники, которые представляют их в таком свете, в каком нужно для поднятия их рейтинга. У них все просчитано имиджмейкерами. Телевидение показывает их в таком свете, как нужно государству... И неважно, поймите, совершенно неважно, кто у власти: коммунисты или

демократы, какой в стране строй: социализм или капитализм. У власти всегда стоят и будут стоять идиоты. Приглядитесь к их лицам, к походкам, к повадкам, прислушайтесь к их словам... Это страшная мировая машина! Она перемелет меня, я чувствую... И зачем я влез в эту политику?!

Он снова закрыл лицо руками и хотел зарыдать, но у него не получилось. Он убрал руки от лица и, посмотрев на Андрея, так и продолжавшего стоять перед ним с чашкой в руке, сказал:

— Вот так. Но у вас я ненадолго, я должен уйти. Я знаю, что рослые ребята из ФСБ уже вышли на мой след.

— Послушай, Миша, а как погиб Юрий Анатольевич? — спросил Андрей, присаживаясь на краешек кресла и переводя разговор на интересующую его тему.

— Юрий Анатольевич? — переспросил он. — Ах, Юрий Анатольевич. Так его утопили его жена с бабкой.

— Кристина?

— Конечно, Кристина. У меня такое чувство, что она для этого и появилась, чтобы убить его. Представился случай, ну вот она и...

— Как это?.. — у Андрея закружилась голова, он залпом выпил принесенную для Михаила воду, поставив чашку на стол, откинулся спиной на спинку кресла.

— Несколько лет назад неизвестно откуда появилась Кристина. Ни где она родилась, ни где прописана — ничего узнать о ней не удалось. Ну, а тут Юрий Анатольевич надумал жениться, но жениться не на первой встречной, а на женщине — на своем идеале, по своему чертежу. Тут как раз и подвернулась ее кандидатура. Только она из всех женщин, а их опросили около пятидесяти, согласилась на полное изменение внешности. Гениальный Юрий Анатольевич переделал ее и женился. Кристина зачем-то подставила своего знакомого Гошу, чтобы Юрий Анатольевич приревновал и изуродовал его. Полагаю, с Гошей у нее были свои счеты. Вот такая история. Но основная цель ее появления была в убийстве Юрия Анатольевича. Довольно паршивая история. Юрий Анатольевич был человек рослый и на нас, людей небольшого роста, смотрел сверху вниз, сволочь! Так ему и надо!

Ненависть к рослым людям пересилила в нем даже страх перед ФСБ.

— А где она теперь? — спросил Андрей.

— Кристина? — переспросил Михаил, словно не понял вопроса. — Она вернулась туда, откуда и появилась.

— Откуда? — Андрей пожал плечами. — Ты чего-то темнишь.

Михаил как-то странно, вымученно улыбнулся.

В дверь раздался звонок, вслед за чем стук, поначалу негромкий, костяшками пальцев, затем кулаками.

— Это за мной! — воскликнул Михаил и заметался по комнате, схватил с пола нож, побежал в кухню, потом в ванную и опять вернулся в комнату. Холерический его темперамент, зачем-то прогнав его по квартире, вернул на прежнее место.

— Я пропал, — сказал он, обессиленно опустившись на диван, и махнул ножом в воздухе. — Но живым я им не дамся!

— Спрячь ты нож, обрежешься, — посоветовал Андрей. — Давай сюда.

Чуть приоткрыв занавеску, он выглянул в окно и, убедившись, что под окном никто не стоит, распахнул его. Миша радостно вспрыгнул на подоконник и вдруг обернулся, обнял Андрея за голову, поцеловал в губы и спрыгнул в темноту.

— Тыфу! Придурок! — выругался Андрей. Он не успел вернуться от благодарности низкорослого человека и, сплюнув, пошел открывать.

За дверью уже не звонили, а, не переставая, барабанили кулаками. Андрей посмотрел в глазок и увидел, что на лестнице бесчинствует придурок с детским барабанчиком на шее. Андрей распахнул с силой дверь, так что разгулявшегося инвалида отбросило к перилам. Но дурачок ничуть не огорчился, а, наоборот, увидев Андрея, заулыбался и вдруг грянул барабанную дробь.

— Тебе чего? — рассерженно спросил Андрей.

Дурик барабанить перестал.

— Все уехали, а Андрюшу забыли, — плачущим голосам сказал он.

— Забыли... Почему забыли?.. — проговорил Андрей растерянно и некоторое время смотрел на гостя недоуменно, пока не понял, что Андрюшей зовут самого придурка.

Он заметил, что на лестнице стоит тишина. Уже давно не было тут такой тишины.

— Куда уехали? — спросил он, выглядывая из квартиры.

Андрюша молчал.

— Куда уехали-то? — он посмотрел вверх на лестницу.

— Андрюшу забыли, — снова сказал дурачок.

— Андрюшу не забыли, он сам остался, — возразил Андрей.

Он схватил дурачка за лацкан куртки и втолкнул в квартиру.

Оказавшись в квартире, Андрюша стал с интересом все оглядывать и трогать руками. Удивлению его не было предела.

Андрей накормил Андрюшу картошкой, после чего они вместе сели смотреть телевизор.

Андрюша говорил редко, в основном фразами короткими и не в тему, а просто когда хотелось говорить. Зато все, вместо слов, у него говорили эмоции, которые в изобилии отображались на лице. Телевизор он смотрел всем лицом, всем открытым ртом, всем телом и всей душой: хохоча, взвизгивая, плача, подпрыгивая и размахивая руками. Поначалу Андрея эти действия соименника забавляли, он никогда не видел такого живого телевизионного просмотра. Потом это стало раздражать, и он попросил Андрюшу успокоиться и сесть, на что тот тут же исполнил команду, но через пять минут вновь вскочил... И Андрей уже не обращал на него внимания. Особенно Андрюше нравилось, когда показывали Дом правительства или Государственную думу, тут уж он расходил, корчил рожи, хохотал и даже что-то говорил невнятное, будто встретившись со старыми друзьями.

Легли спать поздно, когда закончилась последняя из телепередач. Андрей постелил Андрюше на диване в кухне. Отобрав и спрятав барабан, в который, когда вдруг приходила охота, Андрюша начинал барабанить, заставляя с ужасом смотреть в потолок ошалевших подвальных бомжей.

Спал Андрей плохо, в крошечной тьме в поисках барабанчика блуждал Андрюша. Зрение дурачка было устроено как-то по особенному, должно быть, он видел в темноте то, что есть на самом деле при свете, или что-то, чего не видно и при свете, что-то свое глубоко личное. Несколько раз Андрей спросонья вскакивал, включал свет и видел Андрюшу, медленно бредущего через комнату.

Утром они позавтракали. Андрей достал из-под дивана спрятанный там барабанчик и вручил Андрюше.

— Стучи. А мне по делам съездить нужно.

ИМБЕЦИЛЬНОСТЬ — от латинского *imbecillus* — слабый, немощный — средней тяжести форма врожденного психического недоразвития.

Андрей стоял перед ободранной дверью квартиры Мелодия, не решаясь позвонить. Внутри него что-то томительно сжималось от страха. Откуда взялось это чувство, вернее, предчувствие, Андрей не понимал. Оно появилось, когда он уже подходил к дому. Андрей наконец нашел в себе силы надавить на кнопку звонка.

Дверь резко распахнулась, соседка Мелодия, растрепанная, в засаленном халате, с дымящейся «беломориной» в руке, стояла в дверях.

— Чего приперся?

Что-то с соседкой случилось. Андрей видел ее уже раз двадцать, но всегда она разговаривала более ласково и приветливо. Мелодий обычно воспитывал ее по-своему: руганью и затрещинами, оттого она и была кроткая.

— Я к Мелодию.

Андрей сделал шаг к двери.

— Нет никакого Мелодия, — она плюнула под ноги Андрею. — Спекся твой Мелодий, гадина. А обещал жениться. Я, говорит, на тебе женюсь, будем жить на мою нищенскую зарплату. А я, дура, губу раскатала.

Она скорчила как-то так высокомерно лицо и повела плечами, как барышня. У Андрея томительно заныло сердце.

— Как спекся? — проговорил Андрей, всем телом чувствуя надвигающуюся беду. — А жена его?!

— Какая жена!..

Андрей, уже не сдерживаясь, оттолкнул гнусную тетку и через коридор решительно прошел в комнату Мелодия.

— Ишь, шляется тут! — неслось ему вслед. — Ходят тут алкаши! Милицию сейчас вызову.

Андрей распахнул дверь в комнату Мелодия.

В комнате царил невероятный развал.

Комод стоял на прежнем месте. Андрей, глубоко дыша, с рвущимся из груди сердцем подбежал к нему — рванул на себя крышку... Комод был пуст. В нем было пыльно, лежала сухая гвоздичка со сломанным черенком. Эту гвоздичку подарил Марианне Андрей незадолго до своего попадания в больницу.

— Ну чего, милицию вызывать, что ли?! Слышь, ты, вызывать?!

Но Андрей действительно не слышал. Он метался по комнате, заглядывал под диван, в шкаф... На куче хлама вверх колесами лежала инвалидная коляска, Андрей отшвырнул ее...

— Где?! — Андрей не мог говорить от волнения и бешенства, руки его тряслись. — Где... Где... женщина?! — он держал соседку за лацканы халата и, отчаянно тряся ее, кричал прямо в лицо. — Где Марианна?! — он был в исступлении. — Где Марианна?!!

— Да господи! Да не знаю я...

Наглости соседки уже и в помине не было, ее как рукой сняло. Она, бледная, выронив хабарик, смотрела с ужасом на Андрея. Он и был с виду ужасен.

— Что вы... да и не знаю я никакой Марианны... — шептала она растерянно. —

Мелодия спрашивайте.

— Где Мелодий? — сквозь зубы процедил Андрей.

— В больнице, плохо ему стало. Я уж думала, помер, в больницу увезли. В Ленина на Васильевском. В Ленина увезли, там он лежит теперь, — она от страха заговаривалась.

Андрей оставил женщину в покое и вышел из квартиры. Он находился словно в состоянии сна и даже не заметил, как спустился во двор.

— О! Здорово! — перед Андреем стоял лысый рыжий человек, большой любитель поспорить, вечный соратник Мелодия в выпивках. — Ты чего, от Мелодия? За коляской, что ли, приходил?

— Где Мелодий? — спросил Андрей, близко подойдя к человеку, имени которого не знал.

— Так кондрашка егохватила. Ты как тогда ушел, он пить начал, и неделю мы с ним... Ну а тут паралич, здрасьте пожалуйста. Говорят, инсульт, теперь он лежит и даже выпить не может по-человечески, на уколах живет.

— Послушай... А где жена его... Марианна. Ну, помнишь, в комодке спала? — недоуменно смотрел на него рыжий. — Ну, помнишь, жена у него в летаргическом сне... — видя непонимание человека, начал пояснять Андрей.

— Ну, так чего ты мне объясняешь? Ты сам-то в своем уме, мужик?

Рыжий покрутил у виска пальцем.

— Что?! Почему?! — пот тек у него по лицу, но Андрей не замечал этого.

— Да ты ж сам ее забрал... Мелодий еще отдавать не хотел, так ты ему коляску привез инвалидную и ящик водки в придачу. Мелодия инсульт с этого ящика и настиг. А ты чего, забыл все, что ли? Тоже кирял сильно, видать? Ты смотри, когда голова отказывает — дело дрянь...

Андрей, не дослушав, повернулся и побежал. Взлетев по лестнице обратно в квартиру Мелодия, он отпихнул открывшую на звонок тетку-соседку в сторону, ворвался в комнату, бросился к инвалидной коляске, перевернул ее... и застонал.

Это была коляска, которую он купил в комиссионке. Андрей опустил в нее и обхватил голову руками. Но сидел так недолго...

Потом он видел себя, словно со стороны, бегущим куда-то по улице. С этого момента сознание включалось только на время. Он метался по городу до самого вечера. Побывал он в больнице, где лечилось неподвижное тело Мелодия. Но все вопросы, просьбы и мольбы были бессмысленны. Мелодий находился в состоянии абсолютного невосприятия окружающего мира. Мира этого для него не существовало... Потом... Где был Андрей потом, он не помнил, может быть, нигде или там же, где Мелодий...

Глава последняя, заключительная

Теперь, когда Андрей приходит домой, его встречает радостным барабанным боем Андрюша. Андрей моет его, кормит, стирает белье... Они живут дружно, когда Андрюша не капризничает, а капризничает он редко.

Но иногда Андрею кажется, что Андрюша не такой уж и дурачок, вернее, совсем даже не дурачок, что он осознанно выбрал для себя этот путь по жизни, ему так удобнее и спокойнее. Он не хочет становиться великим писателем, делать карьеру, не хочет выступать

в Думе, становиться министром или президентом. Спокойный путь существования для него и есть счастье. И Андрей начинает не только любить его, но и уважать, примерно как все уважают своего президента, не меньше; но Андрей все же не хочет, чтобы хитрый Андрюша догадался, что он догадался, поэтому он держит все в тайне.

Они так и живут, обманывая друг друга. Иногда, когда его одолевает беспричинная грусть, он достает из морозильной камеры холодильника коробку из-под торта и, открыв ее, долго любуется на дохлую Грехильду, которую не знал при жизни. Это было последним, что осталось у него от утопленницы, которую он любил.

В поисках исчезнувшей Марианны Андрей обошел все больницы, дома инвалидов, изрыл весь подвал своего дома... Теперь он уже сомневается, а была ли она вообще. Он не оставляет своих поисков, но иногда...

Он видит то, что уже видел когда-то... Видит наяву или во сне, он и сам не знает.

Андрей шел по набережной Невы. Стояла белая ночь. Набережная была пустынна. Вдалеке за домами уже готовилось взойти солнце, стояла тишина, свойственная всякому предрассветному утру. Не было видно ни машин, ни людей — город спал. Спало все: люди, птицы, деревья и кусты, дома и набережная тоже спали, лишь Нева чинно двигалась в своем гранитном обрамлении.

И тут Андрей увидел девушку. Она неторопливо шла по проезжей части, стройная, худенькая в темно-коричневом платье, с рыжими, распущенными по плечам волосами. Босоножки она несла в руке, и ее голые ступни мягко ступали по прохладному асфальту набережной. Счастливого человека видно сразу: он всегда отличается от прочих. Эта женщина была счастлива, она была счастлива от этого голубого чистого неба, от этой ночи, оттого, что можно вот так, не видимой никем, идти босиком... Что-то удивительно знакомое было в ее фигуре, Андрей неслышно следовал за ней, боясь нарушить ее блаженное одиночество. Он восхищенно любовался грацией и какой-то неземной легкостью ее движений, тем, как она, считая себя в одиночестве, пританцовывая, подпрыгивает, делая балетные па, иногда приседая в реверансе, иногда, вдруг пробежав несколько шагов, взлетала, замирая на миг в воздухе... делая все это настолько легко и непринужденно, что у Андрея останавливалось восторженное дыхание. В голове ее, должно быть, звучала какая-то музыка, Андрею даже начинало казаться, что и он слышит ее, что музыка прорывается в его сознание сквозь прохладную тишину ночи. Он не приближался к женщине, боясь спугнуть полет ее души.

Но вдруг она сама повернулась в его сторону, поманила рукой, губы ее что-то прошептали. Андрей остановился, он не разобрал слов. Впрочем, это было неважно. Она звала его, ждала его. Оказывается, он искал ее, всю жизнь искал только ее. Никогда Андрей не видел таких прекрасных женщин.

Она протянула ему навстречу руки. Андрей протянул свои... они встретились. Первые лучи солнца ударили из-за крыш домов.

— Сколько лет я ждал тебя, Марианна, — промолвил он, сжимая ее прохладную руку, глядя ей в глаза. — Я ждал тебя всю жизнь.

Держась за руки, они пошли по набережной навстречу восходящему солнцу.

— ...Я ждал тебя всю жизнь...

Из переулка, весело смеясь, выбегает девушка. Ее обнаженное тело кажется золотым в лучах восходящего солнца, она похожа на греческую богиню — так грациозны и прекрасны ее движения, она смотрит назад, в переулок, откуда, звонко стуча копытами, выходит

кентавр. Он нежно обнимает очаровательную девушку, склоняется к ней и целует долгим, страстным поцелуем. Девушка поднимается на цыпочки, вытягивается всем телом навстречу этому поцелую — она словно жадно пьет из губ кентавра упоительный напиток любви, пьет... и не может напиться. Они стоят так долго в упоительном, ненасытном поцелуе.

Андрей с Марианной, не глядя в их сторону, рука об руку идут навстречу восходящему солнцу. Для них не существует окружающего мира — его нет, есть только они, и это уже то единое, что никому не разъединить и не разрушить.

Из-за поворота лихо вырывается коляска со старухой инвалидкой. Она останавливается, из-под руки, приставленной козырьком ко лбу, смотрит вслед удаляющейся парочке долго. Потом, сжав кулак, грозит куда-то вдаль.

— Смотри у меня... Мужик!

Больше книг на сайте - Knigolub.net